

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Материалы IX Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 1150-летию славянской письменности
и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье

г. Оренбург

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического
университета

Ассамблея народов Оренбургской области

«ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ»

*Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 1150-летию славянской
письменности и Дню славянской письменности и культуры
в Оренбуржье*

Оренбург 2013

УДК 81`27:271.2(470.5)
ББК 81.411.2-006+86.372-16(235.55)
П68

Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе:
П68 материалы IX Всероссийской научно-практической конферен-
ции, посвященной 1150-летию славянской письменности и Дню
славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Орен-
бург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 442 с.
ISBN 978-5-4417-0343-7

В сборнике объединены материалы межрегиональной научно-
практической конференции «Православие и культура славян в Южно-
Уральском регионе», посвященной 1150-летию славянской письмен-
ности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье,
которая состоялась в г.Оренбурге 24 мая 2013 года.

В представленных материалах рассматриваются этапы этно-
культурного развития и духовные традиции славянских народов
Южного Урала, характеризуется положение русского языка и лите-
ратуры в системе славянской духовности, анализируется состояние
современной русистики, перспективы изучения славянских языков и
актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания
русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специ-
алистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими
исследованиями.

УДК 81`27:271.2(470.5)
ББК 81.411.2-006+86.372-16(235.55)

ISBN 978-5-4417-0343-7

© Коллектив авторов, 2013
© ООО ИПК «Университет», 2013

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**Уважаемые друзья,
участники IX Всероссийской научно-практической
конференции «Православие и культура славян
в Южно-Уральском регионе»,
посвящённой 1150-летию славянской письменности
и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье!**

Позвольте мне поприветствовать вас от имени Правительства Оренбургской области и лично Губернатора области Ю.А. Берга.

Объединяющими факторами, играющими большую роль в сохранении и развитии государства, являются язык и культура. Русский язык является государственным языком и сплачивает нашу большую, многонациональную страну.

В последнее время мы все острее осознаем необходимость осуществления на самом высоком государственном уровне поддержки русского языка. Как важного элемента культуры и средства межкультурной коммуникации. Пожалуй, ни один язык не сокращался так стремительно, как русский язык за последние двадцать лет. Не секрет, что сужение русского образовательного и культурного пространства происходит в большинстве стран, появившихся в 1990-е годы на постсоветском пространстве.

Поэтому, очень важно в нашем приграничном, многонациональном и поликонфессиональном регионе проводить этнокультурные и научные мероприятия, посвященные изучению различных аспектов развития русского языка и культуры, этнокультурного наследия славянских народов, роли православия в формировании социокультурного пространства.

Оренбургский край имеет богатые литературные традиции. Об этом нам с вами конечно хорошо известно. Оренбуржью посвятили свою творческую деятельность первый член-корреспондент Академии наук, замечательный исследователь Петр Иванович Рычков и великий русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков. С Оренбуржьем тесно связана судьба выдающегося государственного деятеля и ученого Василия Никитича Татищева. Здесь жил и собирал свой толковый словарь живого великорусского языка Владимир

Иванович Даль. С Оренбуржьем связано литературное творчество Александра Сергеевича Пушкина. Почти десять лет в различных местах обширного степного края провел украинский кобзарь Тарас Григорьевич Шевченко.

Широкую известность и признание общественности получили произведения русских писателей-оренбуржцев Юрия Васильевича Бондарева, Владимира Васильевича Карпова, Ивана Сергеевича Уханова, Петра Николаевича Краснова, Николая Федоровича Корсунова и многих других.

Проведение в рамках Дня славянской письменности и культуры в Оренбуржье научно-практических мероприятий, посвященных изучению традиций славянской культуры, ее роли в формировании этнокультурного пространства Оренбургского края стало доброй традицией. Сегодняшняя конференция уже восьмая по счету. По итогам проведения этих конференций изданы пять сборников материалов («Мир славянской письменности и культуры» (2006 г.), «Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье» (2007 г.) и «Слава Вам братья, славян просветители» (2008 г.) и «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» (2011 и 2012 гг.).

Проведение в рамках Дня славянской письменности и культуры научных конференций призвано служить популяризации русского языка и культуры славянских народов, изучению различных аспектов современной русистики и литературоведения, а также расширению исследовательской базы по славянской культурологии. Уверен, что сборники материалов этих конференций найдут своего заинтересованного читателя.

Разрешите ещё раз поздравить всех собравшихся здесь с началом работы IX Всероссийской научно-практической конференции «Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе».

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых научных открытий.

Бекасова Е. Н. (Оренбург)

**«ПРАВДИВЫЕ СКАЗАНЬЯ» О КРЕЩЕНИИ РУСИ
(к 900-летию создания «Повести временных лет»)**

*Светлой памяти Лидии Сергеевны Паниной
– человеку, который «теплил науку в других»*

Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употреблённых другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего.

Н.М. Карамзин [Карамзин 1993: 7]

В 2013 году сплелись две великие даты – 1150 лет создания первой славянской азбуки и 900 лет «Повести временных лет»: без просветительской деятельности Кирилла и Мефодия не было бы нашей главной летописи.

«Повесть временных лет» является уникальным памятником мировой литературы, в которой древнерусские книжники в течение многих десятилетий, как пчёлы в соты, собирали исторические сведения от сотворения мира по летам. В статье под 1037 годом летописец Нестор писал: *«велика бо бывает полза от ученья книжного; книгам бо кажеми (наставляемы) и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаемъ и воздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина»* [ПВЛ, 66].

Составитель «Повесть временных лет» летописец Нестор за своё книжное подвижничество почитается как святой. Его творение, описывающее мировую и русскую историю до 1113 г., открывало любую русскую летопись вплоть до XVIII в. Это произведение, «родное для всякого русского человека» [Лихачёв, с. 271], само становится *«исходящем мудрости»* и сопровождает общественную, политическую и культурную жизнь вплоть до Петра I, который не только, как и все предшествующие правители государства русского, воспитывался на летописях, но и первым начал собирание летописей и потребовал их издания.

Однако и в новое время средневековый труд книжников оказался востребованным – он пройдёт путь и славных героических летописей, и камерных семейных хроник, и историй «села Горюхина», и снявших верхний – пенистый и отхожий – слой историй правителей М.Е. Салтыкова-Щедрина...

Однако такой величественный и насквозь пронизанный достоинством и любовью к русской земле и значимый на протяжении многих веков памятник, естественно, становится объектом дискредитации и фальсификации. Но время всё расставляет на места – достаточно привести данные археологических разысканий, которые досконально подтверждают точность летописного повествования. Как справедливо утверждает Д.С. Лихачёв, «Повесть временных лет» «является как бы частью подлинной действительности того времени» [Лихачёв, с. 358].

Однако объективность исторических описаний, помноженная на спор между истиной и правдой, заставляет задуматься над летописной реальностью, тем более что сентенция Сервантеса об историках, которых надобно вешать на площади как фальшивомонетчиков, актуальна всегда, хотя и с поправкой на времена и нравы. Наивно думать, что летописные тексты и их своды не подвергались определённой правке политического, общественного, религиозного толка – владение историей всегда было владением мира. Но кропотливый труд летописцев не имел того размаха подчисток и замалчиваний, искажений и «переоборотов» (А.С. Пушкин), каких достигли впоследствии «фальшивоисторики». К летописцу можно с полным правом отнести восприятие великих людей А.С. Пушкиным, защищавшим их величие и достоинство от толпы, которая «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего» [Пушкин 1941, с. 524].

Гениальное провидение А.С. Пушкина предоставляет нам возможность всмотреться в образ русского летописца, который свой «*труд усердный, безмянный*» считает исполнением «*долга, завещанного от бога Мне, грешному*» – «*Недаром многих лет Свидетелем господь меня поставил И книжному искусству вразумил*» [Пушкин, II т., с. 428]. Полное отсутствие личных амбиций, минимальный индивидуализм и восприятие летописания как боговдохновенного дела определяют ответственность летописца перед своими потомками – прежде всего «*монахом трудолюбивым*», который, «*пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет, Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих царей великих поминают, За*

 их труды, за славу, за добро – А за грехи, за тёмные деянья Спасителя смиренно умоляют». Он и своим саном («Тогда уж и меня Сподобил бог уразуметь ничтожность Мирских сует» [Пушкин, II т., с. 431]), и знанием, и восприятием мира поднят над мелочностью сиюминутных страстей: «Минувшее проходит предо мною – давно ль оно неслось, событий полно. Волнуясь как море-окиян? Теперь оно безмолвно и спокойно» [там же]. Отсюда его привлекательность даже для Гришки Отрепьева, дерзнувшего выстроить свою историю: «Как я люблю его спокойный вид, Когда, душой в минувшем погружённый, Он летопись свою ведёт ... Ни на челе высоком, ни во взорах нельзя прочесть его сокрытых дум; Всё тот же вид смиренный, величавый...» [Пушкин, II т., с. 429].

А.С. Пушкин, изучавший «старинные наши летописи» [Пушкин, V т., с. 237], воспринимал летописца своим гениальным чутьём Поэта. Оценивая деятельность «первого нашего историка и последнего летописца» – Н.М. Карамзина [Пушкин, V т., с. 191], А.С. Пушкин подчёркивал его «целых 12 лет жизни безмолвных и неутомимых трудов», а «Историю государства Российского» оценивал не только как «создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [Пушкин, V т., с. 93]. От древних летописцев в наследие Н.М. Карамзину достались «добросовестный рассказ» и «краски» – «нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи» [Пушкин, V т., с. 191].

Сам Н.М. Карамзин проблему достоверности решает просто: «История не терпит вымыслов, изображая что есть или было, а не что быть могло. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях» [Карамзин, с. 9]. И именно «действия и характеры», и по Н.М. Карамзину, и по А.С. Пушкину, составляют настоящую цену истории, а в дееписании мужей и заключена мудрость летописи [Пушкин, V т., с. 191].

Однако в летописях – «вполне достоверных исторических источниках» [Шахматов, с. 378] – имеются определённые отклонения от действительности, сдобренные вымыслом.

А.А. Шахматов, предпринявший беспримерные в мировой науке разыскания древнейших русских летописных сводов и реконструировавший с высочайшей точностью и достоверностью на основании различных списков и редакций «Повести временных лет» древ-

нейшие летописи с 1039 года, первым указал на то, что осью, на которой крепилось летописное повествование, было сказание о начале христианства на Руси. При этом А.А. Шахматов с безупречной убедительностью реконструирует фактическую часть крещения в древней версии, и её переработку в последующих сводах.

Что же повлекло вытеснение фактов предыдущих версий и появление ряда несообразностей, противоречащих – на первый взгляд – исторической правде? И это несмотря на то, что А.А. Шахматов постоянно подчёркивает честность и достоверность повествования летописца (и Нестора, и его предшественников), который «верно передавал» факты [Шахматов, с. 73], не мог «умышленно умолчать» [Шахматов, с. 67], всегда разбирался в источниках и «подыскивал причины» [Шахматов, с. 95, 97] и под.

Но свивая сказочность и легендарность седой старины со свидетельствами очевидцев или книжного источника летописец должен был выстраивать свою версию.

Всё это не только не опровергает исторической основательности и значимости летописи, но усиливает её: сама летопись творила историю, потому что «народ с жадностью внимал сказаниям летописцев» [Карамзин 1993: 6]. Как верно подметил Н.М. Карамзин, это обусловлено особенностью подхода к истории: летописцы в своём кропотливом труде, в том числе и редактировании текста, «смотрели единственно на время», а не «на свойства и связь деяний», как современные историки [Карамзин 1993: 11].

Время определяло для летописца и реальность события, и его значимость, и его последствия. Время было тем оселком, на котором заострялась реальность, направленная в будущее. Оно могло высветить то главное, на чём должна выстраиваться новая реальность, чем должны жить новые люди, отсеяв плевелы, не отказавшись от негодного бывшего. В сбывшемся было *так*, но время требует созидать, извлекая уроки из свершившегося и свершённого. И летописец в своих записях по годам устремлялся к соединению слова и дела, веря, что слово может воплощаться в новом деле нового времени. В этом плане объективность летописца, поддерживаемая стыдом и совестью, направляемая Богом, была самой высокой пробы.

И тем не менее, в самом значительном летописном своде имеются нарушения логики изложения фактов и разночтения даже в повествовании о величайшем событии – Крещении Руси, лёгшим, как доказал А.А. Шахматов, в основу древнейших летописей.

По А.А. Шахматову, который с безупречной убедительностью реконструирует события крещения в древней версии, князь Владимир крестился под воздействием убедительных речей пришедшего в Киев в 886 году греческого философа, вероятно, Киеве или Василеве. Но в «Повести временных лет» это подаётся как *«се же не сведущи право, глаголють»* [ПВЛ, с. 50], и «правой» определяется иная версия, которая, как пишет А.А. Шахматов, «находит себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации» [Шахматов, с. 115].

В этом летописном своде князь Владимир, готовый было уже встать *«о десную»* с Богом, медлит – *«Пожду и еще мало», хотя испытати о всех верах»* [ПВЛ, с. 48], посылая только на следующий год 10 «испытателей» вер, в итоге крестившихся в Царьграде и объяснивших свой порыв не только красотой византийского обряда, но и принятием там же православия княгиней Ольгой, бабкой князя Владимира, которая *«бе мудрешии всех человекъ»* [ПВЛ, 49].

«Мужи добры и смыслены» были убедительны – было решено принять крещение, *«где любо»* Владимиру [там же].

Но он не только не торопится становиться христианином, но и в следующем, 988 году, идёт войной на византийский город Корсунь. Именно введение в поздние летописные своды «второй половины или даже последней четверти XI в.» [Шахматов, с. 102] Корсуньской легенды обусловило нелогичность и растянутость окончательного текста летописного повествования, но при этом соединились «факт крещения Владимира с фактом победы над греками» [Шахматов, с. 116] и устранилось неприемлемое для летописца-христианина завоевание уже крещённым Владимиром христианского города.

Сам факт крещения Руси и резкого поворота к новой религии Владимира представляется явлением до сих пор духовно-таинственным и закрытым завесой времени даже для первых летописцев. Митрополит Иларион в своём знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (между 1037–1943 гг.) над гробом Владимира вопрошал: *«Како верова? Како разгореса въ любовь ко Христову? Како въселился въ тя разум выше разума земляныхъ мудрець?... Како взиска Христа, како предася ему? Повеждь нам, работъ твоимъ, повеждь же, учителю нашъ! <...> Дивное чудо»* [Ил., с. 46].

Известный историк русской церкви А.В. Карташев феномен крещения сладострастного язычника, только что принёсшего двух христиан в жертву своим идолам, также считает проявлением чуда

перерождения сильной и широкой природы в поисках света и мира – «воссиявший в сердце его разум» помог войти в святую купель [Карташев, с. 110–117], что созвучно выводам Илариона: *«Съвлече же ся убо каганъ нашъ и с ризами ветъхааго человека, съложи тленна, отрясе прахъ неверия и вълезе въ святую купель»* [Ил., с. 47].

Следует согласиться с А.А. Шахматовым, что «чудесные события, приведшие Русь к крещению, будили фантазию, давали пищу поэтическому творчеству» [Шахматов, с. 102]. Летописцам необходимо было осмыслить, как *«Володимеръ же просвещень самъ, и сынове его, и земля его»* [ПВЛ, с. 54], соединить эти события, затуманенные временем, политическими намерениями и государственными тайнами, овеянные чудом просвещения верой и книжностью, в *со-бытие*, значимое и знаменательное для потомков.

И в «Повести временных лет» в качестве объясняющего корсунскую осаду разрабатывается мотив добывания Владимиром невесты династии единственных истинных императоров вселенной. Видимо, это было продолжением притязаний ещё легендарной Ольги, в гениальном своём промысле пожелавшей «выйти из чёрного тела варваров» [Карташев, с. 99], снискав невесту семьи византийских василевсов своему сыну Святославу, но императорский двор, как замечает Карташев, показал «глухоту и слепоту к христианским возможностям нового великого народа» [Карташев, с. 101].

Владимир, выполняя завет своей бабки, берёт реванш, заставив силой вернуть долг византийских императоров Василия и Константина за помощь в подавлении восстания Варды Фоки. Родство с сестрой византийских императоров «открывало надежды на получение от Византии всех благ и секретов от первенствующей во всём мире культуре и прочного вхождения проснувшегося русского варвара в круг равноправных членов христианской семьи народов» [Карташев, с. 116].

Однако справедливость притязаний Владимира не вписывалась в благостную картину реального христианского князя, подобного великому Константину, – *«се есть новый Константинъ великого Рима»* [ПВЛ, 58], – *«как тот с матерью своей Еленой веру утвердил по всему миру, так и Владимир со своей бабушкой Ольгой веру утвердил по земле своей»* [Ил., 48].

Так и возникла новая, но чрезвычайно важная для будущего Руси версия сказания о начале христианства на Руси, о причинах которой А.А. Шахматов писал: «Я не сомневаюсь в том, что великое со-

бытие это сосредотачивало на себе напряжённое внимание последующих поколений русских людей» [Шахматов, с. 115].

Владимир, познавший «*Бога сам*», призвал к этому своих людей, ставших новым христианским народом. Летопись обязана была утвердить богоизбранность новых, но не последних: «*и мы въ обновленъе жизни поидемъ... Ветхая мимоидоша, и се быша нови люди христьянскии, избрани Богомъ*» [ПВЛ, 50], «*новые люди си, им же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе, Бога истиннаго*» [ПВЛ, 54], «*нови людье, просвещении Святымъ Духомъ*» [ПВЛ, 58], «*радовашеся Ярославъ, а врагъ сетовашеться, побежаемъ новыми людьми христьянскими*» [ПВЛ, с. 67].

Так «*събытсся пророчество на Русьтеи земли*» [ПВЛ, с. 51], которое принадлежит призванному первым ученику Христа. Поэтому в «Повесть временных лет» также вводится легенда об Андрее Первозванном, которому для апостольского служения был положен Восток с будущей Русью. «*Святый Ондрей, брат Петровъ*» [ПВЛ, с. 9], прорицавший почти за девять веков до Крещения Руси будущую славу Киева, «*яко на сих горах восияетъ благодать Божия*» [там же], сообщил апостольское измерение Руси не только теологически, но и исторически. И вслед за летописцами уже Иван Грозный с уверенностью отстаивает самобытность церковных обрядов от апостола Андрея: «Греки нам не евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат св. Петра, приходил в эти страны» [цит. по: Карташев, с. 49].

Желание «*причтеся к великимъ языцемъ*» было чрезвычайно острым на Руси, поэтому в «Повести временных лет» встречается анахронизм – к князю Владимиру приходит философ по имени Кирилл, что даёт основание ряду исследователей [Карташев; Трубочёв] отнести первое крещение Руси к хозарской миссии Кирилла (незадолго до 863 г.). А в Софийской кормчей XIII в. начало Устава князя Владимира свидетельствует о том, что он «*восприял святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха царьгородьскаго*» [цит. по: Карташев 1993: 92] – учителя Константина-Кирилла, который в своё время крестил болгарского царя Бориса.

В этом символическом стремлении утвердиться на равных новому народу, способному «*истинныя благодети удержатъ учение*» [Ил., 38], было желание отстоять своё государство и церковь «от обидного и узкого круга аристократического деспотизма греков» [Карташев, с. 160] и агрессивности католической церкви.

Для древнерусского книжника реальным было осознание значимости своей земли, её славы и известности, причём Владимир получает более высокий статус, чем новый Константин: *«Хвалит же похвальными гласы Римская страна Петра и Паула... Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыми похвалами велика и дивна сътворившааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеи земли, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже ... мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослуша въ странахъ многах, и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведомее земли владычествоваша, нѣ въ Руське, иже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»* [Ил., 44].

В связи с этим нравственная ответственность летописца перед Временем, Русской землёй и Богом была чрезвычайно высокой, гораздо важнее истории как голого факта: он писал «священную книгу народов». Поэтому отклонения от прямой исторической линии были важны для летописи – они придавали событиям объёмность времени, ибо накапливались и осмыслялись не только с точки зрения прошлого, но всегда оттачивались на оселке будущего – в величии которого не сомневались!

Поэтому в летописи «нет и тени сознательной выдумки: всё, что в ней описано, принималось летописцем за действительность – были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописца. Вот почему «Повесть временных лет» не только повествует о русской истории, но сама является одним из существеннейших проявлений русской жизни, русской истории, русской культуры той поры» [Лихачёв, с. 358].

Источники:

Ил. – Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева и др. – Т. 1 (XI–XII века). – СПб.: Наука, 1997. – С. 26–61.

ПВЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.

Литература:

Карамзин Н.М. История государства Российского / Коммент. А.М. Кузнецова. Т. I–IV. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 560 с., ил.

Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 1: Очерки по истории русской церкви. – М., 1993. – 686 с.

Лихачёв Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста,

перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 271–358.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. V. – Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. – 708 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Поэмы. Сказки. Драматические произведения. – Т. II. – Санкт-Петербург: Библиополис, 1993. – 624 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. – Т. 14. Переписка 1828–1831 гг. – М.: АН СССР, 1941. – 548 с.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. – М.: Академический Проект. Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.

Злобин Ю. П. (Оренбург)

ПРИНЦИП ВЕРОТЕРПИМОСТИ ЕКАТЕРИНЫ II. ЕГО ПРОВОДНИКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Основы толерантной вероисповедной политики в Российской империи были заложены в последней трети XVIII столетия Екатериной II. В своем «Наказе» Комиссии для составления нового Уложения (1767 г.) она писала: «В столь великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредным для спокойствия и безопасности граждан был порок – запрещение их различных вер»¹. За месяц до созыва Уложенной комиссии в мае 1767 года императрица совершила путешествие по Волге на флотилии из четырех галер. На пути от Твери до Казани она побывала в Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде, Чебоксарах, Симбирске. Знакомство с Поволжским краем обогатило императрицу знанием местных реалий, истории, традиций и обычаев народов России. В ходе этого путешествия определилась позиция Екатерины II в отношении раскольников и представителей других конфессий, по отношению к которым проявлялись элементы религиозной нетерпимости. Так, императрица с осуждением отметила дух гонения, который присутствовал среди православного духовенства Нижнего Новгорода в отношении иноверцев и раскольников, вандализм казанских православных иерархов в отношении мусульманских святынь, находившихся на месте древнего города Булгар. Она осознала, насколько важно сохранить мир в крае, населенном представителями различных народностей и конфессий, и как быстро можно его разрушить².

Идеология мирного сосуществования различных конфессий, в приверженности которой Екатерина II утвердилась в ходе путешествия по Волге, впоследствии была реализован в ее указе Святейшему Синоду от 17 июня 1773 года «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам». В нем говорилось: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество из тех же правил, сходствуя Его святой воле в сем поступить изволит, желая только, чтобы между подданными всегда любовь и согласие царствовали»³. В соответствии с этим указом мусульманским муллам и буддистским ламам назначалось содержание из государственной казны, которое иногда превышало средства, выделяемые на содержание православного духовенства. Мусульмане получили свободу строить мечети и религиозные школы, и правительство помогало им в этом.

В Оренбургском крае, где местные киргизы (казахи) еще пребывали в полужычестве, светская власть поддерживала миссионерскую деятельность мусульманского духовенства. В 1788 году по инициативе генерал-губернатора Уфимского и Симбирского наместничеств барона О.А. Игельстрома в Уфе была создана исламская управленческая структура – Оренбургское Магометанское Духовное собрание, имевшая целью воспрепятствовать негативному влиянию среднеазиатского духовенства на казахское население Оренбургского края, Тобольской и Томской губернии, Северного и Центрального Казахстана. На основании именного указа Екатерины II, отправленного из столицы О.А. Игельstromу, в казахские кочевые роды стали посылаться муллы из казанских татар – подданных императрицы. Одновременно организовывались религиозные школы для казахских мальчиков. Эти меры привели к институционализации ислама в казахской степи и подчинили полужызичников-казахов специальному религиозному управлению, находившемуся под контролем российской светской власти⁴.

Провозглашенный Екатериной II принцип веротерпимости стал реакцией на назревшую потребность в проведении гибкой религиозной политики в отношении неправославного населения империи. Он коснулся даже такой наименее защищенной юридически, но терпимой государством конфессии, как старообрядчество. Уже в самом начале ее царствования, 14 декабря 1762 года, вышел в свет указ Сената

«О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом у сего реестре»⁵. Этим указом расширялся перечень территорий, на которых разрешалось поселение старообрядцам, возвращавшимся из-за границы. Помимо окраин империи им разрешалось селиться в некоторых центральных губерниях: Воронежской, Белгородской и Казанской. Но при этом для старообрядцев-переселенцев, как и для старообрядцев-россиян, сохранялись существовавшие ограничения в правах, в том числе двойная подушная подать, запрет поступления на государственную службу.

Основной принцип конфессиональной политики, заложенный Екатериной II, получил развитие в царствование Александра I. В результате успешных войн с соседними государствами и наполеоновской Францией Россия приобрела Финляндию, Польшу, Белостокскую область, Бессарабию, Грузию, Азербайджан, приступила к завоеванию Кавказа. Географическое расширение страны сопровождалось включением в состав России завоеванных территорий и добровольно присоединившихся новых народов, исповедовавших свои исторически сложившиеся религии и культуры. Значительный территориальный рост России побудил этого императора возродить в структуре управления империей фактически упраздненный Павлом I институт генерал-губернаторской власти, с одной стороны, а с другой – создать в системе центральных учреждений специальное ведомство, занимавшееся делами религий. В 1810 году было образовано Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий, в компетенцию которого входили надзор и контроль над деятельностью неправославных конфессий, выработка государственной политики по отношению к каждой из них. Однако это ведомство само неоднократно реформировалось с понижением своего первоначального статуса. В 1817 году оно было включено в качестве Отделения духовных дел иностранных вероисповеданий в Департамент духовных дел Министерства духовных дел и просвещения, в 1824 году стало Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий в составе Министерства народного просвещения, а затем в качестве Департамента с тем же наименованием было передано в Министерство внутренних дел⁶.

По этой причине в регионах с инонациональным (преимущественно нерусским) населением генерал-губернаторы, являвшиеся высшим должностным лицом местного управления, стали главными регуляторами процесса взаимодействия Российского государства с

неправославными религиозными конфессиями. Любопытен сам подбор генерал-губернаторов с точки зрения их конфессиональной принадлежности. Он свидетельствует о веротерпимости, характерной для Российской империи в XIX – начале XX века. С 1801 по 1917 год на генерал-губернаторской должности на постоянной основе находились 203 должностные лица, выполнявшие свои обязанности на постоянной основе. В их рядах, по нашим подсчетам, было 155 православных (или 76,3%), 39 протестантов (19,2%), 8 католиков (3,9%) и 1 униат (0,5%)⁷.

Сложившиеся на исходе XVIII века основы российской законодательной системы, регулировавшей правовой статус религиозных меньшинств, были дополнены и развиты в первой четверти XIX века при императоре Александре I. Иерархия вероисповеданий, выстроенная в его царствование, была основана на мере расхождения вероучения каждого из них с догматами Православия. В иерархическом ряду вслед за господствовавшей Русской Православной Церковью, управлявшейся обер-прокурором Святейшего Синода и через него подчиненной самому императору, стояли лютеранская и армяно-григоринская церкви, затем католическая и униатская церкви. Далее следовали иудеи, мусульмане и буддисты-ламаисты. Терпимыми властью, но лишенными особых привилегий были русские старообрядцы, меннониты и баптисты, сибирские шаманисты и самоеды-язычники. Общины молокан, духоборцев, субботников, скопцов, хлыстов и иных крайних, порою тоталитарных сект были непризнанными, нетерпимыми и гонимыми в Российской империи⁸.

В своей деятельности генерал-губернаторам постоянно приходилось учитывать это иерархическое распределение религиозных конфессий. Высшие местные администраторы генерал-губернаторского ранга (наместники, генерал-губернаторы, главноуправляющие) полагались на духовенство других вероисповеданий как на посредника в своих гражданских отношениях с коренным населением. Однако они, озабоченные встраиванием в систему государственного устройства империи подведомственных территорий, в повседневной практике руководствовались принципом взаимной лояльности: лояльность власти в обмен на лояльность населения. По этой причине национальные и конфессиональные интересы народов, населявших Российскую империю, реализовывались не в полном объеме, учитывались в той мере, в какой это было выгодно власти для сохранения государственного единства.

Русификаторские процессы и жесткий религиозный прессинг пришлось испытать на себе католикам-полякам, которые с оружием в руках дважды пытались вернуть себе независимость. Если в 1815–1829 годах конфессиональная политика в отношении католической церкви на западных окраинах империи отличалась исключительной толерантностью, то после Польских восстаний 1830–1831 и особенно 1863–1864 годов на смену ей пришла политика постоянного давления на нее. Верховные региональные администраторы в Польше наместники И.Ф. Паскевич (в 1832–1856 годах) и Ф.Ф. Берг (в 1863–1874 годах) не без основания расценивали католических священников в качестве идеологов и застрельщиков сепаратистских тенденций в польском обществе⁹. Однако их курс по отношению к этой конфессии заметно различался. Подавив восстание 1830–1831 годов, расправившись с его непосредственными участниками, светлейший князь И.Ф. Паскевич встал на путь поиска компромисса с польскими подданными Николая I из числа местных аристократов и церковных иерархов. Имперская власть в его лице поддерживала вплоть до смерти наместника в 1856 году сословные шляхетские привилегии и консервативные клерикальные настроения. В компетенцию католической церкви вернули брачные дела, был отменен гражданский брак, не освященный этой церковью. Одновременно в соседних Литве, Белоруссии и на Украине с целью предотвращения массового перехода униатов в католичество и ограждения их от польского влияния в 1839 году униатская церковь была включена в состав Русской Православной Церкви, а в 1875 году вообще прекратила существование. В итоге в православие усилиями литовских, белорусских и малороссийских генерал-губернаторов было обращено 1,5 миллиона униатов. Сопrotивлявшихся этой миссионерской практике униатских священников и прихожан ждали репрессии: аресты, высылка в отдаленные губернии, отправка в православные монастыри¹⁰. Преемники И.Ф. Паскевича на посту наместника князь М.Д. Горчаков, граф К.К. Ламберт (католик по вероисповеданию), граф А.Н. Лидерс, великий князь Константин Николаевич Романов продолжили поиск конструктивного диалога с польской светской и церковной аристократией, но желаемого результата не добились. Ответом стали покушения на жизнь А.Н. Лидерса и прибывшего ему на смену великого князя Константин Николаевича Романова в июне 1862 года, а затем массовое антироссийское восстание¹¹.

Иная ситуация сложилась накануне и в ходе восстания 1863–1864 годов, когда католическая церковь выступила в качестве самостоятель-

ной политической силы, оппозиционной по отношению к российской власти. В сентябре 1861 года группа епископов подала графу К.К. Ламберту адрес с требованием вернуть католической церкви права и привилегии, утраченные ранее, включая право прямых контактов с папой римским по делам религии. После введения военного положения в Царстве Польском были прекращены богослужения во всех костелах Варшавской епархии в знак протеста, а ксендзы стали активными участниками антиправительственных митингов и демонстраций. Подавив это восстание в 1864 году, новый наместник Царства Польского граф Ф.Ф. Берг составил обширную программу деполонизации региона, официально переименованного в Привислинский край. Заметное место в ней было уделено умалению влияния римско-католической церкви. Осенью 1864 года специальным указом было закрыто около 110 католических монастырей из существовавших 200, а в оставшиеся монастыри был резко ограничен прием новых послушников. В 1865 году с целью подрыва материальной независимости католической церкви была проведена секуляризация всей церковной недвижимости. В 1867 году, после разрыва конкордата с Римом, католическое духовенство в Польше, ранее подчинявшееся по духовным делам папе римскому, было переведено под контроль Римско-католической духовной коллегии в Петербурге, ставшей посредником между папой и клиром¹². Наместник граф Ф.Ф. Берг даже предпринял идеологическое обоснование проводившейся репрессивной политике в отношении католических священников. Он поручил в 1864 году одному из своих подчиненных Н.В. Бергу собрать и опубликовать материал по истории польских восстаний, в котором помимо роли польской аристократии была бы показана и значительная роль католического духовенства в формировании антироссийских настроений¹³.

Еще более жесткие меры против католического духовенства были осуществлены в Литве и Белоруссии военным генерал-губернатором Северо-Западного края М.Н. Муравьевым, получившим за свою репрессивную деятельность титул графа Виленского. Вопреки запрету на публичные казни, введенному императором Александром I в начале XIX века, он применил их к участникам повстанческого движения. Череду публичных казней в его резиденции в Вильно открыл в 1863 году расстрел за чтение революционных манифестов в костелах двух ксендзов Станислава Ишору и Раймонда Земацкого, произведенный без предварительного снятия с них духовного сана. Затем еще 5 ксендзов были подвергнуты расстрелу, 2 из них были захвачены в плен с

оружием в руках, а 3 других были обвинены в «возбуждении крестьян к восстанию». М.Н. Муравьев считал, что духовные лица должны быть проповедниками христианского мира и любви, а за публичные чтения революционных прокламаций и участие в вооруженных действиях они заслуживают смертной казни. Публичные казни католических священников имели целью устрашить сочувствовавших восстанию и морально повлиять на всех католиков края¹⁴. Помимо этого из Литвы и Белоруссии за содействие повстанцам в той или иной форме было выслано во внутренние губернии России и Сибирь 304 представителя католического духовенства, из них 36 человек – на каторгу. Административным взысканиям было подвергнуто 104 ксендза¹⁵. До конца 1867 года в Литве и Белоруссии было закрыто 30 католических монастырей, упразднено или превращено в христианские храмы 160 костелов и 80 часовен. В результате кампании под девизом «Отбросим католицизм за Неман!» в литовских и белорусских губерниях из 450 тысяч католиков было обращено в православие 70 тысяч человек¹⁶.

К относительно толерантной политике по отношению к полякам и католическому духовенству власти вернулись после упразднения наместничества в Польше в 1874 году. Этот поворот в политике начал варшавский генерал-губернатор граф П.Е. Коцебу в 1874–1880 годах, а завершил сменивший его в 1880–1883 годах генерал-губернатор П.П. Альбединский, подчеркнуто демонстрировавший свои симпатии полякам и особенно католическому духовенству¹⁷. В Литве и Белоруссии отказ от жесткой русификаторской и полонофобской политики в духе М.Н. Муравьева-Виленского, прозванного «Вешателем», произошел с приходом на пост генерал-губернатора в Вильно его помощника А.Л. Потапова (1868–1874 годы), а затем уже упомянутого П.П. Альбединского (1874–1880 годы)¹⁸. Эта группа высших региональных администраторов приостановила развернувшуюся кампанию массового обращения католиков в православных христиан в этих регионах.

К вопросу слияния униатов с Русской Православной Церковью имперской власти пришлось повторно вернуться в начале Первой мировой войны. В результате наступления русской армии в августе 1914 года были оккупированы принадлежавшие Австро-Венгрии Восточная Галиция и Северная Буковина. Приказом Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Романова от 29 августа 1914 года в восточной части Австро-Венгрии, которая успешно завоевывалась русскими войсками, было учреждено Галиций-

ско-Буковинское военное генерал-губернаторство. Временным военным генерал-губернатором был назначен генерал-лейтенант граф Г.А. Бобринский. Накануне войны на этой территории проживало по разным данным от 3,2 до 3,5 млн. русинов. Являясь по вероисповеданию униатами, они свою национальную принадлежность определяли как «руськие», т. е. как русские¹⁹. Правительство Николая II, планируя присоединение этой территории к России после войны, оказалось перед сложной дилеммой: либо снова возродить униатство в империи, ликвидированное в 1875 году, либо воссоединить галицийских униатов с Православием, но так чтобы не вызвать массового протеста новых подданных.

Решено было избрать второй путь, но действовать осторожно и осмотрительно. 13 сентября 1914 года временный военный генерал-губернатор Галиции и Буковины получил телеграмму Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Романова. Ему предлагалось сделать немедленно распоряжение, «чтобы наша духовная власть не чинила никаких притеснений униатам и униатскому духовенству. Политическая неблагонадежность не должна быть отождествлена с религиозною разъединенностью... права и интересы галицкого населения и духовенства должны быть строго оберегаемы нашими властями». Через два дня графу Г.А. Бобринскому вручили высочайшую телеграмму от императора Николая II. В ней говорилось: «Подтверждаю данные Вам Верховным главнокомандующим указания относительно осторожного разрешения религиозного вопроса в Галиции. Давайте движение поэтому только тем ходатайствам о воссоединении с Православной церковью, которые совершенно добровольно исходят от самих униатов. Это должно быть проверено администрацией». Выполняя эти указания, Г.А. Бобринский 27 сентября 1914 года опубликован циркуляр губернаторам Галиции и Буковины, содержащий перечень основных мероприятий, проведение которых на указанной территории считалось необходимым. В их числе был назван бдительный контроль над действиями русского православного духовенства, чтобы не допустить насильственного обращения в православие местного населения²⁰.

Накопленный опыт воссоединения униатов с православием, заставлял обратить самое пристальное внимание на епископат и приходское духовенство греко-католической церкви. Согласие униатских священников на переход в православие практически решило бы проблему, поскольку население последовало бы за своими пастырями.

Однако униатские иерархи во главе с епископом графом Андреем Шептицким уже в начале войны заняли антироссийскую позицию. В послании к пастве 8 августа 1914 года А. Шептицкий писал: «Происходит война между нашим Императором и Царем Москвы. Войну ведут за нас, ибо московский Царь не мог стерпеть того, что в Австрийском государстве у нас есть свобода веры и народности...»²¹. Основная мысль его обращения заключалась в призыве к верующим униатам соблюдать присягу австрийскому императору. Командующий 8-й армией генерал А.А. Брусилов, встретившись с А. Шептицким в штабе своей армии, в воспоминаниях отметил: «Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России»²².

В штывки была встречена униатскими епископами идея объединения двух церковных организаций – православной и униатской. Получив разрешение генерала А.А. Брусилова продолжить служение, 6 сентября 1914 года А. Шептицкий отслужил молебен в Успенской церкви Львова и по окончании службы обратился к прихожанам с проповедью, как к униатам, так и к православным. Он, в частности, сказал: «У вас то же богослужение, что и у нас. Вы называете себя «православными», и у нас тоже православная вера. Однако наше «православие» – церковное, а ваше – государственное и, так сказать, «казенное». Это значит, что вы делаете опорой своего православия государственную власть. Мы же, напротив, черпаем духовную силу из нашего единства со Святой Католической Церковью, через которую исходит благодать Божия и в которой заключен подлинный источник спасения»²³. В том же месяце А. Шептицкий, зарекомендовавший себя как убежденный сторонник проавстрийской ориентации, был арестован и выслан в Ярославль, где находился до своего освобождения 12 марта 1917 года в результате победы Февральской революции²⁴.

В Галицию были командированы Николаем II ярые ревнители Православия Волынский епископ Евлогий и граф В.А. Бобринский – родной брат временного военного генерал-губернатора. Они развернули кампанию вытеснения униатского духовенства из приходов под разными предлогами и замены их православными священниками. При этом они оба постоянно нарушали циркуляр генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского от 26 сентября 1914 года, в котором наряду с предложением строго соблюдать полную веротерпимость, говорилось о том, что приезд православного священника в село возможен только тогда, когда об этом будут просить 75% местного населения. В результате этой кампании за 9 месяцев управления русскими властями тер-

риторией Галиции было назначено в приходы 113 православных священников, перешло в Православие свыше 30 тыс. человек. Результаты кампании были более чем скромными, но вызвали массовое недовольство местного населения и протесты Ватикана. Обеспокоенный временный военный генерал-губернатор Г.А. Бобринский при поддержке протопресвитера русской армии Георгия Шавельского упросил Николая II отозвать 47-летнего Евлогия из Галиции, который своим энтузиазмом нанес ущерб вероисповедальной политике империи в оккупированном регионе и превратил религиозную проблему в политическую. Весной 1915 года русские войска были выбиты противником из Галиции, но когда летом 1916 года снова ее заняли, то новый временный генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов во главу угла поставил не конфессиональный вопрос, а помощь местному населению, полностью разоренному войной, продовольствием и семенами²⁵.

Но и сами генерал-губернаторы в административном рвении порою допускали промахи и ошибки в конфессиональной политике, исправлять которые приходилось их преемникам на посту. Так, например, Г.Х. Гасфорд – генерал-губернатор Западной Сибири в 1851–1861 годах – отличался небывалой для российских военных администраторов ученостью. Помимо Академии Генерального штаба он окончил несколько российских и зарубежных университетов и академий, имел 5 докторских дипломов по разным областям наук²⁶. В 1854 году Г.Х. Гасфорд подал императору Николаю I записку, в которой сообщал, что приобщение казахов к христианской религии невозможно, т. к. их образ жизни противоречит догматам христианского учения. С другой стороны, обращение огромного кочевого народа в мусульманство не соответствует государственным интересам. Из этого Г.Х. Гасфорд сделал вывод о необходимости введения новой «средней религии», которая была бы приспособлена к условиям жизни кочевников-казахов и соответствовала бы русским государственным интересам. Император Николай I, ознакомившись с запиской западносибирского генерал-губернатора, оставил на ней резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов». С этим нелестным для автора отзывом проект создания новой религии в империи был возвращен генералу от инфантерии Г.Х. Гасфорду²⁷.

Наместник Кавказа князь А.И. Барятинский на завершающем этапе Кавказской войны 1817–1864 годов справедливо считал, что враждебная России идеология мюридизма, под знаменем которой развернулось повстанческое движение, основывалась именно на исламе.

А.И. Барятинский предлагал выдать мусульманство с помощью активных миссионерских действий христианских проповедников, имевших серьезную государственную поддержку. В 1857 году он разработал проект создания на Кавказе общественной организации наподобие рыцарских средневековых орденов под покровительством одного из членов Российского Императорского Дома и под своим председательством. К его проекту император Александр II отнесся достаточно скептически и в письме от 22 ноября 1857 года сообщил об этом автору: «Что касается организации братства наподобие рыцарского ордена, мне кажется, что это не в наших обычаях». Тем не менее, император поручил обсудить этот вопрос в Кавказском комитете, состоявшем из высших сановников империи. Комитет нашел предложение наместника интересным, признал необходимым учредить такое общество. В 1860 году Александр II утвердил проект устава «Общества восстановления Православия на Кавказе» и определил в его покровители свою супругу – императрицу Марию Александровну. Успехи в миссионерской деятельности были незначительными, так как православные священники и проповедники не имели в большинстве своем нужного образования и опыта, едва справлялись со своими обязанностями, находясь в чуждой и малограмотной горской среде. Но деятельность общества способствовала появлению слухов о повальном насильственном крещении горцев и стала одной из причин мухаджирства, т. е. массового перемещения горцев-мусульман в Турцию. В наместничество великого князя Михаила Николаевича Романова (в 1862–1882 годах) русские администраторы на Кавказе отказались от такого рьяного распространения Православия, и перешли к более мягким методам поддержания христианства в регионе²⁸.

В начале XX века главноначальствующий гражданской частью на Кавказе с правами генерал-губернатора князь Г.С. Голицын задался целью лишить армяно-григорианскую церковь в Закавказье автокефалии и вступил в конфликт с католикосом всех армян. В 1903 году он инициировал указ Николая II о секуляризации имущества армяно-григорианской церкви и закрытии армянских школ, ужесточил цензуру в отношении местных периодических изданий. 14 октября 1903 года Г.С. Голицын был тяжело ранен в результате покушения, совершенного боевиками армянской националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»)²⁹. Непродуманные действия Г.С. Голицына вызвали волну этнических и религиозных конфликтов на Кавказе и в Закавказье и побудили правительство в 1905 году повторно учре-

дить в этом регионе наместничество. Назначенный наместником граф И.И. Воронцов-Дашков разработал программу «умиротворения Кавказа», решив начать с восстановления прав армянской церкви. По его представлению графа был отменен указ 1903 года о секвестре имущества армяно-григорианской церкви и закрытии школ при них. Одновременно наместник приложил немалые усилия по защите гражданских прав мусульманского населения на Кавказе. Чтобы снять затянувшийся этно-конфессиональный конфликт между азербайджанцами-мусульманами и армянами-христианами он принял решение созвать так называемый «примирительный» съезд. С 20 февраля по 6 марта 1906 года во дворце наместника в Тифлисе проходил этот съезд, отличавшийся небывалой для региона представительностью. В его работе участвовали члены Совета наместника и другие высшие чины наместничества, губернские администрации, духовные лица разных вероисповеданий. В Тифлис съехались азербайджанская и армянская элиты. Широко была представлена местная пресса. Сразу по завершении работы съезда были созданы губернские и уездные примирительные комиссии с правом совещательного голоса по вопросам межнациональных и конфессиональных отношений. Созыв подобного съезда был явлением беспрецедентным для Российской империи. Избранная наместником И.И. Воронцовым-Дашковым форма непосредственного общения двух конфликтующих сторон, консолидировавшихся в своих требованиях, с участием администрации края, по своему существу отвечала мировым демократическим традициям³⁰.

В общем итоге, национальная и тесно связанная с ней конфессиональная политика империи были направлены на утверждение мирного сосуществования разных народов и конфессий на основе их лояльного отношения к самодержавно-монархической системе. В том случае, если подобная лояльность присутствовала, государственная власть не вводила каких-либо специальных запретов и ограничений на деятельность разных конфессионально-этнических организаций или структур. В тех же случаях, когда определенные этнические или конфессиональные группы проявляли враждебное отношение к власти, их деятельность существенно ограничивалась или вообще пресекалась. Наиболее ярким проявлением политики подобного рода были отношения центральной власти и католической церкви. Она в XIX веке явно или тайно поддерживала польские сепаратистские общественные настроения и антирусские политические движения в западных губерниях Европейской России.

Собственно конфессиональная политика в России основывалась на стремлении к полному государственному контролю над всеми религиозными институтами в пределах империи. Опыт превращения конфессиональных структур в государственные учреждения, испытанный на Русской Православной Церкви, постепенно распространялся и на другие религиозные конфессии. Именно благодаря дифференцированному подходу, порой гибкой политике светской власти, учету конфессиональной специфики того или иного региона, сформировалось многонациональное поликонфессиональное государство. По этой причине изучение значительного исторического опыта, как позитивного, так и негативного, накопленного в XIX – начале XX века в Российской империи, будет способствовать национальной консолидации, укреплению взаимосвязей между различными этническими и конфессиональными группами современной Российской Федерации. В наше сложное время важно не подчеркивать и не акцентировать внимание на межконфессиональных конфликтах, которые имели место в прошлом, а наоборот искать общие позитивные черты и консолидирующие основы человеческого взаимодействия.

Примечания:

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ – I). – Т. XVIII. – СПб, 1830. – № 12949.

² Ибнеева, Г. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи // *Ab Imperio*. 2000. – № 2. – С. 87–104.

³ ПСЗ – I. – Т. XIX. – СПб, 1830. – № 13996.

⁴ Шаблей, П.С. Компетенция Оренбургского Магометанского Духовного собрания в системе государственного управления исламом в Казахстане (1788–1868 гг.) // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН.* – Екатеринбург, 2008. – С. 638–639.

⁵ ПСЗ. – Т. XVI. – СПб, 1830. – № 11725.

⁶ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России: Сборник документов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 135.

⁷ Злобин, Ю.П. Генерал-губернаторский корпус Российской империи в XIX – начале XX века: социокультурная характеристика // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН.* – Екатеринбург, 2008. – С. 412–413.

⁸ Романовская, Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование). Автореферат дисс. ... канд. юридич. наук. – Нижний Новгород, 2006. – С. 15–16.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7060. Л. 64–72; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.

547. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–111; Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). – М.: Индрик, 1999. – С. 75–118, 191–214.

¹⁰ Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 102–103, 108–110.

¹¹ Там же. – С. 126–127, 148–151.

¹² Там же. – С. 148–149, 192–195.

¹³ Берг, Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях: 1831–1862. – М.: Кучково поле, 2008 (репринтное издание).

¹⁴ Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ: Научное издание. – М.: Наука, 2005. – 70–71.

¹⁵ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 годов: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – С. 95–98.

¹⁶ Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 232–233.

¹⁷ Алексеева, С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России: 1856–1904 гг. – СПб.: Наука, 2003. – С. 211–214.

¹⁸ Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 262–265.

¹⁹ Савченко, В.Н. Восточная Галиция накануне первой мировой войны (этносоциальная ситуация по данным российского Министерства иностранных дел) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 32–35.

²⁰ Бахтурина, А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 127, 149.

²¹ Бахтурина, А.Ю. Указ. соч. – С. 169.

²² Брусилов, А.А. Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 100.

²³ Бахтурина, А.Ю. Указ. соч. – С. 171–172.

²⁴ Там же. – С. 171–172, 179.

²⁵ Там же. – С. 165–167, 181–190.

²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 1649. Л. 50–102; Вибе, П.П. «Ученый генерал» (Г. Х. Гасфорд) // Омская старина. – 1993. – № 2. – С. 83–90; Вибе, П.П. Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорд // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997. – С. 222–232.

²⁷ Немцы России: энциклопедия. – Т. 1. – М., 1999. – С. 476–477.

²⁸ Муханов, В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 172–175.

²⁹ Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1997. – С. 282–284.

³⁰ Исмаил-Заде, Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 130–133.

ИСТОРИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Оренбургская духовная семинария (сокращённо ОренДС) — высшее духовное учебное заведение Оренбургской епархии Русской православной церкви, которая осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации священнослужителей, церковнослужителей, а также иных работников Русской Православной Церкви и других Поместных Православных Церквей.

Оренбургская духовная семинария имеет глубокую историю и восходит к началу 19 века.

26 сентября 1800 года по благословению Святейшего Синода в г. Уфе в здании духовной консистории была открыта духовная семинария с названием «Оренбургская». И эта семинария готовила священно- и церковнослужителей для всей Оренбургской епархии, которая в то время включала в себя современные территории Оренбургской области, определенные территории Челябинской области, часть территорий Республики Казахстан и Башкирии.

Её деятельность в качестве семинарии Оренбургской губернии продолжалась до 1865 года, до тех пор, пока Оренбургская губерния не была поделена на две: Оренбургскую и Уфимскую. Однако, острая необходимость в открытии духовной семинарии в г. Оренбурге возникает в 1859 году, еще до административного деления губернии, когда от Оренбургской и Уфимской епархии согласно решению Святейшего Синода 21 марта отделяется новая самостоятельная епархия Уфимская и Мензелинская, а Оренбургская епархия становится Оренбургской и Уральской с центром в г. Оренбурге.

Активное участие в появлении духовной семинарии в г. Оренбурге приняли правящие архиереи Оренбургской и Уральской епархии: Антоний (Радонежский) 1859–1862 гг.; Варлаам (Денисов) 1862–1866 гг.; Митрофан (Вицинский) 1866–1879 гг., а также генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский (1865–1881). В частности епископ Митрофан (Вицинский) на протяжении 12 лет управления Оренбургской и Уральской епархией постоянно выражал свою озабоченность о необходимости открытия семинарии, и докладывал об этом в годовых отчетах в Святейший Правительствующий Синод. В свою очередь глава губернии Н. А. Крыжановский неоднократно

обращался с официальным заявлением к обер-прокурору Святейшего Синода об открытии семинарии в Оренбургском крае, на что канцелярия Синода только в 1870 году присылает одобрение.

После одобрения Священного Синода преосвященный Митрофан просит у городских властей место под строительство семинарии, на что городские власти определяют место и отдают его даром.

Затем в 1872 г. последовало распоряжение Св. Синода о закреплении места под семинарию за духовным ведомством и составлении проекта семинарских зданий на 200 человек учащихся. Составление проекта в Оренбурге и переделка его в Петербурге продолжались до 30 апреля 1876 г., пока техническо-строительный комитет при Министерстве Внутренних дел не составил нового проекта, согласно которому предложено было Преосвященному Митрофану распорядиться о составлении сметы. Тут случилось весьма важное обстоятельство в истории учреждения семинарии в Оренбурге. Императору благоугодно было обратить свое внимание и сделать собственноручную отметку во всеподданнейшем отчете Оренбургского генерал-губернатора за 1875 г. относительно открытия новой семинарии в Оренбурге. Дело ускорилося, но смета, к сожалению, составлялась очень медленно. Св. Синод во все время решения вопроса об учреждении семинарии действовал с замечательной осторожностью и последовательностью; наконец, сделал определение на основании заключения учебного комитета о разрешении устроить в Оренбурге Духовную семинарию на 200 человек, в том числе на 133 казеннокоштных, с назначением на этот предмет 328217 рублей 12 копеек из духовно-учебного капитала на счет строительного кредита, назначаемого по сметам Св. Синода на духовно-учебную часть, с предложением эту постройку отдать с торгов на законном основании и с обязательством по отдаче представить в Св. Синод на утверждение проект контракта и все прочее, касающееся этого дела.

Участвовать в торгах изъявили желание из оренбургских купцов: Савинков, Кимберг, Белов, а из московских: Масса и Гуревич. Подряд остался за купцом Беловым, как запросившим самую меньшую цену — 28334 руб. 10 коп. Окончательно контракт с ним был утвержден в конце марта 1879 г., по которому купец Белов обязался произвести постройки для семинарии в течение двух лет, к 15 октября 1880 г., но жестокий пожар 1879 года в Оренбурге заставил всех изменить планы относительно срока открытия семинарии. Была дана отсрочка на год, т.е. до 15 октября 1881 года.

По указу Св. Синода от 16 июня 1879 года в Оренбург перемещен Преосвященный Вениамин (Быковский), викарий Воронежской епархии. При нем началась постройка семинарских зданий.

Но Преосвященному Вениамину не суждено было видеть семинарского здания оконченным, потому что в 1880 году по просьбе подрядчика Белова Св. Синодом дана отсрочка по постройке семинарских зданий еще на год, т. е. до 1882 года, а Преосвященный Вениамин указом Св. Синода от 27 апреля 1882 г. был перемещен на Черниговскую кафедру. На его место в Оренбург переведен тем же указом из Екатеринбургa Преосвященный Вениамин (Смирнов). При нем закончилось строительство и приготовлено было все возможное к тому, чтобы открыть семинарию еще в 1883 г., однако Св. Синод нашел необходимым отложить ее открытие до 16 августа 1884 года, так как не было назначено никого из начальствующих лиц в Оренбургскую семинарию. К началу 1884 учебного года Св. Синод назначил ректором Семинарии бывшего преподавателя Уфимской семинарии протоиерея Феодора Дмитровского. Был образован состав Правления Оренбургской семинарии: инспектор — преподаватель Курской Духовной семинарии А. Я. Зеведеев, а секретарь правления — учитель Оренбургского Духовного училища Позднев. Согласно определению Св. Синода в Оренбургской Духовной Семинарии должен быть открыт лишь один первый класс.

26 августа 1884 года было освящение домового храма при Оренбургской Духовной семинарии. Семинарский храм, построен в честь святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Освящал церковь лично Преосвященный Вениамин с сослужении духовенства. По окончании освящения Преосвященный Вениамин совершил первую литургию, вслед за литургией состоялся акт открытия Оренбургской Духовной Семинарии в актовом зале, куда собрались все почетные лица города.

Медленно росла семинария внешне, но эта медлительность шла ей на пользу. С первых дней своего существования она должна была носить особый характер, характер миссионерский. Наряду с другими предметами, обычными для семинарий, в круг семинарских наук было предложено ввести изучение татарского и арабского языков, обличение раскола и историю магометанства. Пению, как искусству, и физическим упражнениям воспитанники должны были обучаться ежедневно по 1/2 часа во внеклассное время. Ввиду воспитательного физического труда введено было ежедневное получасовое упражнение воспитан-

ников в столярной мастерской. В 5 и 6 классах преподавали медицину с привлечением воспитанников к уходу за больными под присмотром семинарского врача. Также стоит отметить, что в семинарии преподавали пчеловодство.

В 1889 г. началось преподавание специальной дисциплине по изучению раскола в 5 и 6 классах. В 5 классе ученики познакомились с историей раскола вообще и раскола в Оренбургской епархии в частности.

При изучении сектантства в 6 классе семинаристам давались сведения о течениях и направлениях сектантских лжеучений, имеющих своих последователей в Оренбургской епархии: духоборов, молочан, штундистов и баптистов.

Были и так называемые практические занятия. Миссионерским приемам воспитанники приучались на публичных беседах, систематически проводимых в семинарии преподавателем. С первых дней существования семинарии наряду с другими общеобразовательными предметами введены были в ней уроки церковного пения, гимнастики и иконописи. Гимнастика и иконопись давались в свободное от занятий время. Иконописание являлось делом свободного избрания каждого ученика, тем самым в дореволюционной семинарии мы видим т.н. факультативные занятия.

В связи с тем, что в семинарии была большая нагрузка, то руководство семинарии всячески старалась помочь малоуспевающим ученикам. Обращалось внимание на изучение учениками уроков и, в особенности, на их сочинения. Неисправных и ленивых учеников подвергали особому контролю. Малоспособным преподаватели нередко уделяли все свободное время, т.е. подходили к каждому студенту индивидуально. Для возбуждения особенного усердия, внимания и соревнования между воспитанниками в занятиях сочинениями по инициативе Преосвященного Макария (Троицкого) введено было публичное чтение воспитанниками лучших сочинений. Преосвященный Макарий два раза в году, перед Рождеством Христовым и Пасхой, посещал эти чтения. Таким образом, мы видим, что в Оренбургской семинарии, если выразиться современным языком проходили студенческие конференции.

Чтения открывались и чередовались пением церковного хора семинаристов. Лучшие написавшие и прочитавшие (обращалось внимание на язык и произношение) свое сочинение тут же награждались Его Преосвященством различными подарками.

Семинарское начальство стремилось дело воспитания поставить так, чтобы воспитанники меньше имели возможность предаваться праздности и запрещенным удовольствиям. Благодаря тому, что почти все воспитанники семинарии (за исключением тех, которые имели близких родственников в городе) жили в корпусе, семинарская инспекция с первых дней существования семинарии имела возможность внимательно следить за поведением воспитанников, подчиняя их постепенно утвердившемуся образу жизни.

В 7 ч. утра — подъем и краткая утренняя молитва, после нее утренний чай, за ним до 8.30 шло повторение и приготовление уроков. В 8.30 ч. — общая полная утренняя молитва всех воспитанников, живущих в корпусе и приходящих. Молитва состояла из чтения и пения утренних молитвословий. Без четверти девять — начало уроков во всех классах. Урок — часовой, после каждого урока четверть часа перемена. В 11 ч. — завтрак. В полчаса второго оканчивались уроки, через четверть часа — обед. После обеда до 4-х часов — время отдыха, практических уроков по татарскому языку, уроков пения, живописи, музыки. Свободные от занятий ученики выходили в семинарский двор, а весной и осенью — в сад, гуляли, играли в мяч и городки. Летом с разрешения семинарского начальства и под его наблюдением, в теплые дни ученики купались на Урале. Зимой специально купленными деревянными лопатами разгребали снег, расчищали дорожки, строили горы, заливали каток, и некоторые катались на коньках.

В 9 часов — ужин. После молитвы в 10 часов отбой.

Накануне воскресных и праздничных дней в семинарской церкви в 5 часов вечера совершалось всенощное бдение, а в самое воскресенье и в праздничные дни в 9 часов утра — литургия. Все воспитанники принимали участие в богослужении: читали и пели на клиросе, а также несли алтарное послушание тем самым проходили богослужебную практику.

О количестве и спектре преподаваемых предметов и высоком профессиональном уровне преподавателей можно судить, посмотрев личный состав начальствующих и преподавателей. Конечно, он менялся, но, к примеру, в юбилейный для семинарии 1894 год он был таким:

1. Ректор семинарии Феодор Алексеевич Дмитрировский, к.б.н. Казанской Духовной Академии 15 курса 1874 г., определен на должность 29 июня 1883 г.

2. Инспектор семинарии, статский советник Александр Яковлевич Зеведеев, к.б.н. Московской Духовной Академии выпуска 1874 г., определен на должность 26 апреля 1884 г.

3. Секретарь правления семинарии, коллежский советник Иван Иванович Григорьев, к.б.н. Санкт-Петербургской Духовной Академии выпуска 1884 г., он же — преподаватель словесности и истории литературы, определен на должность 16 апреля 1888 г.

4. Преподаватель Священного Писания, Надворный советник Василий Иванович Обухов, к.б.н. Казанской Духовной Академии 27 курса 1886 г., определен на должность 1 ноября 1892 г.

5. Преподаватель греческого языка, Надворный советник Николай Васильевич Беневоленский, к.б.н. Казанской Духовной Академии 28 курса 1887 г. определен на должность 16 апреля 1888 г.

6. Преподаватель латинского языка, Коллежский советник Стефан Стефанович Никольский, к.б.н. Московской Духовной Академии 64 курса 1885 года, определен на должность в 1884 г.

7. Преподаватель психологии, философии, логики и дидактики Сергей Гаврилович Сироткин, к.б.н. Казанской Духовной Академии 30 курса 1889 г., определен на должность в 1894 г.

8. Преподаватель математики и физики Прохор Александрович Прокопович, к.б.н. университета св. Владимира, определен на должность 2 декабря 1893 г.

9. Преподаватель гражданской всеобщей и русской истории, Надворный советник Николай Петрович Израильский, кандидат Казанской Духовной Академии 28 курса 1887 г., определен на должность 16 августа 1887 г.

10. Преподаватель библейский и церковной истории всеобщей и русской, Надворный советник Дмитрий Степанович Медведев, кандидат Киевской Духовной Академии курса 1886 г., определен на должность 16 августа 1888 г.

11. Преподаватель обличительного богословия и истории обличения русского раскола, Надворный советник Милий Иванович Головкин, кандидат Казанской Духовной Академии 29 курса 1888 г., определен на должность 1 мая 1889 г.

12. Преподаватель основного догматического и нравственного богословия Павел Васильевич Переверзев, кандидат Московской Духовной Академии 67 курса 1889 г., определен на должность 17 августа 1889 г.

13. Преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей Василий Николаевич Попов, кандидат Казанской Духовной Академии 30 курса 1889 г., определен на должность 10 декабря 1892 г.

14. Преподаватель татарского и арабского языков, истории и обличения мусульманства, Надворный советник Александр Иванович Архангельский, магистр Казанской Духовной Академии 29 курса 1888 г., (пределен на должность 30 ноября 1889 г. Духовник воспитанников семинарии священник Александр Михайлович Вознесенский, студент Уфимской Духовной семинарии. Эконом семинарии священник Григорий Дмитриевич Добросмыслов, студент Императорского Казанского Университета. Он же — учитель пения и музыки в семинарии.

15. Врач семинарии, Надворный советник Константин Николаевич Архангельский, определен на должность с 1884 г.

16. Учитель гимнастики Антон Макарович Дорман, определен на должность с 1884 г.

При семинарии была фундаментальная библиотека. Не считая учебных пособий, в семинарии через 10 лет после ее открытия насчитывалось около 5000 богословских книг, 2088 томов периодических изданий. Также в библиотеки были противораскольничьи книги — 300 наименований, и 2 периодических издания; противомусульманские книги — 200 названий книг, 1429 томов и 2 периодических издания).

В актовом зале помещался Всемиловитвейше пожалованный семинарии Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем в память посещения Его Императорским Высочеством города Оренбурга в 1891 году большой фотографический портрет с собственноручной надписью «НИКОЛАЙ. 1891 г.». К сожалению, на сегодняшний момент мы не знаем где этот портрет.

Также очень много из истории семинарии еще не изучено и это предстоит сделать. Эти сведения хранятся в нашем государственном архиве Оренбургской области Фонд 177.

В 1919 г. Оренбургская семинария закрылась. После долгого периода по решению Священного Синода от 27 мая 2009 г. возобновилась деятельность Оренбургской семинарии, и сегодня мы подошли к первому выпуску.

В семинарии созданы 6 кафедр, на которых изучаются такие дисциплины как:

На библейской кафедре:

Библейская история

Св. Писание Ветхого Завета

Св. Писание Нового Завета

Библейская археология

Кафедра Богословия

Катехизис
Догматическое богословие
Патрология
Нравственное богословие
Основное богословие
Сравнительное богословие
Пастырское богословие

Кафедра Истории

Общая церковная история
Византология
История Поместных Православных Церквей
История Русской Церкви
История России
Новомученики и исповедники Оренбургской епархии (спец-

курс)

Кафедра Церковно-практических дисциплин

Литургика
Гомилетика
Церковное право
Апологетика
Практическое руководство для пастырей
Сектоведение
Церковное пение
Церковное искусство
Миссиология
Правовые и экономические основы деятельности прихода
Информатика

Кафедра Философии и социально-гуманитарных дисциплин

Введение в философию
История философии
История религий
Педагогика
Психология
История русской религиозной философии
Концепция современного естествознания
Логика и методология научного познания
Теория и практика диалога религиозных культур (спецкурс)

Кафедра Классического и зарубежного языкознания

Церковнославянский язык
Стилистика
Иностранный язык (новый)
Древнегреческий язык
Латинский язык
Риторика
Православие и русская литература (спецкурс)
Основы православной журналистики (спецкурс)

Таким образом, в истории Оренбургской Духовной Семинарии необходимо выделить три периода: первый период – уфимский - с 1800 года по 1865 год – это период деятельности Оренбургской Духовной Семинарии в г. Уфе; второй период - оренбургский - с 1884 года по 1918 (1919) год – это период деятельности Оренбургской Духовной Семинарии в г. Оренбурге; третий период (новейший) – с 2009 г. по настоящее время.

Ректоры:

- протоиерей Феодор Дмитриевский (1883–1911);
- протоиерей Иосиф Кречетович (1911–1915);
- архимандрит Варлаам (Новгородский) (1915–1919);
- епископ Алексей (Антипов) (27 мая 2009 – 26 декабря 2012);
- митрополит Валентин (Мищук) (с 26 декабря 2012).

Панина Т. С. (Оренбург)

ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Формирование материальной культуры народов в значительной степени обусловлено естественно-географической средой, в которой она складывается, направлением хозяйственной деятельности, социальной структурой этноса, культурным взаимодействием с другими народами, живущими на одной территории. Жилище и хозяйственные постройки украинского населения в Оренбургском крае практически не исследованы. Интересные, хотя и эскизные, наблюдения можно обнаружить в повести Т.Г. Шевченко «Близнецы», в которой он описал быт украинцев, проживающих на территории Оренбуржья. Региональные традиции переселенцев-выходцев из разных историко-этнографических районов Украины играли значительную

роль в обустройстве переселенцев на новых местах.

При выборе мест для поселения украинцы отдавали предпочтение низинам, но не затапливаемым во время весенних паводков, балкам, которые защищали от ветров, особенно в зимний период, прибрежным участкам у рек, ручьев и водоемов, а также вблизи трактов. Например, населенные пункты Украинского сельсовета Сакмарского района располагаются между рекой Сакмарой и речкой Чебенькой. Селились обычно по землячествам – по губерниям, откуда приехали переселенцы. Это было обусловлено не только родственными чувствами и давнишней дружбой, но и тем, что в различных губерниях говорили на разных наречиях и имели отличия в быту.¹

Для обозначения сельских населенных пунктов украинцы использовали традиционный для них термин «село». Поселения вне сел, независимо от числа дворов, называли хуторами. Так в материалах выборочной сельскохозяйственной переписи Оренбургской губернии 1925 года значатся хутора с самым разным количеством дворов. Например: в Павловской волости – хутор Вознина – 1 домохозяин, душ обоего пола – 5; хутор Белоусовский – 79 домохозяев, душ обоего пола – 391; в Петровской волости: хутор Смочилинский – 8 домохозяев, душ обоего пола – 64, хутор Каировский: 89 домохозяев, душ обоего пола – 493. и т.д. Это соответствовало и казачьей традиции: населенный пункт вне казачьей станицы у оренбургских казаков назывался хутором. Украинские селения с их чистенькими побеленными хатами, аккуратными дворами и огородами, утопающими в цветах палисадниками, имели особый, неповторимый облик.²

Усадьба. Этническая традиция отражается в размещении усадеб по отношению к улице и друг к другу. Украинский дом ориентировали обычно так, чтобы в нем как можно дольше находился солнечный свет. Дома размещались параллельно относительно улицы, фасадом на юг, или к дороге, но иногда и во двор. На улицу обычно выходило по одному окну из кухни. В некоторых домах на улицу вообще не было окон. Усадьбу украинцев от соседей, как правило, отгораживала глухая стена вместе с забором. От улицы дом отделяло небольшое пространство, где разбивался палисадник. Усадьба украинского переселенца делилась на две части: меньшую, находившуюся перед домом, и примыкавшую к улице (*двір*), и большую часть, находившуюся за домом и хозяйственными постройками – огород (*город*), который обносился, за исключением участка для картофеля, плетневой или жердевой изгородью (*плот, тін, плетень, паркан*). От улицы двор

также отделялся изгородью. Площадь усадьбы зависела от количества земли, которая находилась во владении крестьянина.

Украинцы практиковали несколько типов застройки: однорядную, когда хозяйственные постройки выстраиваются в один ряд с домом и имеют общую крышу (*довга хата*), и Г-образную (*глаголем*). Такие хаты строили бедные крестьяне, а также при недостатке строительного материала. При свободной застройке дом и хозяйственные строения, не связанные общей крышей, располагались без определенного порядка.

Жилище. Независимо от типа застройки композиционным центром двора являлся дом. Из сеней дома при однорядной и Г-образной застройке было два выхода – один на улицу, другой – в сарай. Традиционное жилище переселенца *хата*, долгое время сохранявшее специфические черты, имела, как правило, трехкамерную планировку. Обычно переселенцы сначала ставили временное жилище из подручных строительных материалов, так как деньги, вырученные за проданное имущество, расходовались в пути и на покупку земли, а на строительные материалы и плотников средств не оставалось. В лесостепных и лесных районах возводили наземные каркасные постройки с тлетневыми стенами, обмазанными глиной (*мазанка, плетньова хата*) и постройки земляночного типа. Землянки первых поселенцев-украинцев с Беляевка, представляли собой вырытую квадратную яму, которую наращивали кирпичами, вырезанными из дёрна. Сооружение накрывали жердями, травой, засыпали землей. Эти жилища бедняки продолжали использовать как постоянные, а более зажиточные – в хозяйственных целях. Позднее появляются срубные дома. Переселенцы выбирали место для возведения дома очень тщательно. Вечером на предполагаемом месте постройки оставляли шубу, если утром шуба была сырой, то место считалось непригодным для этой цели – близко находились грунтовые воды. Было не принято строить дома на дороге – считалось, что это приносит болезни и смерть хозяевам, а также начинать строительство в понедельник, который считали тяжелым днем.³ Вот как описывал строительство домов переселенцами - украинцами сакмарский краевед Д.Н. Майборода: «Строительство начали сразу после распределения дворовых участков: сначала рыли землянку, а в течение примерно трех лет рядом ставили хату. Обычно строили хату сообща, «обществом», за лето могло вырасти целое село. Взаимная помощь в селах жила и развивалась веками. Такая совместная стройка, когда каждый хозяин угощает гостей-помощников, нередко

заканчивалась весельем, песнями и плясками – настоящим праздником». Сакмарские украинцы-переселенцы также строили дома без фундамента. По обеим сторонам сооружаемой стены вкапывали столбы, к ним с внутренней стороны ставили доски шириной до 50 см. в получаемую «коробку» накладывали солому или мелкий камыш, заливали глиняным раствором и утаптывали ногами. Когда вытопанные стены просыхали, делали потолок, крышу крыли соломой или камышом, стены домов изнутри и снаружи обмазывали глиной с соломой. Потом белили белой глиной, мелом или известью, внутри с добавлением синей или зеленой краски. Такие «топанные дома» хорошо удерживали тепло зимой теплыми, а в летнюю жару были прохладными, очень крепкими и долговечными.⁴ Под влиянием русского и других народов украинцы со временем перестали обмазывать срубные дома снаружи. Полы в домах по традиции сначала устраивались земляные, с мазанные глиной с добавлением соломы в несколько приемов толщиной до 10 – 15 см, и обильно посыпались пахучими травами (чабрец, полынь и др.). С начала XX века стали появляться деревянные полы. Потолок (*стеля*) с обеих сторон обмазывали глиной, которая не только утепляла, но и выравнивала его. На потолке хранили зерно, мелкие нетяжелые сельскохозяйственные инструменты и т.п. Потолки устраивались только над жилыми помещениями. Крыши делали в основном четырехскатные, а после войны, под влиянием местных традиций, стала преобладать двухскатная крыша в связи с появлением нового кровельного материала – шифера. Фронтоны зашивали снопиками соломы, осоки, камыша, заплетали хворостом и обмазывали. Высота крыши обычно составляла 2/3 ширины дома. Самым распространенным кровельным материалом до 1950-х годов была солома, реже использовали камыш. Сверху солома придавливалась жердями (*прижім*). Железо, черепица, тес были на домах только богатых крестьян. Иногда использовали известный на Юге Украины способ покрытия крыши – глину, смешанную с соломой. Под защитой выноса крыши вдоль длинной фасадной или узкой стены дома устраивалась галерея, в настоящее время ее чаще делают застекленной. Под выносом крыши часто отдыхали или использовали ее как место для сушки и хранения лука, чеснока, фасоли. С 1950 – 1960 гг. украинцы в качестве важнейшего архитектурного украшения своего жилища устраивали веранды. Окна украинских жилищ часто делали сдвоенными, когда два оконных проема разделялись между собой только косяком, общим для обоих окон. В глинобитных домах окна

делали небольшие: высотой 60 – 80 см., шириной 50 – 60 см., переплет состоял из 4– 8 звеньев. Рамы были одинарными и не имели форточек. Зимой от холода снаружи окна закрывались соломенными матами. Двойные рамы появились в 1930 – 1940-х годах. Ставни на окнах делали только зажиточные крестьяне. Резные украшения для украинских жилищ не характерны, за редким исключением под влиянием русской традиции. До 1930-1940-х гг. наличники окон, ставни окрашивались земляной охрой, с 1950-х гг. – масляной краской. Двери делали как одно- так и двустворчатые. Украинцы соблюдали обычаи, связанные с верой в то, что под порогом дома покоятся души умерших предков. Поэтому запрещалось здороваться, разговаривать, подавать воду или пищу через порог, сидеть на пороге. Это могло принести, по их мнению, несчастье.

В углу или при входной двери в дом в жилище украинца-переселенца жерлом к порогу ставилась печь, которая могла занимать до ? жилой площади. Печи обычно клались из сырцового, реже - обожженного кирпича, часто делали глинобитные печи. Широко были распространены плетневые трубы (*дімар*), обмазанные глиной с обеих сторон, что часто служило причиной пожара. Позднее такие печи заменялись голландскими с плитой или котлом и местным водяным отоплением. Печь была предметом особой заботы у украинцев: ее белили каждую неделю, расписывали различными орнаментами. С печью связывали множество примет и поверий. Считалось, что под печью живет домовая, если он воет в печной трубе – быть беде. Под печь дети бросали выпавший зуб. Чтобы не бояться покойника, по возвращении с кладбища заглядывали в печную трубу и т.п. В традиционном украинском жилище к печи пристраивалась лежанка. За печкой устраивали специальный помост из досок (*пiл, нарі, полік*), на котором спали. Над ним крепилась жердочка для вешания белья и одежды в будний день. В праздник она украшалась самыми красивыми *ряднами*. Полатей украинцы не знали. В перекладину (*матка*) обычно у *поліка* вбивали крюк, на который при помощи веревки или пружины вешалась колыбель (*люлька*). В долгие зимние вечера жилистая комната освещалась лучиной, закрепленной в светце – специальной металлической подставке, а также коптилкой (*каганец*), более зажиточные крестьяне пользовались свечами, а с конца XIX – начала XX вв. – керосиновой лампой.

Жилище, как правило, состояло из двух комнат: жилой, рабочей (*задняя хата*) и чистой, парадной (*передняя хата*), где также

могла быть устроена печь с лежанкой или голландка. В переднем углу висели иконы с лампадкой, обычно любовно украшенные расшитыми рушниками. Под иконами здесь же, в чистой половине, ставили стол, покрытый домотканой расшитой скатертью. На столе всегда были хлеб и соль как знак достатка и гостеприимства. К стенам наглухо прикреплялись лавки (*лаві*) из широких досок, часто окрашенных в ярко желтый цвет. Стены украшались вышитыми рушниками. На стене у входа размещались полки или шкаф для посуды (*суднік*). Почетное место в передней хате занимал расписанный масляными красками растительным орнаментом сундук с одеждой (*скріня*). Иногда он использовался как стол – тогда его ставили в передний угол. Украинцы оренбургского села Буланово возле *скріни* всегда хранили *ночовку* – ящик для замешивания теста.⁵

В конце XIX – начале XX вв. в жилищах переселенцев появились кровати: в зажиточных семьях металлические, в бедных – деревянные, изготовленные местными столярами. Спинки кроватей были глухими, иногда их окрашивали масляными красками, покрывали росписью с изображением цветов или петухов. На кровати клали матрацы, набитые соломой, которую меняли раз в два-три месяца. Богатые спали на перинах. На матрац или перину шили чехол (*наперник*), стелили полотняную простынь. Сверху кровать обычно застилали самотканым рядом из конопляных или шерстяных нитей, богатые – одеялом. Часто использовали богато вышитые покрывала из домашнего полотна, под которой обязательно стелили *подзорнік* – узкую простыню, украшенную по одному краю кружевами. Поверх всего помещали горку из взбитых подушек в расшитых наволочках. Над кроватью вешали коврик из ткани, который занял место некогда бытовавшей декоративной росписи. В чистой половине жилища со временем вместо лавок появились деревянные диваны длиной до 2 – 2,5 м. со спинками и подлокотниками. До 1930-х гг. интерьер оставался во многом традиционным. В 1940 – 1950-х гг., не смотря на распространение мебели городского типа (платяные шкафы, буфеты, комоды), по-прежнему интерьер украшается вышитыми и кружевными салфетками, накидками, настенными вышитыми дорожками и рушниками.

Хозяйственные постройки. Комплекс хозяйственных построек украинских переселенцев прошел сложный путь развития, связанный с сохранением этнических традиций, с приспособлением к новым условиям жизни и влиянием местного населения. Устройство

крестьянского двора является показателем уровня сельскохозяйственного производства и статуса его обитателя. Строительный материал, используемый при возведении хозяйственных построек, как и жилища, в разных районах был разнообразным: в лесных районах преобладало дерево, в лесостепных – дерево и глина, в степных – глина и камень. Хозяйственные постройки делились на два типа: примыкающие к дому (*сарай и коморі*) и отдельно стоящие (*амбары, клуні или риги, погребки, омшаники, мастерские, мельницы, бани*).

Сарай были двух видов: холодный сарай и теплый - конюшня. Холодный сарай, построенный из дерева, камня или самана, не имел пола и потолка, на него настилалась плоская крыша из жердей, на которую складывались запасы грубых кормов, сена, соломы. В таком сарае содержали коров, волов, овец. К холодному сараю пристраивался загон для дневного содержания скота (*карда, кошара*). Загоны бывали крытыми и без крыши. Для защиты скота от ветров и буранов их обкладывали хворостом. Теплые сараи строились рублеными, обмазанными глиной с обеих сторон, в них имелись пол и потолок, которые также обмазывались с обеих сторон глиной. Крыша в таких сараях делалась четырехскатной и покрывалась соломой. На чердаке (*горіще*) хранили корма на случай непогоды. В теплом сарае содержали лошадей, свиней, коров после отела, телят, овец с ягнятами. Птицу содержали в специально отгороженных загонах или же строили специальные сараи, землянки (*курятник, курнік*).

Амбары (*коморі, клуні*) – хозяйственные постройки, которые использовались для хранения зерна, муки, круп, мяса и мелких сельскохозяйственных орудий труда, строились отдельно от дома: в углу двора, через дорогу под окнами дома, иногда на задах усадьбы, но всегда так, чтобы из окон дома была видна дверь амбара. Амбары строили из бревен, камня или самана (бедняки – из плетня, или отгораживали место в сених), снаружи обмазывали и белили. Рубленые *коморі*, как и на Украине, строили на камнях или столбах высотой до 70 см. над землей, чтобы избежать сырости и грызунов. Четырех- или двухскатные крыши амбаров крыли сначала соломой, тесом, со временем – железом, шифером. Пол настилали из досок или горбылей. Потолок амбара дощатый, из плетня, жердей, обмазанный с обеих сторон, служил для сушки хлеба, хранения конопли и т.п. Внутри амбар обычно делили перегородками на закрома. К амбару делали подъезды – навес с двумя боковыми стенами, где хранили брички, сеялки и другой сельскохозяйственный инвентарь.

Гумно (*рига, клуня*) – хозяйственная постройка для хранения снопов, мякины, соломы, техники обычно вместе с током для обмола та зерна выносилась на дорогу или на специально отведенное место на задах усадьбы, но всегда с учетом удобного подвоза снопов. Высота такого сооружения от пола до конька крыши достигала 5 – 6 метров. Ворота для въезда делали под размер груженого воза, который заезжал вовнутрь клуни. Перед клуней устраивался ток – нужных размеров ровная площадка с плотно утрамбованной поверхностью, засыпанная мелкой соломой, или покрытая специальной смесью соломы и глины.

Для хранения овощей и различных съестных припасов в стороне от дома копался погреб – яма глубиной до 2 метров, стены которой укреплялись бревнами или камнем, глиняные стены не закреплялись. Сверху погреб на уровне земли накрывался *накатником* – дубовыми плахами или горбылями, на него насыпали солому, хворост, потом – землю. У одной из стен погреба делался лаз (*вікно*), над которым сооружалось подобие двух- или трехскатного шалаша (*погребіца, погребняк, курінь*) для защиты погреба от дождя и снега.

Неотъемлемым элементом усадьбы украинцев были бани, которые у украинцев Оренбуржья строились и в селах (зимние – во дворах, летние – на берегу реки), и в степи на пахотных землях. По своей конструкции баня – четырехстенный сруб с плоской земляной крышей по сплошному бревенчатому накату. Стены изнутри оставались непокрытыми. Низкая дверь вела в мыльное помещение, в котором у стен стояли лавки. У противоположной от входа стены, около печи (*каменки*) крепился *полок* – деревянный настил для парки. Печь складывали из камней, в нее монтировался котел для нагревания воды. Топка печи иногда выходила в предбанник. Бани топились «по-черному», дым при этом выходил через дверь, отверстие в потолке, окно. После того как дым и угар выйдут из бани, дымоход закрывали тряпками.

Из мельниц наиболее распространенными были водяные, которые строились на берегах рек и полноводных ручьев. Их течение преграждали плотинами. На мельницах «обдирали» зерно, мололи муку, дробили зерно на крупу, толкли толокно, мяли коноплю, давили растительное масло. Мельницы обычно рубили из дерева, пол стелили по лагам, потолки в мельницах не стелили, крыши делали двух- трех- и четырехскатные.⁶

В усадьбах крестьян, занимавшихся еще и ремеслами, устраивались мастерские. Уже упомянутый нами краевед Д.Н. Майборода

с нескрываемой гордостью писал о своих земляках, переселившихся в Оренбуржье из Харьковской, Екатеринославской, Полтавской губерний: «Крестьяне сами изготавливали предметы домашнего обихода – диваны, столы и стулья, скамьи и корыта, ведра и ложки. Селяне были мастерами на все руки, точнее - кустарями. Они и хлебопашцы, и животноводы, и плотники, и кузнецы, и сапожники, и сами себе агрономы».⁷ Пчеловоды для сохранения пчел от зимних холодов строили утепленные наземные или подвальные омшаники.

Итак, мы видим, что в жилище и хозяйственных постройках украинских переселенцев сосуществуют этнические традиции и влияние русского населения, что в них сохранились черты, свойственные всем восточнославянским народам и восходящие ко времени Древней Руси.

Примечания:

¹ Центр документации новейшей истории Оренбургской области. (ЦДНННО) Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402.

² Там же. Ф.1.Оп. 1. Д. 723. Л. 1– 21.

³ Там же. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402.

⁴ Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М., 1988. – С. 473

⁵ Там же; Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской АССР. – Уфа, 1992. – С. 114 – 118; Потапова А.Н. Из истории основания с. Беляевка. // Кобзарь и Оренбуржье. Оренбург, 2006. – С. 37; ЦДНННО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402. Л. 14.

⁶ Ефименко П.С. О малороссиянах в Оренбургской губернии. // Основа. 1861. № 9. – С. 192.

⁷ ЦДНННО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 402.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
РУССКИЙ ЯЗЫК
В КООРДИНАТАХ
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЙ
ТРАДИЦИЙ ПИСЬМЕННОСТИ

КОНЦЕПТ «ОРЕНБУРГ» КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ОРЕНБУРГСКОГО ТЕКСТА

Одно из ключевых понятий филологии – понятие «текст» – расширяется и уточняется с течением времени. Ю.М. Лотман в середине XX века говорит о тексте как «о графически зафиксированном художественном целом»¹. Позднее он выдвигает новое понимание текста и предлагает мыслить текст «не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа»².

Новое понимание текста расширило сферу его применения для описания семиотической деятельности человека. В этой связи ученый начинает развивать понятие текстуальности, которое понимает как результаты информационно-творческого взаимодействия человека и действительности. Понятие текстуальности, по Абашеву, заключается в готовности нашего сознания «представить себе нечто, осознаваемое нами как высказывание, в качестве непосредственного и целиком обозримого феномена»³.

Б.М. Гаспаров считает презумпцию текстуальности конструктивным фактором текста и заявляет, что «действие презумпции текстуальности состоит в том, что, осознав некий текст как целое, мы тем самым ищем его понимания как целого. Это «целое» может быть сколь угодно сложным и многосоставным». Ученый отмечает, что поиск «целостности» не следует понимать как абсолютную интеграцию всех компонентов текста в некое единое смысловое построение. Идея целостности, вырастающая на основе презумпции текстуальности, по мнению Б.М. Гаспарова, заключается в том, что все смыслы осознаются нами как смыслы, совместно относящиеся к данному тексту, а следовательно, имеющие отношение друг к другу в рамках этого текста⁴. Носителем презумпции текстуальности является наблюдатель. Эта позиция, введенная Гаспаровым, характеризует понятие «текст».

При традиционном понимании, характерном для исследований филолого-лингвистического направления, под текстом понимается «любое речевое высказывание независимо от объема, но непременно

обладающее признаком завершенного смыслового единства и коммуникативной значимостью»⁵. Так понимают текст в узком смысле.

Широкое понимание термина «текст» связано с трактовкой культуры как сложного семиотического образования⁶. В этой связи В.В Красных рассматривает текст как «единицу в значительной степени «автономную», «самодостаточную», которая формируется единицами «низших» уровней, но не является простой суммой более «элементарных» единиц⁷.

Понятие «текст» определяется как основное средство описания внешнего мира, и, следовательно, способ воспроизведения той или иной картины мира⁸. Таким образом, понятия «текст» и «картина мира» связаны между собой: в тексте отражается языковая картина мира, следовательно, в тексте мы находим следы культуры, этноса, социума, гендера. Понимание текста как явления культуры становится доминирующей точкой зрения в науке о языке в связи со сменой основной парадигмы в течение двух последних десятилетий: наблюдается ориентация не на порождение текста, а на его семантическую интерпретацию.

В этой связи разработано значительное количество региональных и провинциальных текстов. В рамках изучения регионального текста классическими стали работы по исследованию петербургского текста Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова, положено начало изучению московского текста русской культуры, а также исследуются Итальянский, Лондонский, Крымский тексты. Одним из первых шагов в изучении провинциальных текстов русской культуры является исследование А. Н. Давыдова по семантике городской среды города Архангельска, И. А. Разумовой – по литературно-фольклорному образу Петрозаводска, Е. В. Милюкова – по описанию образа Челябинска, А. А. Литягина и А. В. Тарабукиной – по представлению образа Старой Руссы.

Оренбургский текст представляет собой совокупность художественных текстов русской литературы, тематически связанных с лингвокультурными представлениями об Оренбурге: отражаются городские реалии и компоненты описания города. Оренбургский текст – это некое единство, где в качестве культурного центра выступает Оренбург.

В художественной литературе «Оренбургский текст» представлен парадигмой общих мест. В художественных текстах встречаются различные проявления Оренбургского текста, которые отражаются в

описании города, степной природы, исторических событий и памятных мест. Связующим звеном Оренбургского текста является концепт «Оренбург».

Текст является носителем концептуального смысла (И.Р. Гальперин). Концептуальная информация семантически выводится из всего текста посредством обнаружения и интерпретации базовых концептов (или концепта) литературного произведения.

На наш взгляд, отдельные признаки текста сами по себе не могут образовывать определенную целостность. Необходимо найти источник их единства. По отношению к Оренбургскому тексту источником единства является концепт «Оренбург», создающий определенную лексическую целостность текста.

Термин «концепт», как термин, обозначающий научное понятие, в работах ученых получает неоднозначную трактовку⁹. С одной стороны, концепт трактуется как понятие практической философии, являющейся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, образы искусства, ощущения и система ценностей, т.е. концепт образует «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром»¹⁰. В рамках такого подхода акцент делается «на контекстуальной связи формирующегося в сознании индивида или коллектива концепта с уже усвоенными глобальными общественными ценностями данного социума»¹¹. В этом случае концепт представлен как явление того же порядка, что и значение слова, но рассматривается в несколько иной системе связей: значение существует в системе языка, концепт – в системе логических отношений и форм, исследуемых в языкознании и в логике¹².

С другой стороны, концепты соотнесены с понятиями. В такой трактовке понятие – это «качество слова, позволяющее ему обнимать в едином символе от одного до огромного множества аналогичных предметов и явлений»¹³. Понятия иерархично выстраиваются от менее отвлеченных к более абстрактным, становясь при этом концептами.

Обобщая имеющиеся точки зрения на концепт и его определения в лингвистике, С. Г. Воркачев, приходит к следующему: «Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой»¹⁴.

Из сказанного следует, что концепты составляют понятийный фонд, из которого извлекаются мыслительные единицы для осуще-

ствления речемыслительной деятельности. Концепты являются теми единицами, с помощью которых человек создает свое представление о мире. Концепты характеризуются определенными свойствами и объединяются в системы. Концепты всегда имеют языковое выражение, хотя концептуальная информация существует в сознании человека в вербальном и невербальном виде.

Наряду с понятием «концепт» в филологии существует понятие «концепт текста», понимаемое как «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста»¹⁵. Являясь своеобразной «точкой взрыва» (В.В. Красных), вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой – конечной целью при его восприятии.

С точки зрения В.В. Красных, концепт зарождается до порождения текста и «разворачивается» именно в процессе порождения последнего. Однако после порождения концепт никуда не исчезает, он существует в самом тексте (хотя и в скрытом виде). Таким образом, по мнению исследователя, концепт текста, будучи воплощением интенции, служит «отправной точкой» для порождения текста, является целью при восприятии последнего, хранится в памяти в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развернут в абсолютно новый текст.

Концепт «Оренбург» является концептом Оренбургского текста русской литературы и культуры.

Лексическая экспликация концепта «Оренбург» в русской поэзии и прозе XIX – XX вв. имеет свои особенности. Лексические единицы, содержащие описания поэтов и писателей города Оренбурга, его окрестностей, достопримечательностей, природы и др., объединены в семь семантических групп: «степь», «город», «огромный, крупный по размерам», «центр», «граница», «родное, близкое человеку пространство», «исторический».

Семантическая группа (СГ) «степь» в поэзии представлена лексемой *степь* (17 употреблений) и сочетаниями *степная сторона*, *степь печальная*, *степи волнистые*, *степь унылая*, *степь бесплодная*, *степь угрюмая*, *вольная степь*, *дикая степь* (1) и др. В прозе эта же СГ обозначена словосочетаниями *ровная степь* (2), *пустынная степь*, *большое степное пространство*, *безлесная и волнообразная бесконечная равнина* (1).

СГ «город» состоит из нескольких компонентов: «город как место», «город как место строений», «город как населенное людьми место». Компонент «город как место» представляет Оренбург локально фиксированным объектом. К числу географических показателей, отраженных в поэтическом концепте «Оренбург», относятся такие, как водоемы, рельеф, растительность, животный мир, особенности климата. Неотъемлемой частью Оренбурга является река Урал, упоминание о которой присутствует во многих пейзажных зарисовках и встречается в поэзии 54 раза в форме прямых и косвенных наименований. Чаще всего поэты используют старое названия реки Урал – *Яик* (13 употреблений – В.Багров, А.Возняк, С.Есенин, Л.Исаков): *Яик неспокоен*. Дважды встречается древнее название реки и Уральских гор – *Рифей* (Г.Державин, П.Кудряшев). Собственно гидроним *Урал* встречается 13 раз в сочетаниях *берег Урала* (А.Крюков, П.Кудряшев, С.Щипачев), *река Урал* (А.Коваленков, П.Кудряшев), *берега Урала* (С.Аксаков). В отличие от поэзии, где преобладает прежнее название реки Урал – *Яик*, в прозе это наименование встречается несколько раз в сочетаниях *Яик Горыныч* (Н.Корсунов), *седой Яик* (В.Правдухин), *за родной Яик* (В.Даль), *древний, седой Яик* (В.Правдухин), *вольный Яик* (В.Правдухин). Гидроним *Урал* присутствует в прозе в виде отдельной лексемы 6 раз и многократно в словосочетаниях *тихие воды Урала* (В.Правдухин), *по течению реки Урала* (В.Даль), *Урал обмелел* (В.Правдухин) и др.

При характеристике водных объектов Оренбургского края в прозаических текстах Оренбургского текста употребляются гидронимы: *река Бела*, *Моховые озера*, *река Бугуруслан* (С.Аксаков), *Сакмара* (П.Кудряшев), *озера твои – Кандры и Каратабынь*, *Насягай* (С.Аксаков), *игривая и светлая Каргала* (П.Кудряшев) и др.

Своеобразно в поэзии и изображение рельефа Оренбургского края. Область ассоциируется у поэтов прежде всего с горами (10 наименований), которые сравниваются с лицом человека, при этом используется архаизм *чело*: *горы до небес чело свое взносящи* (С.Аксаков); эпитеты *страшный*, *отвесный*, *горбатый* указывают на опасность гор как рельефа местности: *вершины страшных гор* (П.Кудряшев), *вершины отвесных гор* (Л.Исаков); возраст гор отмечается эпитетом *древний* и прежним названием: *Рифейские древние горы*, *Рифейские скалы* (С.Аксаков). В прозе встречается описание гор, выраженное следующими номинациями: *Рифейские каменистые горы* (П.Кудряшев), *угрюмые Рифейские горы* (П.Кудряшев) (подчеркивается воз-

раст гор, на что указывает их древнее название); *крутая гора, голые крутые взлобки гор стали еще круче и голее, очень высокие горы, уступы гор, скаты величавых горных хребтов* (С.Аксаков) (обращается внимание на высоту и значимость гор), что позволяет говорить о таком гештальте, как «Оренбург – сложный рельеф».

Привлекает внимание поэтов и писателей и растительность Оренбургского края, которое передается изображением характерного для степной зоны растения – ковыля. При описании ковыля поэты прибегают к метафоризации: *ковыль разливается половодьем* (Н.Клементьев), *ковыль в белесой дымке тонет* (А.Возняк), *травы седеют средь белого лета* (В.Багров), а писатели используют как прямые, так и косвенные наименования этого растения. Среди прямых номинаций выделены следующие: *земля вся ковыльная* (Л.Толстой), *особенного вида приземистый, рассыпчатый ковыль* (С.Аксаков), *ковыль развивает пуховые нити* (С.Аксаков), *перлово-сизые волокна ковыля* (С.Аксаков), *седой придорожный ковыль* (В.Даль) и др.; среди косвенных: *степь, похожая на открытое море* (А.Толстой), *белой шалью расстилается степь* (И.Уханов), *седые степи* (В.Правдухин), *косматые степные былинки* (М.Михайлов), *серебристый ковер степных далей* (В.Пистоленко).

По сравнению с поэтическими текстами Оренбургского текста, в прозаических значительное место отводится описанию лесов и лесной растительности: *лесистая урема, зеленая, цветущая и душистая урема, березовая роща* (С.Аксаков), *кудрявая роща* (П.Кудряшев) *березы* (С.Аксаков, П.Кудряшев, Г.Успенский), *осоко́ри, дуб* (С.Аксаков, Н.Каразин), *душистые черемухи лесная малина* (С.Аксаков).

Особенности климата Оренбургского края наблюдаются в следующих номинациях, представленных в поэтических текстах: 1) описание ветра: *сухове́й жестокий сушит все в округе* (Л.Баева); 2) описание метелей, буранов, пурги: *стучатся метели в оконные рамы* (Г.Красников), *кроет буря мглою! Не видать ни зги!* (И.Бехтерев), *врываются в город бураны* (Г.Красников), *взрытая пургой* (В.Наседкин) и др. При описании особенностей климата Оренбуржья авторы используют преимущественно метафоризацию, глагольную: *ветра несут, стучатся метели, врываются бураны*, и именную: *жестокий, усталое (лицо)*, что позволяет говорить о гештальте «Оренбург – суровый климат».

Компонент «строения» в концепте «Оренбург» конкретизируется при характеристике микропонимов города Оренбурга. Наибо-

лее часто упоминаемым в поэзии районом Оренбурга является *Форштадт* (5 раз) (Л.Исаков, Ю.Орябинский), также встречаются названия некоторых улиц города: *Советская улица* (А.Фатьянов), *Школьная улица* (В.Перкин). В прозе чаще других замечены микро-топонимы *Форштадт* (5) (В.Даль, В.Правдухин, П.Свиньин) и *Голубиная слободка* (3) (П.Свиньин). Единичными упоминаниями обозначены *гора Маяк* (П.Свиньин); *Советская улица* (С.Антонов); *на скрещении Николаевской и Гостинодворской улиц*; *Хлебная площадь* (В.Правдухин). Из городских объектов наиболее часто упоминаются как в прозе, так и в поэзии, храмы и соборы: *колокольня форштадтского храма* (Л.Исаков), *старинный собор* (Л.Исаков), *над Форштадтом янтарь куполов* (Ю.Орябинский) и др.

В оренбургской поэзии находит свое выражение и компонент «город как населенное людьми место», поскольку слово *город* имеет и метонимическое значение: «жители города». В оренбургских произведениях запечатлены разнообразные национальности, населяющие Оренбургский край: *черемис, татарин, кочевник-киргиз* (Л.Исаков), *башкиры* (В.Багров). В поэзии показаны трудовые качества населения: *народ работающий*; физические качества: *народ плечистый, на пляску выходят: движенья, что выстрелы*; моральные качества людей: *душа у народа, как степь, широка* (Р.Герасимов); культурно-нравственные особенности жителей: *заунывные напевы* (И.Бунин), *песни – медлительней, чем облака* (Р.Герасимов). В прозе помимо национальностей края отмечены сословия населения края: *крестьянство* (Г.Успенский), *мужики, мещане, торговцы* (В.Короленко), *богатые купцы* (В.Даль), *русские и азиатские купцы* (А.Крюков); обращено внимание на этнические особенности жителей Оренбуржья: *казачки в старинных живописных сарафанах с парчовой оторочкой* (В.Короленко), *раздольные степные песни* (И.Уханов), *смешение новомодных платьев со старобытными сарафанами* (М.Михайлов).

СГ «огромный, крупный по размерам» реализована в номинациях *степной простор* (А.Алдан-Семенов, А.Возняк, В.Наседкин), *неоглядная целина* (А.Фатьянов), *куда ни помотришь – поля да поля* (Н.Клементьев), *обширнейшее поле* (Л.Исаков), *степь необъятная* (Л.Исаков), *Оренбургская степь как Вселенная* (А.Тепляшин), *степь как океан* (И.Бехтерев), *степь без конца и края* (А.Возняк), *бесконечные степи* (Р.Герасимов), *неоглядное море* (Ю.Безус), *степные пространства* (В.Кузнецов), *раздолье степей* (Л.Исаков). В данном случае семантический компонент «крупный, огромный» представлен

эпитетами *неоглядный, пустынный, широкий, обширнейший, необъятный, бесконечный*, а также сравнениями: *степь как Вселенная* и *степь как океан*, где *Вселенная* имеет значение 'все мироздание, весь мир' (С.Ожегов), а *океан* - 'весь водный покров Земли' (С.Ожегов); в переносном смысле все это указывает на огромные степные пространства.

Оренбургская область расположена на границе Европы и Азии, что формирует такой семантический компонент концепта, как «граница», проявляющийся в поэтических текстах в прямых и косвенных номинациях Востока и Азии: *столб с перекладной* (В.Багров), *мало самобытности Востока, столичности Москвы* (Д.Кан), *тут край Руси* (А.Возняк), *край, а не столица* (А.Возняк), *из Европы в Азию пешком* (Н.Глазков), *из Азии в Европу* (Н.Кондакова), *глаз своих город не сводит с Востока* (В.Багров), *под небеса Востока* (А.Плещев), *караваны степные* (В.Багров). В прозаических текстах имеются следующие номинации обозначенного семантического компонента: *Европа сошлась с Азией* (М.Авдеев), *медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азия смотрела на юркую и подвижную Европу* (В.Короленко), *он надменно поглядывал на дремлющую Азию* (В.Правдухин).

В поэтических текстах Оренбургского текста найдено 45 лексем и словосочетаний, содержащих обобщающий семантический компонент «родное, близкое человеку пространство», реализованный, прежде всего, в лексеме *родина* (В.Перкин, А.Цирлинсон), а также в сочетаниях слов *родимый край* (П.Кудряшев, А.Крюков, В.Логвинов, С.Щипачев), *милый край* (А.Григорьев, П.Кудряшев), *родина моя* (С.Аксаков, В.Кузнецов, В.Петров), *родной край* (Н.Клементьев, Р.Герасимов), *Оренбуржье родное* (Р.Герасимов), *земля родная* (Е.Курдаков), *родная сторона* (С.Попова), *степь – кровь моя* (Н.Клементьев) и др. Этот семантический компонент в прозе представлен единичными экспликациями.

Из вышесказанного следует, что концепт может быть связующим звеном текста («концепт текста»). Поэтому концепт «Оренбург», являясь концептом Оренбургского текста, служит источником единства Оренбургского текста русской литературы и культуры.

Примечания:

¹ Лотман Ю. М. и тартусско-московская семиотическая школа [Текст]. – М., 1994. – с. 203.

² Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. – М., 1992. - с. 178.

³ Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века [Текст] / В. В. Абашев. – Пермь : Изд – во Пермского университета, 2000. – с. 10.

⁴ Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – с. 324.

⁵ Петрова, Н. В. Текст и дискурс [Текст] / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. - №6. – с. 123.

⁶ Петрова, Н. В. Текст и дискурс [Текст] / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. - №6. – с. 124.

⁷ Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – с. 117.

⁸ Чанышева, З. З. Средства создания скрытой информации в тексте (лингвокультурологический и когнитивный аспекты) [Текст] / З. З. Чанышева. – Уфа, 2000. – с. 31.

⁹ Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания [Текст] / В. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. - №2. – С. 3 – 29; Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2000; Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.; Стернин, И. А. Концепты и лакуны [Текст] / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 55 – 67.

¹⁰ Арутюнова, Н. Д. Введение [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – с. 3.

¹¹ Слышкин, Г. Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – с. 10.

¹² Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

¹³ Сёмкина, Н. А. Концепты и их связи в тексте [Текст] / Н. А. Сёмкина // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. научных трудов / Под ред. Л. А. Манерко. – Рязань, 2002. – с. 106.

¹⁴ Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. - №1. – С. 64 – 72.

¹⁵ Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – с. 127.

Попова Л. В. (Миасс)

«ДУШЕГУБЕЦ» В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Исследование выполняется на материале первого печатного памятника русского права – «Уложения» 1649 года, которое представляет собой результат профессиональной речевой деятельности коллективного субъекта, следовательно, репрезентирует лингвоправовое (правовое языковое) сознание. Лингвоправовое сознание понимается

как совокупность образов правового сознания, обеспечивающего механизмы профессиональной речевой деятельности, результаты которой отражены в языке письменной юридической коммуникации.

В рамках теории В.М. Живова «Уложение» рассматривается как граница двух этапов эволюции русского права. В эпоху юридического дуализма взаимодействие византийского и русского права происходило в контексте столкновения христианской и языческой культур¹. При этом определяющим фактором оказалась социолингвистическая ситуация в Древней Руси, характеризуемая Б.А. Успенским как церковнославянско-русская диглоссия, то есть сосуществование двух языков, выполнявших различные функции². Таким образом, в Древней Руси обычное право излагалось на древнерусском языке, а византийское – в кодексах на церковнославянском языке³. В этой ситуации церковнославянский язык выступал не только как письменно-литературный, но и как сакральный, официальный, а русский – как профанный, мирской⁴.

«Уложение» стало первой вехой в процессе разрушения юридического дуализма, поскольку действующему праву был присвоен культурный статус. Новизну «Уложения» В.М. Живов усматривает прежде всего в том, что «это сознательно составленный законодательный кодекс, вводящийся прямым действием царской власти и устанавливающий новый порядок»⁵. Известно, что среди источников «Уложения» есть как русские, так и инокультурные – византийское и литовское законодательство. Таким образом, «прямое заимствование элементов “культурного” права в состав русского юридического кодекса разрушает систему предшествующего периода, знаменуя конец дихотомии византийского “культурного” права и права русского, стоящего вне культуры»⁶. Процесс разрушения юридического дуализма сначала происходил в скрытой форме: заимствуемое византийское право сознательно оформлялось в «Уложении» по модели русских юридических текстов – церковнославянские тексты переводились на русский язык. Затем русский юридический язык подвергался архаизации и славянизации с целью придания «Уложению» культурной значимости⁷. По мнению В.М. Живова, вытеснение русских терминов церковнославянскими (устранение оппозиции либо введение новых терминов) свидетельствует об усвоении новым законодательством культурного статуса⁸.

Признавая справедливость отмеченных выше тенденций в развитии права и правового языка, считаем необходимым уточнить, до-

полнить и скорректировать изложенные данные путем семантического и коммуникативно-прагматического анализа номинативной группы *душегубец, душегубное дело*, представляющей лингвоментальный образ преступника-убийцы.

Гипотезой исследования является предположение о том, что формирование многих профессиональных категорий и понятий в лингвоправовом сознании было недостаточно последовательным вследствие влияния этических и религиозных представлений русского этноязыкового коллектива, членами которого были юристы.

Так, например, лингвоментальный образ законопослушного субъекта формировался на базе стереотипного представления о личности, обладающей социально одобряемыми качествами: терпимостью, снисходительностью, доброжелательностью, честностью, порядочностью, благонамеренностью, усердием, компетентностью. Для номинации субъекта правомерного поведения в тексте «Уложения» используется устойчивое сочетание *человек добрый*, непосредственно соотнесенное с лексико-семантическим полем «добро» и опосредованно – с лексико-семантическим полем «закон»⁹.

Номинативная группа *душегубец, душегубное дело* относится к церковнославянскому языковому слою текста «Уложения», и в этом аспекте подтверждается концепция разрушения юридического дуализма. Однако номинации *душегубец* и *душегубное дело* в тексте «Уложения» не играют доминирующей роли по частотности употребления (в отличие от активно функционирующих *убийца, убийство*). Оценивая соотношение двух типов номинации, мы приходим к выводу о специфичности языковой рефлексии образа убийцы.

По нашему мнению, номинативная стратегия является компонентом коммуникативной стратегии в дистантной коммуникации, отражением которой является текст «Уложения». В номинации фиксируется и может быть передана информация об объекте. Закрепленный знак воспринимается реципиентом, адресат является одним из факторов номинации.

Внутренняя форма лексем *убить, убийца, убийство* несет в себе признак причинения физического вреда. Значение лексем в общем смысле – ‘лишение жизни, умерщвление тела’. Категориальные различия выражаются в указании на действие, деятеля, результат действия. Использование номинации данного типа традиционно для юридической коммуникации. Доминирование этой номинации свидетельствует о том, что в коммуникативно-прагматическом аспекте для юри-

ста XVII века было важно в первую очередь квалифицировать поступок субъекта, незаконно лишаящего жизни другого субъекта, по внешним, формальным параметрам: в результате данного преступления жертва умирает. Таким образом, рассмотренную номинацию можно считать объективной в профессиональном аспекте. «А **убьеть** сынъ Боярской, или сынъ его, или племянникъ, или прикащикъ чьего крестьянина, а съ пытки тотъ **убійца** въ томъ **убійствѣ** учнетъ говорить, что онъ **убиль** въ дракѣ, а не умышленіемъ, или пьянымъ дѣломъ: и у того сына боярскаго, изъ его помѣстья взять лутчаго крестьянина съ женою и съ дѣтьми, которыя дѣти съ нимъ живутъ вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ, и со всѣми животы, и отдати во крестьяны тому помѣщику, у котораго крестьянина **убили**; а жену убитаго крестьянина и съ дѣтьми и съ животы у того помѣщика у котораго крестьянина **убили**, не отымати; да на такихъ же **убійцахъ** такихъ побитыхъ крестьянъ правити кабальные долги, и сажати ихъ въ тюрьму, до Государева указу, а смертію ихъ не казнити; а въ безкабальныхъ долгахъ отказати» (*Выделено нами. – Л. П.*)¹⁰.

Словообразовательная структура лексем *душегубец*, *душегубный* указывает как на морфологическую связь с лексемой *душа*, так и на семантическую связь с лексико-семантическим полем «душа». Лексема *душа* в русском и церковнославянском языках обладает сложной семантической структурой, в которой сосуществуют абстрактные и конкретные значения, причем конкретные значения сформированы путем семантического переноса.

Душа – «1. По религиозным представлениям – бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека и способное существовать отдельно от тела», «3. Живое существо», «4. Человек»¹¹.

«1) Вообще духъ вліянный въ тѣло животное», «2) Особенно душа человѣческая. а) Существо безтѣлесное, одаренное способностію понимать, мыслить, рассуждать, хотѣть и проч. и которое имѣетъ увѣреніе о своихъ дѣйствіяхъ, такъ же волю, свободу и есть главня сила на тѣло дѣйствующая. <...> б) Въ отношеніи къ хорошимъ или худымъ человѣка качествамъ говорится <...>. в) Въ отношеніи къ душамъ отъ тѣла разрѣшившимся говорится <...>. г) Иногда тоже значить что, Совѣсть <...>. д) Человѣкъ мужескаго или женскаго пола всякаго возраста <...>»¹².

«1) Безсмертное духовное существо, одаренное разумомъ и волею <...>. 2) *Церк.* Духъ, вліянный въ тѣло животнаго; жизнь <...>. 3)

Душевное свойство человека <...>. 4) * Совесть <...>. 5) Человекъ всякаго пола и возраста»¹³.

Абстрактные значения восходят к религиозно-мифологическим представлениям о бессмертной нематериальной субстанции, временно пребывающей внутри живого человека или животного. Возможность включения в юридическую коммуникацию XVII века компонентов лексико-семантического поля «душа» обусловлена древнейшими закономерностями эволюции права. Как известно из работ В.В. Иванова и В.Н. Топорова, в древнем синкретическом культурном комплексе «предправо» было сплетено с системой мифопоэтических представлений¹⁴, поэтому славянское право связано в своих истоках со славянским язычеством и архаическая юридическая традиция является частью языческой культуры¹⁵.

С другой стороны, в русском языковом сознании более позднего времени, в том числе XVII века, согласно лексикографическим данным, представление о душе детерминировано христианским культурным контекстом. Душа – одно из понятий религиозного сознания. Некоторые значения лексемы *душа* связаны с системой нравственных ценностей. Значит, в языковом сознании юристов XVII века представление о душе синтетично, семантически многослойно. Если в общерусском языковом сознании семантические слои понятия *душа* выстроены от абстрактных к конкретным, то в лингвоправовом сознании, судя по реализации семантического потенциала производных лексем *душегубец*, *душегубный* в юридическом тексте, происходит трансформация исходной семантической структуры: на первый план выдвигается конкретный семантический слой, на втором плане – абстрактный.

«А которые воры, тати, или розбойники и **душегубцы** учнуть сидѣти въ тюрьмахъ въ городѣхъ до полугода: и тѣхъ воровъ въ городѣхъ Воеводамъ и Приказнымъ людемъ и Губнымъ старостамъ, безъ Государева указу, изъ тюремъ не выпускати, и въ холопство и во крестьяны къ себѣ не имати, и инымъ никому такихъ воровъ въ холопство и во крестьянство не отдавать. <...> А будетъ до которыхъ тюремныхъ сидѣльцовъ разбойное и татиное и **душегубное дѣло** не дойдетъ, и доведется ихъ изъ тюрьмы выпустити: и такихъ изъ тюремъ выпускати, и къ Государю къ Москвѣ о указѣ не писавъ, а въ холопство и во крестьянство ихъ Воеводамъ и приказнымъ людемъ и Губнымъ старостамъ къ себѣ не имати, и инымъ никому, по свойству, или по дружбѣ, ихъ въ холопство и во крестьянство не отдавати»¹⁶.

Корреляция с профессиональными номинациями из сферы права (*во-евода, вор, государев указ, приказные люди, разбойник, разбойное дело, тать, татиное дело, тюрьма* и другими) подтверждает наличие у номинативной группы *душегубец, душегубное дело* юридического значения, как и у терминов *убийца, убийство*.

В историко-лингвистических словарях прослеживается постепенное упрощение семантической структуры лексемы *душегубец*: двухкомпонентная в XI–XVII веках становится однокомпонентной в XVIII–XIX веках. Сложная семантическая структура включает значения, характеризующие человека по его действию, приводящему, во-первых, к умерщвлению кого-либо, во-вторых, к разрушению чьего-либо внутреннего мира: «1. Убийца», «2. Губитель душ»¹⁷. В простую семантическую структуру второе значение не входит: «смертоубийца»¹⁸, «Убийца»¹⁹. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» носителем второго значения является *душегубитель* – «Погубивший душу» и производное *душегубительный* – «Церк. Погубляющий душу»²⁰.

Языковым аналогом профессиональной номинации *душегубное дело*, используемой в «Уложении», в историко-лингвистических словарях выступает лексема *душегубство*, обладающая значением ‘убийство’ на протяжении XI–XIX веков («1. Убийство, лишение жизни»²¹, «смертоубийство»²², «Смертоубийство»²³), а также дополнительным профессиональным значением «2. Судопроизводство по уголовным преступлениям и связанная с ним подать в пользу великокняжеских ли царских наместников»²⁴. Следует отметить, что лексема *душегубный* в старославянском языке имеет религиозно-нравственное значение: «губящий души, пагубный»²⁵.

Конкретный, юридически значимый семантический слой номинативных единиц *душегубец, душегубное дело* не противоречит абстрактному, религиозно-нравственному семантическому слою. Актуальность последнего прослеживается в лексикографическом толковании производящего глагола *душегубствовать* («гл. ср. рѣдкоупотр. Убиваю, умерщвляю, предаю смерти невинныхъ»²⁶, «Предавать смерти, умерщвлять злодѣйски»²⁷) и фразеологизма *погубить душу* – «1) Въ смыслѣ Св. писанія: за преступленіе заповѣдей Божіихъ осуждену бытии на мученіе»; «2) Лишить жизни невиннаго»²⁸.

Таким образом, в профессиональном контексте у номинативной группы *душегубец, душегубное дело* эксплицитно представлено общее значение ‘лишение жизни, умерщвление тела’. Поскольку внут-

ренняя форма лексем *душегубец*, *душегубный* несет в себе признак причинения психологического вреда, имплицитное общее значение – ‘лишение психологической гармонии, разрушение внутреннего мира’. Оно, по-видимому, существовало на уровне пропозиции благодаря общему лингвокультурному фону коммуникантов (профессионалов и непрофессионалов).

Подводя итог, назовем вероятные причины введения в юридический текст дополнительной номинации убийцы. Во-первых, принимаемая основной тезис работы В.М. Живова о сознательном заимствовании законодателями элементов культурного (византийского и церковнославянского) права, можно рассматривать номинативную группу *душегубец*, *душегубное дело* как часть церковнославянской правовой терминологии. Во-вторых, использование данных номинативных единиц характеризует коммуникативную деятельность юристов как членов русского этноязыкового коллектива. Внимание к духовной жизни человека является одной из этнокультурных доминант. Составители юридического текста отчасти сознательно, отчасти бессознательно апеллировали к данной этнокультурной доминанте. Рассмотренная номинативная группа может быть названа субъективной в профессиональном аспекте. Основная, объективная коммуникативная цель – квалификация поступка убийцы по формальным параметрам – дополнялась субъективной целью, заключающейся в оценке убийцы с религиозно-нравственных позиций. Для лингвоправового сознания важным являлся не просто факт незаконного лишения жизни, но и факт посягательства на духовный мир личности, нарушения религиозных заповедей. Результаты данного этапа исследования подтверждают выдвинутую гипотезу.

Примечания:

¹ Живов, В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема / В. М. Живов // Из истории русской культуры. Т. II, Кн. 1. Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М. : Яз. славян. культ., 2002. С. 654.

² Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. М. : Гнозис, 1994. С. 5.

³ Живов, 2002. С. 653.

⁴ Успенский, 1994. С. 5, 9.

⁵ Живов, 2002. С. 688.

⁶ Живов, 2002. С. 690.

⁷ Живов, 2002. С. 691.

⁸ Живов, 2002. С. 698.

⁹ Попова, Л. В. «Человек добрый» как номинация субъекта правомерного поведения

в «Уложении» 1649 года / Л. В. Попова // Шестые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 26–27 февр. 2013 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2013. Ч. I. С. 288–291.

¹⁰ Уложение. 1649 // Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. I. № 1. С. 148.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1977. Вып. 4. С. 384–387.

¹² Словарь Академии Российской. Часть II. Отъ Г до З. Въ Санктпетербургъ, при Императорской Академіи Наукъ 1790 года. С. 822–824.

¹³ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. Санктпетербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847. С. 379–380.

¹⁴ Иванов, В. В. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов, Загреб–Любляна, сент. 1978 г. : докл. советской делегации. М. : Наука, 1978. С. 221–240; Иванов, В. В. Древнее славянское право : Архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка / В. В. Иванов, В. Н. Топоров / Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. : Наука, 1981. С. 10–31.

¹⁵ Живов, 2002. С. 654.

¹⁶ Уложение. 1649. С. 153.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 389.

¹⁸ Словарь Академии Российской. Часть II. С. 419.

¹⁹ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. С. 380.

²⁰ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. С. 380.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 389–390.

²² Словарь Академии Российской. Часть II. С. 419.

²³ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. С. 380.

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 389–390.

²⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999. С. 200.

²⁶ Словарь Академии Российской. Часть II. С. 419.

²⁷ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ I. С. 380.

²⁸ Словарь Академии Российской. Часть II. С. 420.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МАТЕРИ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Предпосылки к исследованию проблематики априорных идей воображения, т.е. архетипов, уходят корнями в теорию Платона о мире идей.

В силу своей глубинной инвариантности, архетип можно обозначить как некую константу, которая, в свою очередь, представляет собой базовый устойчивый «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время»¹. В особенности, как полагает Ю.С. Степанов, это касается культурных метаконцептов, собственно, и составляющих метаязыки культуры — «тонкую пленку цивилизации»².

А.Ю. Большакова так трактует архетип: «метаконцепт как предельное воплощение принципов иерархии суммирования в системе метаязыков культуры, исследование которых включает в себя набор особых приемов и моделей анализа: таких, как «метаописание», «метаобраз» и пр.»³.

Д. Данов называет архетип «антропологической константой», И. Смирнов представляет архетипы как «родовые способы концептуализации действительности»⁴.

Исходя из утверждения, что концептосфера культуры формируется через именование, т.е. «возникновение вербализованных аналогов довербальных сущностей»⁵, то к архетипам культурного бессознательного можно отнести наиболее сильные из них, объединяющие множество единичных проявлений той или иной сущности, а также наиболее устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения.

В настоящее время считается, что, являясь константой, архетипы выступают в качестве базовой модели человеческого мировосприятия. Такие качества архетипа, как константность и инвариантность, подразумевают ментальное расширение первичной модели, что обуславливает вариативность его воплощений в культуре (литературе) и своеобразную эволюцию.

Архетип реализуется в разных литературных контекстах как вариативная инвариантность. Один инвариант имеет несколько вариантов репрезентаций. А.А. Кушниренко предлагает считать вариантом

«внешнее проявление в конкретном тексте архетипических подсознательных схем (инвариантов)»⁶. Архетип (инвариант), наполняясь конкретным материалом, выявляет свою осознаваемую форму реализации, которая и закрепляется в традиции. Как следствие, такие явления, как вечные персонажи, мотивы, обладая архаичной семантикой, не теряют своей актуальности.

По мнению Е.М. Мелетинского, в литературе архетипы являются первичными схемами сюжетов и образов, которые составляют изначальный фонд литературного языка. Эти «постоянные сюжетные элементы» складываются в архаических нарративах и позднее сохраняются в литературе⁷.

В настоящее время в литературоведении архетипическими принято считать не только традиционно образы и сюжеты, но и мотивы, а также детали. Так, Е.М. Мелетинский считает, что под архетипическим мотивом следует подразумевать «некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубинный смысл»⁸.

Несколько отличное понимание архетипа можно наблюдать в работах В.Н. Топорова. Ученый полагает, что архетипическое начало проявляется в различных структурных элементах произведения. Так, он обращает внимание на то, что «в центре ... книги, глубже ее эмпирического уровня находятся проблемы мифопоэтического, символического, архетипического как высшего класса универсальных модусов»⁹. При этом необходимо учитывать тот факт, что отношение художественно-литературных текстов к этим модусам двойственно, так как тексты выступают в «пассивной» функции источников, по которым можно судить о присутствии в них этих модусов, но эти же тексты способны выступать и в «активной» функции, тем самым самостоятельно формируя мифологическое и символическое, открывая архетипическому «путь из темных глубин подсознания к свету сознания»¹⁰.

Канадский литературовед Н. Фрай, являющийся одним из представителей ритуально-мифологической школы литературоведения, полагает, что писатели не отражают действительность, но делают явными в своих произведениях те базовые предлитературные мифы, которые являются центральными по отношению к культурному наследию человечества¹¹. При этом ученый представляет цель науки о литературе как архетипа, который писатель только обновляет. Тем самым, Н. Фрай определил архетип как символ, образ, который является элементом общего литературного опыта.

Именно через процесс сравнения, сопоставления сюжетов произведений и образов можно выделить тот изначальный элемент, которым является архетип.

Н.С. Вдовушкиной была разработана «архетипическая модель культуры на основе авторской классификации архетипов в соответствии с выполняемыми ими в культуре функциями»¹². В культурном пространстве ею были выделены три основные группы архетипов:

1) осевые архетипы, основной функцией которых является связь герменевтических сфер понимания и предпонимания (Герой, Анима/Анимус);

2) векторные архетипы, генерирующие и аккумулирующие новые смыслы (Вещь, Тень, Гость);

3) консолидирующие архетипы, объединяющие смыслы и сохраняющие устойчивость культуры (Великая Мать, Дух, Дитя).

Отдельную группу архетипов составляют «хаотические» архетипы (Деструкт, Дракон, Другой, Самость), расположенные вне культурного пространства и обладающие сложноорганизованной структурой. Все архетипы образуют особое архетипическое пространство.

Как полагает Н.С. Вдовушкина, архетипы консолидирующей группы скрепляют герменевтическое ядро культуры и сдерживают разбег смысловых траекторий культуругенеза, обуславливая существование культурных периодических резонансов. Осевая группа архетипов выполняет функцию осевых структур в герменевтических кругах понимания и предпонимания и служит силой, уравнивающей центробежные и центростремительные культурные тенденции; архетипам этой группы свойственны квазипериодические резонансы. Векторную группу составляют «центробежные» архетипы, определяющие открытость культурной системы новым культурным влияниям, тенденциям, смыслам и вызывающие хаотические культурные резонансы.

При этом современная культура демонстрирует качественное изменение функций базовых архетипов, связанное с нарушением смысловых связей в ее герменевтическом пространстве. Так, консолидирующий архетип Великой Матери, при сохранении творческой составляющей, перестает выполнять функцию сохранения культурных образцов. Н.С. Вдовушкина отмечает, что Великая Мать находится в довольно двусмысленном положении, так как, с одной стороны, она «покинула сакральный герменевтический центр», а с другой, она «унесла его с собой», а также она почти «забыла», кем была, и поэтому разучилась творить «добрые вещи»¹³.

Н.В. Свитенко, рассуждая об архетипических полярностях образа матери, утверждает, что архетип Матери несет в себе два начала: «кормящей и дающей жизнь, с одной стороны, лишаящей чего-то, пожирающей, с другой стороны»¹⁴. Амбивалентность заключается в чувстве любви-ненависти. В процессе расщепления архетипа матери его надличные высокие качества превращаются в «падшие проявления символов», а, расщепившись, он превращается в Пожирающую Мать, «заедающую чужую жизнь»¹⁵.

В.Я. Пропп в исследовании «Исторические корни волшебной сказки» рассматривает аспекты образа матери, говоря о происхождении народной сказки¹⁶.

В работе «О литературных архетипах» Е.М. Мелетинский связывает архетип Великой матери со сказочными ведьмами, с аналогичными персонажами несказочной прозы, с мачехой из волшебной сказки¹⁷.

М.-Л. Фон Франц¹⁸ и С. Биркхойзер-Оэри¹⁹ для изучения архетипического образа матери в волшебной сказке используют метод психологической интерпретации.

А.Ю. Панова рассматривает проявление архетипических черт в образе матери астраханской и общерусской волшебной сказки²⁰.

Рассматривая семантические признаки персонажа семейной сказки, Е.С. Новик подчеркивает семейный статус, отмечая, что возможны некоторые трансформации образа матери, которые, однако, вполне укладываются в общую картину. Так, например, мать, интерпретируемая как «старший по поколению прямой родственник женского пола», в качестве предка может выступать в индивидуальной сфере значений как умершая²¹. В этом случае мать наделяет дочь чудесным помощником или дает ей мудрые советы.

В остальных случаях мать не обладает признаками сверхъестественного существа. Будучи лишенной данных признаков, мать в качестве любовницы атамана или Змея, т.е. обладая «неправильным» семейным статусом, может инициировать ситуацию вхождения чужого в дом (сказки типа «Звериное молоко»)²². Е.С. Новик предлагает рассматривать данный случай как переходный от мачехи.

Кроме этого семейный статус матери может быть не «неправильным», а неполным, в такой ситуации она является вдовой с крестьянским сословным статусом, имущественный статус можно охарактеризовать как бедность.

Неполным может быть и родственный статус: старуха изображается в сказке как бездетная или потерявшая детей. В этом случае

она становится матерью чудеснорожденного сына, а сословная принадлежность ее при этом варьируется (бедная старуха или бездетная царица).

Отметим, что в данных случаях мать локализуется в собственном царстве. Переходным звеном является мать-царица, для которой признаками индивидуального статуса служат красота и молодость. Ее либо похищает Змей, либо подменяют дочерью ведьмы, вследствие чего с учетом молодого возраста она переходит из класса матерей в класс жен.

Таким образом, статус матери обуславливает амбивалентность ее образа.

При анализе отношения матери к дочери/дочерям и сыну/сыновьям можно проследить, что мать любит их, заботится, помогает советом, хочет спасти своих детей (сказки типа «Крошечка-Хаврошечка», «Морозко», «Василиса Прекрасная», «Баба-Яга», «Буренушка», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Терешечка», «Кашей Бесмертный»).

Однако мать также может любить только старшую и не любить младшую дочерей (сказки типа «Золотой башмачок»), не любить младшего сына (сказки типа «Летучий корабль»), а также по ошибке или по приказу мужа убивает своих детей (сказки типа «Баба Яга и заморышек», «По колено ноги в золоте, по локоть в серебре», «Косоручка»).

В сказке слепая, не знающая границ любовь матери тесно переплетается с негативными чувствами к неродной дочери (сказки типа «Василиса Прекрасная»).

Отметим, что в сказке «Иван Быкович» в роли матери выступает Баба-Яга, которая мстит за смерть своих сыновей.

Говоря о деструктивизме архетипического образа матери, необходимо уточнить, что он инициировался требованиями мужского персонажа (мужа, любовника) (сказки типа «Чудесная курица», «Притворная болезнь», «По колено в золоте, по локоть в серебре»). Кроме этого, антагонизм матери к собственному ребенку вызван желанием оболгать родственницу, жену брата. В сказке «Косоручка» мать для этой цели убивает свое дите.

Литературный текст волшебной сказки представляет собой организованную целостную систему, в основе ее находится коллективное бессознательное, выразителем которого являются архетипы, в ряде случаев выполняющие функцию своеобразного ядра сюжетного по-

строения и образного комплекса. Архетипическому образу матери в волшебной сказке свойственна дуальность, выраженная через отношение к своим родным и неродным детям.

Примечания:

- ¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С.84.
- ² Там же. С. 84-85.
- ³ Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2012. № 1 (7). Режим доступа: URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html>.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Кушниренко А.А. Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: мат-лы Междунар. заочной науч. конф., 19–24 апреля 2010 г. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. С. 30.
- ⁷ Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. С. 5.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С.4.
- ¹⁰ Там же. С. 4.
- ¹¹ Frye N. The Archetypes of literature // Literature in the modern world. Critical essays and documents / Ed. by Walder D. Oxford, 1990. P. 142–143.
- ¹² Вдовушкина Н.С. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XX-XXI В.В.: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Саратов, 2012. С. 7.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ Свитенко Н.В. Архетипический «код» литературного образа «страшной матери» // Филология как средоточие знаний о мире. Кн. 4. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 118.
- ¹⁵ Там же. С. 119.
- ¹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- ¹⁷ Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
- ¹⁸ Фон Франц М.-Л. Толкование волшебных сказок. М.: Класс, 2007. 128 с.
- ¹⁹ Биркхойзер-Оэри С. Мать: архетипический образ в волшебной сказке. М.: Когито-Центр, 2010. 255 с.
- ²⁰ Панова А.Ю. Архетипические черты образа матери в волшебной сказке // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: мат-лы Междунар. заочной науч. конф., 19–24 апреля 2010 г. Астрахань: Астраханский ун-т, 2010. С. 36 – 40.
- ²¹ Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 214-246
Режим доступа: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>.
- ²² Там же.

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОКИ О «ЗЕЛЕННЫХ ДРУЗЬЯХ» ОРЕНБУРЖЬЯ

Дерево – неотъемлемый атрибут жизни человека, той природы, которая его окружает, в связи с чем понятно внимание поэтов, их интерес либо к определенному дереву, либо к совокупности деревьев (лес, парк, роща, сад и др.), либо к дереву вообще, разных его состояниях, например: Первый снег на деревья ложится, / Засыпает дорожки в саду – В. Бакулин; Потемнели деревья, совсем потемнели, / И взлетевшие шапки домов/ Побелели – Т. Баскова; Расходится свет от багрянца дерев – Н. Волженцев; ...деревья под окнами дремлют, / Открывая небесную высь – В. Заблицкая; В небеса – деревьев пики / Чернотой ввысь – А. Кириллова; Дробилось солнце в деревьях черных – И. Лысцов; Совсем случайно выглянул в окно / И вдруг открыл: деревья пожелтели – В. Макуров; Снег идет и накрывает / Деревья свадебной фатой – В. Пашина и др.

«Инвентарь» деревьев и кустарников, которыми заселен наш Оренбургский край, огромен, и многих представителей этого зеленого богатства поэты описывают: А лист все летел и летел на поляны / С берез и черемух, с акаций и кленов – В. Демулин; ...застыли березы / За шалью зеленых одежд – А. Кириллова; Холодные наши вербы / Безумным пурпуром зажглись – В. Демулин; Январь, январик, мальчуган / Озоровать горазд, смеется, / Что ветлы изукрасил сканью – П. Рыков; Среди желтой нивы / Прольется вишни спелой цвет – В. Макуров; Так нежно-розов вяз / И так сорит листьями... - В. Демулин; От яблони, от груши я / От вишни белой пьян – А. Филатов; Дуб источает чернильную мглу – С. Бычков; С лап своих, всегда зеленых, / Снег отряхивает ель – К. Мусорин; Пусть будет утро. / За окном – апрель / Он пахнет нежно веточкой жасмина – Т. Белозерова; Вижу... / Речные старинные ивы, / Их влажный белесый покров – В. Демулин; ...изредка взлетает в небо стриж / Над берегом, где куст калины красной – Н. Кожевникова; В ряду помертвевших деревьев / Зеленый стоит карагач – А. Тепляшин; Зашумели, словно гуси, / Клены старые в саду – О. Черемухина; ...печалились птицы в кустах красногала – Н. Кожевникова; Кленов и крушины / Зелень – это острова – И. Малов; Старая деревня. Старые липы. / Старые улицы, дом – А. Ляпунов; Лиственницы побурели ежово – В. Демулин; ...лох / Со-

рвет серебряное платье / И ветви вскинет вверх – Н. Кожевникова; Вокруг лежит огромная Россия, / Все также непонятна и тиха, / И черным дымом – белая осина, / И белым дымом – черная ольха – В. Демурин; А в степи по буграм краснобоко / И черно у низинных осин – В. Демурин; ...река / Отраженным, беглым, жарким светом / Листву раakit с изнанки золотит – И. Бехтерев; В рябиновом уборе – рябины в один ряд – В. Филатов; ...пылают в двух шагах / Лиловые кусты сирени – В. Демурин; Берег. Сосны – ярче глины! / Красная кора – А. Филатов; Тополь... / Ты сыплешь над водою и серебро, и медь – В. Демурин; Сизый торн устилает склоны ложбин – С. Бычков; До чего прекрасен белый свет, / Белый цвет черемухи и вьюги – Т. Белозерова; А для меня июнь – всегда волшебник: / Там буйство трав, там обгорели плечи, / Там липы цвет, шиповник... тайное свиданье – Т. Асабина; Вижу яблони в темных садах – В. Трефилов; Надел зеленеющий ясень / Окровавленно-огненный лист – И. Елин.

Представляют читателю авторы и «совокупности» деревьев, в первую очередь – лес, например: За деревней – темные леса – Г. Грибанова; ...все еще осень, сентябрь золотится, / И можно довериться поздним лучам, / Пока лес под инеем не заискрится – А. Ильина; Апрель черен в поле, / В лесу еще бел – А. Иванов-Огарыш; Сброшенным золотом пенится лес – Д. Таганов; Степные вольные страницы / Раскрыла свежая метель: / Темнеет лес, чернеют птицы, / Заледенела в речке мель – А. Филатов; Я пойду по желтым листьям / В тот темнеющий лесок – А. Цирлинсон и др.

Отмечены и другие, и даже именные «собрания» деревьев: Вдруг высветлился березняк – В. Демурин; Светились облака над бором, / Легли, как детские сачки – И. Бортников; На фоне неба серого, седого / Бульвар шумит листвою молодой – В. Макуров; В дубраве расписной иду – И. Лысцов; Прибрежный ивняк по-осеннему мглист – А. Иванов-Огарыш; Ухожу с головой в краснолесье – А. Филатов; ...трепещущий ольшаник / Скуп и наг – Е. Курдаков; Январь. Любуюсь зимним парком – С. Котельников; Кипит и пухнет снегом небосвод, / И ходит роща черною водою - / И не понять, засыплет иль зальет – В. Демурин; В дымке розовой сад / С молодой листвою – К. Сопрунк; Здесь – чащи, дуrolомы, суходол – В. Демурин; Она (рябина – Л.И.) в садах, в чащобах гиблых / Пылает главным знаком октября – В. Одноралов.

Не забывают поэты упомянуть те или иные «компоненты» лесов: Спешу к белоствольной заветной опушке – Н. Карташев; Ветер в

 перелеске листья косит, / Осыпая янтарем жнивье – Е. Вовк; Желтое в рощах да красное / Через поляны сквозит: / Осень. Погода ненастная – В. Демулин; ...я не забыла, / Как мне пел соловей, / Как полянка лесная / Буйно в мае цвела – Л. Ляхова; (Октябрь – Л.И.) ...в березовом пролеске / Надергал желтую листву – П. Рыков; вам спасибо, летние тропинки, / К лесу выведившие меня – И. Малов.

Описываемые объекты поэты изображают в разные времена года. Зима рисуется в таких картинах: Белой сказочной птицей / Летит первый снег над лесами, / В белизну превращая вчерашнюю серость и грязь – В. Бакулин; И в поле, и в лесу – пустынно и белесо – В. Демулин; За окошком – сказка: / Деревья – в серебре – Е. Вовк; Снега и деревья. / И больше не надо! / Снега и деревья. / И эти дома. / И эта ограда. / И больше не надо. / И больше не надо, / Родная земля! – Н. Лукьянова; Набросал декабрь иней / На деревья и кусты, / И душа звенит и стынет / До весенней красоты – В. Макуров; Декабрьский снег - / Все в белом деревья – П. Рыков; ...снег! / Вот и праздник души, / Очищенье природы! / А на белом – деревья / То в желтом. То в красном стоят. / Осень вроде еще, но - / Изменение моды... - А. Цирлинсон.

Очень живописны образы конкретных деревьев - в зимний период: Маются, бьются на зимнем ветру / У отчего дома березоньки белые – Н. Акисова; Распущенный волос / Берез белолицых / Скользнул по перине лежалого снега – В. Петрова; Сторожат тишину голубые березы, звеня / Под надзором мороза и ясного дня – С. Харитоновна; Еще белей березы в январе, / Еще багровой ягода калина – Л. Чернова; С лап своих, всегда зеленых, / Снег отряхивает ель – К. Мусорин; Передо мною... / Хаос веток черных кленов / На отбеленном берегу – Ю. Безус; Холода, холода... / В дверь стучатся предзимние дни, / В лужах стынет вода, / И рябины тускнеют огни – А. Кириллова; Зеленый цвет совсем исчез, / Погрузился в снег притихший лес, / Даже сосны белые стоят! / Все следы покроет снегопад – В. Макуров; (Зима – Л.И.) ...и снегири / На черных яблоневых ветках – Н. Лукьянова; Но – уже не долго до весны: / Февраль слабинку дал, / Уж полыхает у реки / Бордовый краснотал! – Н. Акисова.

Картины весны, постепенно вступающей в свои права, представлены в творчестве поэтов Оренбуржья так: Все ждет весны, как жизни новой: / Деревья, люди и дома, / И тот угрюмый бор сосновый... - А. Тепляшин; Но наступит весна – и / Придет веселый дождь / Остатки снега смыть / И оживит чернеющие рощи – А. Мелешко; ...вот-вот

роща зашумит / И оживит веселое соседство, / Скупую синь – В. Де-мурин; В лесу опять запахло прелью, / Заулыбался солнца лик - / И враз повеяло апрелем – Ю. Орябинский; Дохнул уральский лес весною: / Настоем хвои голубой, / И прошлогоднею травой, / И кислой, влажную корой – Е. Вовк; ...хочется за город, на простор, / Где чер-ный лес становится цветным..., / Где нет уже январской белизны, / Но все же чище воды у весны – В. Одноралов.

Есть немало «весенних» текстов, посвященных конкретным деревьям, и в первую очередь – березе и черемухе: Слепящий май, не обмани, пролей / Своих берез хмелеющий напиток, / Коснись ли-ствою всех своих детей, / Перенеси в них солнечный избыток! – В. Кузнецов; Березы высветлили плечи, / Стряхнули хмурь зимы с лица – М. Курулюк; Раннею весной плакали березы, / Тихо пролива-ли сладостные слезы - / Слезы возрожденья солнечного света, / Сле-зы возвращенья песенного лета – В. Филатов; ...у березы белый стан / В листву не чаёт нарядиться – Л. Чернова; ...играет этюды весна / На рояле березовой рощи: / Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три... / А аккорды кружатся и тают, / Посмотри, посмотри, посмотри! / А бере-зы летают, летают! – В. Шадрин; Май! Черемух выюги белые! – Т. Асабина; Холода. Черемуха цветет – В. Кузнецов; Черемуха в буй-ном разливе / Поднимет свой цвет... / - И всем напоказ / Ее бело-снежные зори – В. Курушкин; Черемуха будет цвести, / Осыпать тебя белой порошей – П. Попов.

Описаны, разумеется, и другие деревья, дождавшиеся весны: ...зеленея вдоль борозд, / Пошли весною клены в рост – М. Трутнев; Когда весна сжигает все мосты, / Когда несут букеты для любимых, / Не замечают, что цветет рябина: / Такие неприметные цветы... - В. Одноралов; Легко пришел влюбленный май / И город наш совсем переиначил,... / Он подарил сирени нежный цвет – А. Кириллова; Потемнели, посветлели / Сосен красные стволы – В. Кузнецов; Заго-лубело небо светом, / Запахло зеленью сосны - / И это верная приме-та / В пути мужающей весны – М. Курулюк; Тихо шепчутся с ветром / Надо мной тополя, / Зацвели они снова, / Уронив у дорог / Бело-снежный пуховый / Оренбургский платок – Е. Вовк; Соки земные исходят сиренью, / Яблонь томят белизной – В. Кузнецов.

Летних картин, в которых присутствуют деревья, в наших ма-териалах немного, они различны – в зависимости от месяца: Сирень обрушилась на город, / Лишь прозвучал июньский зов – Т. Белозеро-ва; Весна дерев бледно-зеленых / Сквозь испытания прошла – В. Еро-

феева; Осыпались рядом вишни / Белоснежными цветами – В. Дему-рин; Отсмеется черемуха, / Все живое вокруг одурманя... - В. Хорохо-рин; ...срывается с яблони белый наряд – В. Бакулин; С яблонь снег осыпался в июне – Р. Пудовкин; Этот лес, речной изгиб и воды, / Зву-ки предвечерние от них - / Плоть и голос радостной природы / От дождей июньских проливных – И. Малов; В июле грозы то и дело, / С утра над бором бродит тень... - В. Кузнецов; Весь июль огнем палит, / Будто небо бьет из пушек, / Лес, как варевом облит, / Аж зарделся у макушек – Ю. Селиверстов; Рдеется август рябиной, / Катится ябло-ком в дом – Л. Чернова.

Больше всего нам попало стихотворений об осенней приро-де, в том числе – о деревьях.

«Осенние» контексты можно распределить в соответствии с эта-пами в наступлении осени. Сначала – Зеленое в листьях все реже / У зыбких осин на высоком протяжном ветру – Н. Кожевникова; Вот захожу в лесные я ворота... / За стеной как будто плачет кто-то / И первым золотом мне устилает след – В. Бакулин.

Потом зеленый цвет исчезает вовсе - ...горы желтеющим лесом покрыты: / Здесь осень – царица вступает в права – А. Вырвич; Кис-точками лисьими / Потайным пером / Все леса расписаны / Златом-серебром – Н. Кожевникова; ...все еще осень, сентябрь золотится, / И можно довериться поздним лучам, / Пока лес под инеем не заискрит-ся – А. Ильина; Томительно-нежный октябрь. / Дубовая роща в огне – Н. Герстле; А гривы рощ так огненны, так желты – В. Дему-рин; Осень тихое пламя творит / По окрестным сквозным перелескам – Н. Кожевникова; Походим в березовой роще, / Осыпающей листья на плечи: / Желтые листья – лимоны, / Оранжевые – апельсины – В. Курушкин; Зря привыкла роща к листьям, / А по осени считает: жел-тый, красный и багровый / Улетают, улетают... - Н. Лукьянова; Весь в переливах красок сад, / И пурпур царственнее злата – И. Моргачева; Он (октябрь – Л.И.) в березовом пролеске / Надергал желтую ли-ству – П. Рыков.

Великолепны образы осенних деревьев – как общие (Над се-рою, жухлой травой равнины / Костры полыхают осин и рябин – Н. Волженцев; Это было, это было / В октябрины, в октябрины: / Солнце клены окропило / И попало на рябины, / А еще оно задело / Нашу липу и верхушки! – Ю. Селиверстов), так и конкретные (Золо-том березы шелестят – А. Кириллова; Желтый лист на темном вязе - / Как просесть на твоих висках – Н. Карташов; Дуб закован в медную

броню – А. Кириллова; Багряные ветви клен распростер – Н. Волженцев; Не унять, не поднять / Клена лист кровяной – Г. Калашников; И что впервые я увидел в синьке, / Разлитой щедрым небом надо мной: / Стояла осень в желтенькой косынке / Да клен-подросток с рыжей головой – М. Ольховик; Листья порциями сбрасывает клен, / Оголяются натруженные ветки – Г. Шиндяев; ...засветилась над речкой / Сонных лип золотая резьба – Н. Кожевникова; Тонкие осинки - / Все в багрянце – А. Кириллова; Все больше румянца / Узыбких осин – Н. Кожевникова; (*В лесу – Л.И.*) – золотые макушки сосновые – А. Иванов-Огарыш; Налились янтарные рябины / Темной кровью стынувшей земли / И теперь пылают, как рубины – В. Бакулин; Рябина багряный лист уронит / Во внезапно просветлевший лик травы – Н. Крятова; ...рябины гроздь / Зарделись огненно в саду – А. Мелешко; Тополь стоит златокудрый – В. Демурин; Патиной августа крупно и жарко / Уж тронулась снова листва тополей – Е. Курдаков; Золото в окно / Протягивает с ветви / Степной мой тополек – Л. Чернова; Яблоньки продолжают на улице мокнуть - / Ах, октябрь, ах, листопад! – Т. Белозерова; Все дальше и дальше яблоня, / Желтея, уходит в осень – Н. Кожевникова; ...осень, как ни прячется, видна: / Вот нитку золотистого мониста / На яблоне оставила она – Л. Ляхова; ...мудрый яшень / Дождем все сыпал золотым – А. Кириллова).

Картины поздней осени выглядят так: Опростала осень кринки. / Лес осыпался – О. Волошина; Обнажилась роща золотая, / Скинув платье под ноги зимы – Н. Крятова; ...зеленый цвет совсем исчез, / Погрузился в сон притихший лес – В. Макуров; Земля обнажена. / Деревья оголены – А. Мелешко; Жалко мне / Листья, убитые первым морозом, / Листья недавно зеленой березы – С. Попова; Помнишь лес? / Он уже угасал: / То октябрь, взмахнувши руками, / Желтых листьев последнее пламя / Нам под ноги бросал и бросал – П. Рыков; Ноябрь – сон травы, деревьев, созвездий – П. Рыков; ...снег... / А на белом – деревья / То в желтом, то в красном стоят. / Осень все еще, но - / Изменение моды... - А. Цирлинсон.

О пристальном внимании поэтов к объекту, характеризваемому в данной статье, свидетельствует то, что этот объект описывается не только в разное время года, но и в разное время суток.

Так, утро представлено в таких контекстах: Окрасилась река зарею алой, / Ожили птицы. Встрепенулся лес – В. Бакулин; На тростинках краснотала / Луч зари росу зажег – Е. Вовк; Фиолетовый расцвет зацепился за кусты черемухи – Е. Вовк; Грядет заря. Средь жел-

той нивы / Прольется вишни спелый цвет – В. Макуров; Все стволы берез зарделись, / Посветлело на земле. / Ах, какая это прелесть - / Утро зимнее в селе! – К. Мусорин; Но вот – и верхушки тополей уже алеют – Ю. Орябинский; Лес, как заревом облит, / Аж зарделся у макушек – Ю. Селиверстов.

Дневные картины отражены в контекстах, связанных с временами года.

Вечер изображается следующим образом: Косматый вечер тонкою рукой / Качает на деревьях синий цвет – В. Бакулин; ...вдруг деревья в сумерке вздохнули, / Шелестя встревоженно листвою, / Ветвями, как крыльями, взмахнули, - / И стволы взлетели над землей, / Взмыли высоко густые кроны – Н. Волженцев; ...поздний лес из поймаемых низин / Льет белые тревожные туманы... - В. Демурин; И от клена легкая тень, / И тяжелая тень от рамы / Мне сказали, что кончился день... - М. Жук; Тень упала на плетень - / И скончался божий день, / В кленах веточкой взмахнул, / Ветерком в лугах вздохнул, .../ Охнул, ахнул – и уснул – Ю. Селиверстов.

Ночные образы, как правило, связаны с луной: От луны / На хвойных лапах / Снег искрится / Голубой – Е. Вовк; Дальний багряный лес / В лунном ночном плену – Н. Кожевникова; ...душа, взмахнув крылом / И вырвавшись из тела, / Над лунным лесом и селом / Взлетела – Н. Кожевникова; По ночам настороженно смотрят деревья... / Как врастают в песчаник цветы золотые, / Что посажены мною в сумятице дня – Н. Кожевникова.

Особо хочется отметить и те приемы, с помощью которых изображается «зеленый друг». Практически все поэты не представляют жизни своих лирических героев без тесной связи с этим другом. Эта связь может реализоваться в первом лице местоимения и глагола: И вдруг я почувствовал осень: / Листвы опадающей краски, / Красные гроздья рябины – А. Возняк; На колени пред лесом паду, / Чтобы он оставался зеленым – Г. Грибанова; Но вздохну... / Обойдя рябины куст: / Пусть подольше не потратится / Цвет рябиновый родной – Г. Грибанова; Спешу к белоствольной заветной опушке / На милый застенчивый голос кукушки – Н. Карташев; Благодарю тебя, судьба, / За темный бор – В. Кузнецов; Родился я под небом синим / Под колыбельный шум берез – В. Курушкин; ...в тени берез сиреневой / Я хочу упасть в шумящую траву – В. Курушкин; Березы и осины, / Клены и ясень - / Как этот мир прекрасен! / По этому лесу иду и иду... / Наверное, так / В райском саду – Н. Лукьянова; Я помню, как здесь набуха-

ли колосья / И рябина несла раскаленные гроздья – В. Макуров; Вам спасибо, летние тропинки, / К лесу выводившие меня! / Слышу я, как шепчутся травинки / В зное остывающего дня – И. Малов; Я вернулась домой, / Чтоб увидеть родные березы, / Чтоб пройтись по степи / И на сизых взглянуть голубей – Р. Мигалатий; (*В роще – Л.И.*) я не найду себе угла милее, / Чем эти постаревшие аллеи, / Где осень все не может догореть – В. Одноралов; ...я несу тебе навстречу / Букет черемухи... - В. Папина и др.

Общеизвестно, что связь автора с природой может выражаться и через совпадающие или несовпадающие чувства: ...с душою светлой я пройду по саду: / Еще так мало желтых листьев в нем! – В. Бакулин; ...посадки зелеными елками / Не спасают от боли в груди – В. Демурин; Я обещала ягоду домой, / Но черных, вяжущих во роту горошин / Не нарвала: с черемухой грустила – Л. Дружинина; Мне снилось одиночество мое / И беспечалье леса золотого – Л. Измалкова; Что на земле мне горестной осталось? / Ты да березы белые твои – И. Коннонов; Холода. Черемуха цветет. / И душа моя, подобно маю, / Белыми цветами замирая, / Словно бы еще чего-то ждет – В. Кузнецов; Как светло мне / Меж сосен корабельных! – В. Одноралов; В саду спит клен. / Он былъ моя и небылъ. / Мы вместе с ним мечтали и росли – А. Старых.

Отношение поэтов к описываемым объектам проявляется и в выборе слов, синтаксических конструкций, выражающих чувства – **глаголов** (Выйду на волю, / В прозрачную синь, / И залюбуюсь, на лес заглядысь – Е. Вовк; Осенью люблю осины ропот / Над дорогой из багряной бахромы – А. Иванов-Огарыш; Любил я тихой страстью / Белый пух на тополях – В. Макуров; Я люблю только раннюю осень, / Когда в краске деревья стоят – Ю. Мелашенко; ...крепче еще полюблю / Рыжий ольшаник и речку – В. Одноралов); **прилагательных** (До чего прекрасен... / Белый цвет черемухи и вьюги – Т. Белозерова; Ах, какой прекрасный лес! – В. Ерофеева); **восклицательных предложений** (Вдоль алеющих аллей рябины / Идти вдвоем – вот неземной восторг! – О. Вишневская; Вот расступится лес, и заблещет река / В тополиной июльской оправе - / Это чувство щемящее: изда- лека / Возвратиться к родной переправе! – Д. Даминов; Стучите, колеса! Скорее, скорее - / В родные края! / Ты, сердце, утешься: / Тут – в каждой былинке / Кровинка твоя! – В. Кузнецов; Золотая роща... - Темная вода... / Не уйти отсюда никогда! – Н. Лукьянова; А в лесах - / Божья краса! / Сколько снега и сини! – Н. Лукьянова; Это – царство изумруда – русский лес! / Легко дышать! – К. Мусорин).

Отношение автора к тому, о чем он пишет или говорит, проявляется и в отборе оценочных аффиксов. И наши материалы убедительно демонстрируют восхищенное отношение к «зеленому другу»: Маются, бьются на зимнем ветру / У отчего дома березоньки белые – Н. Акисова; Здесь роздаль – местная, / А место – здешнее: / Борок заиненный. Полянка снежная / Село на горочке с церквушкой старенькой. / Сугроб на улочке избе по ставеньки – В. Демурин; Нас привечали сосенки – зеленые макушки – Н. Емельянова; Росла, росла сосенка, / Зеленелась – П. Кудряшов; ...я не забыла, / Как мне пел соловей, / Как полянка лесная / Буйно в мае цвела – Л. Ляхова; Меж березок и осинок / Синела в небе благодать – Ю. Орябинский; ...слетают с ветром / Беленькие платица / С елочек зеленых – Ю. Селиверстов; Пойду почищу родничок / В лесочке под березками, / Найду в траве боровичок, / А может, подберезовик – Ю. Селиверстов; Золото в окно / Протягивает с ветви / Степной мой тополек – Л. Чернова.

Ярко проявляется отношение поэтов и через те приложения, которые присутствуют в изображении дерева: Среди березок-россиянок русских / Гуляет чернобровый сабантуй – Д. Даминов; высокий и ветвистый, / И в роще мне сосед, / Ах, тополь серебристый, / Ты и весною сед – В. Демурин; Ах, какой прекрасный лес! / Что же, будешь мне родным, / Властвуй, царь ты мой зеленый! – В. Ерофеева; ...вот я в чистых и святых местах, / Где меднолистый дуб-король – А. Кириллова; Ах, ангел ты мой приземленный, / Черемуха – дева в цвету, / Ты кроной жемчужно-зеленой / Всех краше в рассветном саду! – В. Одноралов; И что впервые я увидел в синьке, / Разлитой щедрым небом надо мной: / Стояла осень с желтенькой косынке / Да клен - подросток с рыжей головой – М. Ольховик; Деревья - канделябры октября / Погаснут, но еще не с первым снегом – Ж. Румянцев; Она (сирень – Л.И.) у каменистой ограды / Одна, запрятавшись от нас, / Застенчива, невеста сада, / Смирненно ожидает час, / Чтобы отважиться, решиться... - / И гроздь белым полыхнут – П. Рыков.

О неравнодушном отношении поэтов к описываемым объектам говорит и тот факт, что нередко эти объекты «оживляются» - когда авторы прибегают к приему олицетворения; деревья и говорят, и слушают, и чувствуют, и двигаются, и совершают различные физические действия, и взаимодействуют, и т.д.: ...купаются в небе деревья, / Сливаясь с землей на изнеженно-желтой заре – В. Бакулин; Сирень бросалась фиолетом / На наши странности любви – Т. Белозерова; Черемуха бусы надела / Из радужных капель росы – Е. Вовк; ...шевелинул

зеленой мглой / И густой зеленой сенью / Отряхнул оцепененье /
Над рекой стоящий лес – Н. Волженцев; ...дуб хранит росток зеленый
– Г. Грибанова; Среди теней лиловых / Лес утишит травы / Для твоих
следов – В. Демурин; Листва в дожде слезой дрожит, / А разноцвет-
ная сирень / О чувствах светлых говорит – Л. Долгих; Черемуха
в болотистой излучке / Шершавые коричневые руки / Целит водой от
комариных жал – Л. Дружинина; ...рябина пламенела / И к сердцу
льнула, не таясь – Н. Кожевникова; ...розов, / Клубится над пенной
водой краснотал – Е. Демурин; ...черноплодная рябина / Выслушива-
ла молча наши сны – Н. Крятова; Красные гроздья рябины / Рвутся в
окно... – В. Макуров; ...снились вишне чудные мгновенья, / И снилась
вишне майская пора... – В. Образцов; За поворотом тянут лапы ввысь,
/ Взрослеют дети сумрачного бора – В. Одноралов; Красный бор по
русскому обычаю, / Хлебом-солью встретит – В. Петров; ...березки
окружают двор / Свежею зеленою гурьбой – Р. Пудовкин; Задержал
перелесок / Без всяких там гардин / Зеленых занавесок / Чуть выц-
ветший сатин – Ю. Селиверстов; Он (*ветер* – Л.И.) засохшего дерева
лист / Распоследний унес в поднебесье... / И не думал: еще не готов /
Умирать старый клен облетевший – Д. Таганов; Улыбались травы и
дышали пряно, / Бор вдыхал всей грудью / Дух апрельский, пьяный
– В. Филатов.

Иногда поэты усиливают деятельность деревьев добавлением
слов с семантикой обстоятельства: ...темный лес в вечерней раме /
Угрюмо вглядывался в ночь – И. Елин; Стыдливо застыли березы /
За шалью зеленых одежд – А. Кириллова; ...старый карагач стоит уны-
ло, / Последний лист не хочет отдавать – А. Кириллова; Что так пуг-
ливо задрожали листья? / О чем тревожно зашептались травы? –
А. Мелешко.

Еще проникновеннее раскрывается характер деревьев, когда
поэты передают их чувства: Маются, бьются на зимнем ветру / У от-
чего дома березоньки – Н. Акисова; На клене листья пожелтели, /
Печалью тонкой он убит – В. Бакулин; О чем горюнится осинка - /
Навряд ли я смогу понять – Г. Грибанова; Я помню голых лип / Си-
ротский взгляд – М. Жук; Я забываю постепенно / Радость вишни
белопенной – Н. Кожевникова; ...береза во дворе / Слезы белые уро-
нит – Н. Крятова; ...тихая мирная радость / Исходит от белых берез –
В. Макуров; ...станет разом ближе и дороже... / Рожицы пронзитель-
ная грусть – А. Мелешко; Помнишь... / В октябрьском предзимнем
пространстве / Неприкрытую муку берез? – П. Рыков; Не виноваты

мы в этой печали: / Это шумели листвою тополя... - Е. Тмофеева; ...берез на холме / Загрустившая пара / Не разбудит во мне / Ни тоски, ни пожара – В. Флейшер.

Обращаются поэты и к такому действенному изобразительному средству, как сравнение – или «зеленого друга» с чем-либо, или чего-то – кого-то с ним, причем инвентарь средств выражения сравнений достаточно разнообразен: ...следя за листком, что взлетает все выше и выше, / Ярче леса горя, ярче первых костров в сентябре, / Я какую-то тихую, зыбкую музыку слышу – В. Бакулин (сравнительная степень наречия); Тишина во мне одном / Звонче всякой тишины... / Нем залить ее вином, / Не залить водой весны. / И стою я пред тобой, / В тишине своей застыв... / Так в лесу – перед грозой - / Точно знаешь: будет взрыв – В. Бакулин (структурно-семантическое целое со сравнительной семантикой); По-майски цветут тополя – Е. Вовк (наречие); Неотступною темной стеною / К деревенькам крадутся леса – Н. Волженцев (творительный падеж существительного); Немало лет тебя ждала, / А ты не вызволял из плена... / Я, как овражная ветла, / В воде холодной по колено – Г. Грибанова (сравнительный оборот); Береза как будто царица, / В листве ее золота цвет – Г. Грибанова (сказуемое); Красные рощи, как бакены, / В черную воду глядят – В. Демурин (сравнительный оборот); Ах, какой прекрасный лес, / Что беспечно и широко / На колени ко мне влез, / Как котенок светлоокий – В. Ерофеева (сравнительный оборот); Темный дуб, как единственный пастырь, / Вздел высокие руки в туман – Н. Кожевникова (сравнительный оборот); ...с полувздохом / Врастаю в закат и зарю / Серебряным деревом лохом – Н. Кожевникова (творительный падеж существительного); Осеребренною рябиной / Я онемею на Покров – Н. Кожевникова (творительный падеж существительного); В жизни давно я блуждаю, / Как в темном лесу – В. Курушкин (сравнительный оборот); Тобой покинутая женщина... / Надломленной плакучей ивой / Все гнется, клонится к реке – А. Мелешко (творительный падеж существительного); Ты (черемуха – Л.И.) кроной жемчужно-зеленой / Всех краше в рассветном саду – В. Одноралов (превосходная степень прилагательного); Она (рябина – Л.И.) с гостеприимством русским / Протянет, словно хлеб да соль, / Гроздь красную – В. Петров (сравнительный оборот); Давно глаза такие знаю: / Они – как серо-зеленость смуглых ив – В. Рузавина (сказуемое); Вот и ночь прошла, / Да не светает, / А душа, как яблоня в цвету, / На ветру быстрее облетает – Ю. Селиверстов (сравнительный оборот); ...запомнить бы миг этот / Замирающий, как перед боем, / Станный, как за-

колдованный лес – О. Смирнова (сравнительный оборот); ...вспомню о другой - / Как будто в черный лес / Врывается огонь в доспехах золотых – В. Трофимов (сложноподчиненное предложение со сравнительным придаточным).

Весьма выразительными, хотя и не часто встречающимися, являются контексты с синекдохой, нередко – с метафорическим признаком: (*С рябины – Л.И.*) вдруг покапал в ладоши / Мотивом отлаженным / Рябиновый дождик / Красно-оранжевый – И. Весенняя; ...зеленым шумом / Плывет березовая речь – Е.Вовк; Сыпучею лавой стекает дорога / В зеленый и белый трепет берез – А. Иванов-Огарыш; ...мудрый яшень / Дождем все сыпал золотым – А. Кириллова; ...пыльцой кленовых перьев / Синела юная кора – В. Кузнецов; Черемуха в буйном разливе / Поднимет свой цвет - ... / И всем напоказ ее белоснежные зори – В. Курушкин; (*Черемуха – Л.И.*) рождает белую метель, / Пусть затуманит и закружит / Тебя черемуховый хмель – В. Папина; Нашу землю – огромный подсолнух / Грызли белые зубы берез – Н. Пашков; Раскрывайтесь, открывайтесь / Вновь, зеленые аптеки – Л. Чернова.

Приведенные контексты, думается, могут убедить каждого в том, что любовь человека к окружающему его зеленому миру огромна, что поэты помогают отразить это чувство и, возможно, пробудить его в читателе.

Арискина О. Л. (Саранск)

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКАМ, ПРАВОСЛАВИЮ И НАРОДАМ КАК ГЛАВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В. Н. ТАТИЩЕВА*

В. Н. Татищев – яркий общественный деятель и ученый XVIII в., искренне интересовавшийся самобытностью Урала. Сведения из его биографии показывают, что это неординарная, деятельная, продуктивная, результативная личность.

Многочисленное использование одних и тех же слов в речи В. Н. Татищева позволяет нам внести некоторые штрихи в его портрет.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01212 а2, «Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки»)

рет: функционирование лексемы «разность» говорит о склонности к дифференциации, слова «недостаток» – к перфекционизму, единиц «польза», «обхождение», «употребление» – к прагматизму.

Исследуя языковую личность (ЯЛ) В. Н. Татищева, мы пришли к выводу о том, что его абстрактное мышление сочетается с его бурной общественной деятельностью.

При этом и абстрактная, и глагольная лексика часто несет в своей семантике оценку. Так, если посчитать словоупотребления, то получится, что единиц с положительной оценкой употреблено 63 раза, а с отрицательной – 93, что соотносится с общей тенденцией личности В. Н. Татищева к перфекционизму, концентрации внимания на недостатках и дальнейшем устранении их.

О лингвистических интересах ученого говорит наличие в его лексиконе выражений, связанных с концептом «язык»: *другие языки, язык недостаточен, совершенный язык, от одного языка многие произошли, языки первые, в языках, нашим языком, разность в языках, язык погубя, язык умножают, своим языком говорить, свой собственный язык, славянский язык, иноязычная, испорченный язык, языки повреждены, язык скаредят, волосной или италийской язык, язык словенский поврежден, в языках многих, исправление русского языка, прибавка в язык, умножение нужное языка, европейских языков, язык портится или исправляется и умножается, из чужих языков, языцы, греческого и латинского языков, язык латинский, на тангутском языке, на калмыцком языке, учение языков, языки надобны, язык нужднее, языки... полезные, в арабском языке, язык сарматской, языки перепортили, языки полезны, языки знать, разных до 10-ти языков, калмыцкой язык, разные языки, мунгальской и тангутской языки, нужда в научении сих языков, их языка, обученных в языках.* В этих фрагментах читается желание изучать языки, сопоставлять их, заниматься исследованием праязыков, сохранять свой язык.

Многие слова и словосочетания связаны с обучением и воспитанием: *письмо, древние книги, образ писания, истолкование, книгохранилища, воспитание, воспитываются, учителя, научение, прилежание, способности, народные училища, обучать, школы, научить, Академии Наук, Академия, незнание грамматических правил, в простонародии употребляют, незнания грамматики, люди читающие* и др. Таким образом, педагогическая деятельность тоже была актуальна для В. Н. Татищева, что и отразилось на вербально-семантическом уровне его ЯЛ.

На лингвокогнитивном уровне ЯЛ В. Н. Татищева можно видеть ценностное отношение к вере. Это проявилось в большом количестве цитат из сакральных текстов: «Всяк, иже веру имеет и крестится, спасен будет» (Матфея, гл. 28, ст. 19; коринфянам, гл. 16, ст. 16) [Татищев: 104]; «... смесишася во языцех и навыкоша делом их» (Псалом 105, ст. 35)» [Татищев: 99]; «... чужих языков учиться и говорит, богу не противно, но приятно, то видим, что господь, посылая апостолов на проповедь, всем силу иным языки глаголать дал (Деяния, гл. 2, ст. 4) и сей дар наипаче тем утвердил, глаголя ко ученикам ко утверждению или доказательству правоверия, еже оные языки новые возглаголют (Марка, гл. 16, ст. 17)» [Татищев: 99]. Таким образом, ссылка на священный текст – важный аргумент в дискурсе В. Н. Татищева, что является также особенностью прагматического уровня данной ЯЛ.

Вера, безусловно, имеет важное значение в мировоззрении В. Н. Татищева. Однако следует понимать, что речь, в первую очередь, идет только о православии. Все другие конфессии подвергнуты автором жесткой критике. Например, в тексте наблюдается масса выпадов против католиков [Татищев: 97, 100], причем для порицания католической церкви он прибегает к цитатам из Священного Писания.

Ценность знаний, важность образования, в том числе начального, преемственности в образовании выражается в речи В. Н. Татищева с помощью аналогий, аллегорий, посредством пословиц и крылатых фраз: «Вдруг кривулий не исправишь»; «И Рим не в один год построен»; «Ты хочешь зделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечево и глее поставить места нет... ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ академия она с великим расходом будет бесполезна» [Татищев: 105].

Язык для В. Н. Татищева – непреходящая ценность. Очень много размышлений автора связаны именно с языком. Несомненно, что ученый придерживался религиозной концепции происхождения языка: «... бог при столпотворении разделил языки и дал каждому роду так полный и совершенный язык, что они каждой своим все могли изображать и разуметь» [Там же: 95]. Особо значим для него письменный вариант языка: «... первый образ писания...»; «... неведомою краскою написанные...»; «совершенные же буквы все почитают софийские за первые...» [Там же: 94]; «... письмо есть крепчайший памяти хранитель...» [Татищев: 94]. Как видим, в рассуждениях о письме автор использует метафоры, эпитеты, олицетворения.

Язык для В. Н. Татищева ценен так же, как и народ. В связи с этим особое значение имеет праязык, «первозык». Для православной Руси особую ценность представляет старославянский язык, поэтому так необходимо, по мнению автора, следить за его сохранностью: «Как от незнания грамматики и продерзости язык словенский поврежден? **Ответ.** Сие повреждение в языках многих примечаем, что сущие слова приложением или отъятием, или перемением некоторых букв перепорта, странное речение произносят...» [Там же: 97].

Таким образом, по мнению В. Н. Татищева, одним из важных этапов в языковой политике России является обучение грамоте населения, изучение грамматики русского языка, борьба за культуру речи (пуризм), создание соответствующих социальных институтов, которые должны заниматься этими вопросами: «Ея императорское величество изволила особливое собрание для исправления русскаго языка учредить, и в то людей искусных определить, через что надеемся немалое исправление увидеть. И тако можешь разуметь, что и своего языка грамматику учить нужно» [Татищев: 98].

Вообще большинство его размышлений о языке можно назвать социолингвистическими, все они базируются вокруг одного вопроса: языки и общественная польза. В рамках языкового планирования новаторскими выглядят предложения о необходимости двуязычного образования в регионах [Татищев: 104].

Прагматический аспект в изучении языков национальных меньшинств России для В. Н. Татищева был связан не только с историей Отечества, что характеризует его как патриота и ученого историка, но и исследованием ономастики, в первую очередь – топонимов и гидронимов, что демонстрирует нам образ языковеда-исследователя

Итак, для языковой личности В. Н. Татищева характерно ценностное отношение к православию, языкам, народам и их истории, образовательной деятельности, воспитанию граждан Российской Империи.

Литература:

1. Татищев В. Н. Избранные произведения / В. Н. Татищев; Под общ. ред. С. Н. Валка. – Л.: Наука, 1979. – 414 с.

ФУНКЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОНИМОВ В ЛИРИКЕ РАСУЛА ГАМЗАТОВА*

Настоящая статья является продолжением изучения ономастического пространства поэзии Расула Гамзатова. Ранее нами описывались элементы ядерной зоны – антропонимы и топонимы как средства репрезентации языковой личности Р. Гамзатова [1; 2]. В данной работе будет представлено исследование онимов периферийного уровня (источником исследования послужило собрание сочинений в трех томах – [3]).

Исследователи ономастического пространства И. А. Королёва, А. В. Суперанская, В. И. Супрун и мн. др. [4; 5; 6] отмечают то, что периферийное положение в ономастическом поле любого языка занимают разряды онимов, которые называют не всегда чётко ограниченные друг от друга материальные объекты, иногда даже серии объектов, идентичных или объединённых общей тематикой или идеей. «Периферия включает в свой состав гемеронимы, геортонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы и другие менее значительные по объёму разряды имён собственных, имеющие структурное разнообразие и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья» [6, с. 12]. Здесь свойства имени собственного представлены слабо, развиваются свои особенности, недопустимые в ядре ономастического пространства (поля). Следует, полевая структура ономастического пространства с выделением в ней ядерной, околядерной и периферийной частей применима в системе языка, где ядро означает концентрацию признаков системы, а периферия – их ослабленность. С точки зрения структуры языка, ядро – это основные морфемы, в данный период развития языка – это модели словоизменения, словообразования, сочетания слов. Периферия – ответвление от этих ядер. В категориально-семантическом аспекте центр – типовые для данной категории формы и значения, периферия – промежуточные формы и значения между данной категорией и другими категориями. В функциональном аспекте центр – употребительные формы, периферия – менее частотные. В социолингвистическом пла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01212а2, «Роль языковой личности грамматистов XVI-XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки»)

не периферия – элементы, свойственные речи лишь части социума. В процессе развития языка одни элементы могут переходить из центра на периферию и наоборот.

В данной работе термин **периферия** используется в функциональном аспекте. В речи вообще и в художественной речи в частности периферийные онимы подчиняются иным законам, однако вопросы функционирования этих ономастических единиц глубоко не рассматривались. Мы попытались исследовать функциональное назначение периферийных онимов в конкретном (узком) контексте.

Периферия ономастического поля в стихах Расула Гамзатова представлена пятью единицами из семи употреблений. Её состав таков: название планеты (**космоним Земля** – 2 ед.); название праздников и мероприятий, органов власти (**хрононимы Октябрь, Ассамблея**); название культового сооружения (**ктематоним Тадж-Махал**); название священной книги (**библионим Коран** – 2 ед.).

Периферийные онимы составляют около 3 % от всего объема ономастикона Р. Гамзатова (ср.: антропонимы и их разряды – 49 %, топонимы и их разряды – 48 %). Несмотря на немногочисленность периферийных онимов в текстах Р. Гамзатова, они являются незамеченной частью ономастического пространства и гармонично входят в его систему, поскольку наполнены самыми разнообразными коннотациями, проявляющимися с помощью контекстуального окружения.

Остановимся на анализе космонимов в лирике Р. Гамзатова.

В. Д. Бондалетов отмечает, что космонимия больше похожа на топонимию, чем на антропонимию, так же, как и топонимы, космонимы обозначают пространственные вехи. Особенность космонимов в том, что они во многих случаях интернациональны [7, с. 99]. Поэтому космонимы, как правило, относят к ядерно-периферийному полю. Мы рассматриваем космонимы в периферийной группе в силу их редкого употребления. В стихах Р. Гамзатова встречается лишь космоним *Земля* (2 ед.). Верой в возрождение и продолжение жизни звучат у поэта строки о Земле:

*...Пускай покину мир однажды
Я, жажды в нем не утоляя,
Но людям жаждать этой жажды,
Покуда вертится Земля.*

(«Покуда вертится Земля», т. 1., с. 220)

*...И в сферах звездного порядка,
Печаль и радость нам суля,*

*Лети, прекрасная мулатка –
Планета с именем Земля!*

(«Мулатка», т. 1., с. 348)

Любить и ценить жизнь... Эту тему помогает раскрыть оним *Тадж-Махал*.

*Вот Тадж-Махал. На этой башне старой
В далекие столетья при луне
Слагали песни пленницы Акбара
И плакали по отчей стороне.*

*Те песни и теперь не отзвучали,
Хоть от рожденья их прошли века.
Как долги и длинны пути печали!
Как радости дорога коротка!*

(«***», т. 1, с. 419)

Укором, гневом наполнено стихотворение Р. Гамзатова «На дороге»: «...Смотрю, от стыда и от гнева горю – Четвертый десяток идет Октябрю!.. («На дороге», т. 1., с. 201). Прошло столько лет со дня Октябрьской революции, а нам приходится «...краснеть за джигитов своих»:

*Однажды в горах всадник встретился мне:
Он важно и гордо сидел на коне...
В зубах – папироса, за поясом – плетъ,
На пеших он даже не хочет смотреть!
А сзади плетется по кручам пешком
Усталая женщина мелким шажком.
Она, задыхаясь, ребенка несет,
Как слезы, с лица ее капает пот.
Я вспомнил: из Чоха и он и она,
С базара торопятся муж и жена...*

В стихотворении «Родной язык» оним *Ассамблея* стоит в одном ряду с понятиями, обозначающими величие нашей Большой Родины, например: «Мне дорог край цветущий и свободный, От Балтики до Сахалина – весь», «...люблю я всю планету» и др. Однако настоящей ценностью для народного поэта является родной аварский язык.

*Я за него всегда душой болею.
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны Ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик...*

(«Родной язык», т. 1., с. 238)

О ценностях Р. Гамзатова можно судить и по ониму *Коран*. Коран – это главная священная книга мусульман, столь же священно для поэта имя матери:

...Я в руки взял Коран тисненный строго,

Пред ним склонялись грозные имамы.

Он говорит:

«Нет бога, кроме бога!»

Я говорю:

«Нет мамы, кроме мамы!»

(«***», т. 1., с. 344)

Таким образом, стремление Р. Гамзатова максимально использовать возможности имен собственных в поэтическом тексте приводит к тому, что они становятся одним из важнейших средств, служащих для создания ярких, неожиданных образов (что определяет их основную функцию – **изобразительную**), но при этом совершенно органично вливаются в смысловую организованность стихотворения. Однако великий мастер слова Гамзатов наполняет главную функцию онимов – изобразительную, эстетическую – **коннотативным** потенциалом: онимы (ядерные и периферийные) используются с целью соотнести прошедшие события с современными, дать им индивидуальную оценку; создать национально-культурную атмосферу; развить сюжет; отразить свой духовный мир; показать лирические раздумья по поводу жизни и смерти, добра и зла и т.п.; передать реально-биографические детали из своей жизни или жизни персонажа; показать предназначение народного поэта и др.

Эти функции, на наш взгляд, не случайны, поскольку свидетельствует об их тесной связи с биографией поэта, что позволяет говорить об отражении в индивидуально-авторской поэтической картине мира лирического «Я» в конкретном воплощении, обусловленном реальными, как правило, жизненно важными факторами.

Примечания:

1. Сивцова Н. В. Топонимы как средство представления языковой личности Расула Гамзатова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы II Междунар. науч. конф., Саранск, 23-26 мая 2012 г. / редкол.: В. В. Шигуров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-т, 2012. – С. 363-365.

2. Сивцова Н. В. Роль антропонимов в формировании языковой личности Расула Гамзатова // Стратегия исследования языковых единиц: Сб. статей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 135-139.

3. Гамзатов Р. Собрание сочинений: в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1968. – 527 с.; Т. 2. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худо-

жественная литература, 1969. – 430 с.; Т. 3. Мой Дагестан. Статьи. Выступления. – М.: Художественная литература, 1969. – 319 с.

4. Королева И. А. К вопросу об ономастическом пространстве и ономастическом поле в языке / И. А. Королева // Русский литературный язык: Номинация. Предикация. Экспрессия. Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МАНПО, 2002. – С. 73-74.

5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская – М.: Наука, 2008. – 366 с.

6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. ... д-ра филол. наук / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 22 с.

7. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. : Учеб. пособие для студ. пед. институтов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Косых Е. А., Марченко Е. А. (Барнаул)

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕКСИКА В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Исследование древнего состояния языка невозможно без опоры на памятники письменности, среди которых важное место занимают берестяные грамоты. В.Л. Янин писал: «Берестяные грамоты позволяют заглянуть нам в отдалённые века нашего прошлого. Чем дальше в глубину столетий, тем больше интересного» [Янин, 1975]. Берестяные грамоты – это уникальные памятники письменности, которые приобрели актуальность после экспедиции А.В. Арциховского в 1932 году. По данным проведённых исследований, на берёсте писались черновые записи, долговые расписки, поучения, записывались: азбука, прошения, челобитные, то есть тексты различных жанров, носящих частный характер. Существенно подчеркнуть, что среди этих находок есть грамоты с текстами религиозного содержания: молитвы, список усопших на отпевание, фрагменты Священного писания, а также включающие подобную лексику (грамоты № 419, № 652, №504, № 506, №508, №523, № 542, №543, №544, №551, №913, № 915, № 906).

История современного русского языка тесно связана с церковнославянским и старославянским языком. В лингвистической науке термин «старославянский» употребляется по отношению к языку первых переводов богослужебной литературы, датируемой IX–X вв. Церковнославянский – древнеславянский литературный язык XI–XVIII вв., старославянский, попавший под влияние живых разговорных языков славян, но сохранивший своё предназначение. В лингвистике принято различать эти феномены. Также А.А. Зализняк подчёркивал:

«Между русским письмом берестяных грамот XI века и церковно-славянскими текстами того же периода нельзя ставить знак равенства, поскольку две эти системы письма принадлежат к разным этническим группам людей: письмо берестяных грамот сформировано русским народом, а церковно-славянское – славянскими народами при византийских территориях» [цитируется по: Тюняев, 2009]. Однако лексическая составляющая берестяных грамот определяется именно целью документа и его содержанием. И если грамота представляет собой текст молитвы или Священного писания, то следует вести речь о церковнославянской лексике.

К. А. Тимофеев разделил религиозную лексику русского языка на 3 группы. В первую группу включены слова с общерелигиозной лексикой. Эти слова свойственны всем монотеистическим религиям (*Бог, вера, молитва, душа*). Вторая группа представлена лексикой, свойственной всем христианским конфессиям (*Святой дух, Троица, Спаситель, Евангелие, исповедь, апостол*). Третья группа, по мнению К.А. Тимофеева, содержит слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (наименования служителей/священников; богослужений: *обедня, утренняя месса, иконостас* и т.д.).

При изучении берестяных грамот обнаружили, что в них присутствуют слова первых двух групп. Самым примечательным памятником письменности в этой области является грамота № 419. Она представляет собой книжечку с 2-мя молитвами, тексты которых сохранились в полном виде, несмотря на то, что огромное количество грамот известно только фрагментарно. Написание этого памятника относится к концу 13 века. По данным историков, в виду недостатка книг, священники или певчие выписывали богослужебные тексты на бересту. Яркий пример – единственная пока обнаруженная миниатюрная берестяная книжечка (1280–1300 гг.), по словам В.Л. Янина, «мечта всех археологов» [Бычков, 2000, с. 6]. В ней 12 страниц размером 5х5 см и воскресные стихиры на «Господи воззвах».

Краткие воздыхания к Богу содержат целый ряд грамот XII–XIV вв.: «*Дай мне, Господь, свет Божий видеть; Господи, да не яростию Твоею...; Господи, услыши молитву; Во время живота моего не остави мене...*». В грамотах используется 2 варианта обращения: «*Господь*» и «*Господи*». «*Господи*» – это существительное в звательном падеже, в современном русском языке звательный падеж отсутствует. Эту форму можно назвать архаичной. «*Господь*» – это существительное в именительном падеже, которое в настоящее время употребляется и в функ-

ции обращения (вокатива, звательного падежа). Употребление двух словоформ в одной функции в тексте одной грамоты свидетельствует о знании канонов читающего/ пишущего, с одной стороны, а с другой – об изменениях, охвативших русскую речь указанного периода (вытеснение форм звательного падежа). Формы лексем «звати» и «услыши» – формы повелительного наклонения глаголов старославянского и церковнославянского языка до процесса падения редуцированных. Данная форма сохранилась только в памятниках письменности. В настоящее время используется в ряде речевых формул церковных текстов: «*остави грехи наши*», «*не остави меня*», «*услыши молитву*», «*услыши меня*». В грамоте № 419 формы повелительного наклонения идентичны современной норме «оставь» и «избавь».

Грамота № 652 содержит фрагмент молитвы, произносимой, вероятно, перед принятием крещения, кающимися людьми. В настоящее время похожая молитва звучит так: «Не оставь во время бед и испытаний». В религиозной практике речевые формулы, отражённые в тексте молитвы, используются в молитвах-обращениях, в просьбах о помощи Господа: «*во время живота моего не остави меня, не поручай меня, но сама...творцу, зиждителю и избавителю ...помилуй, когда хочешь испытать меня*» [<http://gramoty.ru/index.php?no=652&act=full&key=bb>]. Перевод грамоты может варьироваться из-за того, что часть бересты не сохранилась, буквы отсутствуют. И тогда текст будет звучать так: «*Во время живота моего не остави меня, не поручи меня, но сама.... Творец, создатель (зиждитель)... избави меня, помилуй, когда хочешь меня испытать...*». Существенно подчеркнуть, что славянизм *зиждителю* в тексте грамоты передаётся по-русски *зижителю*.

Примечательна грамота № 930. Это заговор-молитва (по жанровой классификации А. А. Зализняка, представленной на сайте <http://gramoty.ru>) против лихорадки (сисиниева легенда). Текст грамоты следующий: «Святой Сисиний и Сихаил сидели на горах Синайских смотря на море. И был шум с небес велик и страшен. И увидел ангела летящего с неба Святого Сисиния и Сихаила, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жён простоволосых, окаянные на вид: они были схвачены силою невидимого царя. И сказали Святой Сисиний и Сихаил...» [<http://gramoty.ru/index.php?no=930&act=full&key=bb>]. К заговору-молитве этот фрагмент, на наш взгляд, можно отнести с трудом. Ведь в молитве и заговоре должны быть определённые речевые формулы, позволяющие

отнести их к этому жанру. Скорее это рассказ, повествование, легенда. Имя «Сихаил» встречается ещё в одной новгородской грамоте № 734. Датируется она второй половиной 12 века. Это фрагмент заклинательной молитвы, в которой это имя написано трижды, а также трижды написано и слово «ангел»: «Иисус Христос ника Сихаил, Сихаил, Сихаил... ангел, ангел, ангел..». Примечательна фраза «Иисус Христос ника» [<http://gramoty.ru/index.php?no=734&act=full&key=bb>]. Лингвисты переводят «ника» как «побеждает». Можно предположить, что эта формула воспринималась не как иноязычная, а как церковная. Ведь простой люд, писавший на бересте, вряд ли знал греческий язык. Слово «ангел» имело различное написание «ангел» и «анг?л». А. А. Зализняк называет это явление «особенности адаптации иноязычного слова» [Зализняк, 2004, с. 348]. Имя Сихаил известно в таких религиях и учениях, как Каббала и Христианство.

Среди грамот присутствуют и документы с текстом завещания.

Это грамота № 42. Она содержит следующий текст: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вот я, раб Божий Михаль, отходя от сей жизни, пишу завещание при своей жизни. Что касается моих (вероятно, = причитающихся мне) кобылок и двух рублей, то производить расчет братьям моим, а детям моим ...*» [<http://gramoty.ru/index.php?no=42&act=full&key=bb>].

Существенно подчеркнуть, что не только эта грамота начинается с призывания Святой Троицы: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа*», но и тексты завещания в грамотах № 692: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Я, [раба Божья] Мария, отходя от сего света, пишу завещание при своей жизни. Завещаю свое наследство ... своему Максиму, потому что я бездетна. Пусть он на это наследство совершит по мне поминки*» [<http://gramoty.ru/index.php?no=692&act=full&key=bb>]; № 28: «*во имя Отца и Сына и Святого Духа Фетиний отходя из сего света и при своём животе...*». В представленных грамотах употреблена устаревшая форма указательного местоимения – «сей». В настоящее время такая форма употребляется достаточно частотно во фразах: «по сей день», «по сей час», «по сию минуту». Но стилистически маркирована.

Завещания в XIII–XV вв. называли духовными грамотами, так как этот юридический документ заверялся церковью. Как замечает В. А. Кучкин в «Издании завещаний московских князей»: «В Древней Руси завещания удостоверялись священниками, при составлении могли присутствовать свидетели» [Кучкин, 2004, с. 54]. Но часто посторонние не

присутствовали при этом действе, а свидетелем называли Бога. Упоминание о Боге-свидетеле находит отражение в грамоте № 944. Текст следующий: *«по поводу имущества, так то Богу и тебе. На Ручье просела: а про села сама знаешь. А на то свидетель Бог»* [<http://gramoty.ru/index.php?no=944&act=full&key=bb>]. Данный текст можно по-разному декодировать. Возможен такой перевод: *«..со живо то, а Богу и тебе. На ручье просела: а просела сама знаешь. А на то (свидетель) Бог»*.

Не все завещания начинались с обращения к Святой Троице. Например, в грамоте № 138 упоминания Святой Троицы отсутствуют. Текст грамоты сохранён с небольшими дефектами, т.е. утрачены буквы, но не целые слова. Следовательно, отсутствие данной формулы неоспоримо: *«Вот я, раб Божий Селивестр, написал завещание...»* [<http://gramoty.ru/index.php?no=138&act=full&key=bb>]. В тексте данной грамоты присутствует речевая формула «раб Божий», которая не встречается в других грамотах с текстами завещания. Можно сделать вывод, что текст завещания не был каноническим, возможно, не было строгой системы речевых формул, употребляемых в текстах такого рода. В грамотах с текстами завещаний систематически употребляется слово «живот». Лексема «живот» в старославянском и церковнославянском языке имело то значение, которое мы сейчас вкладываем в лексему «жизнь» [Ожегов, 2008]. Слово «живот» до сих пор употребляется в религиозной лексике в указанном значении.

Тексты о поминаниях с именами усопших присутствуют в грамотах № 504, 506, 508, 523, 542, 543, 544, 551: *Пётр, Иван, Григорий, Георгий, Фёдор, Евдокия*. Грамота № 689 1360-80 гг. содержит точный срок поминовения- сороковой день – в Сорочины: *«По завещанию взял рубль, а помимо завещания еще два с половиной рубля. После его смерти я дал полтину отцу его духовному Нестеру, а другую полтину Дмитру-чернецу. На солод я дал рубль и варил пиво к сорочинам. У Шуги (Шуйги) я взял две коробки ржи и у Микитки на Узе коробью ржи. На Ксонове (Кснове) я взял полторы коробки ржи у Оврама. На Полоной – у Семенка Саввина полкоробьи овса, у Сидорка коробью овса, у другого Сидорка полкоробьи овса и полкоробьи ячменя»*. Причем в грамоте наряду с церковнославянской лексикой – всего 2 слова («духовный», «чернец») присутствуют слова не свойственные таковой: «На солод я дал рубль и варил пиво к сорочинам» – «варил пиво» не свойственная фраза для данного типа лексики. «Сорочины», как отмечено в словаре [Ушаков, 2008.] – это поминки по умершему

на сороковой день после смерти. В более поздних письменных источниках встречается название «Сороковины».

В XI веке не было таких миниатюрных служебников с месяцесловом, как в настоящее время, например, «Русские месяцесловы XI–XIV вв.» [Лосева, 2001, с. 420]. Поэтому батюшки писали на бересте ключевые слова отпустов – это благословение, произносимое священником по окончании службы – на выход из храма. Вот как они выглядят: «Христа, Богородицы, Петра и Павла, Козмадемьяна, отца Василия и Бориса и Глеба и всех святых» [<http://gramoty.ru/index.php?no=906&act=full&key=bb>]. Здесь интересно упоминание первых русских святых Бориса и Глеба буквально через несколько лет после их канонизации в 1071 г. Это самый ранний из ныне известных подлинный документ с их именами, по предположению Бычкова [Бычков, 2000.] Данный текст зафиксирован в грамоте № 906.

Среди берестяных грамот обнаружены фрагменты двух церковных проповедей. Первая, новгородская, XIV века, зовёт к покаянию: «...Слезы проливаются пред Богом. За то гнев Божий на вас мечет язычники. Так что покайтесь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает; а [вам] бы их хотя бы не стесняться». Суть грешного дела не ясна, но, как предполагает Л.В. Черепнин, – это может быть исполнение каких-либо языческих обрядов или даже какая-то форма ереси. В тексте использована форма неполногласия «пред», такая «форма употребляется в устойчивом выражении церковной формы «пред Богом»» [Зализняк, 2004, с. 558]. Может выступать и как народный вариант сочетания «перед Богом».

Церковная лексика употреблялась и в грамотах бытового содержания. Вот типичные выражения, использованные в текстах грамот: «Свидетель Бог»; «Мзда будет от Бога»; «Волен Бог и ты»; «Како Бог даст»; «Бойтесь Бога, слово блюдите»; «Дай Бог вам радость». Устойчивые речевые формулы встречаются и в любовном письме: «Судит тебя Бог и моя худость» – грамота № 752 [<http://gramoty.ru/index.php?no=752&act=full&key=bb>]; Слово «мзда» осмысливается как устаревшее, вышедшее из активного употребления. В словаре С.И. Ожегова оно имеет следующее значение: «Награда, плата» [Ожегов, 2008].

В бытовом письме, найденном в Пскове: «От Кюрика и от Герасима к Онфиму. О беличьих шкурках: если вы ещё не сторговали, то пришлите сюда немедленно, потому что у нас есть спрос на беличьи шкурки. А о тебе: если будешь свободен, то будь (приезжай) к нам –

Ксинофонт наш напортил. А об этом человеке: мы его не знаем, а в том воля Божья и твоя» [<http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=990>]. Достаточно часто употреблялась и употребляется в настоящее время эквивалентная фраза «на всё воля Божья». Этой речевой формулой заканчивали разговор. В устном общении верующих людей данная фраза активно употребляется и в настоящее время («на всё воля Божья»). Также в грамоте № 283 употреблено устойчивое выражение «*Ради Бога*». Содержание грамоты следующее: «помоги, Бога ради, сиротам, да позаботься обо мне, переставь сенник, сделай милость. А я тебе, брату своему, низко поклонюсь. Да ещё купи мне избобку. А Василько-Литвин» [<http://gramoty.ru/index.php?no=283&act=full&key=bb>].

В бытовых текстах употребление слов церковной тематики, обращение к Богу несут другую функциональную нагрузку. Они не носят молитвенную функцию. Это речевые клише, они необходимы в структурной организации текста в качестве устойчивых выражений, например: «поживём-увидим», так и «на всё воля Божья» или «на всё воля Всевышнего». Обращение к богу и призывание его на помощь, даже когда просьба обращена к простому человеку, вероятно предполагает исполнение просьбы и надежду на её обязательное исполнение. Фраза «ради Бога», предполагается, оказывает воздействие сильнее, чем просто слово «пожалуйста».

Рассмотрев берестяные грамоты, можно сделать вывод, что они содержат не только тексты частного содержания, но и тексты, являющие собой пример религиозной тематики. Это тексты различны по жанрам и содержанию: списки на поминания усопших, фрагменты молитвы, целые молитвы, заказы на иконы. Поэтому в текстах встречаются слова первой и второй группы религиозной лексики по классификации Тимофеева.

В приведенных текстах берестяных грамот самым частотным является лексема «Бог». А.Ю. Мусорин замечает: «Будучи наследием ещё дохристианской эпохи, лексема БОГЪ употребляется достаточно часто потому, что во-первых, это единственный непроизводный, немотивированный теоним первого письменного языка славян. Во-вторых, это теоним с наиболее общим значением, обозначающим Высшее Существо во всей совокупности его функций – правителя мира, творца неба и земли, «промыслителя вселенной» [Мусорин, 2009, с. 112]. Существенно подчеркнуть, что ни в одной из названных грамот не встретилась лексема «Божество», которая в русском языке

рассматривается как синоним слову «Бог», однако имеет некоторое семантическое отличие («божество» – «то же самое, что и Бог» [Ожегов, 2008]), но это слово, на наш взгляд, применимо к языческим Богам, а не христианским). Лексема «Господь» могла переводиться на русский язык двумя вариантами: «господин, хозяин дома» и «Господь», т.е. Бог. Например, в грамоте № 302 это слово употребляется в значении «господин, хозяин»: «*за Яковом-попом... Как, господин, позаботишься о моей голове*» [<http://gramoty.ru/index.php?no=302&act=full&key=bb>].

В 13 берестяных грамотах представлена лексика первой группы (по Тимофееву), в 6 грамотах от – лексика второй группы; слова, принадлежащие к третьей группе лексики относятся всего одно слово – «чернец». Первая группа представлена следующим репертуаром: *грех, Бог, Господь, молитва, святой, воскресение, дух, язычники, веровать*. Вторая группа включает слова: ангел, Сихаил, окаянный, раб Божий, сорочины, Святой Дух, Христос.

Лексика берестяных грамот свидетельствует о том, что в речи русских людей того периода церковнославянская лексика была естественной, представляла собой неотъемлемую часть лексикона. Речевые клише и формулы, характерные для церковнославянского языка, активно использовались и в бытовой речи.

Следует подчеркнуть, что исследование берестяных грамот представляет собой определённую проблему. Переводы грамот варьируются, так как происходит различное деление текста на слова и фрагменты. Например, грамота № 247. Долгое время перевод был непонятен, уцелел лишь небольшой фрагмент *грамоты*. Перевод звучал так: «*а двери кельи, а замок кельи*» [<http://gramoty.ru/index.php?no=247&act=full&key=bb>]. И тогда этот документ содержал в себе название комнаты в церкви. Только спустя 15 лет учёные-лингвисты во главе с А.А. Зализняком открыли особенность древненовгородского диалекта – отсутствие II палатализации. И с учётом этой особенности перевод звучит так: «*а двери целы, а замок цел*». Проблему составляют и те грамоты, которые написаны по памяти или под диктовку. Ведь многие слова непонятны, написаны с ошибками, а лексическое значение некоторых слов не выяснено. Грамота № 916 является таким примером [<http://gramoty.ru/index.php?no=916&act=full&key=bb>]. Перевод может звучать так: «*Сие глаголет Иосиф к девице Марие: что дело такое, тебя вижу, недоумеваю, и дивлюсь и умом ужасаюсь: так и мне будет скоро,*

ибо от церкви и от иереев как Господу тебя принял хулу мне принесла за честь, срамоту за веселье, скорбь за то, чтобы мне хвалятся». А. А. Зализняк предлагает другой перевод [подробно: Зализняк, 2004, с.523]

По подсчётам учёных, в земле содержится ещё около 20 тысяч берестяных грамот, наверняка среди них есть документы, содержащие лексику церковнославянского языка и представляющие интерес для дальнейшего изучения.

Литература:

1. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск, 2001. - 88 с.
2. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 1-е: М., 1965; изд. 2-е М., 1975
3. Лосева О.В. Русские месящесловы XI-XIV вв. Памятники исторической мысли. М., 1987. – 420 с.
4. Материалы сайта: <http://www.patriarchia.ru>
5. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Языки древнерусской культуры. – М., 2004- 872 с.
6. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. – М.: Проспект, 2006. –528 с.
7. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.). – М.: Наука, 1977. – 336 с.
8. Камчатнов А. М. Старославянский язык. Курс лекций. 2-е изд., испр. – М.: Флинта, Наука, 2000. -50 с.
9. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). – М., 1952 - 447 с.
10. Мусорин А. Ю. Теонимическая лексика древнейших памятников славянской письменности. Сибирь на перекрестье мировых религий. – Новосибирск, 2009. - С. 111-114
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: «Русский язык», 1999. - 623с.
12. Тюняев А.А. Древнейшая Русь: археология, мифология, язык, государство. – М.: Белые Альвы. 2011. - 432 с.
13. Бычков П. И. Берестяные грамоты об истории древней Руси. – М. 2000. -8 с.
14. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М: Дрофа. 2010. - 576 с.
15. Лосева О. В. Русские месящесловы. – М. 2001.- 420 с.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М. 2008. – 736 с.
17. Ушаков Д. И. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2008.-512 с.
18. Берестяные грамоты. – Режим доступа: [URL: <http://gramoty.ru>].

**РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРЕТЕРИТОВ
И ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ
РУКОПИСНОМ ЛИЦЕВОМ «ЖИТИИ СВ. ВАСИЛИЯ
НОВОГО» XVIII В.***

Исследование грамматических норм церковнославянского языка, отраженного в старообрядческих рукописных книгах синодального периода представляется очень важным, поскольку эти тексты должны отражать нормы дониконовского церковнославянского языка «старомосковского извода» (до сих пор сохранившегося только в богослужебной практике старообрядцев), «в патриаршей же церкви со времен Никона (с 1652 г.) утверждается другой извод церковнославянского языка, возникший из соединения киевских норм с московскими,.. называемый синодальным церковнославянским или новоцерковнославянским,.. он же теперь называется общерусским изводом»¹.

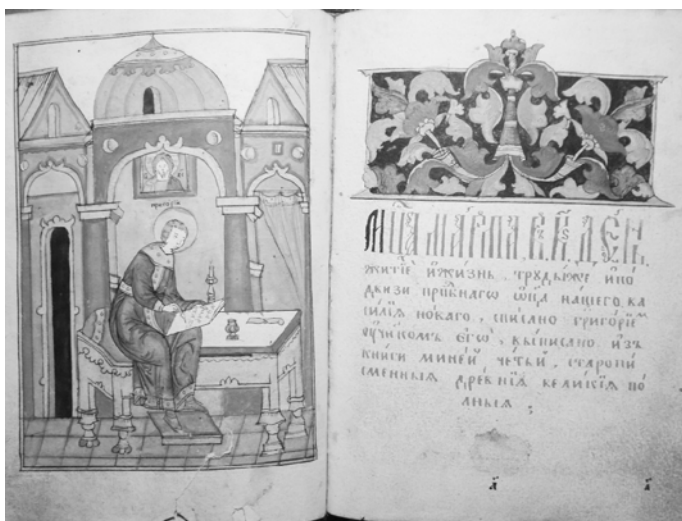
В частном собрании протоиерея Павла Горбунова, служащего в Свято-Феодоровском кафедральном соборе города Саранска находится великолепная старообрядческая лицевая рукописная книга (общим объемом 281 лист), датированная на основании водяных знаков бумаги, особенностей палеографии, исполнения миниатюр и переплета последней четвертью XVIII века. По словам владельца, данная книга была приобретена им во время обучения в духовной академии (Троице-Сергиева Лавра) у одного из жителей Сергиева Посада, потомка старообрядцев.

Данный сборник представляет собой рукопись, включающую в себя следующие 2 неравные части. Первая, наиболее значительная по объему, со множеством миниатюр, написанная профессиональным книгописцем: Страсти Христовы, житие преподобного Василия Нового, мытарства св. Феодоры, видение св. Григория. Вторая часть, очевидно, была дописана позднее, разными некаллиграфическими почерками, это незначительные по объему популярные старообрядческие произведения: житие св. Кирика и Улиты, слово блаженного Ипполита о скончании мира, список Иеросалимского знамения, поучение св. Дорофея, житие св. Алексия человека Божьего.

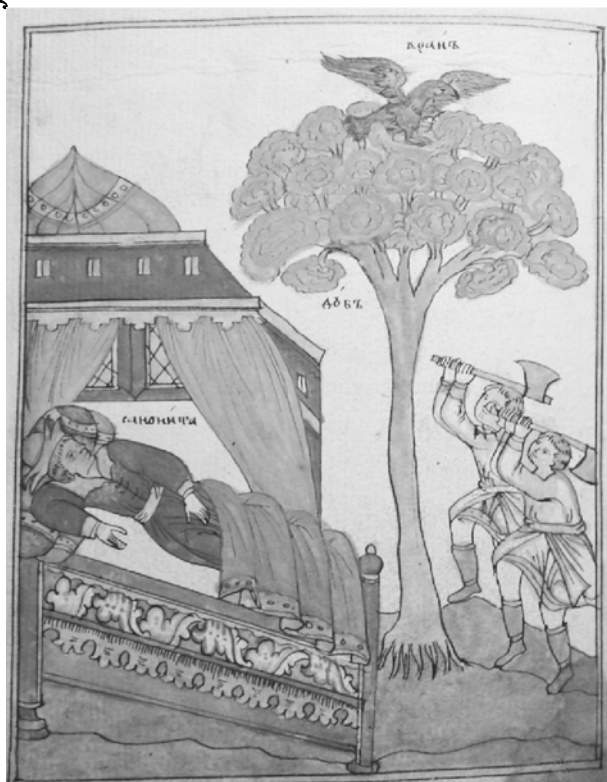
* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01212 а2, «Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки»)

Для исследования нами выбрано небольшое по объему (30 листов // 60 страниц) произведение «Житие преподобного Василия Нового». Текстовая часть составляет 40 страниц, 19 страниц занимают миниатюры, иллюстрирующие житие, и одну страницу – заставка и название произведения, где указано, что данное житие «выписано из книги миней четъй, старописменныя, древняя, великия, полныя» [л.1] (по причине большого количества цитат из текста жития ссылки на оригинал будут оформляться данным образом). Это указание особенно ценно, поскольку данный текст должен отражать грамматические нормы древнего первоисточника (не старше середины XVI в. – времени создания Великих Четий Миней св. митрополита Макария).

Обращение в нашей работе к употреблению претеритальных форм и реализации категории двойственного числа в данном житии объясняется нормативной значимостью этих категорий в книжно-литературной письменности на протяжении XI – XVII

веков. Так В.М. Живов пишет, что «специальным образом ассоциировались с традиционным книжным языком (были маркированными признаками церковнославянского),... прежде всего такие морфологические элементы, как формы имперфекта, аориста, перфекта со связкой, дв. число...» вплоть до Петровской эпохи². При этом простые претериты, по его мнению, «функционируют в русском языке средневековья как основные признаки книжности, то есть те морфологические элементы, которые манифестируют книжный характер порождаемого текста», и сохраняются – «в духовной литературе XVIII столетия как морфологические варианты л-форм, то есть без какой-либо семантической дифференциации,... приобретая постепенно стилистическую нагрузку»³. «В стандартном церковнославянском языке, охватывающем по преимуществу воспроизводимые тексты, правильно употреблявшие формы двойственного числа, это употребление лишь с весьма неболь-

шими изменениями репродуцируется в позднейших списках... Как бы книжники ни воспринимали формы дв. числа, обычно они послушно их копируют, отдавая себе, видимо, отчет в том, что они принадлежат к книжному стандарту. Оказиональные (в целом весьма редкие) замены форм дв. числа на формы мн. числа в переписываемых памятниках говорят только о том, что не у всех книжников эти формы были прочно укоренены в совокупности их языкового опыта, а это тривиальным образом следует

из отсутствия данных форм в живом языке книжников»⁴.

Б.А. Успенский, описывая модернизацию церковнославянского языка, которая проводилась никоновскими и послениконовскими справщиками канонических текстов и составителями грамматик, указывает следующие языковые изменения: замена форм двойственного числа на формы мн. числа, проводимая «не всегда последовательно»; «последовательная замена форм аориста и имперфекта во 2 лице ед. числа на перфектные формы со связкой»; «формы сослагательного наклонения во 2 лице ед. числа получают связку»⁵.

Двойственное число употреблено во всех семи исконных контекстах с семантикой двойственности.

В контекстах со связанным употреблением, при наличии числительного *два*, где подробная смысловая нагрузка отсутствует, поскольку соответствующая информация выражена обозначенным средством, находим следующие примеры: «*таже виде два некия человеки съ секирами къ дубу пришедшия*» [л.26]. Числительное *два* должно вести себя как прилагательное и согласоваться с существительным в роде, числе и падеже, употреблено в В.п., дв.ч., а суще-

ствительное и все прочие зависимые от него слова употреблены в мн.ч. Притом, что на сопровождающей текст миниатюре действительно изображены два дровосека с двумя же секирами. Согласно строгой норме данный контекст должен был выглядеть как: *«таже виде два некая человека съ секирама къ дубу пришедшая»*. Аналогичен и второй случай: *«Повелениемъ же Бога, хранящаго святыхъ своя, абие два дельфини взявша преподобнаго на хребты своя»* (должно быть: *«два дельфина взявша преподобнаго на хребта своя»*). Такую непоследовательность, вероятно, можно объяснить тем, что книжник просто обозначил присутствие дв.ч., подтвердив принадлежность текста к высокому жанру.

В случаях свободного употребления дв.ч., когда информационная нагрузка сведена до минимума (т.е. употребление дв.ч. при обозначении парных предметов) также обнаруживается непоследовательность: *«абие скорыми ногама текше, яша того»* [л. 3] и *«онъ же не даде ему ответа, но стояше молча, и кроткими на него смотря очима»* [л. 5] Существительное *ногама* употреблено в Т.п. дв.ч., а зависимое от него прилагательное *скорыми* стоит в Т.п. мн.ч., хотя должно было выглядеть как *скорыма*. Аналогична ситуация и во втором примере, где должно быть *кроткими очима*.

Однако в контекстах, где грамматическое обозначение двойственности несет полноценную информационную нагрузку, указывая на присутствие предмета в двух экземплярах, находим верное употребление дв.ч., хотя известно, что такие контексты, как правило, пер-

выими подлежали замене на мн.ч. «*Иоаннъ же приятъ его любезне, и бывшу обеденному часу, представи трапезу и ядоста* (аорист, Зл., дв.ч.)» [л. 15];

«*глаголаше единъ ко другому, вранъ той много кричуци не дает цареву уснути мирно, отвеща другий, но возлюбленнику Божию Василию зле досадила естъ, и начаста* (аорист, Зл., дв.ч.) *посецати дубъ*» [л. 26];

«*Стужаста* (аорист, Зл., дв.ч.) *же святому прилежнымъ молениемъ Иоаннъ и подружие его, да скажетъ има...и сказа вся по ряду, елико сотвори ему царева патрикий, и чюдястася* (аорист, Зл., дв.ч.) *слышаще... таже моляста* (аорист, Зл., дв.ч.) *его, да пребываетъ съ нима* (мест. Т.п., дв.ч.)» [л. 17].

Таким образом, в тексте памятника конца XVIII столетия наблюдается преемственность нормы при реализации различных контекстов двойственности. Примеры отхода в сторону категории мн.ч. случаются, однако, в исконном контексте двойственности всегда остается хотя бы одно слово, верно употребляющееся в дв.ч. и являющееся маркером высокого стиля. Подобные отклонения свойственны и для литературы более раннего времени XVI – XVII вв. (к данной эпохе, очевидно, принадлежит и первоисточник – «книги миней четъй, старописменные, древняя, великия, полная» [л. 1]).

В исследуемом нами тексте использовано 183 формы прошедшего времени глагола. Авторы исторических грамматик русского языка отмечают, что в памятниках церковно-религиозной литературы система старых прошедших времен держится очень устойчиво и представлена полностью. М.Л. Ремнева замечает, что: «Аорист обозначает единичное, неповторяющееся действие в прошлом, которое завершено и никак не соотносится с настоящим»⁶. Аорист «сосредотачивает внимание на факте совершения и завершения действия»⁷. По мнению большинства исследователей, это было наиболее обычная форма времени для обозначения событий, имевших место в прошлом.

Форма 1 л. ед.ч. аориста зафиксирована в одном случае и встречается только в прямой речи героев повествования: «*и обративъற்பреподобный к нему речь свою, не рехъ ли тебе, останися злаго начинания твоего*» [л.27].

Формы 3 л. ед.ч. аориста употребляются в 76 случаях, например:

«Святый многие **претерпе** болезни, и уедавъ Самона патрикий, яко въ непокорении пребываетъ мученикъ, паки **седе** на судищи, и представивъ его, **воззре** со гневомъ на него и **рече**» [л. 10];

«и **глагола** къ нему Самона» [л. 8];

«и **прииде** преподобный въ витальницу свою» [л. 28];

«и окаянный Саронита не **воста** от болезни своя, въ техъ же бо малехъ днехъ **умре**» [л. 28];

«благочестивая жена Елена... мимо идуци тамо и видеши преподобного Василия тако биема скоро **тече** въ домъ той и **паде** на биемомъ святомъ» [л. 24];

«Той пришедшему въ возрастъ царю Константину **даде** въ супружество дщерь свою» [л. 20];

Формы 3 л. мн.ч. аориста обнаружены в 42 случаях, например: «и связавше убо того **ведоша** купно съ собою в царствующий градъ» [л. 3 об.];

«мнети имъ, яко уже абие умреть, и взявше его яко бервено, немогуща ходити **несоша и ввергоша** въ темницу» [л. 6];

«яко вси любящи его слышавшее отпущена **стекошася** въ домъ иоанновъ радующася» [л. 19];

«собрася множество народа на позорище, и левъ страшень рыкая испущень бывъ... приведшее же тамо святого, **повергоша** лвови въ снеть» [л. 12];

«И **начаша** по малехъ днехъ приходити къ нему людие» [л. 19].

Формы имперфекта обнаружены в 53 случаях. М.Л. Ремнева считает, что: «Имперфект – это прошедшее время, употреблявшееся для обозначения действия длительного или повторявшегося. Имперфект сосредотачивает внимание на самом действии, имевшем место в прошлом, а аорист – на факте го свершения и завершения (Ср.: в современном русском языке: писал – написал). Употребляясь в тексте с аористом, имперфект обозначает фон основного действия, выраженного аористом, или добавочное, сопровождающее действие, а также действие, которое надо особо выделить»⁸.

Формы имперфекта зафиксированы только в 3 л. ед.ч. и мн.ч. например:

«Василии **провидяше** же и будущая, и предсказавше та пророчьски» [л. 28];

«Вранъ гнездо свое **имеаше, и покрываше** свои птенцы» [л. 26].

3 л. мн.ч имперфекта:

«*вси же тамо бывшии **роптаху** отай на Самону*» [л. 10 об.];
«*и мимо некую непроходимую гору **идяху***» [л. 3];
«*и мнози предстоящи **нуждаху** глаголющее кто еси*» [л. 5 об.];
«*и вси иже с нимъ слышаще таковая и **невероваху** поведаемымъ*» [л. 7].

«Употребление форм перфекта обнаруживается как употребление форм аналитического характера, свойственных древнерусскому языку раннего периода его истории»⁹ и церковнославянскому языку на протяжении всей его истории вплоть до современного состояния (что фиксируют современные нам грамматики церковнославянского языка). М.Л. Ремнева определяет префект следующим образом: «перфект обозначает не действие в прошлом, а состояние в момент речи, являющееся результатом действия совершенного в прошлом (*есмь сделалъ* – значение: «в настоящее время я являюсь сделавшим это, и результат данного действия в настоящее время налицо»)»¹⁰.

Наблюдения над функционированием перфекта в тексте «Жития преподобного Василия Нового» дают следующие результаты: перфект употребляется в 5

случаях, причем только в прямой речи героев и в формах 2 и 3 л. ед.ч. В форме 2 л. ед. ч. перфект употребляется в следующих контекстах: «*како **дерзнулъ еси** таковыми укорительными и обличительными словесы мне досаждати*» [л. 21 об.];

«*повеждь намъ, како изъ темницы **изшел еси***» [л. 7].

Перфект в форме 3 л. ед.ч.: «*Отвеща другий, но возлюбленнику Божию Василию зле **досадила естъ***» [л. 26];

«*рцы ми, злый старче, который тя бесъ **научила естъ** с тако-*

вымъ дерзновениемъ» [л. 21 об.].

*«друзии же глаголаху, яко волхвъ **есть**, и волшебствомъ тако-
вая **сотвориль** чудо»* [л. 7 – 7 об.].

Плюсквамперфект со свойственным для него значением «действия или состояния, предшествующего другому действию или состоянию»¹¹ был единично использован книжниками в данном тексте: *«**слышали же бяху** о немъ и прежде, како мучиль его Самона»* [л. 17].

Количественные характеристики употребления претеритов позволяют сделать следующие выводы: наиболее употребительным претеритом в тексте является аорист (использующийся во всех 3 числах), с помощью которого ведется основное повествование в прошедшем времени, употребительность имперфекта и значительно ниже (используется только в 3 л. ед.ч. и мн.ч.); формы перфекта незначительны (всего 5 единиц) и употребляются только в прямой речи персонажей, форма имперфекта единична. Таким образом, в языке создателя (переписчика) жития полностью функционирует сложная древняя четырехчленная система претеритов: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект, что свидетельствует об отражении в памятнике строгой безвариантной церковнославянской нормы.

Чуть менее строго, чем претеритальная система, в тексте реализуется категория двойственности. Примеры отхода в сторону категории мн.ч. случаются, однако, в исконном контексте дуалиса всегда остается хотя бы одно слово, верно употребляющееся в дв.ч. и являющееся маркером высокого стиля. Следует отметить, что подобные отклонения свойственны и для литературы более раннего времени XVI – XVII вв. (к данной эпохе, очевидно, принадлежит и первоисточник – «книги миней четъй, старописменные, древняя, великия, полная» [л. 1]). Из этого можно заключить, что старообрядческие книгописцы старательно копировали средневековые тексты, по возможности полно стараясь воспроизвести нормы дониконовского извода церковнославянского языка.

Примечания:

1. Кравецкий, А.Г., Плетнева, А.А. Церковнославянский язык / А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева. – М.: Издат. совет РПЦ, 2005. – 272 с.
2. Живов, В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII вв. / В.М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.541.
3. Там же, С.35-36.
4. Там же, С. 84, 86.

5. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.) / Б.А. Успенский. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – С. 488-489.
6. Ремнева, М.Л. Церковнославянский язык / М.Л. Ремнева, В.С. Савельев, Н.И. Филичев. – М.: Наука, 1999. – С. 75.
7. Там же. С. 77.
8. Там же. С. 77.
9. Хабургаев, Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный / Г.А. Хабургаев // Вопросы русского языкознания. История языка в древнейший период. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 28.
10. Ремнева, М.Л. Церковнославянский язык / М.Л. Ремнева, В.С. Савельев, Н.И. Филичев. – М.: Наука, 1999. – С. 79.
11. Там же, С.80.

Сабитова Р. Р. (Казань)

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ В «НЕСОБСТВЕННЫХ»
ФУНКЦИЯХ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ)**

В современной науке использование одной грамматической формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду – квалифицируется либо как транспозиция, либо как семантическая деривация в морфологии.

Транспозиция изучается посредством функционально-семантического сопоставления исходной грамматической формы (транспонируемого) и результата транспозиции (транспозита). По мнению Е.Н. Ремчуковой, «Явление морфологической транспозиции необходимо рассматривать не изолированно, а в комплексе с другими типами грамматического варьирования (конкуренцией и нейтрализацией) в рамках общей проблемы изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц»¹. Однако варьироваться, а значит – вступать в синонимические отношения, могут только единицы одного порядка, то есть грамматические формы. Следовательно, так называемые транспозиты (в нашей терминологии – семантические дериваты) невозможно трактовать иначе как новые грамматические формы. Признание же возможности появления нового грамматического значения без одновременного возникновения новой грамматической формы (хотя бы и омонимичной другим формам) противоречило бы принципу един-

ства значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних языковых единиц, являющемуся необходимым признаком любой грамматической категории.

Семантическая деривация в морфологии происходит за счет изменения только семантики формы без изменения ее морфемного состава. Как и в сфере семантического словообразования, при котором слово включается в иной лексический разряд, что ведет к образованию лексических омонимов, в сфере семантического формообразования грамматическая форма включается в иной грамматический разряд, что приводит к образованию грамматических омонимов, – пишет Г.А. Николаев². Процесс семантической деривации в морфологии завершается не только созданием результативной единицы (грамматической формы), но и возникновением деривационных отношений между исходной и производной грамматическими формами. Он может быть описан путем реконструкции деривационной истории, т. е. восстановления процесса образования одной грамматической формы на базе другой. Семантическое формообразование осуществляется по особым семантическим моделям и представляет собой типовое явление. К семантическим средствам формообразования, как и к морфологическим, вполне применим критерий продуктивности/непродуктивности; они имеют и системно-парадигматическую оценку, составляя отдельные парадигмы форм, состоящие из семантических дериватов³ (подробнее см. диссертационное исследование автора⁴). От своих производящих формы семантического образования отличаются стилистической маркированностью, функционируя преимущественно в художественной речи и в разговорном языке и отличаясь от своих грамматических синонимов большей экспрессивной насыщенностью.

Однако вне зависимости от того, как квалифицируются формы – как транспозиты или как семантические дериваты – их употребление является яркой чертой разговорного языка и в качестве таковой требует надлежащего освещения на занятиях по русскому языку как иностранному (*далее РКИ – Р.С.*). Одной из важнейших задач обучения РКИ является целенаправленное, облеченное в доступную форму обучение функциональному языку, то есть правильному использованию языковых средств в соответствии с прагматикой коммуникации. Вместе с тем, как указывает Е.Н. Стрельчук, в методике преподавания РКИ обучение иностранных учащихся русской разговорной речи занимает скромное место⁵. «Разрыв между учебной и ес-

тественной коммуникацией существовал всегда, но никогда не был так значим, как сегодня», – пишет В.А. Степаненко⁶. Поэтому представляется особенно актуальной подготовка методических пособий, которые помогут сделать обучение РКИ функционально ориентированным.

Как известно, в настоящее время в непринужденном общении носителями русского языка используются следующие формы времени семантического образования:

1. формы прошедшего времени, образованные на базе

а. настоящего времени: Иду я вчера по проспекту Мира... (*прошедшее действие представлено как одновременный моменту речи процесс*);

б. будущего времени: Придет, молча сядет напротив – я его даже немного боялась; Странно он себя вел: из дому не выходил, никого не приглашал, вечно в окно смотрел. Целый день на подоконнике будет висеть, прохожих разглядывать (*постоянное в прошлом действие представлено и синтетической, и аналитической формами как ожидаемо постоянное и в дальнейшем*);

с. императива: Людмила и ляпни сдуру, что отец уехал (*прошедшее действие представлено как неожиданное для его субъекта и даже внешнее ему*);

2. формы настоящего времени, образованные на базе

а. прошедшего времени: *А я живу с мамой. Встал – вкусный завтрак уже на столе* (не законченную к моменту речи серию эпизодов представляет один из них – завершённый); *Уже половина третьего? Ладно, я пошел* (производимое в момент речи действие представлено как уже совершившееся);

б. будущего времени: *Живет рядом, а зайдет раз в год* (значение исходной формы трансформируется, проявляясь как модальный оттенок готовности к осуществлению действия);

3. формы будущего времени, образованные на базе

а. прошедшего времени: *Если он не вернется завтра, мы **пропали*** (будущее действие представлено в качестве уже совершившегося);

б. настоящего времени: *Завтра **еду** в Самару* (будущее действие представлено как процесс, совпадающий с моментом речи).

На начальном этапе обучения РКИ представляется обоснованным ознакомление студентов с формами типа 1а, 2а и 3б как наиболее употребительными в разговорной речи. Разумеется, речь

идет о базовом уровне обучения, когда студенты правильно употребляют все формы времени морфологического образования и имеют общее представление о функциональных стилях русского языка.

Как показывает опыт автора, эффективным способом решения поставленной задачи является создание проблемной ситуации. Преподаватель обращает внимание студентов на противоречие между имеющимися у них знаниями о стандартном употреблении форм времени и нормативностью использования форм типа 1а, 2а и 3б в разговорной речи и предлагает разрешить возникшую проблему. Важно, что примеры употребления указанных форм знакомы студентам не по учебникам, что в ситуациях непринужденного общения в автобусе, в магазине, в общежитии и т.д., свидетелями или участниками которого студенты ежедневно становятся, носители русского языка активно используют такие формы.

Начать дискуссию можно, например, так: «Вы слышали, что Сергей сказал “Ладно, я пошел домой, всем пока”. Как вы думаете, почему? Он ведь знает, что все еще находится в аудитории, и мы это знаем. Почему же он говорит так, будто уже ушел?». Выводы, к которым в итоге приходят студенты – «Так он показывает, что очень хочет пойти домой», «Он мечтает быть дома и поэтому говорит, что уже ушел» – хотя и сформулированы доступными им на данном этапе обучения средствами языка, тем не менее демонстрируют правильное понимание изучаемого явления как грамматической метафоры, то есть как средства выразительности. А.В. Бондарко пишет, что при переносном употреблении времен и контекст, и временная форма соотносят глагольное действие во времени с действительностью, однако одно из временных отношений (то, которое передается контекстом) является реальным, а другое (обозначаемое глагольной формой) – образным, метафорическим»⁷. Исключительно важно обратить внимание студентов на сделанные ими выводы, подчеркнув, что в таких случаях грамматическое значение формы вступает в противоречие со значением контекста, и что именно это противоречие и привлекает внимание слушателя, выделяет форму из потока речи, демонстрирует особое эмоциональное отношение говорящего к высказыванию, в котором указанная форма функционирует.

Обсудив формы типа 1а и 3б, следует обратить внимание студентов на то, что в обоих случаях действие (прошедшее и будущее соответственно) представлено как одновременный моменту речи про-

цесс, а также на сходство выводов, сделанных во время дискуссии: как правило, студенты отмечают, что указанные формы представляют прошедшие и будущие события «как кино, а не рассказ», то есть как происходящие в присутствии участников диалога.

Кроме того, важно обратить внимание студентов на универсальный характер грамматической категории времени, на то, что она имеет специальные средства выражения в разных языках мира, а также поставить вопрос о том, возможно ли употребление форм наподобие анализируемых в родном языке студентов, попросить аргументировать ответ, привести примеры.

Опыт автора настоящей работы демонстрирует эффективность «проблемного» (создание преподавателем проблемной ситуации и ее осознание студентами, обсуждение и разрешение проблемы) пути ознакомления студентов с рассматриваемым явлением. Необходимость изучения на занятиях по РКИ (начиная с базового уровня) форм времени семантического образования как употребительного средства выразительности, расширяющего номинативные возможности разговорного языка, не вызывает сомнений.

Примечания:

¹ Ремчукова Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 79.

² Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. – Казань: КГУ, 1987. – С. 14.

³ Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. – Казань: КГУ, 1987. – С. 17.

⁴ Сабитова Р.Р. Русский глагол в повествовательном жанре XVII века (семантическое образование форм времени): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 148 с.

⁵ Стрельчук Е.Н. Русская разговорная речь в методике преподавания РКИ: к постановке проблемы // Вестник ЦМО МГУ. – 2011. – № 1. Методика. – С. 48.

⁶ Степаненко В.А. Современное состояние русского языка в аспекте обучения русскому языку как иностранному // Проблемы преподавания русского языка как иностранного: новые тенденции обучения. – М., 2008. – С. 12.

⁷ Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – С. 96.

РОЛЬ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ ВОСПИТАНИЯ

За XXI столетием уже давно закрепилось определенное название – это век информации, информационных технологий, цифровой эры. Стремительно развивающиеся IT-технологии, проникающие во все сферы жизнедеятельности современного человека, заставляют его становиться более мобильным и восприимчивым к происходящим явлениям действительности. Повышенная потребность к усвоению новой информации заставляет личность обращаться к быстрому заполнению «пустых лакун» посредством постоянного самообразования – через изучение еще неизвестного.

Вместе с тем обратной стороной медали XXI в. выступает глубокий духовно-мировоззренческий кризис, поразивший все российское общество и вскрывший духовную ущербность отдельно взятого человека. В.И. Слободчиков называет существующий в настоящее время духовно-мировоззренческий кризис «мировоззренческой катастрофой»¹, выражением которой являются «разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размывание любых мировоззренческих основ его самоопределения и одновременно – призыв уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни»². В связи с этим экзистенциальные вопросы человеческого существования – для чего человек должен жить и что действительно его может сделать человеком – очень часто решаются в соответствии с материальными и плотскими потребностями индивида. В этом случае происходит тотальное разрушение духовной сферы личности. Даже существующее на сегодняшний день обилие информации не способно данный процесс остановить. Парадокс заключается в том, что получение человеком ответов на извечные вопросы о смысле жизни связано с обращением к не подлинному знанию, которое личность может почерпнуть в ценностях и традициях отечественной культуры, а псевдознанию, набирающему стремительные обороты благодаря активному развитию и распространению всевозможной информации подчас бездуховного содержания. Информационный голод, испытываемый индивидом в виду постоянного наращи-

вания объема информации, превращается в своеобразный смыслоценностный ориентир-руководство к построению человеческой жизни в XXI в., заменяя собой духовную жажду, утолить которую может и способен только духовный опыт. Именно духовный опыт помогает личности понять смысл собственного предназначения. Еще в начала XX столетия И.А. Ильин определял духовный опыт как «опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии»³, который способен указать человеку, «что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть...»⁴. Иными словами, духовный опыт формирует духовное ядро личности, воспитывает и развивает «человеческое в человеке».

Современное российское воспитательно-образовательное пространство также оказалось под угрозой духовно-мировоззренческого, духовно-нравственного кризиса. Это выражается в том, что воспитательное воздействие как элемент становления и развития в личности «человеческого в человеке» сводится до минимального значения, уступая место исключительно интеллектуальному образованию. Отсюда в личности формируется духовная ограниченность. Более того, наблюдающаяся сегодня адаптация образования к законам рыночной экономики рождает диссонанс в отношениях со многими нравственными общечеловеческими принципами. В своей статье в журнале «Педагогика» И.А. Колесникова отмечает, что современные процессы воспитания и образования, превращаясь в придаток рыночных отношений, «утрачивают свое человекообразующее значение»⁵, и начинают угрожать целостности личности в ее полноте (духовно-душевно-телесной).

Полноценному становлению и развитию человека как «субъекта собственной жизни, как личности во встрече с другими, как индивидуальности перед лицом Абсолютного бытия»⁶ может содействовать только воспитание, опирающееся на ценности и традиции отечественной педагогической культуры. Такое воспитание выступает своеобразным иммунитетом в сохранении целостности личности. Оно – залог приобретения человеком духовного опыта, формирования его духовной сферы, ориентир образования в нем собственно человеческого. Отсутствие же на сегодняшний день четко выстроенной системы воспитания, предполагающей наличие определенного образа, идеала, ко-

торому следовало бы соответствовать и стремиться, приводит в настоящих условиях к дезориентации современной молодежи. В связи с этим современная отечественная педагогика поставлена перед необходимостью определить образ истинного воспитания, выработать ценностные ориентиры, имеющие непреходящее значение, затрагивающие духовную сферу человеческой личности и содействующие ее полноценному становлению и развитию.

В настоящее время данному вопросу уделяется серьезное внимание: проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения по-прежнему остается в числе актуальных в нашей стране. Этим обуславливается тот факт, что в последнее время особую значимость и востребованность приобретают концептуальные идеи о духовно-нравственном воспитании отечественных ученых второй половины XIX – начала XX вв. Анализ философско-педагогического наследия российских ученых указанного периода (Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, П.Д. Юркевича, А.Н. Острогорского, В.В. Розанова и других) показывает, что существовавшее в дореволюционной России духовно-нравственное воспитание опиралось на традиции и ценности отечественной православной педагогической культуры. Это обеспечивало благотворное влияние на все стороны и формы взаимоотношений личности с миром, способствуя ее полноценному и всестороннему развитию – духовному, интеллектуальному, психическому, эстетическому, этическому, физическому. Иными словами, происходило становление «истинного человека» – человека высокой духовной культуры и нравственности, для которого духовно-нравственные ценности выступали ведущими смысло-ценностными ориентирами бытия. Так, согласно Н.И. Пирогову, стоявшему у истоков развития общественно-педагогической мысли, первостепенная цель воспитания состояла в том, чтобы научить ребенка «быть человеком», что означало умение «с ранних лет подчинять материальную сторону жизни нравственной и духовной»⁷. Идеалом такой воспитательной системы для Н.И. Пирогова выступала православная религия: «Вспомним еще раз, что мы христиане, и, следовательно, главной основой нашего воспитания служит и должно служить Откровение»⁸. Данная мысль созвучна мнению К.Д. Ушинского, утверждавшего, что «все, чем человек, как человек, может и должен быть, выражено вполне в божественном учении, и воспитанию остается только, прежде всего и в основу всего, вкоренить вечные истины христианства. Оно дает жизнь и указывает высшую цель всякому воспитанию, оно же и должно служить для вос-

питания каждого христианского народа источником всякого света и всякой истины»⁹. Поэтому нравственное воспитание, по убеждению К.Д. Ушинского, есть основа всех других сторон становления и развития личности – «...влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще»¹⁰. Подобную точку зрения разделял и П.Г. Редкин, который считал, что воспитание должно быть «непрерывно христианским», поскольку именно религия (православие), доступная и близкая всем и каждому, представляет собой одно из важнейших средств, ведущих к «истинному образованию», охватывающему всего человека – его тело, чувство, ум, волю в их единстве и целостности. «Человек, – отмечал мыслитель, – есть единство духа и тела, а потому истинное образование должно развивать и дух его и тело в их единстве, – словом, развивать всего человека для полной человечности»¹¹.

Разрабатывая свои воспитательные концепции, отечественные ученые второй половины XIX – начала XX вв., как правило, двигались по направлению восстановления прежнего сотериологического понимания воспитания, способствовавшего становлению и развитию духовной сферы личности. Поэтому формирование «истинного человека», выступавшее целью духовно-нравственного воспитания, было связано с христианско-православным идеалом совершенства, исторически сложившимся в России. Построенная на основе идеалосообразности система духовно-нравственного воспитания личности рассматриваемого периода отличалась универсальным характером: предполагала изначально последовательный порядок становления и развития духовно-нравственного потенциала человека на протяжении всей его жизни, начиная с семьи и заканчивая сознательным стремлением к совершенству. При этом оформлению такой полноценной системы духовно-нравственного воспитания, как показывает исследование философско-педагогического наследия виднейших ученых второй половины XIX – начала XX вв., содействовали принципы и факторы духовно-нравственного становления и развития личности, которые в настоящее время весьма актуальны в решении современных задач воспитания.

Ведущий принцип духовно-нравственного становления и развития личности, согласно концептуальным идеям российских ученых рассматриваемого периода, – принцип идеалосообразности. Откровение, сосредотачивающее в себе «вечные истины христианства», представляет собою тот «ковчег религиозной истины» и кладезь знания,

без которых существование человеческой личности невозможно. В нем сосредоточено «правило жизни, непрестанное напоминание человеку, что есть Бог и ищущим Его Мздовоздатель – духовный авторитет, на коем утверждается обязанность человека к Богу и ближним»¹². Создатель в понимании отечественных ученых рассматриваемого периода являет собою тот Идеал, к Которому личность призвана стремиться, так как каждый человек, по словам К.Д. Ушинского, обладает «врожденным стремлением к совершенству». Постоянное тяготение личности к установленному ей самой же «образу хорошего человека» заставляет ее невольно сопоставлять этот идеальный образ с собой, ставит перед необходимостью, в конечном итоге, достичь «образ хорошего человека» и приблизиться к совершенству – к Богу¹³.

Теснейшим образом с принципом идеолосообразности связан принцип аксиологического подхода, ориентированный, согласно философско-педагогическому наследию ученых второй половины XIX – начала XX вв., на привитие воспитаннику важнейших ценностей отечественной педагогической культуры, в которой главенствующее положение занимали духовно-нравственные ценности, выступавшие вектором дальнейшего духовно-нравственного становления и развития воспитуемого. Среди таких ценностей ведущее место занимала, как показывает анализ концептуальных идей виднейших ученых рассматриваемого периода, любовь. Именно она воспитывала в личности ребенка «самое человечество, чистый образ Богоподобного человека»¹⁴. Любовь как духовно-нравственная ценность, определявшая «достоинство человека», выступала источником всех истинно и неподдельно нравственных поступков воспитуемого, отражавших уровень его духовно-нравственного становления и развития. Она – начало начал духовного возрастания человеческой природы, раскрытия в ней самых лучших качеств, свойств, стремлений, двигатель личностного совершенствования.

В непосредственной связи с предыдущим принципом находится принцип культурологического подхода. Объясняется такая взаимосвязь тем, что христианская религия превратила культуру народа в «источник силы, свободы и процветания»¹⁵ государства, отразило в ней духовно-нравственные ценности бытия. Этот принцип выступал системообразующим в интегрировании знаний о духовной сущности человека и целостности его личности, где духовное и телесное составляли единое целое. Принцип культурологического подхода содействовал формированию культуры личности, посредством которой личность

осваивала духовно-нравственные ценности бытия, познавала себя и окружающий мир, достигала гармонии с природой и всем обществом, входила в мир культуры.

В своей совокупности эти принципы выступили своеобразным отражением жизнеспособности сложившейся во второй половине XIX – начале XX вв. системы духовно-нравственного воспитания личности и актуализировали значимость этой системы посредством выработанных на их основе факторов духовно-нравственного становления и развития личности.

Анализ философско-педагогического наследия отечественных ученых рассматриваемого периода позволил выявить как внешние, так и внутренние факторы духовно-нравственного становления и развития личности. Внешние факторы (семья, православная религия, школа) способствовали первоначальному знакомству ребенка с жизненными устоями, идеалами, ценностями, традициями, нравственными принципами, религиозным чувством не только своей семьи, ближайшего окружения, но и всего социума в целом. Так, родители изначально закладывали духовно-нравственный облик своих детей посредством формирования в их личности духовных ценностей, «нравственных убеждений» (Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, А.Н. Острогорский), «нравственных привычек» (К.Д. Ушинский, А.Н. Острогорский), «нравственного чувства», (К.Д. Ушинский), «нравственных понятий» (А.Н. Острогорский), нравственно-религиозных навыков (А. Кичигин), «нравственных принципов и идеалов» (В.В. Розанов), «религиозного чувства» (К.П. Победоносцев); постепенного осознания личностью подрастающего человека собственного высшего предназначения (П.Г. Редкин, Н.И. Пирогов, К.П. Победоносцев), становящегося ведущим ориентиром во всей его последующей жизнедеятельности. Семья, таким образом, представляла собою особую «сферу», где обнаруживались, действовали и крепились первоначальные нравственные законы и духовные ценности – «чувства правдивости, добра, свободы»¹⁶. При этом вне православия формирование в ребенке духовности и нравственности не происходило: именно семья стояла у истоков вхождения ребенка в религиозную жизнь, соприкосновения его личности со святыней, развития в нем религиозного чувства, постижения истины. Религия, обнимая всего человека, была способна вынести его «из самой глубины нравственного омута на вершины человеческого достоинства»¹⁷, привить ему ценности духовно-нравственного содержания, превращавшиеся в «дорогие качества сердца и воли, каковы:

любовь, послушание, почтение и живая вера в Бога»¹⁸, заложить в его личности постоянное тяготение к Высшему идеалу, явленному человечеству в образе Иисуса Христа. Школа же довершала процессы духовно-нравственного становления и развития личности ребенка. По убеждению К.Д. Ушинского, образовательное учреждение, содействовавшее окончательной социализации воспитуемого, показывало ему то, что в нем «...есть самого драгоценного, заставив его познать себя частицей бессмертного и живым органом мирового, духовного развития человечества»¹⁹. Более того, школа утверждала в воспитаннике «твердые религиозные верования и национальные нравственные убеждения»²⁰, которые были присущи всему русскому народу – они полагались в основу его многовековой религиозной, семейной и государственной жизни.

Как видно, внешние факторы способствовали образованию в воспитуемом духовного стержня, составлявшего основу человеческой личности, ее «человеческого достоинства», становление и развитие которых вне процесса духовно-нравственного воспитания не осуществлялись. Все это содействовало постепенному формированию в ребенке первых нравственных чувств и привычек, образованию в нем духовно-нравственных ценностей. Следовательно, внешние факторы выступали начальными ориентирами в процессах духовно-нравственного становления и развития личности воспитанника.

Внутренние же факторы (ценности православной культуры, присущие человеку, самовоспитание) были направлены на обеспечение целенаправленного, сознательно организуемого взаимовлияния воспитателей (родителей и учителя) на воспитуемого в процессе его духовно-нравственного воспитания. Так, ценности православной культуры полагались в основу построения полноценной системы духовно-нравственного становления и развития личности воспитанника. Главнейшей ценностью православной культурой выступала вера. Она – основание нравственности, нравственной деятельности, нравственной жизни человека. В этой связи К.П. Победоносцев отмечал: «Где нет веры, там не на чем утвердить чувство долга и сознание ответственности – основу всякого нравственного побуждения и воли»²¹. Воспитание же и развитие нравственности в ребенке позволяло образовать в нем лучшие человеческие качества, развить его внутренний духовный мир. В нравственности сосредотачивались начало духовной жизни воспитуемого, источник добродетелей, основа для других сторон облагораживающего формирования его человеческой природы. Следуя

нормам нравственного закона, сообразуясь с духовными ценностями, воспитуемый учился поступать правильно, что выражалось в сохранении целостности его жизни, в гармоничном взаимоотношении духовного и физического начал, а также ступал на верный путь собственного самосовершенствования. Таким образом, фактор ценности православной культуры, присущие человеку, предполагал теснейшую связь с фактором самовоспитания. Стремление к совершенству, являвшемуся, по словам К.Д. Ушинского, чувством «врожденным», его достижение, как правило, осуществлялось во многом благодаря процессу самовоспитания.

В связи с этим отечественные ученые второй половины XIX – начала XX вв. рассматривали воспитание как основу самовоспитания личности²². Иными словами, воспитание выступало подготовительным этапом полноценного саморазвития человека, его духовно-нравственного формирования. Воспитатели (родители и учитель) задавали вектор будущего развития личности воспитуемого, предоставляя ей для этого все необходимые средства и тем самым мобилизуя в ней активность к творческо-преобразующей деятельности, к постоянной работе над собой, к собственному самосовершенствованию. Все это оказывалось возможным только при наличии в воспитаннике ценностей православной культуры.

Как видно, внутренние факторы содействовали гармоничному и всестороннему раскрытию личности ребенка. Изначально привитые воспитуемому идеалы, ценности, традиции, нравственные принципы, религиозное чувство под влиянием внутренних факторов окончательно закреплялись, вызвали у воспитанника сформированное положительное внутреннее переживание, побуждали его к постоянной работе над собой, образовывали в нем стремление к собственному совершенствованию. Иными словами, внутренние факторы выступали основанием полноценного саморазвития ребенка, его духовно-нравственного формирования, становления его «истинным человеком».

Итак, внешние и внутренние факторы являлись не только показателем высокого уровня работоспособности установившейся системы духовно-нравственного воспитания, но и той постоянной движущей силой, которая заставляла человеческую личность продолжать процессы духовно-нравственного становления и развития на протяжении всей ее жизни, двигаясь по направлению собственного самовоспитания сопряженного с процессом духовно-нравственного самосовершенствования.

Таким образом, в философско-педагогическом наследии отечественных ученых второй половины XIX – начала XX вв. сосредоточен многогранный потенциал духовного развития и нравственного просвещения ребенка. Изучение концептуальных идей современными исследователями и переосмысление данных идей в контексте современных задач воспитания актуализирует их значимость как ориентиров духовно-нравственного становления и развития личности, позволяет адаптировать их к использованию существующей сегодня в России теории и практики духовно-нравственного воспитания. Более того, такое исследование ведет к аккумуляции опыта прошлого и интеграции его в современное отечественное воспитательно-образовательное пространство, что содействует духовно-нравственному возрождению российского общества. Поэтому сегодня роль философско-педагогического наследия отечественных ученых второй половины XIX – начала XX вв. неопенима как никогда: это наследие способствует возвращению воспитательно-образовательного процесса XXI столетия к истокам отечественной педагогической культуры.

Примечания:

¹ Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. 2008. № 9. С. 34.

² Слободчиков В.И. Духовно-нравственное становление и развитие человека // http://arhiv.oodvrs.ru/article/index.php?id_page=20&id_article=1126. (дата обращения: 19.02.2012)

³ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2006. С. 55.

⁴ Там же.

⁵ Колесникова И.А. Воспитание к духовности и нравственности в эпоху глобальных перемен // Педагогика. 2008. № 9. С. 31.

⁶ Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. 2008. № 9. С. 36.

⁷ Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / сост. В.З. Смирнов. М., 1953. С. 73.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи 1857-1861 гг. М.-Л., 1948. С. 163.

¹⁰ Там же. С. 431.

¹¹ Редкин П.Г. Что такое воспитание? // Журнал для воспитания. 1857. Т. 1. № 1. С. 7.

¹² Победоносцев К.П. Избранное / сост. А.В. Репников. М., 2010. С. 471.

¹³ Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 10. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». М.-Л., 1950. С. 300.

¹⁴ Сакральная педагогика сердца Памфила Юркевича / сост. В.И. Ильченко. Луганск, 2000. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ Розанов В.В. Метафизика христианства / под ред. Е.В. Витковского [и др.]. М., 2001. С. 521.

¹⁷ Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи 1857-1861 гг. М.-Л., 1948. С. 484.

¹⁸ Сакральная педагогика сердца Памфила Юркевича / сост. В.И. Ильченко. Луганск, 2000. С. 242.

¹⁹ Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи 1857-1861 гг. М.-Л., 1948. С. 354.

²⁰ Школа православного воспитания / сост. А.Н. Стрижев. М., 1999. С. 400.

²¹ Победоносцев К.П. Избранное / сост. А.В. Репников. М., 2010. С. 471.

²² См.: Острогорский А.Н. Избр. пед. соч. / сост. М.Г. Данильченко. М., 1985. С. 266; Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи 1857-1861 гг. М.-Л., 1948. С. 352.

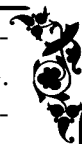
Аргунеев Э. П. (Оренбург)

ХРИСТИАНСКАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОСВОЕНИЕ В ЧУВАШКОМ ЯЗЫКЕ

О происхождении чувашей упомянуто в старинных рукописях и книгах, где описывались путешествия людей в различные страны, известно по раскопкам древних поселений и захоронений, старинным вещам, вышивкам и деревянным поделкам, хранящимся в музеях и сундуках наших прабабушек.

Ученые-этнографы изучают все эти находки и по деталям восстанавливают и дополняют историческую культуру этого интересного по своему происхождению, языку, многообразию лиц народа.

До вхождения в состав Русского государства, а именно до XVI века чувашаи были язычниками. В их язычестве существовала система многобожия с верховным богом Тура. Боги делились на добрых и злых. Каждому занятию людей покровительствовал свой бог. Языческий религиозный культ был неразрывно связан с циклом земледельческих работ, с культом предков. Цикл аграрно-магических обрядов начинался с зимнего праздника «Сурхури», потом наступал праздник почитания солнца «Сяварни» (Славянская масленица), затем — весенний многодневный праздник жертвоприношений солнцу, богу и умершим предкам — «Манкун» (который впоследствии совпал с христианской Пасхой). Цикл продолжал «Акатуй» — праздник весенней пахоты и сохи, перед началом весеннего сева — «Симек» (праздник

цветения природы, общественные поминки, что совпало с православной Троицей). После сева хлебов низовые чувашки праздновали «Уяв». В честь нового урожая было принято устраивать моления — благодарения духу — хранителю овина. Из осенних праздников отмечали «Автан-Сыры» (петушиный праздник). Свадьбы у чувашек праздновались в основном весной перед Симек (Троицей) или летом от Петрова до Ильина дня. Общественные поминки всем предкам совершались на третий день Пасхи, в «Симек». Ноябрь и декабрь — месяца поминовения и жертвоприношений, они совпадали с началом года по чувашскому лунно-солнечному календарю.

Традиционная чувашская религия представляла собой сложную систему верований, основу которой составляла вера в Тура — верховного бога неба и включала в себя много элементов Зоратуштры (Саротустуро) — поклонение огню. Ещё Д. Мессарош заметил наличие единого бога у чувашек, который, тем не менее, сочетался с аграрными праздниками. Южные чувашки Бога называют Тур?, северные Тор?.

Для традиционной чувашской веры был свойственен дуализм — наличие доброго и плохого божеств. Чувашки называли его Шуйтаном. «Однажды, когда разразилась гроза, крестьянин ходил с ружьем по берегу речки. На небе гром гремел, а шуйтан, издеваясь над Богом, бился «задом вверх» в сторону неба. Крестьянин, увидев это, взял ружье и выстрелил в него. Шуйтан упал от выстрела. Греть перестало, Бог спустился с неба перед крестьянином и заговорил: «Ты оказался сильнее даже меня. Я уже семь лет, как преследую шуйтана, но до сих пор ни разу еще не мог поймать его.» [1;с.94-95]

Также у чувашек были и другие верования, одним из самых значимых является поклонение духам предков, которое олицетворял Киреметь. Киреметь представлял из себя святое место на возвышенности, рядом с чистым питьевым источником. Как символ жизни в таких местах использовали дуб, ясень или другое крепкое и высокое живое дерево. Вера чувашского народа имеет много общего с традиционными верованиями марийцев, а также с другими народами Поволжья.

В XV-XVI веках у верховного бога Тура появились могучие конкуренты — Христос и Аллах, которые вступили с ним в спор за души чувашек. Принятие ислама вело к принятию татарской культуры, ибо мусульманские миссионеры требовали полного отречения от прежней национальности. В отличие от них православные священники не принуждали крестившихся чувашек к отказу от родного языка и обычаев. Более того, обращенные в христианство освобождались на

несколько лет от уплаты налогов и рекрутских наборов. Поэтому к середине XVIII века основная масса чувашей выбрала христианство. Часть чувашей приняла ислам, еще часть осталась язычниками.

Впрочем крещенные чувашаи по существу еще долгое время оставались язычниками. Служба на непонятном церковнославянском языке была им совершенно чужда, назначение икон непонятно: считая их идолами, которые доносили «русскому богу» о поступках чувашей, чувашаи выкалывали изображениям глаза, ставили их ликом к стене.

Вместе с тем обращение чувашей в христианство способствовало развитию просвещения. В церковных школах, которые открывались в чувашских селениях, вводился родной язык. Накануне первой мировой войны в крае насчитывалось около тысячи служителей культа, тогда как народных учителей было только 822 человека. Так что большинство чувашей могло получить образование только в церковно-приходских школах.

Современные чувашаи в массе своей – православные, но отголоски языческих обрядов сохранились до сих пор. Более южные области сохранили свое язычество. Праздничным днем у чувашей-язычников и в настоящее время является пятница. По-чувашски ее называют эрне кун «недельный день», или уяв кун: «праздничный день». Готовиться к нему начинают в четверг: вечером все домашние моются, стригут ногти. В пятницу надевают белую рубаху, в доме не зажигают огня и не работают, сидят на улице, беседуют, одним словом, отдыхают. Свое древнее верование чувашаи именуют «обычаем старых», а нынешние чувашаи-язычники гордо называют себя «истинными чувашаами».

С принятием христианства изменилась лексика чувашского языка. Для рассмотрения христианской лексики в чувашском языке нами использованы некоторые наиболее часто употребляемые слова, перевод и примеры употребления которых приведены в таблице №1.

Таблица 1. Христианская лексика в чувашском языке

Русский язык	Чувашский эквивалент	Примеры употребления
Бог	Тура	Тура патарх – дай Бог; Тура пулаштар – Бог в помощь
Икона	Тураш	Тураша нус сан – молиться на икону
Крест	Херес	Чирку хересе – крест на церкви
Крестить	шывакерт	Ачасене шывакерт – крестить детей
Креститься	шывакер	
Крещение	шыва кертни тене кертни	Тене кер – принять крещение

Молитва	Келе	Келе вула – читать молитву
Молиться	пус сан	Турра пус сан – молиться Богу
Монастырь	манастир	Херарам манастире – женский монастыре
Священный	тен-е	Тен кенеки – священное писание
Христианство	христианлах	Христос тенне тыт – исповедовать христианство
Церковь	Чирку	Православии чиркеве – православная церковь

Теперь, рассмотрим некоторые из них в отдельности. К примеру, слово «Тура», что в переводе означает «Бог». Так, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой говорится: «Бог \бох\, ~а, мн. ч. ~и, -ов, зват. боже, м. - 1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. Вера в ~а. Языческие ~и. Б. войны (у древних римлян: Марс). Возносить молитвы ~у (~ам). Принести жертву ~у (~ам). Красив как молодой б. Не ~и горшки обжигают (посл. в знач.: можно справиться, это по силам). 2. (Б прописное). В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Б. един в трёх лицах. Без Бога ни до порога (стар. посл. в знач.: Бог помогает во всём)». А в чувашской энциклопедии под редакцией В.С. Григорьевой интерпретируется, что «ТУРА - [турь], Тора, Султи Тура – верховная фигура в чувашском пантеоне. Почитался как держатель вселенной и творец всего сущего, как небесный бог, управляющий посредством других божеств, стоящих иерархически ниже, являлся основным объектом религиозного поклонения, о чём свидетельствует вся система традиционных обрядов и жертвоприношений.

Считалось, что он является хранителем живой природы, посылает на землю свет и дождь, благодаря ему рождается хлеб, плодится скотина. Он знаток и распорядитель судьбы, от него зависит благополучие человека. Тура имеет множество эпитетов, которые в 18 – начале 20 веков православными миссионерами и этнографами принимались за отдельные персонажи в системе традиционных верований чувашей. Тура представляли в виде седовласого и седобородого старика с посохом в руках. Образ, хотя и подразумевался в антропоморфном виде, не должен был изображаться. Чувашки считали, что Тура имеет отца, мать и детей, в его окружении находятся Кепе, Пулехсе, Пихампар и другие боги-созидатели, через которых он управляет земными

делами. Верили, что в нем сосредоточена сила добра, ведущая борьбу против зла. Тура, наблюдая за происходящим на земле, видит вредные поступки злых духов Усал, Шуйттан и преследует их. С христианизацией чувашей слово Тура чувашами начало использоваться для названия православного Бога, с таким же значением вошло в официальные религиозные тексты.

В чувашском, как и в русском языке, это слово имеет значение – всевышнее божество. Но в чувашском языке в смысле этого слова сохранились отголоски язычества. Давайте вспомним, что в дохристианской вере чувашей был всевышний бог Тура. И отсюда делаем вывод, что Тура – это все еще тот языческий всевышний бог, так как в чувашском вероисповедании язычество еще не искоренилось, но во всех религиозных текстах Тура – это православный Бог.

Рассмотрим толкование слова «крещение» и однокоренные ему слова. Для начала обратимся к толковому словарю: «Крещение - 1. см. крестить, -ся. 2. Христианский обряд (таинство) принятия когонибудь в число верующих, приобщения к церкви и наречения личного имени. Принять крещение. Крестить, крещу, крестишь; крещённый (-ён, -ена) - 1. кого (что). У христиан: совершить (-шать) над кемнибудь обряд (таинство) приобщения к церкви и наречения личного имени. Крестить младенца в купели. 2. кого (что). Быть восприемником (крёстным отцом), восприемницей (крёстной матерью). Мы с соседом кумовья: я у него сына крестил. Мне с ним не детей крестить (также переносное: не буду иметь с ним никакого дела, никаких отношений; разговорное) 3. осенять крестным знаменем, делать молитвенный жест, знак креста». А теперь это слово посмотрим в русско-чувашском словаре: «Тене кертни, шыва кертни; тене кени, шыва кени; 1. обряд крещения шыва кертнин мешехи; принять крещение тене кер 2. кашарни, крещени (христиансен теп уявесенчен пери – Христа шыва кертнине палартни)», «Крестить - 1. шыва керт (христиан чиркевен йеркипе); ребёнок ещё не крещён ачана шыва кертмен-ха 2. херес хыв; крестить лоб самкана херес хыв, сахсах».

Слово «крещение» на чувашском будет означать «шыва кертни», что в дословном переводе означает «входить в воду». Хотелось бы заметить, что в отличие от русского языка в чувашском от слова «крестить» (шыва керт) не образуется русское слово «крестный(ая)», соответственно в слове «шыва керт» нет значение «крестный(ая)».

В чувашском языке слова «крестный(ая)» не существует, в отличие русского языка, но есть слово «кум(а)» Так, в чувашском язы-

ке «кума - кума пул - стать кумой, существительное женского рода - кума, кумма (ачан хреснамаше - ачан ашше-амаше); существительное мужского рода кум (ачан хреснашше — ачан ашше-амаше), множественное число - кумовья» В чувашском языке кум(а) дословно означает «христианский(ая) отец (мать)».

Хотелось бы еще отметить особенность слова «алтарь», что в переводе с русского на чувашский будет «турашсем хысенчи». Если перевести это выражение, то оно будет значить «место, где находится много икон» А так же «выране», что означает «место». «Чирк? ашне вие п?лемле тавассе: перне чирк? уме (притвор) тессе, теперне чиркевен вати сере, виссемешне парне выране (алтарь) тессе» [1; с. 189].

Принятие христианства повлияло на развитие чувашской культуры. «Провозглашение веротерпимости (1773) в политике государства побудило миссионеров обратиться к методам христианского просвещения. Воспитанники духовных учебных заведений, служившие проповедниками и священниками в чувашских приходах (Г.Е. Рожанский, А.М. Алмазов, В.П. Громов, В.П. Вишневский и др.), внесли большой вклад не только в распространение катехизических знаний, но и в создание чувашской письменности, становление национальной литературы и литературного языка. В конце 18 – 1-й половине 19 вв. миссионерские организации с благословения казанских архиепископов Амвросия, Филарета, Григория издавали тексты Священного Писания на языках народов Среднего Поволжья, открывали приходские училища и т.д. По мере усвоения элементов христианского культа у крещёных чувашей формировалось языческо-православное двоеверие» [2; с.124].

Отголоски язычества сохранились в чувашской культуре и до сих пор. Они отразились как в обычаях, так и в лексике. Многие слова существовали в лексике чувашей до принятия христианства. Например, слова: «свеча», что в переводе означает «сурта», «священный обряд» - «тен йали», «ангел» - «пирешти», «молитва» - «ке ле».

Чувашская христианская лексика, да и общеупотребительная лексика имеет очень много особенностей. Эти особенности делают язык интересным, хотя и усложняют процесс изучения языка.

Таким образом, в чувашской лексике, появившейся в связи с христианизацией чувашей, можно обнаружить прямые заимствования из русского языка, а также лексику, уже существовавшую в чувашском языке, но переосмысленную в связи с принятием православных обрядов.

Примечания:

1. Мессрош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары, 2000.
2. Чувашская энциклопедия под редакцией В.С. Григорьева Т-4. – Чебоксары: чувашское книжное издательство, 2006.

Список литературы:

1. Изоркин А.В. История чувашского народа. Часть 1. – Чебоксары, 1995.
2. Мессрош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары, 2000.
3. Скворцов М.И. Скворцова А.М. Русско-чувашский словарь. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2002.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-ое издание, дополненное. – М., 2008.
5. Чувашская энциклопедия. Под редакцией В.С. Григорьева Т 1-4. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2006.
6. Скворцов М.И. Скворцова А.М. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Издание второе, стереотипное. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2003.
7. Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваши: этническая история и традиционная культура. – Чебоксары, 2000.
8. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

Белякова А. С. (Ставрополь)

**ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА НА МАТЕРИАЛЕ
СИЛЬВЕСТРОВСКОГО СПИСКА «СКАЗАНИЯ О БОРИСЕ
И ГЛЕБЕ»**

При создании памятника в Древней Руси ориентировались на особые правила красноречия.

Многие изменения в церковнославянском языке русской редакции были связаны с особенностями стиля церковно-книжных произведений – возвышенного, зачастую эмоционального и в то же время подчиненного строгим требованиям литературного этикета. Читатель должен был восхищаться красотой и величием церковно-книжной речи, как восхищался он красотой и величием церковной архитектуры или живописи. Стены храмов украшались фресками, лепными орнаментами. Церковно-книжная речь тоже имела свои фрески и орнаменты – разнообразные риторические приемы. Наиболее авторитетным литературным источником таких приемов были греческие тексты и церковнославянские переводы с греческого языка.

В связи с выше сказанным следует обратиться к литературному трактату «О образѣхъ» византийского профессора Георгия Херовоска, жившего не позднее IX в. По мнению исследователей, данный трактат выполнял роль учебника для древнерусских книжников. Трактат входил в состав «Изборника Святослава 1073 г». «Изборник» был переведен в X в. с греческого языка для болгарского царя Симеона, а затем переписан с неизвестного списка в 1073г. дьяком Иоанном для черниговского князя Святослава Ярославича. В нем рассмотрены 27 словесно-стилистических приемов создания образности (риторических фигур и тропов): аллегория – «инословие», четыре разновидности метафор – «преводов», два вида инверсии – «преступное» и «возврат», гиперболы – «лихновьное», четыре вида осмеяния – ирония («порувание»), сарказм («поухвание»), шутка («поигравание»), насмешка («посмеивание») – сравнение («сотворение»), олицетворение («лицетворение») и др.

В «Сказании о Борисе и Глебе» отразился язык житийно-поповеднической литературы. Подтверждением данной мысли послужат следующие примеры из памятника.

1. Оценочные эпитеты. Эпитеты такого рода позволяют выразить отношение к изображаемому [1, с.97]. В памятнике они используются для обличения Святополка, его сподручных, убийц и врагов святых князей: «оканьнии Святополк, безбожнымъ печенѣгомъ, по истинѣ втораго Каина (О Святополке), оканьнии же убици, оканьнии Горястѣрь, смрадъ золь»; «Оканьнии треклятии Святополк съветьники всему злу и начальники всеи неправде, и отъвѣръз прескверная уста, испусти злыи глас, рече: «Путьшине чади! Аще бо обещаетеся главы своя положити, шедьше убо, братия моя, отаи кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время, убийти и».

Оценочные эпитеты могут стучать отрицательную экспрессию, выступая при этом в виде словосложений или перерастая в семантически связанные цепочки слов: «И сице ему стеннююцю и плачующюся и слъзами землю омачающю, приспеша вьнезапу посылании от Святопѣлка, злыя его слугы, немилостивыи кровопициѣ, братоненавидци люти зѣло, свѣрпа звѣри душу имущю».

И, наоборот, при описании образов Бориса и Глеба, их душевного состояния, чудес, творимых после их смерти, автор памятника обращается к положительно окрашенным эпитетам. Например: «Бориса блаженаго и скоропослушливаго, честное твое тѣло, честное и многомилостивое тѣло, радостнымъ сердцемъ, умиленыма очима,

скрушеномъ сердцеъмъ и смиреномъ разумомъ, лице твое ангельское, телеси пречѣстнѣи, чудо преславно, вонѣ пречюднѣ, небесная человекѣка, земная ангела, два красна уноши, преславная и предивная и несказема чудеса, окова чудодѣиная и достохвальная святая та гроба».

Жалость и сочувствие по отношению к святым выражается благодаря эпитетам со значением «горький, страшный»: «впаде в недугъ крѣпокъ, въ величии печали, горькую печаль, горестию сердцеюною, скорбь смертную, горкую нечеловѣчьную смерть, злострастную смерть». Здесь наблюдается смешение церковнославянской лексики и влияние фольклора.

2. Отвлеченно-книжные слова отглагольного образования на – ие, - ние: беззаконие, блистание, безълобие, въздыхание, възмездие, възискание, защищение, кричание, неведение, небрежение, обнажение, перенесение, показание, покаяние, повелѣние, посѣщение, поспешение, съмирение, стенание, стонание, сырорѣзание, трясение, требование, оумушление, утвържение.

Такие слова усиливают изобразительность, придают изложению декламационно-ораторский тон: «А самъ влѣзѣ въ шатеръ начать молитву творити ...съ частомъ въздыханиемъ и стенаниемъ многимъ»; «И абие узре текущихъ к шатру, блистание оружия и мечное обнажение».

3. Сложные слова и церковнокнижная лексика, усиливающие экспрессивно-оценочный фон панегирического повествования: «и без милости прободено бысть чъстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженаго Христова страстотерпца... ни от коего плътоядца ни беша». Сложные образования представлены существительными и прилагательными: богоблаженыи, братоубиство, страстотерпца, человекѣколюбче, многомилосердию, братолюбьемъ, благоухания, благовоною, богоугодень, сухорукая, самовидци, муриносицахъ, великоумия, благословеление, вомногописании, вседержителиевы, добролѣпныхъ, мъногоцветно, многомилосердию, плътоядцъ, крѣвопице, правовѣрие; церковнокнижная лексика: время, отъ супостатъ, вѣстникъ, вѣщати, блага учения, глаголати, възрю, глаголаше, узрю ли, вѣдыи, отверзъ, алчень, блажениче, о суетьи, мученикъ, смиреннымъ, апостоль, житие, багрянница, помощи, рабъ, стяжавъ, образъ, блаженыи, искони, подвиженѣе, праведници, мезда, уста, чади, отроки, прозвутеру, вѣсть, псалтырь, очию, ложеснь, чрева, чаяти, благостыня, грядеть, брани, смрадъ, ухахъ, угодника, язвы, на деснѣи,

храмину, оци, освещена, литургии, митрополиту, хвалу, прѣставися, вонѣ, убогими, олтаря, оусты, бесѣ, канонѣ, перстень, окръсть, оклеветана, кандила, клирици, обѣтомѣ, лѣпо.

4. Словосочетания и предикативные построения, формируемые на базе антонимичного сближения слов [1, с.98], что повышает характеристичность самого повествования: «глаголаше: «Увы мнѣ, княже мои милыи, драгыи, блаженыводителю слѣпымѣ, одежда нагымѣ, старости жезле, казителю ненаказанымѣ!»; «Тако и сия святая поставити светити, в мире премногими чудесы сияти в Русьстеи велицей стране, идеже множество стражающихъ съпасени бывають: слепии прозирають, хромии быстрее сърны рисцають, сълуции простърение приемлють».

5. Использование метафор (превод), которые могут принимать форму уподобления изображаемого явлениям природы или характеру человеческой деятельности. Примером может послужить мольба Глеба: «Помилуйте уношь мою, помилуйте, господе мои! Вы ми будете господе, а азъ вашъ рабѣ. Не пожнете мене от жития несъзрѣла, ни пожнете класа, не уже съзрѣвша, нѣ млѣко безлобиа носяще! Не поржете лозы не до конца възростошия, а плодѣ имуци! Молю вы ся и милѣ вы ся дѣю. Азъ, братие, и злобиемѣ и възрастомѣ еще младствую. Се нѣсть убиество, нѣ сырорѣзание»; а так же «красота тѣла твоего увядает, серьдце ми горить»; метафоры, использованные при описании души серьдца: «волить воля серьдца твоего, душа ми смыслъ смущаеть, вьниде вѣ серьдце его сотона».

6. Аллегория (инословие). С помощью данного художественного приема выражается богатство языка «Сказания»: «ни способленѣ быхѣ цѣловати твоихъ сѣдинѣ, от Вышняго, обидоша мя пси мнози и унци тучни одержаша мя, Авраму на лонѣ почивая, слугы бѣси, сынове человѣцъстии, нѣ милость твою излии на овця пажити твоея».

7. Инверсия (преступное). Благодаря инверсионному расположению слов повышается экспрессивность: «Образ бо бяше унылыи его взорѣ и скрушение серьдца его святого. Так бо бе блаженный тѣ правѣдив и щедрѣ, и тихѣ, кръгъкъ, сѣмирень»; «иду ко брату моему, и глаголаше вѣ серьдци своемѣ, воля твоя да будетѣ, прогнати ми брата моего, яко гѣдѣ есть утрьнии, поюща псаломы заутрьняя, топоть золь, с тобою животь свои скончати, на гривну злату, восприяста вѣнца небесныя, проляя кров Борисову и Глѣбову правѣдную, по смерти муку вѣчную, нѣ испуци ны от настоящаго вѣка зла, чадомѣ божиимѣ быти».

8. Синонимы. В «Сказании» наблюдается синонимия глагольных форм, существительных. Благодаря этому приему выражается богатство и образность языка памятника: «пострадати любве ради и словесе твоего; от страха же и печали горькыи, от многихъ слезъ; съ праведными причтесе, съ пророкы и апостолы; сие ему стениющу и плащющу и слезами землю омачащу; нападоша и тако въсхытиша; преклони и услыши, призри и вижь; господи...нъ помилуй ны, утверди ны, заступи молитвами; нозѣ опаленѣ и женѣ; и въ сумнении и в радости и в дерзновѣньи к Богу; всяку страсть и недугы; вси богатии и убозии, съдравии и болящии».

9. Синекдоха (сопριятие): «рѣша ему дружина».

10. Сравнения (сотворенное), которые в памятнике построены на сближении материального и духовного. Цель сравнений – наглядное выявление сущности духовного: «то понѣ узрю ли лице брата моего меньшаго Глѣба яко Иосифъ Веньямина; его же быхъ имель акы отца (о Святополке); яко овча на снѣдь (о Борисе); закла блаженаго акы агня безлобиво (о Глебе); грѣшници погыбнуть, ищезающе яко дымъ ищезнуть; тѣлеси ваи честнѣи, акы сокровище многоцѣнно; Борисъ ...всячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвѣты уности своеи; лица свѣтлѣи и бяста акы ангелы.

11. Повторение (поречение). В памятнике используется повторение однокоренных и близких по значению слов. Данный прием способствует возвращению читателя к основному предмету речи, к тому общему понятию, которое лежало в основе значений всех повторяющихся слов. Благодаря повторению демонстрировалась сложность, многоплановость описываемого понятия, утверждалась его важность, возвышенность: «вѣси бо, Господи, мои, вѣси; суди межю мною и межю братомъ моимъ; о двою плачю плачюся и стению; двою стѣтованию стѣтую и тужю; возрадовася радостью; вышнии превышнии городъ всѣхъ; съ слезами припадаемъ и съ слезами припадающе молим; цвѣтъ цвѣты уности; праздникъ праздновати; позлативъ златомъ»; «и украси ю всею красотою»; «исполнися церкви благоухания и вонѣ пречюднѣ»; «пребысть алчень и жадень»; «видѣ видѣние».

12. Полиптит (греч. ?????- – «много», ????????? – «падежный») – риторический прием, заключающийся в употреблении одного и того же слова в разных падежах: «Вся суета и суетие суетию буди!»; «И по истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ».

13. Гипербола (лихоречие) служит для выражения авторской оценки по отношению к святым, а так же для восхваления деятельно-

сти князей: «яже дѣются предивная чудеса и паче пѣска морьскаго; вся недугы отгонита сущиихъ в темничяхъ и во узахъ постѣщаета (о чудесах); по истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищениемъ князи наши противу вѣстающая противу державно побѣждаютъ; по истинѣ Вышегородѣ наречеса - вышнии превышнии городъ всехъ».

14. Риторические фигуры (вопросы, восклицания, обороты речи, анафорические построения) выступают как шаблонизированные средства церковной книжности; чаще всего так оформляются мольбы – обращения героя: «Въ серъдци начать сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние заре лица моего...., наказания доразумия моего! Увы мнѣ, отче господине мои! И къ кому прибѣгну, и къ кому възрю? И гдѣ ли насыщюся такого блага учения и казания разума? Увы мнѣ, Увы мнѣ! Како заиде свѣте мои, несущю ми туда!»; «То камо имамъ преити и по отшествии моемъ отсюду? Како ли убо обрящу ся тогда? Кьи ли будетъ отвѣтъ тогда? Гдѣ ли скрюю множество грѣха моего?»; «Начать молитися сице глаголя: «Господи боже милостивый и многомилостивый! Слава ти яко сподобил мя еси от прелести жития сего лестнаго!»; «Не дѣйте мене, братие милая и драгая! Не дѣйте мене, ничто же вы зла створиша! Не дѣйте мене, братие милая и господине мои, не брезите мене!»

Благодаря анафорическим построениям автор памятника подчеркивает, выделяет, сопоставляет или противопоставляет важные для него понятия. Близость или противоположность значений сопоставляемых слов, параллелизм, сходство в строении предложений соответствовали параллелизму, сходству или контрасту самих понятий. Конец и начало каждого предложения перекликается друг с другом. В связи с этим происходит обрамление предложения, фиксируется его граница, в тексте возникает своеобразный ритм. Начала строк в таких стихах отмечаются «перекликающимися» словами; эти слова часто выражают обращение к слушателю или читателю и стоят в форме повелительного наклонения или в звательной форме. В конце строк нередко (но далеко не всегда) стоят слова с одинаковыми суффиксами или окончаниями (так называемая грамматическая рифма). Примеры из «Сказания»: «Тѣмъ и Соломонъ, все прошедъ, вся видѣ, вся стяжавъ и съвъкупле, и вся рассмотривъ»; «Спасися милый мои отче и господине Василие, спасися мати госпоже моя, и спасися брате Борисе старѣшино уности моя, спасися брате послѣшителю Ярославле, спасися и ты брате враже Святополче, спасися и вы братие и дружино

все, спаситесь и вы все»; «Сего ради раздрушить тя Богъ до конца, востергнеть тя и преселить тя от села твоего и корень твой от земля живущихъ».

Риторические средства могут концентрироваться, сгущаться для воссоздания внутреннего и внешнего облика героя. Примером могут послужить портретные характеристики Бориса и Глеба: «Образъ бо бяше уныль и его взоръ, и скрушение сердца его святого, тако и бо бѣ блаженный тѣ: правдивъ, щедръ и тихъ, кротокъ, смиренъ, всѣхъ милуя и вся набдя»; «Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, тоже неврежено пребысть ни от коего плотоядця, ни бяше почернѣло, но свѣтло и красно и цѣло и благовоноу имущю»; «Се благовѣрнии Борисъ блага корени сыи, послушливъ бѣ отцю, покаяряся при всѣмъ тѣльмъ бяше красенъ, высокъ, лицемъ кругломъ, плечи велици, тонкъ въ чресла, очима добрама весель лицемъ, брада мала и усъ младъ»; «Телеси святою никакой же язвы имуща, но присно все цѣло, и лица свѣтлѣи и бяста, акы ангелы».

15. Призывы, вопросы, авторские восклицания. Так как «Сказание» принадлежит к житийно-проповеднической литературе, то целью его создания было показать святость Бориса и Глеба, привлечь внимания слушателя или читающего. В связи с этим в памятнике используются такие элементы ораторского искусства, как призывы и вопросы, обращенные к читателю, и авторские восклицания, выражающие радость, восторг, преклонение или горе. Примеры из «Сказания»: «Ты ми буди отецъ ты ми брат старѣи, что ми велиши господи моиѣ»; «Что стоите зряще!»; «Увы мнѣ, увы мнѣ!... Уне бы ми с тобою умрети, господине мои! Нынѣ же что створю умилень, отужень от твоея доброты и от отца моего многаго разума?»; «Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши небо, внуши земле, и ты Борисе, брате, услыши гласа моего»; «И по истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищениемъ князи наши противу встающая ... Вы бо тѣмъ и намъ оружие, вы намъ земля рускыя забрало и утверждение»; «О блаженная убо утроба приимша убо телеси ваю ваю чествѣи, акы скровище многоцѣнны! Блаженная церкы, в ней же положена еста рацѣ ваю святѣи, имуще блаженѣи телеси ваю, о христова угодника!»; «Да придеть милость твоя, да въстанеть на ны чловѣколюбие твое!»

16. Нанизывание предложений однотипной конструкции.

В «Сказании» наблюдается нанизывание предложений однотипной конструкции. Эти предложения (простые и сложные) в боль-

шинстве случаев имеют равное число членов (подлежащих, сказуемых и т. д.), причем в каждом предложении эти члены следуют друг за другом в одном и том же порядке; к тому же каждый член предложения так или иначе «перекликается» (т. е. связан по значению или по форме) с соответствующим членом всех других предложений: подлежащее с подлежащим, сказуемое со сказуемым и т. д. Перекликаются чаще всего слова, означающие разновидности какого-нибудь более общего понятия, синонимы, антонимы, а также просто тождественные слова: «И кождо въ души своеи стеньше горестию сердцецою, и вси смущахуся о печали»; «Да аще бы ми врагъ поносилъ – претерпѣлъ убо быхъ; аще бы ненавидяи мене велерѣчевалъ – укрылся убо быхъ»; «Бѣси бо Бога боятся, а зълъ человекъ ни Бога ся боить ни человекъ ся стыдить, бѣси крѣста боятся господня, а человекъ зълъ ни крѣста ся боить»; «Не возможесть человекъ глаголати и не насытится око зрѣти, ухо слышания. Рече Екклесиастъ, тако и святыхъ и мученикъ чудесь умъ нашъ не достигнетъ съказати, ни языкъ издречи, ни словомъ исповѣдати»; «И ови бѣ въроваху, си слышаще, а друзии не въроваху, акы лжю мняху»; «Токмо душа его в немъ бяше и сердце кльчаше в немъ».

17. Цитаты и афоризмы из Святого писания: «Иже рече: «Бога люблю», а брата своего ненавидить – лжъ есть»; «В боязни любви нѣсть, свершенная любви вонь изместь страхъ»; «Еже погубить душу свою мене ради и моихъ словесъ, обрящеть ю, в животѣ въчнемъ схранить ю»; «О таковыхъ бо рече пророкъ: «Скори суть проляти кровь бес правды. Си обѣщеваются крови собираютъ себе злая. Сихъ путие суть събирающе безакония, нечестьемъ бо свою душу объемятъ»; «И помышляше слово премудраго Соломона: «Праведници въ вѣкы живутъ и мезда имъ от Господа Бога и строение имъ от Вышняго»; «Ничто же себе изволихъ по апостолу: «Любы все терпите всему въру емлетъ и не ищеть своихъ»; «Апостоль глаголаше окрѣсть: «Невърваниемъ погыбающимъ-несмысльство есть, а върою спасаемымъ-сила есть божия»; «Господь же въ Святыхъ Еуангелиихъ рече: «Пады на камени семь – скрушится, а въруя к нему не постыдится».

Таким образом, изучив язык «Сказания о Борисе и Глебе», заметно, что в нем отразилось влияние греческих текстов и церковнославянских переводов с греческого языка. При анализе литературной нормы выявлялись следующие изобразительно-выразительные средства и риторические фигуры речи: оценочные эпитеты; отвлеченно-книжные слова отглагольного образования на –ие, -ние; сложные сло-

ва и церковно-книжная лексика; словосочетания и предикативные построения; метафоры; аллегория; инверсия; синонимы; синекдоха; сравнение; повторение; полиптот; гипербола; риторические вопросы, восклицания, авторские оценки, анафорические построения; нанизывание предложений однотипной конструкции; цитаты и афоризмы из Святого писания.

Примечания:

1. Кожин А.Н. Литературный язык Киевской Руси. – М., 1981

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ
«СЛАВЯНСКАЯ ДУХОВНОСТЬ
В КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ»

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ОРЕНБУРГЕ

В этом году исполняется 125 лет со дня основания оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К.Крупской. Отмечая эту годовщину, нужно вспомнить, что история библиотечного дела в Оренбурге началась гораздо раньше. Восстановить её позволяют документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО).

Впервые решение о создании городской публичной библиотеки было принято в 1830 году оренбургским военным губернатором П.П.Сухтеленом¹. Поводом для этого послужил полученный им из министерства внутренних дел циркуляр, в котором предлагалось рассмотреть вопрос «об учреждении в губерниях России публичных библиотек для чтения». Министр А.А.Закревский, ссылаясь на инициативу Вольного экономического общества, признавал это дело общепользным и утверждал, что созданием библиотек «будет оказано содействие народному просвещению, а вместе с сим народной и в особенности земледельческой промышленности, усовершенствованию общежительности и возрастанию народного богатства».

Исходя из этого, министр поручал губернаторам «определить приличное здание для помещения в губернском городе публичной библиотеки», установить порядок её работы и избрать её попечителя и библиотекаря. В заключение предписывалось «представить сколь угодно поспешнее виды и соображения к приведению в точное и полезное исполнение настоящего поручения».

Циркуляр обязывал П.П.Сухтелена позаботиться об учреждении библиотеки в Уфе, которая в то время считалась главным городом Оренбургской губернии и была местом пребывания гражданского губернатора. Однако он решил открыть библиотеку и в Оренбурге – городе, который значился уездным, но являлся центром огромного Оренбургского края. Здесь находилась резиденция главы края – военного губернатора и размещался штаб Отдельного Оренбургского корпуса. Как культурный центр Оренбург ничем не уступал Уфе.

3 ноября 1830 года П.П.Сухтелен направил письмо оренбургскому уездному предводителю дворянства Н.А.Мансурову, в котором говорилось:

«Независимо от распоряжений, какие сделаны будут относительно библиотеки в губернских городах, я обращаюсь к Вашему Высокоблагородию с покорнейшею просьбою сообщить мне Ваше мнение, нельзя ли и в Оренбурге завести библиотеку для чтения, общественную, или, по крайней мере, для дворянского собрания. Если усмотреть к тому возможность, то не угодно ли Вам будет изложить основания такого предположения и сообщить мне оные»².

П.П.Сухтелен, изучив представленные ему соображения, решил начать добровольную подписку на книги и рекомендовал Н.А.Мансурову на ближайшем собрании дворянства предложить её «всем желающим участвовать в учреждении сего общепольного заведения». Кроме того, он обратился к оренбургскому помещику, отставному майору О.И.Иванову с просьбой принять на себя обязанности попечителя учреждаемой библиотеки. П.П.Сухтелен надеялся, что «впоследствии можно будет определить место для помещения библиотеки и дальнейшее основание оной».

Однако сбыться этим надеждам суждено не было. О том, как выполнялись предложения военного губернатора, документы архивного дела не сообщают, но, по-видимому, неожиданная кончина П.П.Сухтелена, последовавшая 20 марта 1833 года, прервала начатую им работу.

Нужно заметить, что в то время потребности провинциального общества в публичной библиотеке были ещё слишком слабы. Как свидетельствуют материалы того же архивного дела, начинание министерства не имело успеха и в Уфе.

В 1853 году при канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А.Перовского появилась библиотека, предназначавшаяся для чиновников канцелярии и носившая специальный характер: в ней были собраны книги в основном по истории, краеведению и востоковедению. Создание её связано с именами В.А.Перовского и его сотрудника, выдающегося русского востоковеда В.В.Григорьева (1816-1881), приглашенного им на должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе.

В.В.Григорьев прибыл в Оренбург 10 января 1852 года и провёл здесь одиннадцать лет. В его ведении оказались «особо важные дела», касающиеся отношений с ханствами Средней Азии, а также управления киргиз-кайсаками (т.е., казахами), которые были подведомственны оренбургской администрации. В 1854 году он был назначен пред-

седателем Оренбургской пограничной комиссии – учреждения, занимавшегося всеми «киргизскими делами».

В.В.Григорьев хорошо понимал, что оренбургские чиновники должны обладать основательными знаниями из области востоковедения и потому нуждаются в справочной литературе и периодических изданиях, печатавших необходимые им сведения. Это побудило его поставить вопрос о создании при канцелярии генерал-губернатора соответствующим образом укомплектованной библиотеки.

В.А.Перовский горячо поддержал эту инициативу, и в октябре 1853 года В.В.Григорьев отправился в командировку на полгода в Петербург для закупки книг, на что была выделена значительная сумма – 1000 рублей серебром.

Объемистое архивное дело, озаглавленное «Переписка об учреждении библиотеки при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе»³, показывает, что в дальнейшем она очень быстро пополнялась. Книги приобретались у книготорговцев, поступали в дар от Академии наук, Вольного экономического общества, Казанского университета, а также от частных лиц.

Руководил комплектованием библиотеки и составлением каталога В.В.Григорьев. К 1855 году в книжном фонде числилось 335 сочинений в 686 томах по следующим разделам: 1. Книги географического, этнографического и естественнонаучного содержания. 2. Сочинения по истории. 3. Книги богословско-юридического содержания. 4. Пособия по изучению языков народов Оренбургского края. 5. Пособия по изучению естественных наук. 6. Книги смешанного содержания (хозяйственного, о военном деле и др.). 7. Карты, планы и рисунки.

К этому времени библиотека уже имела систематический каталог книг. Для его составления и переписки В.В.Григорьев привлёк своего приятеля, ссыльного польского офицера – прапорщика Бронислава Залесского.

В 1856 году В.А.Перовский обратился в министерство внутренних дел с просьбой официально утвердить библиотеку при его канцелярии. Он считал, что это упрочит её положение, и хотел, чтобы «имущество библиотеки не могло растратиться или получить со временем другого, не соответственного первоначальным видам, назначения»⁴. К его письму был приложен «Проект положения о библиотеке», составленный В.В.Григорьевым. В марте 1856 года министр внутренних дел С.С.Ланской сообщил, что просьба удовлетворена и «Положение о библиотеке» утверждено императором.

Цель библиотеки, указанная в «Положении», заключалась, во-первых, в том, чтобы предоставить чиновникам возможность получить необходимые им сведения, а во-вторых, чтобы «тем из проживающих в Оренбурге всякого звания лиц, которые досуги свои желали бы употребить на изучение Оренбургского края в естественноисторическом, хозяйственном, историческом и этнографическом отношениях, доставить необходимые пособия и тем поощрить подобные, полезные для края занятия».

Заведовать библиотекой должны были попечитель и библиотекарь, которые «избираются генерал-губернатором из подведомственных ему гражданских и военных чиновников и труды свои по библиотеке несут безвозмездно». Попечителем был назначен В.В.Григорьев, а библиотекарем – прапорщик Б.Залесский.

В 1857 году В.А.Перовский из-за болезни ушёл в отставку. В отчёте о своей деятельности за время правления Оренбургским краем он особо отметил создание библиотеки, на которую было затрачено 2 тысячи рублей серебром. К этому времени в ней числилось более 600 сочинений на русском и иностранных языках в 1200 томах⁵.

Новый генерал-губернатор А.А.Катенин придавал библиотеке, унаследованной от предшественника, большое значение. Архивные документы свидетельствуют, что на её пополнение по-прежнему отпускались значительные средства «из сумм, жертвуемых в пользу Оренбургского края». В.В.Григорьев в своих отчётах аккуратно отмечал расходы на уплату книгопродавцам, на выписку журналов, на приобретение у частных лиц книг, карт и рукописей. Много изданий присылалось научными обществами, министерствами и ведомствами.

После внезапной смерти А.А.Катенина 24 июня 1860 года генерал-губернатором стал А.П.Безак, отношения с которым у В.В.Григорьева не сложились. Но, как показывают архивные документы⁶, деятельность библиотеки продолжалась, и он оставался её попечителем до своего отъезда из Оренбурга в 1863 году.

В своём последнем отчёте В.В.Григорьев сообщал, что в библиотеке числится 713 сочинений в 2003 томах, 194 брошюры и отдельных оттисков различного содержания, 17 рукописных сочинений в 20 тетрадах и 34 атласа и отдельных карт.

Сменивший А.П.Безака в 1865 году генерал-губернатор Н.А.Крыжановский, оставаясь в этой должности шестнадцать лет, сделал много полезного для развития культуры и просвещения в Оренбургском крае. В 1867 году он поставил вопрос о превращении биб-

лиотеки, унаследованной его канцелярией, в городскую общественную библиотеку.

Но затем Н.А.Крыжановский принял решение передать библиотеку в ведение созданного в это время Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества (РГО), о чём заявил на официальном открытии Отдела 14 января 1868 года⁷. Он предполагал, что в дальнейшем на её основе возникнет городская публичная библиотека.

В письме к председателю Оренбургского отдела РГО от 17 февраля 1868 года Н.А.Крыжановский сообщал: «Ещё до образования в Оренбурге Отдела Императорского Русского Географического Общества возникло предположение об обращении библиотеки, находящейся при генерал-губернаторском управлении, в публичную и об образовании при ней комиссионерства продажи книг. С этой целью было сделано уже и соглашение с книготорговцами. Так как ныне означенная библиотека передана мною в ведение Географического отдела, то я имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству записку г. Лобысевича о публичной библиотеке и продаже книг в Оренбурге, другие бумаги, относящиеся к предположению об устройстве книжной торговли, каталоги, в тех видах, не найдете ли Вы, милостивый государь, полезным ныне вновь возбудить это предположение и привести к осуществлению на тех началах, которые будут признаны Вами лучшими»⁸.

Предложение генерал-губернатора внимательно рассматривалось правлением Оренбургского Отдела РГО. В журнале заседания 23 марта 1868 года⁹ указано, что библиотека генерал-губернаторской канцелярии, в каталоге которой значится около 3000 книг, в свое время была высочайше утверждена, а потому должна находиться на особом положении.

Разместилась библиотека Оренбургского отдела РГО в здании канцелярии генерал-губернатора, который являлся попечителем Отдела. Он продолжал заботиться о библиотеке, книжный фонд которой быстро увеличивался. Это происходило, прежде всего, благодаря контактам Отдела с различными научными обществами, которые присылали в Оренбург свои издания, а также пожертвованиям частных лиц¹⁰.

В 1878 году Н.А.Крыжановский опять поднял вопрос об открытии в Оренбурге публичной библиотеки и в письме от 29 октября к городскому голове Н.А.Середе высказал пожелание, чтобы её основой стала библиотека Оренбургского отдела РГО¹¹.

Однако дело сдвинулось с мертвой точки уже после отъезда Н.А. Крыжановского, получившего отставку в 1881 году в связи с упразднением оренбургского генерал-губернаторства.

Оренбургская городская дума приняла решение об учреждении в Оренбурге городской общественной библиотеки с музеем при ней на заседании 10 июня 1882 года. Было решено, что библиотека разместится в здании городской думы, в помещении, которое раньше занимал Сиротский суд (правая половина нижнего этажа). Была также избрана комиссия под председательством И.И. Евфимовского-Мировицкого для выработки устава библиотеки.

Об открытии городской общественной библиотеки ходатайствовали Оренбургский отдел РГО, Оренбургский городской статистический комитет и дирекция народных училищ Оренбургской губернии, которые передавали городу свои книжные собрания¹².

Таким образом, общественная библиотека уже на первых порах будет располагать значительным количеством ценных книг, но большей частью научного содержания. Пополнить её популярными изданиями, «доступными для чтения народа и легкими по содержанию» предполагалось прежде всего за счёт пожертвований, но имелась в виду и покупка книг из готовых частных библиотек.

При составлении этого проекта устава библиотеки комиссия приняла в качестве образца правила, действовавшие в Петербургской Публичной библиотеке и городской библиотеке в Самаре.

Доклад комиссии с проектом устава библиотеки был в марте 1883 года представлен в Городскую думу, которая на своём заседании 23 июня постановила отпечатать его текст и разослать думским гласным для ознакомления. Дело продвигалось медленно, и только в начале 1884 года проект устава поступил на утверждение к губернатору.

В мае этого года Городская дума избрала комитет библиотеки, который по уставу должен был управлять её делами. Председателем комитета стал городской голова Н.А. Серeda. Но хотя на первоначальное обзаведение было ассигновано 2000 руб., комитет работать так и не начал, и вопрос о библиотеке не поднимался целых три года.

Только 11 декабря 1887 года, когда на заседании Городской думы прозвучал упрек, что «библиотекарь ещё не избран и библиотека не открыта», было принято решение: «К открытию библиотеки приступить немедленно»¹³. На следующий день библиотечный комитет под председательством нового городского головы С.Н. Назарова на срочном созванном заседании избрал на конкурсной основе библиотекаря –

Н.К.Добровольского¹⁴. После этого началась отделка и меблировка помещения, отведённого для библиотеки в здании Городской думы – в правой половине нижнего этажа.

Наконец 19 февраля 1888 года оренбургская городская общественная библиотека была торжественно открыта, «пока – как сказано в отчёте библиотечного комитета – в виде общественной читальни периодических изданий»¹⁵.

В этом отчёте говорится об активной деятельности комитета, который в течение 1888 года собирался семь раз. Специально отмечены хлопоты попечителя библиотеки И.И.Евфимовского-Мировицкого о приобретении «где-либо готовой, уже скомплектованной частной библиотеки», чтобы пополнить уже имевшееся книжное собрание.

В нем в это время насчитывалось 1789 сочинений в 4359 томах и 1050 брошюр на русском и иностранных языках. Основную часть составляли книги, поступившие от Оренбургского отдела РГО, среди которых особо выделялось около 3000 томов и брошюр, «оставшихся после графа Перовского и других генерал-губернаторов». В отчёте указано, что отдел РГО «выговорил членам своим право беспрепятственного доступа в городской библиотеке и неограниченного пользования книжными сокровищами».

Избранный в 1887 году библиотекарем Н.К.Добровольский занимал эту должность в течение семи лет. Как свидетельствуют архивные документы, 17 сентября 1894 года он сдал дела своей помощнице Э.А.Кричевской¹⁶, которая 23 февраля 1895 года на заседании библиотечного комитета была единогласно избрана на вакантную должность библиотекаря¹⁷. В протоколе заседания отмечено, что это решение было принято «согласно с дополнением к § 10 библиотечного устава о допущении женщин к занятию этой должности».

Перемены в руководстве библиотекой наступили в 1899 году. В протоколе заседания библиотечного комитета 23 ноября записано: «Ввиду того, что за выбытием Кричевской и Пильновой должности заведующей библиотекой и помощницы её остались вакантными, комитет постановил произвести закрытую баллотировку кандидаткам, изъявившим желание занять эти должности»¹⁸. В результате большинством голосов заведующей была избрана Н.И.Ободовская, которая руководила библиотекой долгие годы, успешно справляясь со своими обязанностями.

Из отчёта Н.И.Ободовской за 1900 год¹⁹ и опубликованного в том же году каталога, который она составила вместе с помощницей В.К.Аверьяновой²⁰, можно судить о состоянии библиотеки к началу

XIX века. О месте, которое она в это время занимала, в культурной жизни Оренбурга, было сказано в её уставе: «Оренбургская городская общественная библиотека есть учреждение, имеющее целью доставить населению города разнообразное, доступное и полезное чтение по всем отраслям человеческого знания, а ученым изыскателям дать материал для изучения края»²¹.

Примечания:

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 9743

² Там же, ЛЛ. 5-5 об.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп.6. Д. 13321.

⁴ Там же. ЛЛ. 169-171.

⁵ ГАОО. Ф.6. Оп. 6. Д. 13254/16. ЛЛ. 73 об.-74.

⁶ ГАОО. Ф.6. Оп. 6. Д. 13225.

⁷ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. I. 1870. С. 13.

⁸ ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д.1. Л.1.

⁹ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического Общества. Вып. I. 1870. С. 34-45.

¹⁰ Савинова Т.Н. Библиотека Оренбургского отдела Русского географического общества (1868-1927) // Культура Оренбургского края: История и современность. Оренбург: печ. Дом «Димур». 2009. С. 270-279.

¹¹ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 14. Л. 434 об.

¹² Там же. Л. 435.

¹³ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 23. Л. 506 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1195. ЛЛ. 12 об.-13.

¹⁵ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1166. Л. 107.

¹⁶ ГАОО. Ф. 41, оп. 1, д. 1195, лл. 29-40.

¹⁷ ГАОО. Ф. 41, оп. 2, д. 101.

¹⁸ ГАОО. Ф. 41, оп. 1, д. 258, л. 3 об.

¹⁹ ГАОО. Ф. 41, оп. 1, д. 1214, лл. 11-20 об.

²⁰ Каталог Оренбургской городской общественной библиотеки (по 1 сентября 1900 г.). Составили заведующая библиотекой Ободовская и помощница заведующей библиотекой Аверьянова. Оренбург: Типография Д.Мазина, 1900.

²¹ ГАОО. Ф. 41, оп. 1, д. 258, л.8.

Прокофьева А. Г. (Оренбург)

**БЫТ, ПРАВЫ И КУЛЬТУРА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ
В ОЧЕРКАХ В.Г. КОРОЛЕНКО «У КАЗАКОВ»**

В 1990-е годы писателя-народника В.Г. Короленко привлекла тема народных восстаний, и в частности — Пугачевского восстания.

Для сбора материала о местах расположения пугачевцев писатель посетил в 1891 году Бугуруслан.

Весной 1899 г. писатель приступил к работе над романом, которому собирался дать название «Набеглый царь». В работе над пугачевской темой Короленко особенно интересовали вопросы возникновения идеи самозванства, связанной с ожиданием казачеством справедливого царя, и борьбы «степной воли» с «государственным укладом».

Чтобы разрешить эти проблемы, писатель предпринял поездку на Урал. В июне 1900 года Короленко вместе с семьёй приехал в Уральск, где остановился на даче художника Каменского. В Уральске, бывшей Яицкой крепости, писатель работал в войсковом архиве, осмотрел старую часть города. Архивные изыскания Короленко сочетал с дальними и ближними поездками (на велосипеде и на лошади) по казачьим станицам и хуторам. Наиболее важными из этих поездок были две — в Илек и Таловую. В поездке писателя сопровождал учитель Макар Егорович Верушкин родом из Илека.

Судя по очеркам, писатель побывал в поселке Дарьинском, в Рубежной, в Кирсановской станице (первоначальном месте поселения яицких казаков), в Иртецком посёлке (последнем на границе Уральского войска с Илецким), Бородинском, Кинделинском, в Мухрановском поселке и др. Короленко посетил территории нынешнего Первомайского и Илекского районов Оренбургской области, особенно его интересовал Илек, первым признавшим Пугачева «царем», встретившим его хлебом-солью.

Впечатления писателя от этих поездок, от своеобразия жизни, быта уральских казаков оказались настолько сильны, что уже на следующий год была готова очерковая книга «У казаков», отразившая, что называется, по горячим следам современное (для того времени) состояние уральского казачества. Очерки насыщены и тем историческим материалом, который писатель извлек из различных дел Уральского войскового архива, работая над романом о Пугачеве. В письме оренбуржцу М.Е. Верушкину от 22 сентября 1901 года Короленко писал из Полтавы: «С октября начнут появляться мои очерки Урала. Наше с Вами путешествие, вероятно, начнётся с ноябрьской книжки. Теперь я как раз дописываю впечатления нашего пути — ночлеги на казачьих дворах или на базах, разговоры со стариками, баушка Душаря, дождь, мочивший нас в Киргизской степи, - всё это точно опять переживаю, сидя за своим письменным столом...». (1, с.173)

Интерес к необычному укладу жизни казаков звучит и в письме писателя к матери: «Кажется, кроме повести из времен Пугачева (это еще долго) — набросаю путевые заметки о современном Яике и казаках. Есть вещи любопытные... Много здесь очень своеобразного, самобытного, такого, чего нигде более нет» (2, с. 169)

Очерки «У казаков», опубликованные в журнале «Русское богатство» в 1901, дают достаточно полную картину жизни уральского казачества через призму исторического прошлого. Короленко особенно волновали вопросы возникновения идеи самозванства, связанной с ожиданием казачеством справедливого царя, и борьбы «степной воли» с «государственным укладом». Даже в название первой главы входит сочетание «вольная степь». Короленко пишет: «...Нигде, быть может, проблема богатства и бедности не стояла так резко и остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз подымались друг на друга «вооруженной рукой». И нигде не сохранялась в таких застывших, неизменных формах. Исстари в этой немежеванной степи лежат рядом «вольное» богатство, почти без всяких обязанностей, и «вольная бедность», несущая все тяготы...» (3, с.12-13).

Обращаясь к фольклорным источникам, Короленко находит в них отголоски социальных конфликтов прошлого, вспоминает «строптивую и непокорную старину «сурьезного» войска, боровшегося целые века за свое исключительно местное значение, за степную волю против дисциплины и регулярства». Короленко вспоминает отказ казаков в 1874 году принять новое положение о военной службе и судьбу непокорных казаков, высланных к Аму-Дарье, на Аральское море. Об этом позже, в 1905 году, Короленко написал очерк «Уральцы в Туркестанском крае». Дух непокорности отмечает писатель в уральских преданиях (например, в предании «Кочкин пир», к которому обращается в очерках).

В очерках «У казаков» затронута еще одна важная для писателя проблема — поисков правды и счастья. Короленко внимательно отнёсся к уральской легенде (особенно распространенной среди старообрядцев) о Беловодье, о далеких праведных и счастливых землях. Писатель был изумлен, когда в Январцевском поселке ему устроили встречу с одним из трех казаков (Г.Т. Хохловым), совершивших путешествие по ряду городов разных стран (Константинополь — Афон — о. Кипр — Бейрут — Иерусалим — о. Цейлон — Сингапур — Гонконг — Шанхай — Нагасаки — Владивосток — Хабаровск — Чита — Иркутск). Высоко оценив важность этого путешествия, ценность наблю-

дений, сделанных казаками, Короленко посвятил этому событию 6 главу очерков, назвав её «Уральские искатели», а позже помог Г.Т. Хохлову издать (1903 г.) записки- воспоминания об этом путешествии. Отголоски этой истории мы находим и в пьесе М. Горького «На дне» (рассказ Луки о поисках обетованной земли) — М. Горькому историю путешествия казаков в одном из писем рассказал Короленко.

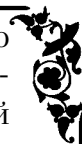
Большое внимание в очерках Короленко уделяется рыболовству. Яицкое войско писатель называет «величайшей земельной и рыбацкой общиной», ибо для уральских казаков очень многое, если не всё, связано с рыболовством: предания, песни, обряды, сама жизнь, само существование. Даже такое историческое событие, как Пугачевское восстание («первые вспышки будущего взрыва»), происходит, по замечанию писателя, «около рыбопошлинной заставы». И название первой главы Короленко предлагает - «Дорогой. Вольная степь. «Рыбопошлинная застава».

Во второй же главе писатель рассказывает о первой достопримечательности» Уральска - так называемом *учуге*: «Учреждение это — единственное в своем роде. Идея его очень проста: если в известном месте перегородить реку, то красная рыба, подымаясь с моря, остановится у перегородки и будет скопляться в больших количествах в нижнем течении реки». (З, с.23)

Яицкие казаки получили в «нераздельное владение «золотое дно Яика» вместе с таможенными и кабацкими сборами, выплачивая за это около 5 с половиной тысяч рублей. Писатель подчеркивает, что «старшины всегда грабили и утесняли войско», войско потеряло терпение и при новом эпизоде «схватилось за сабли» (З, с. 26)

Показателен портрет казака, данный Короленко: «Лицо у него типичное, широкое, скуластое, глаза маленькие, бегающие, то необыкновенно добродушные, то лукавые. На нем неизбежная фуражка с малиновым околышем, кумачовая косоворотка, штаны с малиновыми лампасами засунуты в голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозит в каждом его движении. Это не мужик и не солдат, это именно казак. Рыбак, стоящий по-военному на карауле у реки, военный, справляющий войсковую службу у рыбы». (С.31-32)

Писатель подчеркивает уверенность уральских казаков в незыблемости старого уклада жизни: «Казаки уверены, что жилой сазан во веки веков не пустит в реку парохода». (З, с. 38) Яик для казаков священен, им не понятно, как это в реке можно купаться, ибо Яик — это их кормилец.

Короленко пишет о весенней и осенней плавне, когда войско «усеивает бударами все берега и яры», о зимнем багренье и подчеркивает, что «эти походы на рыбу всем войском содействуют в высшей степени сохранению на Урале казачьего быта и типа. Войско в эти периоды чувствует своё единство» (3, с.42)

Основу казачьего земельного права писатель видит в сторожевой службе казаков государству. Надо отметить, что Короленко, познакомившись с историей казаков на основе архивных данных, основательно разобрался в тонкостях этой службы и взаимоотношениях уральских, оренбургских и илецких казаков.

Продолжая традиции М.Л. Михайлова в изображении уральского казачества, Короленко касается и проблем культурной жизни казачества. Писатель, подчеркивая приверженность казаков к старине, находит уголки, где «первобытная степь с её неподвижными общинными порядками сделала попытку перехода к высшей культуре» (3, с. 205) - «под Уральском и в илецких станицах разведены, например, сады». Короленко рассказывает о В.А. Щапове, который вместе с другим интеллигентным казаком затеяли на Кинделе «целую систему нововведений» с использованием даже электричества, много страниц отводит писателям из казаков И.И. Железнову, Н.Г. Мякушину, М.И. Тушкановой, казачке-поэтессе из Январцева.

Писатель не редко обращается к казачьему фольклору, затрагивает проблему песенного творчества казаков. В 12 главе очерков, подробно описывая Илек, Короленко рисует сцену казачьего пения в илецком трактире «Плевна». Изображая песенное состязание между старыми и молодыми казаками, писатель показывает столкновение двух поколений. В песнях старых казаков («Как по морю было, морю синему», «Как на Волге реке, на Камышинке и др.) слышались тоска по вольной жизни на Яике и воспоминания о строптивой и непокорной боевой старине. В песнях же молодых казаков чувствовалась «тщеславная гордость манёврами, строевым ранжиром и дисциплиной», что не принималось старшим поколением. Вывод звучит в словах молодого казака Каллистрата: «... не спеться нам молодым с вами стариками». Вместе с тем Короленко надеется на то, что память о прежней вольности «не умерла еще и в сердцах молодежи».

Очерки «У казаков» были сразу же высоко оценены современниками Короленко - Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым. Ф.Д. Батюшковым было записано мнение А.П. Чехова о произведении: «У казаков» - чудесная вещь, особенно сцена в трактире «Плевна». (4,)

Таким образом, В.Г. Короленко предложил нам художественное осмысление жизни уральского казачества, его роли в освоении уральских земель и их защите, показал быт, обычаи, нравы, традиции, фольклор казаков, нарисовал колоритные типы казаков разных поколений.

Примечания:

1. Неизвестные письма В.Г. Короленко М.Е. Верушкину // Русская литература, 1963, № 2 (Публикация Н.Г. Евстратова)
2. Короленко В.Г. Избранные письма. В 3 т. Т 1. М., 1932
3. Короленко В.Г. У казаков. Из летне поездки на Урал. - Челябинск, 1983
4. Батюшков Ф.Д. Две встречи с А.П. Чеховым // Лит. Россия, 1974, № 44

Панов П. В. (Оренбург)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ (ГЕНДЕРНЫХ)
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ**

В современной культуре остро обозначилась проблема семейных отношений, и это напрямую связано с модным гендерным вопросом. В XX веке категория «гендер» стала объектом не только социологических исследований, но и философии, психологии, культурологии и религии. «Гендер – формируемые обществом различия в понимании мужественности и женственности, социальные ожидания относительно мужского и женского поведения» [7]. Вопрос о необходимости пересмотра гендерных ролей в обществе впервые был поднят представителями феминистского движения в Европе XIX века, и уже на новом витке развития – в XX-XXI веках – зазвучал особенно актуально.

Изменения в социально-политической и экономической жизни современного российского общества, связанные с процессами модернизации, оказывают влияние на характер семейных и гендерных отношений. Изменяются формы семейного уклада, происходит трансформация содержания гендерных ролей, разграничение сфер родительства и супружества, увеличивается число разводов, изменяется специфика репродуктивного поведения, происходит рост внебрачных рождений, увеличение числа семей, где воспитанием занимается один родитель. Эти и другие тенденции активно обсуждаются обществен-

ностью, анализируются в научных кругах, а также находят своё отражение на уровне государства, что проявляется в форме дискуссий о проблемах рождаемости, воспитания детей, взаимоотношений между супругами, детско-родительских отношений и в выработке новых стратегий семейной политики.

С одной стороны, наблюдается распространение эгалитарных ценностей: сферы приватного и публичного в современных условиях перестают быть чётко ограниченными, трудовая деятельность и семейные отношения становятся одинаково значимыми как для мужчин, так и для женщин. К примеру, всё чаще можно слышать о пересмотре взглядов на воспитание детей, о появлении таких понятий, как «ответственное родительство», «новое родительство», а также – «новое», «включённое», «ответственное» отцовство. Кроме того, в обществе идут споры по поводу ювенальной юстиции. Действительно, в последнее время наметился переход к рассмотрению родительства как формы общественно значимой самореализации и личного самосовершенствования личности. Целью родительства в этой связи становится поддержание и развитие гармоничных, приносящих радость и удовольствие отношений с детьми.

С другой стороны, характерные для современного общества тенденции изменений в сфере семейных и гендерных отношений являются неравномерными. Реализация данных преобразований на различных уровнях происходит не синхронно, то есть наличие тенденций к изменениям на индивидуальном уровне зачастую не предполагает таких тенденций на уровне общественных институтов. Это можно продемонстрировать на примере представлений об отцовстве. Мужчины, которые вовлекаются в деятельность по воспитанию детей, довольно часто попадают в ситуацию неопределённости. Стремясь проявлять нежность, доброту, заботу, теплоту, более активно включиться в процесс общения с ребёнком, они нередко оказываются под давлением стереотипного представления о «настоящем мужчине» (ложный гендерный стереотип), которому данные характеристики не присущи.

Так, если образ женщины, закреплённый в общественном сознании, включает в себя категорию материнства, тесно связан с образом матери и подчёркивает непротиворечивость конструкции «женщина-мать», то обобщённый образ мужчины не содержит представлений о воспитательной функции, больше ассоциируется с общественной сферой. Таким образом, отцовство, не будучи нормативным элементом представления о мужественности, воспринимается неоднозначно и

противоречиво. Этим может объясняться и столь неактивное распространение практики «ответственного» отцовства. Аспектом, требующим особого внимания, является также деятельность политических институтов, направленная на преодоление возникших проблем. Для государства сфера семейных отношений всегда представляла особый интерес.

В данном случае интересно обратить внимание и на то, как на протяжении истории менялось отношение русских (православных) к браку, как трансформировалась при этом система ценностей. Так, до 1917 года законной считалась только одна форма – венчание. Пренебрегающие своими обязанностями венчаные супруги (как, например, героиня Л.Н. Толстого Анна Каренина, историческое лицо мать писателя А.Н. Толстого Александра Леонтьевна) неизменно становились в обществе париями (отверженными). В произведениях ряда русских писателей, повествовавших о послереволюционных событиях, в частности у Шолохова, показано, как трудно было примириться родителям дочери-невесты с отменой государством венчания и что гражданский брак в это время ассоциировался у людей с блудом. Постепенно ситуация складывается таким образом, что уже советский человек, отошедший от православия, воспринимает как естественную форму брака регистрацию в ЗАГСе, которая, в свою очередь, предполагает, что человек женится (выходит замуж) не раз и навсегда: он имеет право на ошибку и потому в ряде случаев неизбежен развод. Планка отношения к браку снижается в постперестроечное время, когда возникает новая форма семьи – сожителство без регистрации, и вовсе диктующее свободу отношений. Именно в это время становится модным венчание в церкви, к которому относятся исключительно как к обряду, не вникая в духовную сущность этого таинства.

Сегодня основным объектом поддержки со стороны государства становится полная семья, упор делается на зарегистрированные браки, а также на стимулирование рождаемости. Вариант семейной политики, проводимый на современном этапе, можно охарактеризовать как неотрадиционалистский. Как отмечают исследователи [1], в рамках современной государственной политики понимание проблем семьи зачастую ограничивается проблемами традиционной модели семьи. Необходимо отметить, что процесс воспитания детей имеет огромное и немаловажное значение для рассмотрения нашего вопроса. Осознание мужской и женской ролей в обществе позволяет детям уже на ранней стадии развития формировать, хотя и несовершенно, но

соответствующую полу модель поведения. Важная роль в формировании модели поведения будущих мужчин и женщин отводится при этом игре и игрушке. Игре принадлежит исключительная роль в формировании первых социальных контактов детей, которые ориентированы на подражание взрослым. «Рассматривая игрушку (кукла, машинка и т.д.), мы имеем дело с объектом, в котором заложен, в том числе, и гендерный стереотип, предписывающий, как должен вести себя ребенок того или иного пола» [8]. А сегодня мы видим, в какие игрушки предлагается играть нашим детям, в частности девочкам: куклы Барби (чье тело идентично телу взрослой женщины, причем акцент делается на сексуальном аспекте), созданные по типу аниме куклы Винкс (наоборот, совсем неестественные, с раскосыми глазами, чей облик воссоздает чуждый традиционной культуре образ колдуньи). Современные человекоподобные игрушки могут поглощать пищу, испражняться, беременеть, все это в натурализованном виде отражает действительность, но, по мнению православных психологов (например, широко известной монахини Нины (Крыгиной), для каждого возраста должно быть свое знание, в детском – детское. Монахиня Нина в ряде телепередач говорит о том, что привитию чувства материнства способствует игра девочки с традиционной куклой-младенцем, а рассматривание членов тела уводит ребенка от этой культурной задачи, способствуя раннему развитию физиологии, гедонистическим, сексуальным интересам (так реализуется рекламный принцип «бери от жизни все») [4].

В наше непростое время Русская Православная Церковь не остается в стороне от народа. Она всегда отводила исключительную роль семье как школе благочестия. В семье формируется чувство живой преемственности поколений. Церковь озабочена разрушением традиционных связей родителей с детьми – этому разрушению способствует уклад жизни современного общества. Сегодня подрастающему поколению грех преподносится как норма жизни.

В наше время Церковь, как любящая мать, не может без боли в сердце смотреть и не реагировать на то, как разрушаются все нравственные устои общества, как безнаказанно происходит растление молодого поколения пропагандой разврата, насилия, наркомании и других тяжких пороков, ведущих к деградации человеческой личности. «Снова, как не раз уже это было в истории, формируется идеал человека-эгоиста, сметающего все, что препятствует удовлетворению потребностей его «я». Этот поток поистине с нечеловеческой силой

направлен против семьи. Неистовая свобода половых отношений попирает святость брачных уз: пропаганда аборт, освобождающая от ответственности, проклятием клеймит божественное чадородство; идеал профессионально преуспевающего человека лишает детей родительского внимания и заботы» [6, с. 61].

Церковь, всегда осознавая высоту и величие служения отцовства и материнства, всеми силами стремится помочь семье, укрепить ее и оградить от разрушающих последствий, ибо именно в ней как в первичном и основном общественном институте происходит формирование личности ребенка. «Малой Церковью» назвал семью святитель Иоанн Златоуст, так как здесь человек должен стать человеком, восприняв от родителей все то, что его таковым делает. Семья, будучи хранительницей веры, благочестия и традиции, а также имея самое сильное средство воспитания – родительскую любовь, является первой и основной школой жизни. Общественная система образования должна в своей воспитательной деятельности опираться на семейные ценности, сотрудничая с родителями.

Нельзя забывать, что семья не только ячейка, но и основа общества. Социум, не поддерживающий идеалы семейного жития, обречен на самоуничтожение.

В контексте рассмотрения проблемы семьи важным оказывается вопрос о возрождении институциональной формы отцовства. Положение матери в семье считается приоритетным, в любой спорной семейной ситуации право почти всегда на стороне женщины. И, хотя, с одной стороны, такая позиция не является противоестественной, она однобока и неверна. Не только в православных, но и в мусульманских семьях испокон веков главный носитель ответственности за свою семью – отец; важно, что необходимость иерархического установления семейных ролей имеет давнюю вековую традицию. К сожалению, в современном секуляризованном европеизированном обществе, где существует проблема гендера, не подвергается сомнению идея равенства полов.

В России постперестроечного периода, когда перестали существовать многочисленные фабрики и заводы, как отмечает оренбургский писатель П.Краснов, власть в руки взяли женщины. Женщина-феминистка, которой чужды религиозные (нравственные) традиции, не надеется на мужа (а он в этих же условиях, в условиях безработицы, потеряв почву под ногами, утрачивает первенство), она держится за работу, активно занимается учебной, чтобы не потерять квалификацию,

ее интересует множеством различных дел, отрывающих ее от семьи, от детей. Дети становятся воспитанниками СМИ, хуже учатся, все чаще болеют.

Вот как пишет об этой проблеме в своей остро полемичной повести «Свет ниоткуда» П. Краснов: в конце XX века «как с конвейера идут ... квартирные болонки, полземли осиротят, не задумаются. Сиротят уже направо и налево, и ни судей нет, ни закона. Ни на нее, ни на тебя» [3, с. 12]; «Не город, а собачарня стала, поразвели. И мужей к ним пристегнули – на поводках. Им страну гробят, а они собачек выгуливают» [3, с. 28]. Прав современный исследователь, отмечая, что «одним из главных для П. Краснова является вопрос о мужской и женской линии поведения в изменившейся российской социокультурной действительности: писатель находит, что подчинение женского начала мужскому объясняется русским менталитетом и оправдывается необходимостью крепкой семьи, где муж выполняет роль заботливого хозяина, главы дома, а не диктатора» [2, с.157].

Вообще вопрос об абсолютном равенстве полов обуславливает порождение множества этических противоречий. В частности, мальчиков воспитывают и обучают так же, как и девочек, а девочек как мальчиков. В итоге в семьях не могут разобраться, кто главнее, кто ответственнее.

Одна из главных социокультурных задач – возродить мужской дух, дух отцовства (с точки зрения гендерной психологии это тот самый мужественный мужчина в отличие от женственного мужчины), что возможно только в русле государственных преобразований. Если общество построено на либеральных принципах всеобщего равенства, диктата всевозможных меньшинств, феминизма, почти неограниченной свободы поведения, все это не может не отразиться на семье. Если в России будет введена ювенальная юстиция, родительский авторитет будет подорван, то будет невозможно воспитывать детей на традиционных началах, разрушится устоявшееся на протяжении веков, проверенное временем иерархическое устройство мира (история показывает, что всеобщее равенство людей – утопия).

Простым людям нужно, несмотря ни на что, сохранять традиционные, установленные Богом формы устройства семьи. Именно таким образом мы со временем восстановим и иерархический порядок в государстве, народную жизнь как общинную, соборную, семейную жизнь. Сохраняя Православие, духовные традиции, культуру, православную

семью, воспитывая детей по-православному, строя жизнь по Божественным законам, мы тем самым будем возрождать и Россию.

Литература:

1. Георгий (Шестун), игумен. Православная педагогика. Издание 4-е. – М.: ПРО-ПРЕСС, 2010. – 672 с.
2. Дубцова Е.К. Социокультурное изменение гендерных ролей и его отражение в прозе оренбургского писателя П. Краснова // Межвузовский сборник научных статей: ред. В.Ю. Прокофьева, Е.К. Дубцова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – С. 157-162.
3. Краснов П.Н. Свет ниоткуда. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 128 с.
4. Нина (Крыгина), монахиня. В семье растут мальчик и девочка // <http://video.mail.ru/mail/valerij.zaberezhnyj.57/1269/1275.html> (дата обращения 20. 03. 2013).
5. Сергей (Полеткин), архиепископ. Человек рожден для вечности. Издание второе, исправленное и дополненное. – Самара: «Изд-во «Самарский дом печати», 2007. – 303 с.
6. Филатова О. Социология массовой коммуникации: краткий глоссарий // <http://voluntary.ru/dictionary>
7. Халиуллина О.Р. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // Вестник МГХПУ / Московский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова. - МГХПУ, 2009. - №

Нестеров А. К. (Оренбург)

О ФЕНОМЕНЕ ХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА

«...Неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия. Вместе они образуют единый могучий поток, который несет на себе драгоценную ношу культуры...»

А.Блок

Религиозно – духовная культура во все времена отечественной истории присутствовала, взаимодействовала и в светской, и в церковной жизни. Церковная и светская культура никогда не были изолированы друг от друга. Это взаимодействие, взаимовлияние, взаимопроникновение было постоянно. Проявлялось в самых различных вариантах и аспектах: религиозные образы и сюжеты переносились в светские и наоборот, обогащая друг друга новыми выразительными средствами, идеями, образами и т.д., прекрасный тому пример – выдаю-

щаяся, мощнейшая личность отечественной культуры – отец Павел Флоренский – доказательство слияния в деятельности одного человека разностороннего ученого и богослова.

После 1917 года тезис: «религия – опиум для народа» решил судьбу русской культуры. Запрещалось всё, связанное с церковью, с библейскими сюжетами. Нельзя было посещать храмы, участвовать в богослужениях, церковных обрядах... И, как всегда, парадокс: западно – европейская литургическая музыка звучала в БЗК им. Чайковского в Москве, живопись Рембрандта, Веласкеса, Рубенса и пр. спокойно взидала на нас со стен Эрмитажа в Ленинграде (естественно, без комментариев), в московском музее ИИ им. Пушкина, где экскурсоводы не знали или не могли говорить о библейских сюжетах; религиозные литургические музыкальные опусы звучали на непонятной для простого русского слушателя латыни, итальянском языке; идеологи закрывали на это глаза и уши, надеясь, якобы, на неподготовленность и безграмотность отечественной аудитории. Мировое искусство всегда питалось сюжетами мифологии, истории и религии: Перголези, Альбиниони, Гендель, Бах, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шуман, Берлиоз и вся мировая классика звучала, к счастью, без каких-либо ограничений (русское, отечественное - ни в коем случае). Подобное, по-моему, возможно было только в России. Даже когда были ограничения, запреты и гонения, Рихтер Святослав Теофилович на панихиде Станиславу Генриховичу Нейгаузу играл «20 взглядов на Христа» Пауля Хиндемита. Пьеса не была названа, она исполнялась как пьеса соч. такое-то (номер опуса) и все. Или когда мы, будучи студентами, пели в шестидесятые годы в концертах запрещённую хоровую духовную музыку Сергея Васильевича Рахманинова (номер из его «Литургии»), наш руководитель Михаил Семёнович Рожанский в концертной программе её обозначал как «Тихая мелодия» в ми бемоль мажоре. Подобных «казусов» можно назвать огромное количество. Сочинения композиторов так называемого «Нового направления в русской духовной музыке», давшего на рубеже 19 – начале 20 веков целую плеяду выдающихся композиторских имен – Петра Чайковского, Александра Гречанинова, Александра Кастальского, Сергея Рахманинова, Сергея Танеева, Николая Римского-Корсакова и мн. др. после революции 1917г. тоже были запрещены для исполнения. Деятельность этих композиторов была тесно связана и с Синодальным училищем, и с Синодальным хором, для которого они создавали свои творения. Это была новая мощная струя в цер-

ковной музыке того времени – обращенная к древнерусским истокам, к мелодии древних распевов, к богатой подголосочной полифонии, и главное – к слову молитвы, которому подчинены все музыкальные средства: фактура, ритм, гармония. А выразительная лирическая эмоциональность роднит эти сочинения с религиозной живописью того времени: Васнецова, Нестерова, Врубеля, Поленова. Шедевры русского духовного искусства были запрещены, сопровождались трагическими судьбами их авторов.

Религия - одно из фундаментальных оснований духовной культуры человечества. В «нравственном содержании религии ее общечеловеческое начало представлено элементарными нормами гуманности, человеколюбия. Знание десяти библейских заповедей и сакрального кодекса христианства, сформулированного в Нагорной проповеди, является необходимым условием овладения современной христианской культурой. ...в христианстве была сформулирована одна из центральных идей гуманизма – идея равенства людей перед Богом, равенства в вере...» (5). Это нашло выражение в идейных исканиях Л.Н.Толстого, Махатмы Ганди, Альберта Швейцера. Благоговение перед жизнью, добро есть сохранение жизни и помощь в ее развитии – главный принцип учения Швейцера и его единомышленников.

В произведениях гениальных творцов поражают пропорции, гармония, глубина, психологизм, артистизм, логика, простота, чувство формы, да просто всеобъемлющее мастерство. Современные учёные, математики, искусствоведы анализируют, подсчитывают, удивляются Гению Баха, а он просто творил - у него всегда был дефицит времени при огромной семье (21 дитя в двух браках) и обязанностях при дворе. Некогда было вычислять, соразмерять. А результат – гениальнейшие опусы в полифонии, органном, хоровом и вообще в музыкальном искусстве. Наша современница, к сожалению, недавно ушедшая от нас, удивительная российский искусствовед, историк культуры Паола Дмитриевна Волкова нашла, проанализировала и комментировала такие вещи в творчестве Леонардо да Винчи, которые стали достоянием всего мирового искусствоведческого сообщества. Никакие современнейшие достижения в науках, технике не могут сравниться с дерзкими идеями и результатами Леонардо. И когда смотришь его полотна, слушаешь музыку Баха, Моцарта, картины Боттичелли осознаешь, что всем руководят одни и те законы, законы **ЖИЗНИ**. Постичь их может не каждый. Как бы полярны ни были научно-материалистическое и религиозное мировоззрения, они смыкаются в своей общечеловеческой сущности, в

общечеловеческой природе. В книге «Принципы православной педагогики» В.Зеньковский писал: «...Мы ищем органического синтеза всего ценного, что имеется в современных гуманитарных науках, и утверждаем, что этот органический синтез может быть выражен в полноте и сложности ...лишь на основе христианской антропологии.»⁽⁶⁾ Взаимодействие искусств в современной образовательной системе и социокультурной среде поможет новому поколению, во-первых, в приобретении собственно знаний, накопленных человечеством и облеченных в различные образно-философские формы и жанры. Во-вторых, это концентрация огромного жизненного опыта нескольких тысячелетий, это наблюдение за окружающим миром, осознание человеком себя в этом мире. В-третьих, это понимание широкой исторической перспективы. Мысли, рожденные в прошлом, должны будить мысли настоящего времени, чтобы жить в будущем. Сегодня очень современно и своевременно звучат «Времена года» А. Вивальди, воспринимается живопись Эль Греко, Иеронимуса Босха и т.п. И, конечно же, знание основ религиозной культуры, ее библейских сюжетов, образов позволят нам верно воспринимать многие светские произведения, которые построены на этих религиозных сюжетах и образах. Все вышесказанное поможет формировать важные нравственно-эстетические ценности и представления, духовную культуру человека, постараться увидеть мир таким, каким его представляли наши предки на протяжении многих тысячелетий.

В наше время активно возрождаются утраченные традиции церковного искусства, хорового пения. 12 марта 2013 года в канун Торжества Православия в стенах Исаакиевского собора Санкт-Петербурга встретились два легендарных русских хора – Певческая капелла Санкт-Петербурга и Московский Синодальный хор.

Оба коллектива имеют древнюю историю, уникальные исполнительские традиции, богатую хоровую литературу и оказали мощное влияние на историю русской музыки и русского хорового мастерства.

Капелла ведёт историю с 1479 года, когда по указу Великого князя Ивана III в Москве был учреждён хор государевых певчих дьяков. 12 августа 1479 года хор сопровождал пением чин Освящения Успенского собора Московского кремля, открыв тем самым историю величайшего хорового коллектива России.

Синодальный хор, во времена Московской Руси носил название хора патриарших певчих дьяков. Первое упоминание о нём относится к 1589 году, ко времени учреждения патриаршества в России.

Оба хора были крупнейшим музыкальным центром Московского государства, собрав лучшие певческие и творческие силы страны. Государевы и патриаршие певчие принимали участие в духовной и политической жизни России: украшали пением Соборные Богослужения и торжественные церемонии в Царских хорах, сопровождали события государственной важности – наречение на царство и поставление на патриаршество, встречи иностранных делегаций и посольств. Мастера певческого дела пением и молитвою провожали в военные походы русские войска и встречали их с победой. Широкая творческая деятельность государевых дьяков – певчих и учителей, редакторов и распевщиков – во многом определила пути развития церковного пения в России.

В торжественные дни, когда службу в Московском Успенском соборе отправлял патриарх в присутствии царя, государевы певчие дьяки пели совместно с патриаршими певчими.

После Петровских реформ судьбы хоров сложились по-разному. Хор государевых певчих дьяков в 1701 году был переименован в Придворный хор, а в 1703 году переведён в новую столицу Российской империи – Санкт-Петербург. С этим прославленным певческим коллективом связана деятельность русских композиторов Дмитрия Бортнянского, Михаила Глинки, Милия Балакирева, Николая Римского-Корсакова, Фёдора и Алексея Львовых. Благодаря их трудам к концу XIX века Императорская придворная певческая капелла сложилась как уникальный, не имевший аналогов в мире, творческий образовательный музыкальный центр. Обучение и воспитание молодых музыкантов сочеталось с концертной деятельностью. И поэтому именно здесь рождались наилучшие в России кадры по всем музыкальным специальностям.

Хор патриарших певчих дьяков также претерпел реформу. После учреждения Святейшего Синода в 1721 году певчие перешли в его ведомство. В 1830 при Синодальном хоре было открыто Синодальное училище церковного пения. Расцвет хора связан с приходом регента Василия Орлова в 1886 году. Благодаря ему и его преемнику Николаю Данилину, коллектив стал лучшим русским церковным хором и с успехом выступал за границей. На рубеже XIX-XX веков для Синодального хора писали выдающиеся композиторы – Сергей Рахманинов, Сергей Танеев, Александр Кастальский, Павел Чесноков.

События 1917 года ещё раз круто изменили историю хоров. Структура Капеллы подверглась разрушению: регентские классы

были аннулированы. Но хор был сохранён, и в XX веке им руководили Александр Свешников, Георгий Дмитриевский, Елизавета Кудрявцева. Именно с деятельностью этого коллектива и его руководителя, народного артиста СССР Владислава Чернушенко, связано возвращение в концертную жизнь России богатого репертуара русской духовной музыки, долгое время находившейся под запретом.

Синодальный хор после революции прекратил своё существование на долгие годы – Синодальное училище было упразднено, а Кремлёвские соборы закрыты. Возродился Московский Синодальный хор только весной 2009 года по инициативе митрополита Волоколамского Иллариона. Ныне хором руководит заслуженный артист России Алексей Пузаков.

В программах хора звучат лучшие страницы православной церковной музыки из исторического репертуара этих коллективов.

Музыка 20 века представлена уникальными партитурами Николая Голованова. Николай Голованов – выпускник Синодального училища, наследник композиторских традиций Московской школы, в годы советской власти создавал церковную музыку, но при его жизни она так и не прозвучала. В последнее время в архивах Музея имени Глинки были открыты и изданы его партитуры, и сегодня его сочинения вошли в репертуар Синодального хора. Именно того хора, в расчёте на звучание которого он создавал свои сочинения. В наше время хор впервые исполняет двойной концерт Николая Римского-Корсакова «Тебе Бога Хвалим», который звучит после долгих лет забвения. На примере этих двух главных музыкальных коллективов российской церкви можно проследить всю историю русского духовного искусства, включая и наш регион.

«...Духовная жизнь человека в психологическом аспекте имеет три главные сферы: Мысль, Чувство, Представление. Мышление – познавательная деятельность. Переживание – ценностно-ориентационная деятельность. Воображение (продуцирование представлений) – преобразовательную практику, поскольку оно создает образы того, чего еще нет, но что человек хочет сделать. Искусству дано воплотить эти три элемента духовной жизни, вырабатывая нужные оптимальные средства и возможности. Слово наиболее полно, коротко, с тонкой нюансировкой и глубоко реализует человеческую мысль. Музыка в таком же соотношении к жизни чувств и человеческим переживаниям¹, потому структура музыкального образа интонационна. Изоб-

¹ Медушевский. Музыка в семье искусств. Музыка в школе – 1984 -№1

разительное искусство, архитектура передают человеческие представления в той форме, какую дает им реальное чувственное восприятие действительности. Все это во взаимодействии наиболее полно и всесторонне формирует духовную жизнь человека, а их разнообразные комбинации и сочетания позволяют проследить протекающие в ней процессы. Великолепно сочетание звуковых пейзажей Рахманинова и полотен Левитана. Звуковая и пространственная перспективы прекрасно взаимодействуют, например, в певучей, эпической прелюдии С.В.Рахманинова соч.23 «Ре мажор» и «Весна. Большая вода» И.И.Левитана. Б.Асафьев очень удачно назвал эту прелюдию Сергея Васильевича - «Озеро в весеннем разливе».

Человека делает человеком процесс его формирования. Социологи называют это социализацией, культурологи – приобщением к культуре. Обобществление человека происходит несколькими разными и пересекающимися путями. По М.С. Кагану первый путь – передача человеком человеку накопленных культурных знаний. Второй – передача человеком человеку обретенных людьми умений. Третий путь, самый сложный, - передача человеком человеку выработанных в обществе ценностей. М.С.Каган спрашивает – почему существуют именно эти три дороги, а не две или пять? Потому, что предметная деятельность человека реализуется трояким образом – как деятельность преобразовательная, как деятельность познавательная, как деятельность ценностно-ориентационная. Человек в процессе своего развития должен овладеть всеми этими тремя видами деятельности: научиться работать, преобразовывать мир; получить необходимые знания; овладеть ценностями – убеждениями, идеалами, позициями и принципами, которые направляли бы его и практическую, и теоретическую, и художественную деятельность по тому или иному пути.

М.С. Каган говорит о том, что «...сила искусства в том, что оно входит в сферу общения людей, дополняя в ней реальное общение реальных индивидуумов. ...поэтому когда мы используем искусство в этом его прямом назначении, то величайшие ценности культуры становятся ценностями каждого, становятся его страстью, его жизненным пафосом, его жизненной позицией...» (3) «Духовное» - это значит возвышенное, серьезное, глубокое содержание произведений искусства, в которых мир воплощается в высоких образах, приподнятых над бытом, и потому требует при воспитании особенной сосредоточенности, умосозерцания, культуры восприятия. «Духовное» связано с понятиями высшей Красоты и Гармонии, с понятием о совер-

шенном. «... Духовность есть творческая сила, - писал В.Зеньковский, - определяющее новое качество жизни... Духовная есть живая жизнь, она полна динамизма и движения, разум и свобода в человеке, чувства и активность его, раскаяние в грехе и надежда а лучшее, все, все в нас светится и держится сверхвременным началом, которое сияет не только на вершинах психической жизни, но и в элементарных ее формах, во всем «развитии» души...» (4). Особенности религиозно – духовной культуры: синтез, взаимодействие слова, музыки, архитектуры и изобразительного искусства. Через искусство происходит передача духовного опыта человечества, способствующая восстановлению связей между поколениями; искусство наиболее эффективно помогает молодежи построить целостную картину мира. Духовное искусство – формирует духовную личность.

Отечественное духовное искусство рассматривается в связи с европейским и отчасти – мировым искусством. Это позволяет выявить в них общее и то, что их различает: общечеловеческое и национальное. В раскрытии содержания произведений искусства подчёркивается их общечеловеческий смысл и эстетическая оценка произведения. Так, например, обращение к «Божественной комедии» Данте Алигьери дает возможность обратиться к разным видам и жанрам искусства, в различные временные пространства, начиная с Античности (Виргилий – один из персонажей произведения), - Возрождение (Боттичелли, Микельанджело, Рафаэль, Доменико ди Микелино, Лука Синьорелли и др. – иллюстрации), XIX век особое значение придавал драматично – зрелищной стороне поэмы Данте. Грандиозные гравюры Гюстава Доре передают «внешнюю» структуру поэмы, сохраняя ее духовность. В них нет театральности, ибо сам мастер потрясен видениями Данте. «Этот неземной климат он передает с потрясающей убедительностью», писал Т. Готье. Ференц Лист – соната-фантазия «По прочтении Данте» для фортепьяно, Делакруа «Барка Данте», Огюст Роден «Врата ада». В русском искусстве – глубоко драматичная и в то же время наполненная светлыми образами вечной любви симфоническая фантазия «Франческа да Римини» П.И. Чайковского, опера С.В. Рахманинова «Франческа да Римини». О многом говорит только перечисление имен Художников, обративших в разные времена свое внимание на это гениальное творение.

Интеграция церковного искусства осуществляется через вертикальный тематизм. Содержание его отражают такие аспекты, как научное и религиозное мировоззрения, история искусства, отражение

в искусстве мира природы и человека, религиозные книги как памятники мировой литературы, ставшие основой для музыкального и изобразительного искусства. Взаимосвязь искусств, объединение различных картин мира, научной и религиозно-мифологической, попытки выявить в них общее и различное – это значит научить понять человека, что идея Добра и Зла лежит в основе всех представлений о мире. Суть Любви, Красоты, Добра - остается единой в разных моделях и аспектах мира.

Литература:

1. Каган М.С. Роль и взаимодействие искусств в педагогическом процессе // Музыка в школе, №4,1987
2. Бенин В.Л. Педагогическая культурология. Курс лекций. Уфа,2004
3. Кошмина И.В. «Поиск синтеза светской и духовной культур в образовании.» // Искусство и образование №3,(17), 2001
4. Голошумова Г. «Идеи о воспитании искусством в эпоху Древнего мира, Средневековья и Возрождения». //Искусство и образование №3,(21),2002
5. Зеньковский В. «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии». // Изд. Свято-Владимирского братства. М.,1993
6. Медушевский В. «Музыка в семье искусств»// Музыка в школе, №1, 1984
7. Волкова П.Д. «Мост через Бездну» - М.: Зебра Е. 2009 – 368с.
8. В статье использованы фрагменты вступительного слова музыковеда Екатерины Смирновой (СПб) накануне праздника Торжества Православия в Исаакиевском соборе 12марта 2013г.

Баймуратова У. С. (Оренбург)

ОБРАЗ ЦЕРКВИ В РОМАНЕ В. БАХРЕВСКОГО «СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ТИХОН»

Когда речь идет об общественном институте религии, прежде всего выделяют церковь как его главный социальный институт. Однако границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви; ограничение религиозного дискурса только рамками храма может значительно сузить и существенно исказить сущность такого сложного, комплексного и многостороннего явления как религиозный дискурс [Бобырева, 2007: 81].

Церковь как общественный институт постоянно присутствует в сознании верующих (по крайней мере в сознании приверженцев традиционной религии), но реальным местом актуализации и реали-

зации религиозного дискурса не всегда является пространство храма. Е.В. Бобырева выделяет ряд подвидов религиозного общения в зависимости от типа ситуации, в которой оно имеет место, и, соответственно, особенностей взаимоотношений коммуникантов. Исследователь отмечает следующие сферы функционирования религиозного дискурса: а) общение в церкви, которое отличается высокой степенью клишированности, ритуализованности, театральности. Церковное общение – промежуточный компонент, связующее начало между миром верующих и неким идеальным началом – Богом; б) общение в малых религиозных группах – форма функционирования религиозного дискурса, при которой процесс общения имеет место не в храме, а вне его [Бобырева, 2007: 81].

Целью данной статьи является показать, насколько особое значение церковная жизнь имеет в жизни героев романа Владислава Бахревского «Святейший патриарх Тихон», где освещены как сцены различных богослужений в храме, так и обширные беседы вне его стен. В романе писание статей и проповедей, размышления, сомнения, разговоры Тихона с близкими – все связано с переживаниями о судьбе России и Церкви. Именно в церкви человек через сопричастность к её таинствам, общую и личную молитву, через лицезрение и почитание икон постигает основные догматы христианства, ощущает благотворное влияние молитвы, чувствует смысл и красоту Божьего слова. Концепт «Церковь» постоянно актуализируется в сознании и реализуется в речи героев, что подтверждается частотностью функционирования лексемы *церковь*, ее дериватов, экспликаторов и огромного количества лексем, принадлежащих ассоциативно-семантическому полю исследуемого микроконцепта религиозного дискурса.

Лексема *церковь*, номинирующая концепт, в тексте автора, во-первых, отражает распространенное общезыковое значение, являясь синонимом слова *храму* со значением «здание для совершения богослужения»: *Васе хочется растопырить свое сердечко, обнимая...весь погост Клин, где они живут, – избы, **церковь**, людей* [Бахревский: 6]; ***Церковь** и дом бабушки стояли неподалеку от озера Жижцо* [Бахревский: 33]; *Я в **церкви-то** встану в уголочке...* [Бахревский: 140].

Отметим, что в произведении В. Бахревского названия церквей не столь многочисленны, пропуск слова *церковь* не наблюдается, иногда указано местоположение храма: ***Корсунско-Богородицкий собор**, – указал отец диакон. – Здесь наша святыня: образ Корсунской Богоматери. **Никольская** вон **церковь*** [Бахревский: 16]; *Некогда*

служил Григорий Тимофеевич в Успенской церкви села Сопки Торопецкого уезда. Успенская церковь была вместительней Троицкой [Бахревский: 33]; ...за частое совершение торжественных богослужений в Саввинской церкви Люблинской губернии... [Бахревский: 148]; ...получил место священника в Одигитриевской церкви Пошивкина погоста [Бахревский: 64].

В тексте нередко фрагменты, где лексема *церковь* является абсолютным синонимом лексемы *храм*, которые становятся взаимозаменяемы в пределах небольшого текстового фрагмента: *Храм величавый. Купол над храмом невелик, далеко не глядит, а колокольня как сторожевая башня, Восьмигранная, массивная. Церковь при царе Федоре Алексеевиче строилась, а колокольня – петровское ухищрение [Бахревский: 14]; ...в огромном городе Нью-Йорке русская церковь – домишко, приспособленный под храм [Бахревский: 196].*

Лексема *собор* также принадлежит номинативному полю микроконцепта «Церковь» – «большой храм, имеющий несколько приделов» [Скляревская, 2000: 235]. В романе В. Бахревского находим синонимическое отношение к лексемам *собор* и *храм* с актуализацией в них сем «огромный» и «просторный», но при этом в лексической структуре текста обнаруживается обобщенное, видовое обозначение конкретных зданий через номинацию с уменьшительным суффиксом *церковка*: *Одинок в огромном пространстве собора... [Бахревский: 133]; ...отправился искать Исаакиевский собор... Темная громада храма показалась чудовищной гробницей. Света много, но Василий Иванович не испытал здесь обычного теплого чувства, каким полна всякая русская церковка. Из собора мимо памятника Петру... темный Исаакий под латунным куполом. Устал, но Казанского собора миновать не смог. Простору храма уже не удивлялся [Бахревский: 50].*

Номинативный ряд концепта «Церковь» *храм – собор – церковь* можно продолжить лексемой *часовня*, обозначающей небольшую постройку для общественной молитвы с иконами, но без алтаря [Скляревская, 2000: 264]. Ср.: *помолились в часовенке [Бахревский: 223]; в часовенке Тихон отслужил молебен [Бахревский: 224]; священнику, где бы он не служил – в огромном соборе или в часовенке, – нужны необычайные силы [Бахревский: 72].* В этом фрагменте видим, что по отношению к нейтральным лексемам *церковь* и *храм* лексемы *собор* и *часовня* осложнены дифференциальными семами «огромный», «просторный» – «совсем небольшой» соответственно.

Таким образом, все четыре лексемы *церковь, храм, собор, часовня* являются текстовыми экспликаторами микроконцепта «Церковь» в произведении В. Бахревского, причем лексема *храм* может выступать абсолютным синонимом к лексемам *церковь, собор*; а лексемы *собор* и *часовня* могут быть ситуативно-речевыми антонимами. Лексемы объединены общей семьей «здание для совершения церковного ритуала», т.е. «культовых обрядов, воспринимаемых как общение с Богом» [Скляревская, 2000: 43].

Ритуал является неотъемлемой частью религиозного дискурса, отличающей его от других типов общения и создающей его индивидуальность. Ритуал – «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем порядок совершения чего-либо, церемониал; стандартный сигнальный поведенческий акт» [Топоров, 1995: 446]. В любом типе дискурса – например, педагогическом, политическом, научном, художественном – на первое место выступает речевая деятельность, а конкретные действия, закрепленный, установленный ритуал лишь подкрепляют ее. В религиозном же дискурсе «ритуал, доведенный до своей высшей ступени, возводится в абсолют, являясь основой, базой религиозного общения» [Бобырева, 2007: 83]. О значении церковного ритуала читаем в романе В. Бахревского: **Церковные ритуалы** выработаны и закреплены у кого за тысячу лет, а у кого и за полторы и больше. Различия в **ритуалах**, в **требях**, если они не искажают сути **веры**, – терпимы. Просто священники должны объяснять прихожанам разницу между догмой и второстепенным по значению – **ритуалом** [Бахревский: 310]; Об этих изуродованных душах с горечью пишет митрополит Евлогий: «К **вере** и **Церкви** семинаристы относились, в общем, довольно равнодушно... Меня... удивляло... какое-то непонятное для меня равнодушное отношение их к **церковному ритуалу**: они часто совершенно не знали элементарных **богослужебных действий**... [Бахревский: 45]. Таким образом, лексическая структура художественного текста фиксирует и этот элемент религиозного дискурса в виде сочетаний *церковный ритуал* и *богослужебные действия*, находящихся в зоне пересечений текстовых лексико-семантический полей микроконцептов «Церковь» и «Вера».

В религиозном дискурсе рассматривается как вербальный, так и поведенческий (невербальный) ритуал, причем трудно определить, что является первоосновой, а что дополняет ее – невербальный ритуал дополняет речевые действия или речевые действия сопровождают

ритуал. «Лишение» религиозного дискурса вербального наполнения не прекращает его существования, а лишь переводит данное общение в несколько иную ипостась – безмолвное (основанное на жестах и телодвижениях) общение с Высшим началом. Именно поэтому только в религиозном дискурсе выделяется такой жанр, как «безмолвная внутренняя молитва», «молитва в душе». Характерен вывод Е.В. Бобыревой, «что в любом другом виде дискурса ритуал накладывается на речевую ткань, тогда как в религиозном дискурсе вербальный компонент лишь дополняет ритуал, сам ритуал значим уже сам по себе» [Бобырева, 2007: 84]. Примечательно то, что художественная литература способна отразить как вербальный, так и невербальный ритуал, в отличие от собственно религиозных текстов. Этим мы хотим подтвердить мысль, что религиозный дискурс не только нельзя соотносить единственно с религиозным текстом, но и то, что художественная картина мира включает в себя религиозный дискурс в полном объеме. Через описание действий священнослужителей, через употребление религиозной лексики, обозначающей наименования церковной иерархии, облачение духовенства, частей храма, через молитвословие возникает полная картина происходящего церковного обряда.

В романе В. Бахревского одним из самых подробных описаний церковного ритуала стало восстановление патриаршества в России. Это всенародный праздник: *«Кремль стал бьющимся сердцем державы, все были счастливы, ибо видели – вот она, Святая Русь, поднялась, как единый человек, единая душа, и встала перед Богом, ожидая милосердия»*, а патриарх – как спаситель: *«Патриарх, вчера еще чуждый для многих, становился единственной надеждой на спасение самого имени «Россия», «русские». Все поняли, наконец, что патриарх нужен не ради правильного церковного канона и не ради украшения торжественных богослужений, но ради жизни, здесь, на равнинах России, на всех ее просторах от края и до края. Ради жизни»* [Бахревский: 450]. Избрание Тихона происходит по жребию: старец Алексей, затворник Зосимовой пустыни, из трех кандидатур, написанных на листочках бумаги, выбрал один и прочитал: «Тихон, митрополит Московский». Интронизация Тихона проходит в Успенском соборе 21 ноября 1917, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, когда патриарх облачается в клобук Никона.

Идею того, что церковь – храм Божий, а значит, отражение всего светлого, чистого, реализует обширный круг единиц межтекстового ассоциативно-семантического поля «свет» – лексемы *паникади-*

ло (от греч. *poly* – «много» и *kandela* – «свеча»; в православном храме центральная люстра со множеством свечей или лампад), *золотой, золотистый, золото, жар, свет, звезды, солнце, небо, сиять, воссиять, светиться, засветиться, гореть, загореться, золотеть* и др. Ср.: *и храм наполнился светом. Как жар сияло золото иконостаса, сияли облачения духовенства, свет взыграл на одеждах прихожан* [Бахревский: 37]. То же видим при описании церкви в день великого двенадцатого праздника – Преображения Господня, когда на горе Фавор Иисус Христос преобразился перед своими учениками: лицо Христа просияло, как солнце, а одежды сделались белыми, как свет: *Луч, проникший в храм, был несильный, серебряный, но сердце у Васи радостно встряхнулось: Преображение – Свет* [Бахревский: 36].

Лексемы колокольня, ее синоним *звонница, трапезная* содержат сему «часть, примыкающая к церкви», чем подтверждают свою отнесенность к лексико-семантическому полю концепта «Церковь»: *Церковь была настоящая, с куполами, с колокольной* [Бахревский: 200]; *Построил и Благовещенскую церковь с трапезной, и храм Николы, и Большую звонницу...* [Бахревский: 80].

В общеязыковой картине мира красота русской церкви ассоциируется с венчающими её куполами, главами. Так, в Русском ассоциативном словаре реакции на стимул *церковь купол* и *купола* стоят на третьем месте после реакций *православная* и *крест*, что говорит об их принадлежности ближней периферии полевой структуры концепта усредненной языковой личности. Это полностью совпадает с художественной картиной мира анализируемых писателей, где лексемы *купол* и *главка* частотны в контекстном использовании с лексемами *церковь, храм, монастырь*: *...на великую Россию, огражденную от зла куполами шестидесяти тысяч церквей, молитвами сорока тысяч монахов, сотни тысяч священников и причта?* [Бахревский: 155]; *А Елецкий Успенский собор будто дивный город... эти двухъярусные и трехъярусные купола...* [Бахревский: 154].

Маковица, то есть верхушка храмовой главы, символизирует пламя – горящую свечу и огненные небесные силы, поэтому часто купола и главы делают золочеными. В наших примерах чаще всего лексема *купол* сочетается с прилагательным *золотой*. Так, у В. Бахревского находим образ «церковь – свеча»: *золотые купола церквей, как дивные свечи, держали свет* [Бахревский: 168]. Стройность и вытянутость церквей, колоколен также позволяют соотнести их со свечой: *только стоит ладная, свечкой – церковь Божья* [Бахревс-

кий: 299]. В период нашествия врагов маковица становится похожей на воинский шлем. Это лишь несколько иной образ огня, поскольку русские воины почитали своими покровителями воинство небесное – ангельские силы под предводительством архистратига Михаила. Шлем воина, на котором часто помещался образ архистратига Михаила, и шлем-маковица русского храма сливались в единый образ, дополняемый и другими элементами архитектуры [Юрасова, <http://www.rusarch.ru/jurasova1.htm>]: *Мне Борисоглебский собор очень нравится. Храм – воин. Окна как бойницы* [Бахревский: 154].

Соотнесение внешнего облика церкви со свечкой у В. Бахревского не единственно, в тексте также находим ее сравнение с елью (*Каждая (ель) как храм Божий. А каждый храм как ель* [Бахревский: 252]; *Стояла, как елочка, деревянная часовня* [Бахревский: 222]).

Что касается часто встречающихся в произведении писателя лексем *монастырь, обитель, лавра*, то, во-первых, благодаря общему компоненту лексем – «комплекс богослужebных построек», они соотносятся с первым значением лексемы *церковь*; во-вторых, полностью подчиняются второму ее значению, о котором речь пойдет ниже. Ср.: *Православная церковь крепка монастырями* [Бахревский: 302]. Этот факт говорит о полном вхождении и принадлежности лексем *монастырь, обитель, лавра* микроконцепту «Церковь». В романе данные лексемы присутствуют, в частности, мы выявили более 20 собственных наименований монастырей у В. Бахревского, тем не менее в тексте художественного произведения они оказываются в области дальней периферии текстового представления концепта.

В романе «Святейший патриарх Тихон» лексема *храм* встречается даже чаще, чем лексема *церковь* в значении «здание для богослужений». Это объясняется тем, что в контексте описываемых В. Бахревским событий лексема *церковь* расширяет сферу своего употребления за счет актуализации в этом слове другого значения – «религиозная община с иерархической структурой», поэтому для дифференциации значений слова автор предпочел использование синонима. И в языковом сознании *церковь* – это не только православный храм, но и религиозная организация со сложной иерархической структурой, осуществляющая сохранение и передачу основ вероучения, богослужения и т.д. [Скляревская, 2000: 262]. То же понимание находим и в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «организация, ведающая религиозной жизнью и соответствующим культом; религиозная общи-

на» [Ожегов, 1997: 875]. В тексте В. Бахревского обнаруживаем употребление двух актуализирующих разные значения лексем *церковь* в одном контексте: *...умолкли колокола **церквей**. Колокольный звон очищает землю и небо от нечисти. И не было у **Церкви** сил отстоять свое архангельское оружие, ибо царь... собезьянничал и в **церковных делах**, лишил **православие** его главы – патриарха* [Бахревский: 86]. На различие в значениях одного слова указывает прежде всего написание второго слова с заглавной буквы. Также слово во втором значении сочетается с относительными прилагательными *Православная, Русская, Святая, Восточная* (с заглавной буквы): *по учению отцов и учителей **Святой Церкви*** [Бахревский: 48]; *сирохалдейские христиане, пожелавшие воссоединиться с **Православной церковью*** [Бахревский: 53]; *представление господствовавших в **христианской Церкви** в течение всего ее существования общественных христианско-нравственных наставлений* [Бахревский: 59]; *Обновляя миссионерскую работу Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе **Православной церкви*** [Бахревский: 64]; *богословие видит в иконах изюминку **Восточной церкви*** [Бахревский: 81]; *В **Православной церкви**, благочестивые слушатели, есть глубокий по смыслу и значению обычай* [Бахревский: 102]; *иметь дело с народом, который почти три столетия находился вне спасительного союза с **Православной церковью** и который воссоединился с ней всего лишь два десятка лет тому назад* [Бахревский: 147]; *«упорствующие», которые, отторгая себя от **Православной церкви**, остаются без крещения, без венчания, не очищены от грехов, не вкушают Пречистого Тела и Крови Христовых и посему не имеют живота вечного* [Бахревский: 147]; *Синод, а через него вся наша **Церковь**, – часть государства* [Бахревский: 183]; *переход под власть **Русской церкви*** [Бахревский: 291].

Для В. Бахревского важно и третье значение лексемы *церковь*, которую он воспринимает как воплощающееся в человеческом обществе божественное, основанное на вере. Это значение было утрачено в ходе исторических событий начала XX века, когда долгое время слово *церковь* было только синонимично храму, зданию для совершения богослужения. Обнаружение данного смысла у В. Бахревского говорит о таком заметном явлении, как расширение лексического значения: *Церковь – мистическое соединение всех верующих с Богом* [Скляревская, 2000: 262]. Невидимая, вечная церковь, которая состоит из всех истинно верующих – опора в жизни челове-

ка, именно в Церкви человек найдет защиту, на этот смысл указывают лексемы *Мать, врач: Церковь как врач на поле боя: оказывает помощь своему воину и воину противника* [Бахревский: 372]; *вернулся в лоно Матери Церкви* [Бахревский: 49]; *Ты будешь идти по узкой, крутой тропинке. Справа скалы, слева бездна, иди прямо, благословенный сын мой. Поведет тебя Мать Церковь, ей будешь служить...* [Бахревский: 85]; *союз мужа и жены в христианстве есть образ таинственного, благодатного союза Христа и Церкви* [Бахревский: 133]; *Этим самым Церковь стремится расположить нас к тому, чтобы мы не только праздновали Сошествие Святого Духа на апостолов, но и сами исполнились духом* [Бахревский: 103]; *Церковь признает одно неравенство: святости и греха* [Бахревский: 209].

Особенный интерес в сочетании лексемы *церковь*, вербализующей концепт, представляют атрибутивные сочетания. В «Тихоне» встречаем большинство сочетаний этого слова с относительными прилагательными – *домовая, семинарская, академическая, посольская, христианская, православная, русская, пещерная, тюремная* церковь, что говорит о более богатой семантической палитре в употреблении этого слова в лексической структуре текста романа. Сочетаемость лексемы *храм*, также номинирующей концепт «Церковь», такова: *Божий, великий, семинарский, новый, святой, прекрасный, величавый, белоснежный, батюшкин, старорусский* храм, что подтверждает разнообразие романного словоупотребления.

Дериваты лексемы *церковь* немногочисленны: *церковка, церквушка, церковный*, присущие текстам обоих авторов, далее *церквушечка, церковно-приходской, церковность* (отвлеченное существительное к *церковный* – в значении религиозный, проникнутый религией) – у В. Бахревского.

Сочетаемость деривата *церковный* достаточно широка и отражает три значения данной лексемы в тексте В. Бахревского: *церковный сторож, разоритель, министр, устав, раскол, ритуал, обряд, путь, сад, дом*; *церковная история, библиотека, проповедь, прислуга, жизнь, беда, природа*; *церковное благолепие, пение, собеседование, витийство, делание, начальство, значение, действие, воспитание, образование*; *церковные дела, власти, люди, попечители, гимны*. Анализ сочетаемости еще раз доказывает выявленные значения слова *церковь*: в романе В. Бахревского – все три.

Самыми частотными контекстными партнерами для номи-

нирующей концепт лексемы *церковь* в романе В. Бахревского являются лексемы *радость, грусть, душа, истина, вера, жизнь, любовь*. Ср.: *Нам нужна церковь – не ради славы, но ради душевной нужды... душа находила бы здесь (в церкви) радостное прибежище* [Бахревский: 231]; *Вспомните псковские храмы. Просты, как евангельское слово. Поглядишь – и восторг в душе. Восторг перед истиной, истина не терпит украшательства* [Бахревский: 155]; *Церковное учение, будет ли то краткое наставление веры или целая богословская система, есть самое важнейшее выражение истинной жизни и истинных потребностей нашего духа, стремящегося к Богу как источнику истины и любви* [Бахревский: 114]; *А где купец, там и грех. Поставить Божий храм – душу побелить* [Бахревский: 13]; *на состояние Церкви от начала ее существования до нынешних времен по отношению к ее вере и членам* [Бахревский: 59]; *когда послужат Церкви верой и правдой* [Бахревский: 225].

Рассмотрев текстовую экспликацию религиозного концепта «Церковь» в романе В. Бахревского «Святейший патриарх Тихон», можно сделать следующий вывод. Концепт «Церковь» имеет три смысловые составляющие: церковь как здание для отправления религиозного культа; церковь как религиозная иерархическая организация и церковь как мистическое соединение всех верующих с Богом. Само имя концепта соотносит его с православным подтипом религиозного дискурса.

Литература:

1. Бахревский, В. А. Святейший патриарх Тихон : роман. – М. : Центрполиграф, 2001. – 796 с.
2. Бобырева, Е. В. Содержательный план и ритуал религиозного дискурса / Е. В. Бобырева // Десятые Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения (к 100-летию со дня рождения И.А. Ефремова) : материалы 10-й юбилейной междунар. науч. конф. «Ефремовские чтения», (21 апреля 2007 г.) – СПб. : ЛЕМА, 2007. – С. 80-84.
3. Складаревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Складаревская. – СПб. : Наука, 2000. – 280 с.
4. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – 446 с.
5. Юрасова, И. В. Символика архитектурных форм русского православного храма (связь с идеей православного храма) [Электронный ресурс] // «РусАрх» : электрон. науч. б-ка. – Б.м., 2006. – URL: <http://www.rusarch.ru/jurasova1.htm> (05.05.08).

Большакова Т. Л. (Оренбург)

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШЕВЧЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Международные Шевченковские чтения были учреждены по инициативе Посольства Украины в Республике Казахстан в 2012 г. и впервые проведены 16-18 марта 2012г. в г. Астане. Тогда же было решено проводить их ежегодно, поочередно в Казахстане и России.

Целью чтений является координация усилий исследователей и общественных деятелей России, Украины и Казахстана по изучению и пропаганде творческого наследия Т.Г. Шевченко, проведению культурно-просветительской работы в связи с подготовкой к 200-летию со дня рождения поэта и на дальнейшую перспективу.

Мы вправе гордиться, что в нынешнем году для проведения II Международных Шевченковских чтений избран именно Оренбург, который является крупным шевченковедческим центром России. Более того, Вторые Международные Шевченковские чтения, состоявшиеся 27 марта в конференц-зале Оренбургской областной библиотеки им. Н.К. Крупской, посвящались 20-летию со дня создания оренбургского НИИ «Институт Тараса Шевченко».

Место и дата встречи, а также то, что мероприятие проводилось в рамках Шестых Большаковских чтений – глубоко символично.

Именно Л.Н. Большаков – его исследовательская, научная, организаторская деятельность – сделали Оренбург одним из признанных центров мирового шевченковедения. Начиная с 70-х гг. прошлого века, шевченковская тема была для исследователя главной; его разыскания ввели в научный оборот огромное количество документов, детально – буквально по дням - рассказали о годах солдатчины, о людях, с которыми Т. Шевченко встречался; о местах, в которых побывал; о произведениях, написанных за почти одиннадцатилетний период.

Символично и то, что Вторые Международные Шевченковские чтения, целью которых является координация усилий исследователей и общественных деятелей России, Украины и Казахстана по изучению и пропаганде творческого наследия Т.Г. Шевченко, открылись в той же библиотеке спустя ровно 20 лет со дня презентации единственного за пределами Украины научно-исследовательского Инсти-

туда Тараса Шевченко, директором которого тогда же – 27 марта 1993 г. – стал Л.Н. Большаков.

В своем дневнике Л.Н. Большаков приводит отклик на информацию о создании ИТШ своего давнего друга Р.В. Овчинникова: «Мне всегда казалось, что по характеру Вашему, Вы чем-то сродни героям Джека Лондона. Вот и сейчас, совсем уж неподходящее для культурных начинаний время...». (10 марта 1993). Однако для Л.Н. Большакова создание Института было как раз способом противодействия «мутному», «унижающему», «гнусному» времени (закавыченные эпитеты – из дневников разных лет).

Институт Тараса Шевченко существовал всего десять лет, до августа 2004 г. Но глагол «существовал», безусловно, не отражает масштаб сделанного: за десять лет пришли к читателям фундаментальные труды Л.Большакова – трехтомная «Быль о Тарасе», удостоенная в 1994 г. Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко, «Оренбургская Шевченковская энциклопедия», несколько научных тетрадей, включающих шевченковедческие исследования краснодарца Банникова, москвича Сапожникова, оренбуржца Дорофеева, орчанина Лифшица: были опубликованы стихи и переводы правнука Т.Шевченко Вячеслава Шевченко, живущего в Ставропольском крае; новые разыскания самого Л. Большакова («Тетрадь с вырванными листами», «Комментарий к Дневнику Т.Шевченко)... ИТШ начал выпускать «фирменный» журнал «Шевченко- RU»; позаботился о том, что практически все вышеназванные произведения были доступны всем пользователям Интернета.

О признании значимости и непреходящем значении деятельности Оренбургского Института Тараса Шевченко говорят и состоявшиеся Вторые Международные чтения, которые были посвящены 20-летию со дня основания ИТШ.

Организаторами чтений выступили Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, Оренбургская областная украинская культурно-просветительская общественная организация им. Т.Г. Шевченко, российское «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко», Поволжский филиал Института российской истории РАН, Оренбургское региональное отделение Российского общества историков-архивистов. Идею проведения Шевченковских чтений поддержали Посольство Украины в Республике

Казахстан, Генеральное консульство Украины в Нижнем Новгороде, Украинский Конгресс России.

О масштабе и значимости Международных Шевченковских чтений свидетельствовали и приветствия, с которые были озвучены в начале мероприятия. Их прислали Дёмин Олег Алексеевич – Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в Республике Казахстан (Астана), Ратушный Михаил Ярославович – Председатель Украинского Всемирного Координационного Совета (Киев). С приветственными словами к собравшимся обратились также Начальник Управления внутренней политики Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области В.Д. Щенятский, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор В.В. Амелин заместитель директора по научной работе Поволжского филиала Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор (Самара) А.И. Репинецкий; член Правления Украинского Конгресса России, кандидат исторических наук, доцент (Уфа) В.Я. Бабенко, председатель Оренбургской областной украинской культурно-просветительской общественной организации им. Т.Г. Шевченко (Оренбург) Н.П. Науменко

В приветственных словах отмечалось, что имя Тараса Григорьевича Шевченко – писателя-классика, поэта, художника и общественного деятеля с мировым признанием, является одним из национальных символов для 70 миллионов украинцев, живущих во всех частях света и на всех континентах. Это имя означает единство культуры, уважение к родному языку, почитание народных традиций, борьбу против несправедливости, свободу от рабства, волю к жизни и духовную стойкость. Тарас Шевченко является неотъемлемой частью и российской культуры, поскольку большая часть его жизни и творчества проходила на территории России, в частности в Оренбургском крае, который в тот период включал в себя не только Оренбургскую область, но и значительную часть современного Казахстана, Башкирию, Челябинскую и Самарскую области.

Выступившие в ходе Шевченковских чтений ученые и работники культуры из Актобе, Уфы, Оренбурга, Самары анализировали историю и десятилетний опыт деятельности Оренбургского научно-исследовательского «Института Тараса Шевченко»; обсуждали актуальные вопросы современного научного шевченковедения, научно-просветительские проекты в области международного сотрудничества к 200-летию Т. Шевченко, использование творческого наследия Т. -

Шевченко в образовании и культуре, формы сохранения и популяризации жизни и деятельности Т. Шевченко на примере регионов России и Казахстана.

В большинстве докладов, представленных вниманию присутствовавших на Шевченковских чтениях красной нитью звучала мысль о непреходящем значении ИТШ для развития не только шевченковедческих исследований, но и для украинистики в целом; о ценности и необходимости продолжения наработок, начатых в ИТШ, сохранении наследия Л.Н. Большакова.

Выступающие рассказывали также о своей и научной, и культурно-просветительской деятельности в области пропаганды творчества Т.Г. Шевченко.

География исследователей, представивших «стендовые» доклады (с ними можно было ознакомиться всем присутствующим) была еще более впечатляющей: среди авторов были научные работники, сотрудники музеев и библиотек, руководители и активисты украинских общественных организаций, представляющие Оренбург, Уфу, Самару, Казань, Саратов, Петрозаводск, Владивосток, Киев, Львов, Полтаву, Астану, Актюбинск.

Весьма солидной была и выставка украиноведческой литературы последних лет, которую представили областная библиотека, много новых изданий привезли с собой представители украинского научного общества из Уфы. Кстати в ходе Вторых Шевченковских чтений состоялись презентации книги Д. Черниенко «Украинистика Южного Урала и Приуралья, одна из глав которой посвящена Оренбургской Шевченкиане, начало которой положено было еще в начале XX века, и новой книги «Быль о Тарасе» Леонида Большакова: от замысла к книге», основанной на дневниках писателя.

С благодарностью выслушали участники Шевченковских чтений слова Генерального Консула Украины в Нижнем Новгороде (Приволжский Федеральный округ) Игоря Сергеевича Мельничука, который сказал: «Украина благодарна всем, кто хранит память о поэте на оренбургской земле, изучает его творчество, сохраняет его дух. Не случайно президенты Украины и России приняли решение о совместном праздновании 200-летия со дня рождения Шевченко».

А нам, оренбуржцам, особенно дороги строки из принятой на Вторых Международных Шевченковских чтениях резолюции:

«Традиционный праздник «Шевченковский март», проводимый в Оренбургской области без перерыва с 1977 г. является гордостью

для всей России и положительным примером для подражания. Оренбургское областное украинское культурно-просветительское общество им. Т.Г. Шевченко – одно из старейших и авторитетнейших в стране, вносит огромный вклад не только в сохранение и развитие украинской культуры, но и укрепление мира и добрососедских отношений во всем Урало-Поволжском регионе и России. Научное наследие Л.Н. Большакова нуждается в системном изучении и продолжении нереализованных проектов».

Надеемся, что сборник материалов Вторых Шевченковских чтений», который в настоящее время готовится к изданию в Уфе, заинтересует ученых-шевченковедов и работников культуры и поможет в работе по подготовке и организации празднования 200-летнего юбилея Т.Г. Шевченко.

Маслий Е. В. (Харьков)

ЮРОДИВЫЙ И ЮРОДСТВУЮЩИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Как известно, юродство – специфически русская форма святости, которой, с одной стороны, присущ крайний аскетизм и самоотречение, с другой – эпатажно-провокативная форма изобличения грехов мира, ради покаяния заблудших и их возвращения ко Христу. Образ юродивого – знаковый для русской культуры. Автор статьи определяет ее цель как реконструкцию концепта *юродство* в художественном пространстве культуры. В связи с этим в задачи работы входит: выявление динамики концептуальных смыслов и дискурсивных доминант в разные периоды бытования концепта.

Тему юродства (далее Ю), воплощенную в фольклорном и житийном дискурсах [см. 10; 11], продолжает и творчески развивает русское классическое искусство. В музыке образ юродивого увековечен М.П. Мусоргским в знаменитой опере «Борис Годунов», в живописи – В.И. Суриковым в картине «Боярыня Морозова», М.В. Несеровым – в картине «На Руси»¹.

В художественной литературе XIX века Ю представлено прежде всего героями-юродивыми, прототипов которых еще можно было наблюдать в жизни (А. Пушкин «Борис Годунов», Л. Толстой «Детство», А. Герцен «Доктор Крупов» и пр.). Затем появляются герои,

неповторимость которых определяет мотив Ю, понятого широко – как органическое свойство, определяющее «жалкость», «убогость», «неотмирность», «идеалистичность» и т. д. (Н. Гоголь «Шинель», Ф. Достоевский «Идиот», герои произведений А. Платонова и пр.)². В русской литературе второй половины XIX в. Ю становится воплощением национально-специфических особенностей и духовно-нравственного идеала.

Несмотря на отдельные упоминания о юродивых в разных формах художественной словесности XX века, можно говорить о том, что этот феномен превращается в примету прошлого. Ю секуляризируется, становится явлением духовной культуры, определяющим ее национальное своеобразие.

Непреходящая ценность «юродской составляющей» для русской культуры в целом проявляется в значимом сопоставлении юродивого с поэтом. О «юродстве поэта» рассуждал А. С. Пушкин. С юродивым идентифицировал поэта В. Ходасевич: «Всякий истинный художник, писатель, поэт в широком смысле слова, конечно, есть выродок, существо, самую природою выделенное из среды нормальных людей.... поэт сознает божественную природу своего уродства – юродства, – свою одержимость, свою не страшную, не темную, как у слепорожденного, а светлую, хоть не менее роковую отмеченность перстом Божиим. По природе искусство религиозно ...Это экстатическое состояние... Оно и есть то неизбежное “юродство”, которым художник отличен от не-художника» [15].

Рубеж XIX – XX веков, наиболее показательный в эволюции образа юродивого, отмечен неединичным появлением юродствующего персонажа. В творчестве разных авторов, например Н. Лескова, Ф. Достоевского, А. Платонова, происходит «проникновение юродства из персонажной сферы в авторскую» [13 : 142]. Прецедентность литературного юродства демонстрирует литературное наследие Ивана Грозного, творившего под псевдонимом Парфений Уродивый. В контексте своей эпохи такая практика представляла исключение из правил: «Для юродивого, пребывающего в подвиге, писательство исключено», «ибо юродство – это уход из культуры» [14 : 76–77]. Отметим, в связи с этим, что главной приметой юродствования как игрового приема, воплощенного в художественной практике или частной жизни, наоборот, является пребывание в пространстве культуры. Это своего рода роль, маска, надеваемая в быту или в творчестве, постоянно или время от времени³.

Тем самым в одном культурном пространстве сосуществуют представления о юродивом и юродствующем⁴. В этот период многие авторы – В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Клюев, А. Белый, В. Розанов, А. Ремизов, В. Свенцицкий, Е. Честняков, В. Хлебников, М. Волошин, Д. Хармс, обэриуты, футуристы и др. [см., н-р: 6; 4; 2; 7 и пр.] – в бытовом поведении и, главное, в художественной практике демонстрируют своеобразное юродствование как «поведенческий нигилизм и апофатическое взыскание вышней Истины» [7].

«Внешне» – от нарочитого дурачества, эпатажа, скандальности, нарушения общепринятых норм, кощунства, безобразия, парадоксальности до сложных мистификаций и сотворения мифа – «юродствующий от культуры» похож на исторического юродивого. Но в игровой поведенческой модели исчезает главная сущностная характеристика христианского святого – его целеполагание Христа ради, которая у юродствующего реализуется в широком диапазоне – от «игрового богоискательства» до тщеславного позерства. Так, например, склонность А. Ремизова к «жажде унижения» [4 : 110] понимается, с одной стороны, как желание получить «поругание от мира сего», а с другой – «выразить свой протест миру, который его отверг, сделал изгоем» [4 : 118]. В другой интерпретации тот же писатель одновременно и «сердца ради юродивый», и «мифа ради юродивый» [7 : 100].

В современном употреблении происходит неоправданное, на наш взгляд, расширение значения слов с корнем юрод-, базирующееся на их изначальной энантиосемии и парадоксальности, противоречивости описываемого ими феномена. Юродивым называют любого странного, не вписывающегося в норму человека. Так, исследователь М. Саббатини в статье «Пафос юродства в ленинградском подполье» определяет юродство как «намеренное старание казаться юродивым», как «бессмысленный, безумный, нелепый поступок, который мог бы совершить только юродивый», отмечая, что «у поэтов подсознательно появляется подражание “подвигу” юродства» [15]. Это определение не всегда соответствует образам тех, кого автор называет юродивыми, что приводит к совершенно парадоксальным утверждениям: «сознание поэта (*речь идет о С. Стратановском – прим. Е. М.*) хотело бы быть атеистическим (ничего не знать о Боге), но не может, потому что постоянно переживает его как *страшную и враждебную реальность...* Именно поэты андеграунда оказываются ближе всех к “игровому богоискательству”» (*курсив мой – Е. М.*) [цит. по: 15].

Критерием для разграничения феноменов юродства/юродствования и значения соответствующих слов может быть внутренняя свобода личности как право на Ю. Ср.: «зато Глазков и его исследователь окончательно объяснили мне, почему не люблю современную имитацию “юродивости”, хладнокровную и расчетливую, преотличнейше конвертируемую. Объяснили разницу между внешней, разрешенной свободой “юродствовать” ... и свободой внутренней, самолично оплачиваемой» (С. Рассадин, «Отец самиздата»). Исторический юродивый выполняет свою миссию «вопреки», а не «благодаря». Культурный юродивый, во всяком случае, как его представляют современники, часто действует «благодаря»: «Поэты как Леонид Аронзон, Владимир Эрль, Константин Кузьминский Александр Миронов, Евгений Вензель, Тамара Буковская и другие уже ощущали наступление нового времени, обретение внутренней независимости, поэтому вели себя “свободно” и “валяли дурака»» (*курсив мой* – Е. М.) [15].

Фрагменты концепта *юродство*, описывающие своеобразное отклонение от нормы – странность, чудаковатость, относятся к ядерным концептуальным смыслам [9; 12]. Этот аспект Ю, актуализированный в современной культуре, породил целый массив литературных текстов, под тем или иным углом зрения изображающих современного чудака. Таким образом, текстовая воплощенность Ю размыкается в тему чудачества как способа миро-видения/чувствования, наиболее явно выраженную в творчестве М. Горького и В. Шукшина (см., напр., [1]). Обращение к творчеству В. Шукшина закономерно продуцирует такие выводы: «Это советский писатель, т. е. по умолчанию долженствующий не иметь никакой связи с религией и тем более мистикой, на деле является классическим “юродивым во Христе” – без упоминания, как это ни парадоксально, самого Христа. Ощущение факта принятия сознательного юродства не оставляет при чтении произведений Шукшина: его герои – какие-то диковатые персонажи не от мира сего, которые чувствуют себя среди людей и их обязанностей весьма неуютно» (Dr. Dunkelstein, «Безумие: указание свыше»).

В православном дискурсе современная эпоха часто характеризуется как секуляризованный ад (ср.: «В монастыре сегодня, как в миру, а в миру, как в аду»), эпоха постнигилизма, цинизма, скуки и всеобщего равнодушия, когда надежда на обновление давно умерла, источником красоты является уродство, и только отвращение имеет действительную силу [3 : 18 – 27]. Именно в это время, по мнению православного философа, у людей появляется «жажда святости», но мирское сознание не

всегда способно воспринять ее: «жажда святости у тех, кто не нашел ее, является сегодня в различных формах юродствования, распространенных в наши дни на Западе и (еще более) в России» [3 : 43]. Этим, возможно, объясняется такая парадоксальная точка зрения: «Юродивый – самая современная, постмодернистская *форма* святости» (*курсив мой* – Е. М.) [3 : 57]⁵. В контексте современности, имея в виду соответствие духу времени, православный философ иронично называет юродивого «модным святым» [3 : 60]. Юродивый способен через провокацию ужаса, уродства, отвращения достучаться до современного человека и просветить его светом благодати. Ведь «главное в юродивом – не парадокс, главное – благодать» [3 : 47]. Парадокс – это лишь средство донесения миру «“гениальной” святости», «творческого христианства, о котором мечтал Бердяев», – заключает Т. М. Горичева [3 : 48].

Поэтому новая страница бытования этого образа, отсылает нас к постмодернизму, художественная и эстетическая система которого перекликается с юродской парадигмой, но обнаруживает сущностные различия⁶. При этом постмодернистский и «юродский» дискурсы несомненно имеют общие черты⁷.

На совпадении важных характеристик юродивого и современных культурных героев основаны их возможные сопоставления: «Но тут мне пришло в голову: а что, если поискать современного юродивого с “чудовищными на первый взгляд поступками” не у стен монастыря, как это делает Борис Евсеев, а в каком-нибудь непотребном месте, скажем, в среде успешливых “криэйторов”? На то ведь и парадоксальность феномена юродства. А что, если Виктор Пелевин – тот, какого мы заслужили?/Юродивому пристало нарушать социальные нормы (обидная игра с фамилиями реальных людей) и даже порой сквернословить (увы!). Юродивому пристало иметь простодушных, чтобы не сказать сильнее, поклонников, а от благоразумных сограждан принимать поношения... Юродивому пристало утверждать некие ценности в оболочке кощунства... Наконец, юродивому пристало выкрикивать правду, такую, которая глаза колет. Что, по-моему, и берется делать Виктор Пелевин своим последним романом./Конечно, не Христа ради он юродивый. Но, как говорит безумная Офелия: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать» (И. Роднянская, «Этот мир придуман не нами». – «Новый Мир». – 1999. – №8).

Интерпретация этой темы получает в постмодернизме разные реализации, ср.: «Так кричите же вы – способнейший из способных, кричите за себя и за меня, и за всех нас, обманутых, оболганных, обес-

чещенных и оглуленных, за нас, идиотов и юродивых, дефективных и шизоидов, за воспитателей и воспитанников, за всех, кому не дано и кому уже заткнули их слюнявые рты, и кому скоро заткнут их, за всех без вины онемевших, немеющих, обезъязыченных» (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Этот фрагмент, на наш взгляд, отражает один из сквозных мотивов современной культуры – насилие над человеком – обманутым, обещанным, немым. Насилие здесь предстает как акт, приводящий в состояние оглуления, идиотизма, юродства⁸. Перед нами процесс, обратный «самоизвольному» юродству, – уход в вынужденное, «культурное» Ю. Под давлением внешних обстоятельств современный человек вынужден выбрать его как единственно возможный путь для спасения в себе Человека, защиты от тех сил, которые пытаются уничтожить в нем личность.

Подведем итоги.

· Художественный дискурс, представляя особую форму рефлексии над действительностью, необычайно важен при рассмотрении дискурсивных реализаций концепта *юродство*. Изображение Ю в литературе претерпевает определенную эволюцию: герой-юродивый; затем герой, для которого Ю – психологическая характеристика.

· Вытесненное из реальной жизни, но востребованное в качестве поведенческой модели, объединяющей в себе национально-специфические особенности, Ю из религиозного явления постепенно превращается исключительно в явление секуляризированной духовной культуры. Это влечет за собой проникновение Ю из персонажной сферы в авторскую и мотивирует появление героя, юродствующего в литературе и/или в жизни. С этого момента Ю воспринимается как игровой прием с кардинально иным целеполаганием, выраженным показательной антитезой: от Христа ради – к враждебным отношениям с Богом. Следствием этого является расширение семантики слова, выхолащивающего сущность феномена: юродивыми называют и современных чудаков, и постмодернистских героев, и культурных деятелей.

· Доминанты концепта *юродство* в художественном дискурсе сменяются в такой последовательности: органичное свойство – форма нестандартной святости ради Христа (акцентируется сема ‘ради Христа’) – игра в святость, в юродство с различным целеполаганием (акцентируется сема ‘игра’).

· Юродивый для русской литературы XX – XXI вв. становится не только способом воплощения особенностей национального героя,

но и модельной личностью. Однако любая модель в реализации наполняется конкретным содержанием, которое для подлинного юродивого определяется его жизнью ради Бога, внутренней свободой и способностью дарить благодать; для юродствующего – наполняется игрой, подражанием, ерничаньем, шутовством, которое спасает человека от агрессивности внешнего мира, сохраняет целостность его личности и позволяет разноаспектно выразить ее сущность.

Литература:

1. Борисова М. Б. Концепт «чудак» в художественном мире М. Горького / М. Б. Борисова // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Мат-лы Междунар. науч.-метод. конф. – СПб: Союз, 2001. – С. 362–370.
2. Гладких Н. В. Даниил Хармс, шутовство и юродство // Проблемы литературных жанров: Тез. докл. X междунар. научн. конф. – Томск, 2001
3. Горичева Т. Православие и постмодернизм / Татьяна Горичева. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 64 с.
4. Доценко С. «Библией мух бьете!»: автобиографический миф А. Ремизова // Блоковский сборник XVII: Русский модернизм и литература XX века. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – С. 102-138.
5. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / Рос. Академия наук. Ин-т славяноведения. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 448 с. – (Studia historica).
6. Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев / И. Ильин. – М., 1991.
7. Исупов К. Г. Юродство / Исупов Константин Глебович // Русская идеология. Информационно-аналитический портал [Эл. ресурс] // Режим доступа: http://russidea.rchgi.spb.ru/ideasinrussia/religideas/index.php?ELEMENT_ID=2767. – Загл. с экрана.
8. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т.: Екатеринбург, 1997. – 317 с. – Библиогр.: в подстроч. примечаниях.
9. Маслий Е. В. Значения слова *юродивый* в контекстах соположения как содержательный фрагмент концепта «юродство» // Вісник ХНУ: Сер. Філологія. – Х., 2007. – Вип. 50. – №765. – С. 20-24.
10. Маслий Е. В. Концептуальные смыслы юродство в религиозном дискурсе // Вісник ХНУ: Сер. Філологія. – Х., 2009. – Вип. 58. – №. 873. – С. 44–49.
11. Маслий Е. В. Некоторые типологические черты образа юродивого и их реализация в русских народных сказках // Вісник ХНУ: Сер. Філологія. – Х., 2005. – Вип. 46. – №707. – С. 116-120.
12. Маслий Е. В. Современные значения слова *юродивый* в содержании концепта «юродство» // «Вісник ЛНПУ ім. Тараса Шевченка: Філологічні науки». – Луганськ, 2007. – Ч. 1. – №11 (128). – С. 48-54.
13. Мотеюнайте И. В. Вен. Ерофеев и юродство: заметки к теме // Материалы Третьей международной конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования». – Тверь, 2000. – С.142-146.

14. Панченко А. М. Смех как зрелище // Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 72-153.
15. Саббатини М. Пафос юродства в ленинградском подполье / Марко Саббатини / University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/28/sabbatini28.shtml> – Загл. с экрана.
16. Ходасевич В. Ф. О Сирине (В. Набокове) / Ходасевич В. Ф. // Литература и жизнь [Эл. ресурс] // Режим доступа: http://dugward.ru/library/hodasevich/hodasevich_sirin.html. – Загл. с экрана.

Примечания:

¹ Напомним, что, символически изобразив весь русский народ, М. Нестеров поставил во главе него ребенка и юродивого.

² В языке слово *юродивый* употреблялось первоначально по отношению к человеку с физическими недостатками или уродствами, обозначало глупого, неразумного, безрассудного, безумного и лишь затем было включено в терминологическое сочетание *юродивый Христа ради*. Впоследствии слово необычайно расширяет свою семантику. Юродивым стали называть провидца, обличителя, творца, вождя, человека, призывающего к внутренней свободе, новатора, наивного, убогого, маргинала, шута, притворщика и т. д., фактически акцентируя внимание на той или иной черте исторического юродивого [9; 12].

³ Возможность перехода от игры роли к собственному лицу и вновь к игре – та черта, которая отличает юродствование от юродства при сопоставлении их в этом аспекте. При этом следует отличать юродствование от ложного юродства, так называемого лжеюродства, отмеченного печатью корысти и прагматики.

⁴ Эта терминология введена для разграничения двух разных феноменов. В рамках этой терминологии юродство предопределяется 1) органичной свойственностью субъекту качеств, определяемых как юродство, 2) сознательным, добровольным принятием юродства ради определенной цели – Христа ради; юродствование же характеризуется сознательной установкой на игру «в юродство» с обязательными для нее публичностью и демонстративностью.

⁵ На наш взгляд, подобное сопоставление «формы», т. е. поведенческой модели православного святого и современного человека – носителя постмодернистского сознания, вполне корректно. Прекрасно понимая сущность юродства, Т. М. Горичева указывает лишь на некоторую «изоморфность» одного и другого и, в связи с этим, доступность юродивого как типа восприятию наших современников. Ср.: «Разговоры же о «постмодернистском» характере юродства вообще? выдают полное непонимание обоих этих феноменов... [5 : 381]».

⁶ Об отличиях в названных дискурсах см. [5 : 381–382].

⁷ К ним относятся: разрушение существующих социальных, земных иерархий; игровая деиерархизация культурного пространства, игровая амбивалентность, отсылающая к раннехристианским идеалам, сопряженным с эстетикой безобразного; полемическая заостренность против общепринятых норм поведения; гротесковость героев; провокативность, агрессивность, загадочность их поведения; ирония и пародийность; снижение смыслов, выворачивание их наизнанку; переключение стилистических регистров – от низкого – к высокому и наоборот; «палимпсестный» характер сообщения и пр.

⁸ Вспомним: «Полет над гнездом кукушки» М. Формана, «Москва – Петушки» В. Ерофеева, «Юрод» Б. Евсеева и мн. др.

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ СЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ РУССКИХ

Анализ евразийской структуры этничности русских имеет давнюю историю в научном мире. К узловым точкам исследовательского поиска относятся: идеи славянофилов и западников в классических и поздних вариантах; работа М.О.Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (5) известного российского историка втор. пол. 19 века. (особая роль монографии связана с глубиной изучения темы её автором); в начале 20 века сложилась специальная школа ученых евразийцев (её характеристика будет дана подробнее ниже); в современных условиях евразийское научное поле вновь приняло концентрированную формулу (3).

В целом евразийское структурирование этничности русских воспринимается как данность; соотношение пропорций этого феномена составляет дискуссионный аспект исследования.

В качестве вступления к краткому изложению заявленной темы автор тезисов считает необходимым определить свое понимание феномена евразийства как ведущего в данном контексте. В этой связи представляется наиболее научно обоснованной точка зрения, согласно которой евразийство толкуется как широкое явление, включающее материальные и духовные условия жизни россиян. К материальным условиям прежде всего относятся геополитический фактор (огромная территория нашей страны, уникально расположенной в Европе, и Азии) и расовоэтнический фактор (соединение в пределах одной общности русских — восточно-славянского, тюркского и финно-угорского субэтносов). Эти объективные причины реализуются в субъективных: в специфике исторического процесса в целом, в государственном строительстве, в экономической политике, в развитии науки, идеологии и культуры. Русский национальный характер аккумулирует в себе евразийство в концентрированном виде: последнее составляет его важнейший признак.

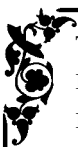
Осознание этих процессов проявилось в евразийском направлении общественной мысли России, берущем начало в глубине веков. Элементы евразийского мышления содержатся уже в трудах М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина, в переплетении противоречи-

вых взглядов классических славянофилов и западников, в связи с которыми А.И. Герцен поистине в евразийской проекции отметил, что мы подобны двуликтому Янусу, смотрящему одновременно и на Восток, и на Запад. Среди более поздних представителей славянофильства и западничества в евразийском ключе рассуждали соответственно М.О. Коялович и А.Г. Брикнер - российские историки второй половины XIX века. В начале XX века в России сложилась самостоятельная научная школа евразийцев, переместившаяся затем по политическим причинам в эмиграцию и продолжавшая там свою работу, прежде всего в Париже и Берлине. Среди ее главных представителей были Н.С. Трубецкой, Т.Н. Савицкий, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев, М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, А.Н. Бердяев и другие. Эту научную традицию блистательно продолжил в России Л.Н. Гумилев. К числу аналитиков феномена евразийства принадлежат и видные зарубежные исследователи: в XIX веке это был французский историк А. Леруа-Болье; в XX веке - немецкий философ Л. Люкс.

Итак, евразийство — это целостный мир, пронизывающий все стороны жизни России, от природных глубин до духовных высот.

Изучение русского национального характера занимает центральное место в интеллектуальном поле, соединяющем мыслителей евразийского направления. Достаточно вспомнить работы Л.Н. Карсавина «Восток, Запад, «русская идея»; Н.О. Лосского «Характер русского народа»; А.Н. Бердяева «Русская идея» и другие. (1)

Приступая непосредственно к вопросу о классификации теорий русского национального характера в системе евразийского мышления, необходимо отметить, что в настоящее время, наряду с понятием «национальный характер», широко применяется другое — «национальный менталитет», получившее распространение в научном лексиконе во второй половине XX века и активно функционирующее в статусе рабочей концепции. В 1993 году на методологической базе журнала «Вопросы философии» прошла авторитетная дискуссия «Российская ментальность», ее материалы опубликованы в первом номере журнала за 1994 год. В рамках этой дискуссии и в многочисленных научных публикациях по данной теме, появившихся позже (см. работы Г.Д. Гачева, И.К. Пантина, А.С. Панарина, Е.А. Ануфриева, Б.С. Гершунского и других), представлены философские, культурологические, социально-политические, социально-психологические трактовки категории «национальный менталитет». Исходя из приори-

тета психологического содержания понятия «национальный характер», целесообразно остановиться на аналогичном толковании национального менталитета как органической целостности социально-психологических качеств, присущих данному народу и обуславливающих его поведение. Национальный менталитет формируется, функционирует и развивается в ходе длительных исторических периодов.

Структура этого феномена чрезвычайно сложна и связана с мировоззренческим блоком, различными стереотипами психологических и поведенческих реакций, получивших форму традиций. Специальный анализ затронутого здесь вопроса о дефиниции национального менталитета представляет собой тему отдельного исследования. Далее в тексте тезисов эти две категории — «национальный характер» и «национальный менталитет» — будут использоваться как близкие по смыслу. Представляется возможным выделить два критерия классификации теорий русского национального характера в рамках евразийского мышления — содержательный и оценочный: первый следует из избранного учеными акцента евразийства как качества русского менталитета (географического, исторического, цивилизационного, психологического и т.п.); второй — из оценки значения этого качества для системы национальной ментальности в целом.

Одна из теорий или схем русского национального характера в системе евразийского мышления условно может быть названа диалоговой. Суть ее такова: русский национальный характер является результатом сложного и плодотворного процесса взаимодействия европейской и азиатской цивилизаций, происходящего по модели диалога. Среди первых с обоснованием этой идеи выступил российский историк второй половины XIX века М.О. Коялович в своем известном труде, переизданном в наше время, — «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Рассуждения ученого можно выразить в следующем обобщающем положении: в ходе диалога между Европой и Азией, развернувшегося в пределах России, сложился русский народ как устойчивая общность с оригинальным национальным характером.

Другая теория русского национального характера, подчеркивающая парадоксальную структуру строения его свойств, представители которой тоже принадлежат к кругу евразийцев, имеет широкое распространение в научном мире. Л.Н. Карсавин и А.Н. Бердяев особенно ярко сформулировали эти парадоксы русского характера, выделив стремление к абсолюту как в созидании, так и в разрушении.

Н.С. Трубецкой в работах «Наследие Чингис-Хана» и «О туранском элементе в русской культуре» последовательно изложил взгляд о преобладании азиатского компонента над европейским в русском национальном характере. Отмечая как негативные черты туранской психики (низкопоклонство, готовность к унижению и т.п.), так и позитивные (созерцательность мышления, спокойствие, сочетающиеся со степной удалью), вошедшие в структуру русского характера, Н.С. Трубецкой отдает приоритет последним.. (4) Вопрос о соотношении европейской и азиатской сторон русского характера и их оценке остается наиболее сложным и дискуссионным.

Для современных российских аналитиков евразийства характерно стремление показать евразийство как важное и многостороннее качество русского менталитета, включающего особую близость человека к природе, широту мышления, предполагающую тягу к абсолютному, коллективизм, понимание роли личности как средства достижения общей цели и другое..(2)

Итак, обобщая изложенное выше, необходимо сделать некоторые выводы. Автором тезисов был предпринят опыт классификации подходов к рассмотрению русского национального характера в рамках системы евразийского мышления, не претендующей на всеобъемлющий охват материала. Выделен ряд схем русского национального характера в пределах его евразийского качества (раскрытого учеными): диалоговая схема; преобладания азиатского компонента над европейским; целостное понимание евразийства как ведущего структурного комплекса русского менталитета. В то же время вырисовывается круг проблем, требующих дальнейшего исследования.

Некоторые из них: евразийство, являясь стрессовым свойством русского национального характера, не исчерпывает его анализа; понятия «русский характер» и «российский характер» пересекаются в контексте евразийства и предполагают их уточнение.

В современных условиях евразийское структурирование этничности русских детерминировано новыми трендами развития российского социума: ориентацией на западную цивилизационную модель; усилением миграционного потока из Средней Азии; нарастанием роли евразийской доминанты в формировании социально – этнической общности россиян в целом.

Литература:

1.Бердяев Н.А. Судьба России. М.: изд-во МГУ. 1990. 256 С.

2. Бутенко А.П. Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно – политический смысл // Социологические исследования. 1996. №5, С. 92-102.
3. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры: философско – исторический анализ. М.: Росспэн, 2001. 697С.
4. Ключников С.Ю. Восточная ориентация русской культуры (русский узел евразийства). М. Наука 1997. 438С.
5. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн. Лучи Софии, 1997. 688С.

Дубцова Е. К. (Оренбург)

ЛОКУСЫ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛОТНАХ ОРЕНБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Оренбургские художники советской эпохи в своём творчестве сравнительно редко обращали внимание на такие локусы традиционной русской культуры, как храмовая постройка, литературная усадьба и пр. И это объяснимо: в XX веке особенно заметен интерес к темам революции, гражданских строек, новой жизни, об этом красноречиво свидетельствует замечательный роман «Место действия» известного писателя А.А. Проханова. В «Месте действия» ставится проблема взаимоотношения человека и красоты, природы, человека и техники. В старинном сибирском городке Николо-Ядринске, где должен вырасти огромный промышленный завод, полностью перекраивается жизнь. И, как ни сопротивляется местная интеллигенция, говоря о ценности старинных построек, о храме на горе, о слободах, о дорогах, не приспособленных под самосвалы, наступление комбината не остановить. Гигантская стройка диктует новые условия, дает вакансии рабочих мест, но это – «искушение хлебом». Взамен старожилы должны отказаться от своего уклада, от тишины, а они и хотят и умеют ее слушать.

Ф.И. Козелков – художник, умеющий слушать тишину, видеть красоту традиционных русских локусов – дома в любых его обликах, не «модных» в XX веке: человеческого жилья, литературной усадьбы и ... храма. В сериях его работ «Старые русские города», посвященных усадьбам писателей, прослеживается лейтмотив прогулки, создается идея динамики, это модель выдвигающихся поочерёдно пространства и времени. В произведениях художника рождается мироощущение идиллии.

В своем дневнике Ф.И. Козелков писал, что как творческая личность он сформировался под влиянием произведений С. Есенина, А. Блока, С. Герасимова, И. Грабаря, К. Паустовского, В. Солоухина, В. Стожарова, Б. Домашникова; благодаря этим писателям и художникам у него развилось особое чувство природы. Жанр пейзажа стал ведущим в творчестве Козелкова, тонкого, лиричного художника, знатока творчества С.Т. Аксакова, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева. Не случайно оренбургский искусствовед Л.С. Медведева в ряде своих работ пишет о «литературном пейзаже» Козелкова. Создав в связи с хронологическим принципом градацию оренбургских художников («старшие», «полумолодые», «молодые»), она причисляет данного автора к «полумолодым», так как расцвет его творчества пришёлся на середину-вторую половину прошлого века.¹

Оренбургский живописец создал целые серии работ, посвященных писательским местам, усадьбам, вот некоторые из них: «Грешнево. Музыкантская», «Карабиха. Берёзовая аллея», 1976 год (некрасовские места), «Окрестности Аксакова», 1978 год (аксаковские места), «Пруд в Тригорском», «Михайловское. Золотая пора», «Святые горы. Могила Пушкина», 1970-е годы (пушкинские места), «Ясная поляна», 1971 (толстовские места) и др.

Яркие желто-зеленые цвета преобладают на картине «Пушкинские горы. Первый снег». Зима и яркая осень сошлись на картине, всё представляет сплошной контраст: переходы, нюансы отсутствуют. Однако эта пестрота создает ощущение живости, жизненности: белый, синий и – красный, золотой, зеленый. Тонкая лессировочная живопись позволяет передать настроение цвета: «В ритмах цветовых пятен объемов, линий отражались ритмы поэтических созданий, эмоциональное восприятие художника, ощутившее незримое присутствие духа писателя, поэта в его доме, деревьях, на лужайке».² Безусловно, Козелков не отстранённый наблюдатель-эстет, картины отражают его собственный душевный мир, они психологичны.

Некрасовские места Абакумцево и Карабиха, среднерусская природа, связаны с темой памяти. «Пейзаж. Абакумцево» воссоздаёт вполне привычную для русского человека картину осени: пашня, озимые, оранжевая листва редких на склонах деревьев. Высокая линия горизонта, кучевые белые облака – царит настроение радостного, уютного спокойствия. Это Русь не только некрасовская, но и есенинская и даже бунинская (о чём свидетельствует импрессионистичность полотна).

В произведении «Школа» преобладают всё те же осенние цвета: ярко-оранжевый и зеленый, которые контрастируют с холодными тонами: голубизной неба, двухэтажного строения школы, белизной берёз. А на картине «Музыкантская» контраст еще заметнее. Контрастность, многоцветье – свидетельства неповторимого авторского стиля.

В работах «Аллея в верхнем парке», «Флигель поэта» (Карабиха) доминируют золотой и белый цвет. «Пейзаж» воссоздает картину природы вступительной части поэмы Н.А. Некрасова «Железная дорога»:

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
<...>

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни...

Есть у художника и пейзажи родного оренбургского края, такие как «Хлебное поле», «Ледоход», «Зауральная роща», «Осинки», «На реке Каргалке», нередко сами названия указывают на то, что это оренбургские топосы. В работах заметны левитановские, коровинские традиции.

В сложное атеистическое время Козелков смело пишет пейзажи Новгорода Великого, Пскова, монументальное полотно «Ипатьевский монастырь», создавая серию «Старые русские города». ³ «Фёдор Иванович был чрезвычайно свободным человеком. Я не знаю ни одного художника, который жил бы как он. Делал только то, что хотел делать. Писал только то, что хотел и как хотел», – сказала Л.С. - Медведева на открытии выставки художника 21 февраля 2013 года в Оренбургском музее изобразительных искусств. ⁴

Безусловно, Ф.И. Козелков выделяется среди оренбургских пейзажистов своей эпохи, интересующихся темой храма, церкви. Его полотна передают не только душевные (чувственно-эмоциональные) настроения, но и ощущения более высокого порядка – те, что в православии называются духовными. Отношение художника к теме храма поначалу, может быть, и определялось отношением коллекционера к новым впечатлениям, не будучи связано с вопросом веры, но в итоге

переросло в подлинный интерес. Не случайно в своём дневнике среди ряда писателей, оказавших на него влияние, живописец указывал автора «Черных досок» В.А. Солоухина. Именно этот писатель, уроженец Владимирской области, средней полосы России, в 1960-е гг. одним из первых поднял тему массовой гибели церквей и икон, заговорил о «мерзости запустения», показал читателю красоту традиционных русских локусов.

О религиозном и атеистическом мышлении колхозников 1960-х гг. свидетельствуют и рассказы В.М. Шукшина (например, «Мастер», «Крепкий мужик»): при массовом неверии на деревне сохраняются остатки веры.

«За родником – белый храм,/ Кладбище старое./ Этот забытый край/ Русь нам оставила», – ностальгические интонации этой песни иеромонаха Романа (Матюшина) созвучны интонациям произведений Ф.И. Козелкова, писателей-шестидесятников.

Творческую манеру Козелкова можно назвать лирико-романтической (если не брать во внимание индустриальный пейзаж, хотя и он свидетельствует о сложившемся авторском мировоззрении). Безусловно, ситуация в стране была вовсе не благополучной и не идиллической: сколько заброшенных церквей до сих пор стоят посреди чистого поля, заросшие сорной травой в рост человека. Яркий пример этому – храмы, построенные помещиками Куроедовыми,⁵ родственниками писателя Аксакова, в селе Чуфарове Ульяновской области.⁶ Описание двух этих каменных церквей встречаем в «Детских годах Багрова-внука» С.Т.Аксакова, одного из любимых писателей Ф.И. Козелкова.

В 1970-е годы появляется и работа В.А. Ефарицкого «Санкт-Петербург. Александро-Невская лавра» (1971 год), которая впоследствии, в 1999 году, была подарена художником Оренбургскому музею изобразительных искусств. Картина межсезонья – ранней весны или же, наоборот, поздней осени – не вызывает чувства уныния. Серенькое небо, омытые дождём берёзы, дорога, идущая вдоль Лавры; на этом фоне ярким пятном выделяется жёлтая колокольня. Создаётся ощущение цельности, гармоничности. В тексте явственно прочитывается мотив шмелёвского «Лета господня»: Русь, знакомая, родная, ассоциируется именно с православными образами, но это, к сожалению, не всякий может увидеть и понять.

Замечательны работы отнесенного Л.С. Медведевой в 1980-х гг. к «молодым» художника В.С. Боброва, чьи акварели нередко воспро-

изводят локусы исторического Оренбурга. Например, очень поэтична работа «Набережная. Конец XIX века» (2008 год). Можно отметить композиционную выверенность работ художника, цельность их тонального решения. Талант незаурядный, искомётный, Бобров находит себя и в разных техниках (в создании акварелей, гравюр) и в разных жанрах (широко известны экслибрисы этого автора, отличающиеся изяществом штриха; в экслибрисах отразилось умение художника понять психологию «заказчика», при помощи юмористического приёма передать живые впечатления).

В наше время интерес живописцев к теме храма уже не является чем-то необычным, он становится достаточно традиционным: образ-мотив храма частый на картинах молодых художников. Целая серия произведений оренбурженки О. Нагорной связана с локусом церкви. Широко известна серия картин О. Нагорной, центральный образ которой – снесенный в 1936 году Казанский собор, построенный в неовизантийском стиле,⁷ напоминающий Храм Христа Спасителя в Москве. Среди этих работ выделяются «Казанский собор» (черно-белая гуашь), «Кафедральный собор» (масло), «Казанский собор в рождественский день» (масло).

Замысел цикла отчасти повторяет замысел знаменитого импрессиониста Клода Моне, стремившегося изобразить Руанский собор в разное время дня, освещения, в различные времена года. Безусловно, Моне ставил в первую очередь художественную задачу – изобразить игру света, но при этом время создания знаменитой серии совпало с религиозным возрождением во Франции конца XIX века. Похожая ситуация происходит в России на рубеже XX-XXI веков, потому не случаен интерес к этой теме Ольги Нагорной, интересующейся историей.

В контексте данной работы интерес представляет картина молодой художницы Натальи Акакиной «В цветущем саду Свято-Троицкого собора» (2008 год). Свято-Троицкий собор был выстроен по образцу уничтоженного в Оренбурге Казанского кафедрального собора в посёлке Саракташе Оренбургской области, является его точной копией, хотя и уменьшенной. Полотно получилось эмоциональное, яркое, свидетельствующее о тонком чувствовании художника (автор, по собственному утверждению, придерживается традиций импрессионистской живописи). Однако на сайте artlib.ru помещена несколько странная аннотация к картине, содержащая спорное суждение: «В Оренбургской области не так много замечательных мест,

одним из которых является нам Свято-Троицкий собор в Саракташе. Цветущий сад или поляна погружает меня в райский уголок, который не часто увидишь в России»⁸. Храм возвышается над холмами и деревьями – это вид снизу вверх, – а у подножия холма пестреют красные цветы, напоминающие знаменитые маки Клода Моне.

С начала 2000-х гг. появилось несколько полотен, изображающих Покровскую, Дмитриевскую церкви по пер. Маврицкого, ул. Лукиана Попова: А.Ф. Преснова «Покровская церковь», «Дмитриевская церковь», Г. Волгиной «Весна в Оренбурге», Е.В. Гудкова «Дмитриевская церковь» (эти картины экспонировались в Центральном выставочном зале в 2008 году).

У О. Нагорной, создавшей целую серию картин на темы старого Оренбурга, Дмитриевская церковь показана в разное время года, в различных техниках и ракурсах: во время цветения сирени, после дождя – вид из переулка на фасад; зимой – вид издалека, на первом плане деревянные домики с резными воротами (и крыши домов, и виднеющиеся маковки церкви занесены снегом); есть и графическая работа – вид с улицы Пролетарской.

Храм Дмитрия Солунского в бывшей Новой слободке, подобно многим церквям, пережил тяжёлые времена. Построенный в 1890 году, в 1938 он был закрыт, впоследствии в нём размещался кинотеатр «Буревестник», и лишь в 1990 году его вернули верующим.

Кроме того, представление об Оренбурге как о православном городе на азиатской части России дополняют полотна Нагорной с изображениями Успенского монастыря, Табынской часовни, набережной Урала.

Таким образом, в данной работе мы сделали попытку рассмотреть творчество некоторых оренбургских художников, осмысляющих традиционные образы отечественной культуры (дом, храм, литературная усадьба и др.) в контексте глубокого философского раздумья о России, о её историческом пути и настоящем.

Примечания:

¹ Медведева Л.С. «А сердце оставляю вам...»// Оренбургские новости. – 2013. – 7 мая.

² Там же.

³ Медведева Л.С. Художники Оренбургской области. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. – 200 с.

⁴ Фомина Г. Человек без рамок// Оренбургская неделя. – 2013. – 27 февраля. - №9. – С. 10.

⁵ История села Чуфарова Майнского района Ульяновской области / сост. настоятель Никольского храма священник Игорь Пашенцев. – Чуфарово, 2010. – 17 с. – На пра-
вах рукописи.

⁶ В 2011 году в рамках юбилейных Аксаковских чтений в г. Ульяновске автору ста-
тьи довелось побывать в Чуфарове. Некогда богатое по описаниям село преврати-
лось в маленькую деревушку. Службы ведутся в летней церкви, а в большом зимнем
храме, где проходил молебен о его создателях, – страшные следы разрушения: на
месте окон зияют дыры, на стенах не осталось не только фресок, но и известки, на
крышах растут деревца, и только сохранившийся старинный паркет напоминает о
былом величии собора. Однако нужно отдать должное стараниям местных властей,
настоятелю Никольского храма Игорю Пашенцеву, готовящимся к восстановлению
поруганной святыни. Благодаря стараниям батюшки, местной администрации участ-
ники Аксаковских чтений посадили перед храмом несколько лип. Священник ак-
тивно изучает историю местности, в своих проповедях рассказывает местным жите-
лям о культуре региона и призывает к молитве.

⁷ Смирнов С. Анализ стилей и направлений архитектурного наследия историческо-
го Оренбурга // Гостиный двор. – 1995. – №1. – С.205 – 233.

⁸ <http://www.artlib.ru>

Тарасенко Е. Н. (Оренбург)

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Парадокс, общий для современных российских пьес на рели-
гиозную тематику, заключается в их дисгармоничности. Казалось бы,
именно ощущение гармонии должно рождаться в сознании реципи-
ента после прочтения художественного текста о вере; тем не менее,
обратившись к соответствующим произведениям нынешних лет, мы в
полной мере почувствуем духовную расшатанность их авторов, а за-
одно и свою собственную. Причина коренится вовсе не в провокаци-
онности сегодняшних опусов: драма Александра Володина «Мать
Иисуса» тоже отличается изрядными вольностями по отношению к
Евангелию, но это не мешает ей быть целостной, позиционно чёткой,
концептуально убедительной.

Пьесы на тему веры резко поменяли речевой строй, лад фрази-
ровки: прежде интонация в них была преимущественно квестимной,
то есть вопрошающей, пытливо-познавательной, теперь же она стала
деклатимной – утверждающей, суггестивно-проповеднической. Рели-
гиозная драма приобрела черты эстрадного шоу и без стеснения пользует-
ся тем, что модно, не брезгуя ни хип-хопом, ни клиповым мышле-

нием, ни скабрёзностями. Изготовительница кассовых комедий Надежда Птушкина в пьесе «Овечка» (1) предлагает новое прочтение библейского сюжета о любви Иакова и Рахили, — настолько новое, что становится не по себе. История об умении ждать превращается под её игривым пером в энциклопедию эротических кунштюков, словно писательница перестаралась с просмотром «фильмов для взрослых» и решила поделиться обилием впечатлений. Кроткая Рахиль символизирует в этой драме духовное начало, распущенная Лия — плотское, однако мысль о победе истинной любви над телесными соблазнами тонет в пучине откровений, которые изложены с претензией на архаику, но сверхсовременны по своей коммерческо-эпатажной направленности. Пальму первенства в деле переноса религиозной проблематики на сцену, несомненно, следует отдать Ивану Вырыпаеву. Иркутский самородок, молниеносно покоровивший столичную публику, он един в нескольких лицах: актёр, режиссёр, руководитель театра «Практика» и драматург, скоморох, циник и романтик-разрушитель, в пугающей форме говорящий о гуманизме, играющий на самом болезненном, балансируя, как и его герои, на краю бездны.

Сочинение, названное «Бытие 2», получило доступ к подмосткам благодаря Вырыпаеву, но фактическим автором является учительница математики, впоследствии пациентка психиатрической больницы Антонина Великанова (диагноз — острая шизофрения). В реальность этой персоны поверили далеко не все критики; многие предположили, что перед нами мистификация, поскольку Иван чересчур настойчиво рассказывал повсюду о своей переписке с несчастной и о том, что сборы от спектаклей достаются ей, а не артистам. Вырыпаев расширил исходный материал пьесы за счёт введения в неё третьего персонажа — пророка Иоанна, гармониста, певца и юродивого. Но его фигура лишь оттеняет конфликт главных героев: жены Лота из уничтоженного Содома, которую тоже зовут Антонина Великанова, и Бога по имени Аркадий Ильич (назван так в честь врача-психиатра), причём Творец предстаёт скептиком, советуя, например, постичь смысл понятия «дух» следующим образом: «Вскрой могилу твоего отца и принюхайся». По тексту щедро разбросаны афоризмы: «Ответ на вопрос о себе самом можно услышать только от себя самого», «Нет никакого Бога, поверь, это же я сам тебе говорю, Бог твой», «Нельзя любить отца только за то, что он твой отец», «Я пророк в своём отечестве, не знаю, чего хочу», «Если ты веришь в Бога, это ещё не означает, что Бог верит в тебя», «Слёзы и сны текут по щекам оттого, что нет при-

чин для слёз и снов». Полемика небесной силы и земной слабости выражается не только в острой пикировке, но и в обмене монотонными, предельно краткими репликами: восемь раз подряд Бог, произнеся «да», слышит в ответ упрямое «нет» от жены Лота.

Это очень страшная пьеса. Хотя бы потому, что в ней наглядно показан утраченный разум прекрасного человека, талантливого, трудолюбивого и честного. Антонина отчаянно цепляется за ещё не тронутые распадом воспоминания: за поразивший её облик эффектного курсанта, идущего вдоль кремлёвской стены, за обойму теорем, крепко засевших в преподавательском мозгу. Но Создатель удаляет из памяти женщины и юношу, и научные знания. Жуткий образ мокрой тряпки в божественных руках, безжалостно стирающей всё существующее, словно со школьной доски, обусловлен, конечно же, профессией героини. Когда сгнули и алгебра с геометрией, Антонина хватается за последний аргумент, связанный с искусством; она вспоминает акварельные размывы, жёлто-зелёные пятна, когда-то восхитившие её необычной колористикой: «Эти пятна мне дороже всего. Их нельзя стирать, пускай лучше сотрут моего отца и всю его родню, всё равно они рано или поздно уничтожат сами себя». Незабываемые цветковые переливы страдаллица называет «пятнами моего смысла», но Бог сотрёт и их.

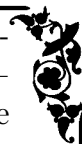
Произведение Вырыпаева и Великановой ранит читающего диким симбиозом чуши и мудрости, бреда и здравого смысла. Антонина, которая однажды шла домой вся залитая кетчупом — якобы для того, чтобы отпугнуть маньяков, резонно произносит: «Насилие кетчупом не остановишь. Иначе весь мир был бы залит кетчупом, а не кровью». Аркадий Ильич рассуждает в манере своих пациентов: «У любой рыбы спроси, дура она или нет? И любая рыба, даже самая последняя рыба-дура, скажет тебе, что она умная. Даже рыба-проститутка скажет тебе, что она самая умная рыба-проститутка на земле. Но рыба — дура! И в этом ты можешь не сомневаться. И рыба — проститутка, в этом ты тоже можешь не сомневаться. Рыба — это Содом и Гоморра! А Содом и Гоморра — это глупость и проституция в одном лице». И совсем уж бесподобен диалог помешанной и Творца о безумии:

ЖЕНА ЛОТА. Да, к сожалению, сойти с ума окончательно не так уж и просто.

БОГ. Практически невозможно.

ЖЕНА ЛОТА. А очень хотелось бы.

БОГ. Мечта всей моей жизни.

Тяга Вырыпаева к цитированию Библии проявляется в его работах постоянно. «В начале было всё, и всё было внутри головы», — это отсылка к начальным строкам Евангелия от Иоанна («в начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог»). Восхваление продажной женщины в отдельных фрагментах напоминает «Песнь песней» Соломона, только с ещё более гротескной образностью: «Эх, Марина моя — как бита для игры в городки. Колени Марины — звёзды!»; библейское «ищите и обряцете» (или, в советском пересказе, «кто ищет, тот всегда найдёт») получает внезапное продолжение: «А кто ничего не ищет, тот найдёт пустоту и дрянь».

Угасающее сознание Антонины отправляет миру прощальные послания. «Я смотрю вверх и вижу, что я маленькая фигурка на клочке красной материи, — пишет Вырыпаеву и всем нам надорвавшая свой интеллект работяга. — Я стою на клочке красной материи. Я вся из красного цвета. Моя жизнь проходит капля за каплей, я стою на клочке ткани и жду. Мне сказали, — стой здесь, и пусть на тебя посмотрят. И вот я стою, и вот все смотрят на меня, ждут от меня смысла, а я просто стою — и всё. Иногда так важно просто стоять — и всё». В моменты наивысшего безумия у неё возникает ощущение полёта, со дна памяти всплывают детские мечты стать космонавтом и совершить путешествие на Солнце, «потому что, если уж лететь, то лететь до конца». И мы начинаем понимать, что с обернувшейся к пепелищу женой Лота героиня отождествляет себя неслучайно.

Не оглядывайся назад, там, позади тебя,
Кроме стёртых с лица земли городов, больше ничего нет.
А я хочу посмотреть! Хочу оглянуться и посмотреть.
Я знаю, что там, кроме стёртых с лица земли городов,
Есть что-то ещё.
Я только потому ещё и живу среди всей этой глупости,
Что знаю,
Как и многие, не все, но многие знают,
Что есть в мире, кроме всего прочего, что-то ещё» (2).

«Бытие 2» — произведение менее знаменитое, чем созданные тем же автором и в той же драматургической технике «Кислород» или «Июль»; может быть, оно осталось лишь «широко известным в узких кругах» потому, что ему, как это ни странно звучит, недоставало эпатажности. Действительно, на фоне «Июля», где главный герой — маньяк-каннибал — обращаясь к Всевышнему, долго и подробно повествует, кого и как резал, потрошил и ел, пронзительная история Ан-

тонины Великановой выглядит гуманно, духоподъёмно. Трагедия безумной учительницы изложена гораздо более выразительным и чистым языком, хотя находиться в рамках цензурной лексики Вырыпаев, кажется, не в состоянии, даже пророк Иоанн — и тот под гармошечные наигрыши изрекает у него массу непристойностей. В «Июле» авангардист окончательно отпускает вожжи, в результате чего боготорческий текст приобретает тошнотворное звучание (не следует забывать, что по авторской прихоти монолог самца-изверга предписано произносить женщине).

Полина Агуреева, облачённая в длинное чёрное платье, выговаривает фразы, кишасие матом и кощунством, так, словно она исполняет оперную партию: мелодично, с продуманной ритмикой, с голосовыми переходами и малой долей внимания к семантике. После особо сложных пассажей актриса отпивает воду из чашки и переводит дух, отирая губы; по отрешённой улыбке исполнительницы невозможно понять, пытается ли она подавить своё омерзение или, напротив, ей всё нравится. Если бы пьеса сочинялась на семь лет позже, драматург рисковал бы подпасть под закон об оскорблении чувств верующих, в частности за эпизод зверской расправы бродяги-людоеда над молодым священником, приютившим его. От смрадной атмосферы «Июля» без преувеличения разит адом.

Вырыпаевские тексты, по словам Дины Годер, «катятся на зрителя, как кипящая смола, — не увернёшься» (3). Пьесу «Кислород» роднит с «Бытием 2» формальная изощённость, порой виртуозность; перед нами диспут, выдержанный в стилистике рэпа. Структура драмы ориентирована на куплетную форму, но есть и припевы-лейтмотивы, и словесная дуэль, которую ведут Он и Она — влюблённые, носящие одно на двоих имя Саша. Фабула такова: женатый мужчина, потеряв голову от нового чувства, убивает супругу и далее непрерывно оправдывается. Криминальные действия он мотивирует тем, что с немислимой силой возжаждал кислорода: в скучной и покладистой жене этой благодатной субстанции не было, а рядом с рыжеволосой, зеленоглазой, раскованной, неуправляемой подругой в льняном платье и простецких сандалиях дышалось легко.

Автор с вызовом защищает преступника: «Кто осудит его за этот поступок, тот либо никогда не любил, либо никогда не задыхался, впрочем, любовь и удушье суть одно и то же». Почерк драматурга узнаётся в фирменном сочетании богохульства и правдоискательства, в широком использовании библейских цитат и бесстыдным названием всего

своими именами, в демонстративной неполиткорректности, в стремительном перескакивании от высокого к низкому и обратно. Опостылевшая главному герою женщина убита ударом лопаты, метафоры тут ни к чему, но Вырыпаев уже не может остановить словесную лавину: «А в каждом человеке есть два танцора... Два лёгких танцора. Два лёгких. Правое лёгкое и левое. Лёгкие танцуют, и человек получает кислород. Если взять лопату, ударить по груди человека в районе лёгких, то танцы прекратятся». Евангельские мотивы здесь буквально затёрты до дыр, так часто они звучат; тем не менее, проистекает из них всякий раз нечто будничное и малопривлекательное. И коль со сцены прозвучало «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», значит, далее нас ожидает бытовая зарисовка: мужчина бьёт по щеке девушку Сашу, а та уходит на кухню и возвращается уже с ножом. Ничего христианского не предвидится и в следующую секунду: «И так сильно ударил он её по другой щеке, что у неё кровь потекла из носа весенним ручьём. Стремительным весенним ручьём, только красным и во время зимы» (4).

Начиная каждый куплет этой длиннейшей рэп-композиции с оглашения чеканной заповеди, Вырыпаев постепенно втягивает в творческую орбиту едва ли не все заметные факты личной и общественной жизни. Теракт в Нью-Йорке, наводнение в Сибири и фото Анны Курниковой соседствуют у него с Достоевским, Ниной Чавчавадзе и афоризмом «Только безумной любовью можно оправдать безумную ненависть и наоборот». Подобно тому, как в «Бытии 2» действие вращалось вокруг поисков «чего-то ещё», в «Кислороде» центром притяжения мыслей является формулировка «для главного». «Для главного учёные совершают открытия и бандиты расстреливают из автомата табачный ларёк... Для главного презираешь своих родителей и бьёшь по лицу своего ребёнка... И любишь, и ненавидишь, и убиваешь только ради главного на земле... И нищим отдаёшь последние гроши, и политикой интересуешься, и вены вскрываешь». Главное, как выясняется далее, — совесть, но убийца Александр, расправившись с женой, восторженно плясал, не терзаясь ничем, а цитаты из Книги Книг на протяжении пьесы тасуются, словно карты в умелой шулерской руке.

Религиозные драмы Ивана Вырыпаева — это конгломерат всех теологических и этических проблем начала двадцать первого столетия, взвихренная смесь пороков и фобий современного человека. В калейдоскопической яркости данных текстов настораживает отсутствие

«чёрного» и «белого», то есть понятий о грехе и праведности, но такая тенденция уже не первый год свойственна миру в целом.

Примечания:

1. http://www.theatre.ru/drama/ptushkina/ovechka_1.html
2. <http://www.vyrypaev.ru/scenariy/22.html>
3. http://www.smotr.ru/2006/2006_praktika_july.htm
4. <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html>

Прончатова Е. Г. (Оренбург)

КОНЦЕПТ «БУДУЩЕЕ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ГОРОДА ОРЕНБУРГА

Наша исследовательская работа посвящена анализу лексической репрезентации фундаментального концепта языковой картины мира – ВРЕМЯ.

Познание данного концепта осуществляется через анализ его языковых репрезентаций. В составе многослойной структуры выделяются даты фактов и событий, даты свершившихся фактов, отрезки времени будущего действия, отнесённость к конкретной временной точке (времени года, суток), протяжённость событий во времени, следование и предшествование событий.

Объектом исследования стали рекламные тексты периодических изданий Оренбурга: газеты «Айкап», «Вид на город», журналы «Планета 56», «Дара», «Люди и вещи», а также реклама на баннерах и стендах города.

Идея времени тесно связана с понятием динамической смены состояний. Действительно, время мыслится нами как однонаправленный вектор, передающий графический аналог непрерывного смещения временных планов (прошедшего, настоящего и будущего). Любое событие обозначено на структурированной временной оси с четко обозначенными моментами прошлого, настоящего и будущего. В современных рекламных текстах доминирующим является образ реального времени, конкретного или обобщенного в зависимости от цели рекламодателя и выбранных аргументов.

Связь концептов Будущее и Время обнаруживается на уровне дефиниций: Будущее - 1) предстоящее время; совокупность ожидае-

мых событий; 2) время и события, следующие за настоящим. *Счастлирое будущее. Думать о будущем.*

Ядро концепта составляют слоганы с лексемой БУДУЩЕЕ, на периферии концепта располагаются *завтрашний, скорый, следующий.*

Арбидол, препарат для профилактики и лечения гриппа и ОРВИ. У гриппа нет будущего. Бытовая техника Hoover. Поколение будущего. Goldstar (менерь LG Electronics). Будущее обретает реальность. Растительная косметика Ив Роше - Yves Rocher. Тайны будущего в сердце природы. Ворота в Будущее. XXII Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году. Автомобиль со взглядом на будущее. OPEL Insignia. Будущее приходит в дом. SIEMENS бытовая техника. Лондон 2012 заправляет будущим. BP, нефтяная компания, слоган спонсорства Олимпийских и Паралимпийских игр в Лондоне.

Реклама официально является важным средством пропаганды среди населения отличительных качеств современного образа жизни, в основе лежит *идея прекрасного будущего.* Будущее связано с надеждами, оно является следствием дня сегодняшнего. Связь настоящего и будущего подчеркивается через темпоральные лексемы *уже сегодня, уже сейчас.*

Будущее сейчас. INDESIT Moon, стиральная машина. Прикоснись к будущему. Живи с опережением. Будущее – сегодня. LEXUS RX 450h. Loreal Будущее начинается сегодня. LG OPTIMUS технологии будущего уже сегодня.

Суггестивные приёмы воздействия на адресата открыто призывают к решительным действиям. Чаще всего побуждение выражается глагольными формами 2 лица единственного и множественного числа повелительного наклонения. *Инвестируйте в будущее с надежным партнером. СБЕРБАНК. Смотри в будущее. Живи с опережением. Устремленный в будущее. LEXUS RX 350. Пенсионный фонд Российской Федерации. Всё о будущей пенсии. Для учёбы и жизни. Узнай больше и действуй! Какой будет твоя пенсия, зависит от тебя!*

Для XXI века характерно стремительное изменение событий, желание не отстать от времени, жить «в ногу со временем». То, что ново сегодня, может быть устаревшим уже завтра. Переход настоящего в будущее носит динамический характер. Причём настоящее — это область непосредственного переживания времени. Реальность ощущений в настоящем служит человеку гарантом реальности времени. Однако настоящее всё чаще растворяется в скором будущем. *Покорив настоящее, он приближает будущее. AUDI A8.*

Опередить настоящее просто. Для того, кто сам – часть будущего. AUDI Q7. «Настоящая вода», бутилированная питьевая. Ваше Настоящее и Будущее. Живя настоящим, думай о будущем! Оренбургский негосударственный пенсионный фонд Доверие.

По данным Русского ассоциативного словаря (РАС) на слово-стимул *будущее* наиболее частотным из слов-ассоциатов является слово *светлое*. Значительно реже словами-реакциями являются лексемы *наше, неизвестно, впереди, время, прекрасно, за нами, вдалеке, моё, неопределённость. Бренд Добрый. Вместе в доброе будущее. Ваша будущая пенсия с плюсом. Программа государственного софинансирования пенсии.*

Образы прошлого, настоящего и будущего выполняют жанро-образующую функцию, так как для «речевого жанра существенны предшествующий и предыдущий эпизоды речевого общения» [1, 24]. Сама реклама нацелена на будущее – на совершение необходимого поступка: покупку товара, участие в акции.

Слоганы с ориентацией на будущее можно разделить на две большие группы. В состав первой группы входят рекламные тексты с **указанием определённой даты** в ближайшем или отдалённом будущем. Чаще всего временной промежуток включает период действия кратковременных или долговременных акций, конкурсов и поощрительных мероприятий для потенциального покупателя. *Весенние соблазны в Рив Гош с 10 по 31 марта. Купи два продукта Мэйбеллин Нью-Йорк и получи один из гарантированных подарков – браслет, косметичку, кружевной ободок или сумочку. С марта по октябрь активно покупай продукцию Мэйбеллин Нью-Йорк в магазинах Рив Гош и получите шанс поехать на Неделю моды в Нью-Йорк с подружкой или другом. Итоги будут подведены в ноябре 2011 г.*

COSMOPOLITAN представляет конкурс «Ломаем стереотипы». Всегда жить по правилам – что может быть скучнее? Попробуй выйти за рамки! Пришли нам свою историю о том, как тебе удалось преодолеть стереотипы, и выиграй приз – путешествие на двоих на Бали! Конкурс проводится в период с 15 февраля по 15 марта 2011 года.

Вторая группа представлена рекламными текстами, **ориентированными на результат**, ожидаемый покупателем. Рекламодатель указывает временной интервал применения средства.

Инновационное средство для роста ресниц и бровей. Кондиционер Advanced Lash: ресницы длинные без наращивания, а взгляд вы-

разительней без макияжа. Просто пользуйтесь средством **ежедневно** после снятия декоративной косметики. Наносите тонкой линией у основания верхних и нижних ресниц (или бровей) одним движением, **один раз в день**, предпочтительно перед сном. **3-4 недели использования Advanced Lash** и вы станете обладательницей длинных и густых ресниц!

Открытие Vichy. **Технология** восстановления кожных тканей: восстанавливает все слои кожи **уже через 10 дней** использования. NEOVADIOL Gf. Эффективность в 3-х зонах, доказана под контролем. **Инновация для женщин** в период менопаузы.

Укус змеи предотвращает морщины! Новый vipertox: останавливает сокращение лицевых мышц, ведущих к образованию морщин, до 82% **в течение 2 часов** после нанесения! Сокращает проявление глубоких сформировавшихся морщин до 52% **за 28 дней!** **Мгновенно** укрепляет, подтягивает и приостанавливает преждевременное старение кожи. Новый vipertox гарантирует меньше морщин **уже к следующим выходным, в следующем месяце и в следующем году!**

Крем NIVEA Visage Q10 PLUS разглаживает мелкие **морщины уже через несколько часов** после нанесения. Чтобы справиться с мимическими и глубокими складочками, этим средством нужно пользоваться **ежедневно в течение 4 недель**. Кроме того, дневной крем NIVEA Visage Q10 PLUS содержит SPF15 и надёжно защищает кожу от UVA- и UVB-лучей.

Негосударственный пенсионный фонд электроэнергетики. **Жить легко! Когда уверен в будущем.** Более 700 000 человек доверили НПФ электроэнергетики управление накопительной частью своей будущей пенсии. К сожалению, сегодня государственная пенсия чрезвычайно мала по сравнению со средней заработной платой по стране. Как правило, люди, достигнув пенсионного возраста и привыкнув к определённому достатку, вынуждены на пенсии ограничивать свои потребности. Однако ситуацию можно изменить, потому что **уже сейчас** вы можете позаботиться об увеличении накопительной части вашей **будущей пенсии**.

BMW i8 Concept Spider. **Добро пожаловать в будущее. Сегодня.** Мы конструируем мечты. Генерируем впечатления. **Мы разбираем будущее** на детали. И собираем из них инновации. Мы делаем всё, чтобы Вас не покидало чувство... Чувство удовольствия от вождения.

В приведенных примерах чёткое указание на временные координаты настоящего и будущего способствует повышению эффективности рекламного сообщения. А частотность употребления лексем *технологии, инновации* служит маркером XXI века в целом.

Антропоцентризм рекламы объясняется тем, что в фокусе рекламного взаимодействия и воздействия находится человек. Адресат должен воспринять аргументы таким образом, чтобы совершить определенные действия, выгодные адресанту [2, 32]. Спецификой средств авторизации и адресации в современных рекламных текстах является «ты-адресация»: *Мегафон – Будущее зависит от тебя*. Функционирование местоимения «ты» мотивированно положительными эмоциями и неофициальной обстановкой. Адресант носит персонифицированный характер. Доминирование над «вы-адресацией» полностью не исключает её. *Защищенные ноутбуки Панасоник (Panasonic Toughbook). Будущее в ваших руках! Компьютеры Формоза (Formoza). Если вы думаете о будущем*. Широкое распространение за последнее десятилетие получили рекламные тексты с местоимениями 1 лица множественного числа, 3 лица единственного числа. *Мы строим будущее. Квартиры в микрорайоне «Степные просторы»; 15 лет мы помогаем своим клиентам создавать будущее. Сбербанк России*.

Таким образом, в качестве «творца» будущего выступает либо потенциальный покупатель, либо рекламодатель. В исключительных случаях «товар» и объект реализации: *Он создает будущее таким, каким хочет его видеть. AUDI A8 (автомобиль – создатель будущего)*.

Тексты последних лет характеризуются употреблением кратких языковых единиц, интенсивной демократизацией языка, которая привела к широкому использованию кратких узко-разговорных конструкций. Для настоящего времени характерны простые предложения, не отягощающие восприятие, краткое описание товаров и услуг, присутствие положительной коннотации. Количественный анализ рекламных текстов показал, что наиболее распространенным жанром остается коммерческая реклама, затем социальная и политическая.

Примечания:

1. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст]/ Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов: Изд-во «Колледж», 1997. – С. 88 –98.
2. Миронова, А.А. Русская реклама в аспекте диахронической стилистики [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Миронова А.А. – Челябинск, 2011. – 49 с.

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБРАЗА РУСИ/РОССИИ РУССКИМИ ПОЭТАМИ XX ВЕКА

Русская литература во все времена отличалась своим особым, религиозным, характером миропонимания и отображения действительности. «Православная по своему духу», она «задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих», «была (воспользуемся гоголевским образом) «незримой ступенью» ко Христу и отразила то испытание веры, которое совершалось в жизни народа и отдельного человека» [1, с. 1 - 2]. Эта мысль находит своё подтверждение в русской поэзии XX века.

Идея мессианской роли России в мире, а также восприятие революции рождает в поэзии начала XX века христианские гештальты исследуемого локуса. В.Ю.Прокофьева отмечает прежде всего образы России-Христа и России-Мессии, возникающие в творчестве А.Блока и А.Белого [2, с.5-6], а также «женский вариант» библейской персонализации в творчестве С.Есенина «то в образе воплощенности божественного промысла, обретающей новую жизнь в очистительной гибели: Гибни, Русь моя, Начертательница Третьего Завета! (Сельский часослов), то ...в избраннической ипостаси Пресвятой Девы-Богородицы, несущей миру нового Христа, возвещающей откровение нового мира: О Русь, приснодева, Поправшая смерть! (Пришествие)» [3, с.7]. Гештальт *Россия-Божья мать* отмечен нами и в поэзии 1980-х годов, однако в данном случае он несколько теряет свою высокую стилизованную окраску и семантически приближается к гештальту *Россия-женщина, баба*:

Я уйду... Эх, белые берёзы!

Эх, моя Россия! Божья мать!

Дай тебе я вытру бабьи слёзы.

(Ю.Кузнецов. Бабьи слёзы).

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что гештальт *Россия-Христос, Россия-Мессия* отличается достаточной частотностью в русской поэзии на всём протяжении XX века. Так, Серебряный век представляет как конкретизированный вариант данного гештальта (А.Белый. Родине, 1917), так и неконкретизированный, лексически эксплицируемый в тексте с помощью апелляций к библейским сюжетам и образам:

*Светлая заутреня
Расторгла сумрак жизни тесной
Русь, вся распятая в былом,
И в час Заутрени Воскресной
Поет вселенский свой псалом!*

(Ю.Балтрушайтис. *Светлая заутреня*, 1917).

Сходный способ текстового воплощения упомянутого гештальта отмечаем в стихотворении Б.Корнилова «На Керженце» (1927):

*И на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
На медном прибита.*

Следующая фиксация гештальта *Россия-Христос, Россия-Мессия* приходится на годы Великой Отечественной войны. Необходимо отметить однако, что в данный и последующие, вплоть до конца века, периоды в силу идеологических причин поэтический дискурс чаще всего использует опосредованные способы реализации данного гештальта: фразеологизмы «нести крест», «терновый венец», имеющие библейские корни: *В годину испытаний, / В боях с ордой громил, / Спасла ты, заслонила / От гибели весь мир./ Сурово и достойно / Несла свой тяжкий крест...* (М. Исаковский. *Слово о России*, 1944); *Я люблю Тебя любовью новой, / Горькой, всепрощающей, живой, / Родина моя в венце терновом, / С темной радугой над головой.* (О.Берггольц. 1941).

Собственно лексема *Мессия* в советский период появляется лишь в стихотворении О.Охупкина «Санктъ-Петербургъ» (1973) в достаточно неожиданном лексическом окружении: наряду с лексикой книжной, высокой используются слова, характерные для воровского жаргона:

*Ходасевич, Кузмин, Гумилев, Мандельштам...
И Эриния с ними — Ахматова... Ах!
Я еще там кого-то забыл впоныхах...
Но довольно и этих. Стихия, стихай!
Эх, Россия, Мессия... Кресты, вертухай.*

Активное использование гештальта *Россия-Христос, Мессия* наблюдается в поэзии конца века, что вполне закономерно объясняется социокультурными, идеологическими, историческими измене-

ниями, происшедшими в стране. Как правило, гештальт семантически связан с библейским сюжетом предательства и последующего распятия:

*И, не зная, какой катастрофой
обернутся деяния те,
рать Россию введёт на Голгофу
и распнёт, как Христа, на кресте.*

(А.Росков. Пророчество, 1990).

*Какая неожиданная грусть —
На склоне дней подсчитывать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времён иуды и пилаты.*

(С.Куняев. 1991).

*Радуйтесь, когда кругом все плачут,
Что Россия гибнет на кресте.*

(Ю.Ключников. 1996).

Несомненно, библейские мотивы слышатся в поэтических фрагментах, содержащих выражение *душа России*:

*Так погибал Великий Сиг,
Заставкою из древних книг,
Где Стратилатом на коне,
Душа России, вся в огне,
Летит по граду, чьи врата
Под знаком чаши и креста.*

(Н.Клюев. Погорельщина, 1926).

*И, рыдая о милых близях,
В заревой конопель и шелк
Душу Руси на крыльях сизых
Журавлиный возносит полк*

(Н.Клюев. Нерушимая стена, 1929).

Текстовое воплощение гештальта в данном случае неизменно семантически связано со стихиями воздуха, огня, с мотивом полёта.

Поэтический дискурс 1990-х годов демонстрирует имеющий ветхозаветные корни гештальт *Россия-Авель*, реализуемый в тексте опосредованно через семантическую связь с библейским образом Каина:

*За жалкие души развалины
Я никого не прокляну,
А по России бродят Каины.*

Убившие мою страну.

(А. Чирков).

Завершая анализ библейских гешталтов локуса *Россия*, приходим к выводу о том, что таковые фиксируются в поэтических фрагментах на протяжении всего XX века, при этом активизация в их использовании закономерно приходится на наиболее трагические периоды в жизни России.

Литература:

1. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX веках. – Престиж, 2003.
2. Прокофьева, В.Ю. Русский поэтический локус в его лексическом представлении: на материале поэзии «серебряного века»: моногр. / В.Ю. Прокофьева. СПб: РГПУ, 2004. - 154 с.
3. Воронова, О.Е. Эпитеты к слову «Русь» в поэзии С. Есенина /О.Е.Воронова // Русская речь. 1996. № 2. С. 3 – 7.

Соколов А. И. (Оренбург)

**ФРОНТ И ТЫЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКОВ
ОРЕНБУРЖЬЯ**

Немало книг написано об истории Оренбуржья; со времен славного губернатора Ивана Неплюева ведётся летопись нашего края. В нашем крае побывали многие известные творческие личности, найдя пристанище, получив пищу для раздумий, вдохновение. Подобно всей стране, край переживал страшные лихолетья, это и кровавые годы гражданской войны, и время Великой Отечественной войны.

«По призыву партии весь народ поднялся на борьбу с врагом. Советские художники также почувствовали себя мобилизованными и призванными своим искусством служить народу, помогать ему в смертельной схватке с врагом».¹ Среди известных советских художников, писавших картины о войне, выделим П.А. Кривоногова (с его бессмертными работами «Защитники Брестской крепости», «Победа», «На Курской дуге» и т.д.), трио Куприянов, Крылов, Соколов, писавшее под псевдонимом «Кукрыниксы», широко известное своими «кариатурами-смешилками» (например, комичное изображение фюрера на карикатуре «А. Гитлер: Потеряла я колечко»), А.А.Дейнеку (самые драматичные работы А.А.Дейнеки, согласно единодушным при-

знаниям искусствоведов, – «Окраина Москвы», «Оборона Севастополя»). Безусловно, широкую известность приобрели и знаменитый плакат И.М. Тоидзе «Родина-мать зовёт!», и картина художника Ю.М. Непринцева «Отдых после боя».

О том, какими должны быть произведения о войне: грустными или веселыми – задумывались еще искусствоведы-критики периода Великой Отечественной войны. Безусловно, они появлялись разные, это хорошо видно на примере литературы: заставляющее содрогаться от гнева и боли стихотворение «Священная война» В.Лебедева-Кумача; торжественно-звучное, чеканное «Мужество» А. Ахматовой; исполненное надежды, драматичное «Жди меня» К.Симонова; и – мажорные, светлые «На солнечной поляночке», «Ехал казак воевать» А.Фатьянова. Знаменитый герой А.Т.Твардовского Василий Теркин хорошо знаком с войной, но в его нелегкой жизни есть и надежда на хорошее, и солдатская дружба, и любовь к Родине. Темы поэмы Твардовского, невыдуманные, пережитые автором, были близки сердцу каждого солдата; поэму замечательно проиллюстрировал О.Верейский.

О том, что на войне есть место не только грусти, свидетельствует картина Ю.М. Непринцева «Отдых после боя». Бойцы и командиры, расположившиеся на привале, рассказывают байки, хохочут; контрастное цветовое решение картины (белый снег – серо-зеленые ели, шинели, красноватые приклады винтовок) создает настроение бодрости. Настроение картины созвучно настроению песни А.Фатьянова и В.Соловьева-Седого «На солнечной поляночке».

Тема войны часто отражается на полотнах оренбургских художников, а также тех авторов, которые в годы войны жили в нашем крае. Интересно, что современный оренбургский исследователь Е.К.Дубцова пишет в своих работах о важности привлечения картин оренбургских художников на уроках литературы в школе и в вузе, в частности ссылаясь на Ф.И.Буслаева, подчеркивающего, что с произведениями искусства необходимо знакомиться в первую очередь в подлинниках. Так, тему картины оренбуржца Г.К.Турова «Память материнская» можно обозначить поэтическими строками Н.А.Некрасова «Внимая ужасам войны». «Главную мысль в картине передает цвет. Мать, с бесильно опущенными руками, скорбно сжатыми губами, стоит на грани буро-зеленой дороги и расстилающегося вдали небесно-синего пространства, а память рисует ей детей, погибающих в буро-коричневом аду. Что делать ей со своей памятью, куда уйти?»².

Попытаемся разобраться в том, какой видели войну художники Оренбуржья, почти без исключения представлявшие соцреалистическое направление. Широкой публике, в частности молодежи, незнакомы фамилии очень многих известных оренбургских авторов.

С 1964 года в Оренбурге жил Виктор Трофимович Ни, уроженец Тюмени. Сороковым годам двадцатого столетия посвящена его трилогия: «Проводы. 1941 год», «Освобождение» и «Возвращение». Можно выделить и картину «Вернулся солдат с войны» 1977 года, особенность которой определяется использованием приема контраста. Усталость солдата, сидящего на повозке и держащего ребенка, тяжелым взглядом смотрящего вперед, оттеняется радостью женщины, нежно положившей руку на плечо мужа. Она понимает его чувства, но радость ее еще сильнее – героиню не угнетают напряженные взгляды собравшихся вокруг сельчан. А те то ли ждут от солдата вестей, то ли пытаются хотя бы насладиться чужой радостью. Фигуры сельчан вместе с высокими деревьями образуют полукольцо, благодаря чему произведение приобретает значение эпического полотна. Данное произведение удивительно перекликается со стихотворением фронтовика-оренбуржца А. Возняка «Возвращение»: «Вернулся. Дома рады без конца. / А сын забыл. Он шепчет: «Дядя-папа» – / И плачет на коленях у отца». Умение показать сложные и смешанные чувства свойственно В. Ни, не случайно в своей книге «Художники Оренбургской области»³ Л.С. Медведева особенно подчеркивает величину дарования В. Ни. Безусловно, художник-романтик пишет в рамках соцреалистического канона, подобно упоминавшемуся уже А. Дейнеке, формируя иллюзию идеально построенного государства. Романтические стилизации Ни тем не менее интересны и с точки зрения техники работы, и как способ формирования мировоззренческих установок.

Строго и лаконично пишет о быте участников войны заслуженный художник СССР Н.К. Салимзянов. В «Партизанском натюрморте» деталей немного: коробка спичек, полевая сумка для документов, армейский котелок с оставленной в нем ложкой да потушенная керосиновая лампа. Все эти предметы размещены на деревянном, не накрытом скатертью столе, на фоне окна без занавески. За окном зимний лес, четко видна еловая пушистая лапа. У стены в ряд стоят легендарные «трехлинейки», винтовки системы Мосина. Автору удается показать суровый партизанский быт, нисколько не напоминающий уют домашнего очага.

Н.С. Ерохин изобразил портрет участника гражданской и Великой Отечественной войн М.С. Зайцева в праздничных, радостных тонах. Эта картина является еще одним подтверждением того, что на

тему войны можно писать в светлых тонах. Седовласый ветеран, центральный персонаж, улыбчив, радостен, его китель увешан медалями. Солнечный свет падает на лицо состарившегося бойца, что придает картине лучезарность и тепло.

Художник из Москвы, в 1965 году переехавший жить в Оренбург, Вячеслав Федорович Просвирина также уделял внимание теме войны. Его картина «От Советского информбюро» передает иное видение тылового быта. Война отняла у самого художника родного человека, и эта боль отразилась в произведении. Полотно ярко передает напряжение, тревогу, волнение людей, собравшихся вокруг динамика. Динамик вещает о последних новостях с фронта, одна из женщин внимательно всматривается в прибор, «быть может, промелькнет какая весточка о родимом человеке»... На стене позади неё висят две фотокарточки, на одной из которых изображен человек в форме – вот о нем-то и переживают женщины. Работа выполнена в серо-коричневых тонах, ее смысловой центр сосредоточен вокруг стола, а персонажи, женщины и дети, располагаются вокруг него. Старшие смотрят сосредоточенно, их лица серьезны, со сдвинутыми к переносице бровями.

Особая творческая манера у народного художника Н.П. Ерышева, к числу работ которого относится «Май сорок пятого». Художник собственными глазами видел войну со всеми ее лишениями и тяжестью. Отец маленького Николая ушёл на фронт, его же с матерью и сестрой оккупационные власти выгнали из дома (оренбуржец Н.П. Ерышев – уроженец Краснодарского края), и они долгое время жили в землянке. Питались тем, что удастся раздобыть, будущий художник своими глазами видел вереницы пленных, бомбежки и смерти. В 1962 году Н.П. Ерышев переезжает в Оренбург, где и начинается его творческая деятельность. В 1969 году он пишет картину «Май сорок пятого», ставшую одной из самых удачных и знаменитых. Картина на первый взгляд проста, но, если приглядеться к ней внимательно, она может оставить в душе человека след, произвести очень яркое эмоциональное впечатление. В комнате стоит женщина в красивых туфлях, платье, на голове повязан белый платок. На картине преобладают светлые тона, убранство комнаты создает ощущение праздника, а за окном в небе разливаются брызги праздничного салюта. Это День Победы! На столе, поверх белой скатерти, стоит бутылка с двумя наполненными рюмками и ... пустой темный стул. Он выделяется на общем фоне как темное пятно, будто бы являясь вторым одушевленным персонажем. Серое лицо женщины и почерневшие глазницы надолго приковывают

взгляд. Повсюду праздник, женщина ждет мужа к столу. Надеется, что сейчас он войдет и сядет на этот самый стул. Но увы...

Картина поражает своей глубиной, эмоциональностью. Л.С. Медведева так характеризует данную картину: «Женщина все ещё ждет, надеется, и свет надежды притаился в глубокой, мерцающей темноте ее глаз. Красота, сила ее чувства делают образ величавым, эпическим. Почти физически ощущаемая тоскливая пустота пространства точно выражает ощущение невосполнимой потери в человеческом сердце».⁴

В настоящее время в Оренбурге есть и художники-фронтовики: П.В. Кутуев, К.С. Кузенов, последний создал серию графических работ «Оренбургские герои». У Петра Кутуева картины на военную тему, как это ни странно, отсутствуют. «Он даже не пишет о смерти. В каждой его работе – радость жизни: живёт любая травинка, а всякое дерево как портрет. Именно потому, что, не однажды обнимаясь со смертью, художник понял, что значит жить»⁵. Искусствовед Л. Попова считает, что в творчестве Кутуева, работающего как пейзажист, заметны левитановские традиции. Кутуев любит писать весну, деревенскую жизнь. Его пейзаж с коровами затрагивает струны души каждого человека.

Таким образом, Оренбуржье, которому хотят присвоить звание «город трудовой славы», глубокий тыл, как и все области СССР, не осталось в стороне от общего горя в годы Великой Отечественной войны. Живописуя бытие фронта и тыла, оренбургские художники словно «обращаются с требованиями веры и просьбой о любви» (М. Цветаева). Добротное, крепкое письмо, типизированные образы, патриотический подход к отображению нравственных вопросов – вот отличительные черты их творчества.

Примечания:

¹ Гапеева В.И., Кузнецова Э.В. Беседы о советских художниках. – М.-Л.: Изд-во «Просвещение», 1964.

² Дубцова Е.К. Обращение к произведениям оренбургских живописцев при изучении литературы в школе// Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования: Сборник работ научно-исследовательской краеведческой лаборатории ОГПУ. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Г. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 358.

³ Медведева Л.С. Художники Оренбургской области. Издание 2-е. – Челябинское Южно-Уральское книжное издательство, 1985.

⁴ Там же.

⁵ Перехожева М. О выставке П. Кутуева// Вечерний Оренбург. – 2010. – № 18. – 5 мая.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЛЛЮСТРИРОВАНИЮ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А.С. ПУШКИНА

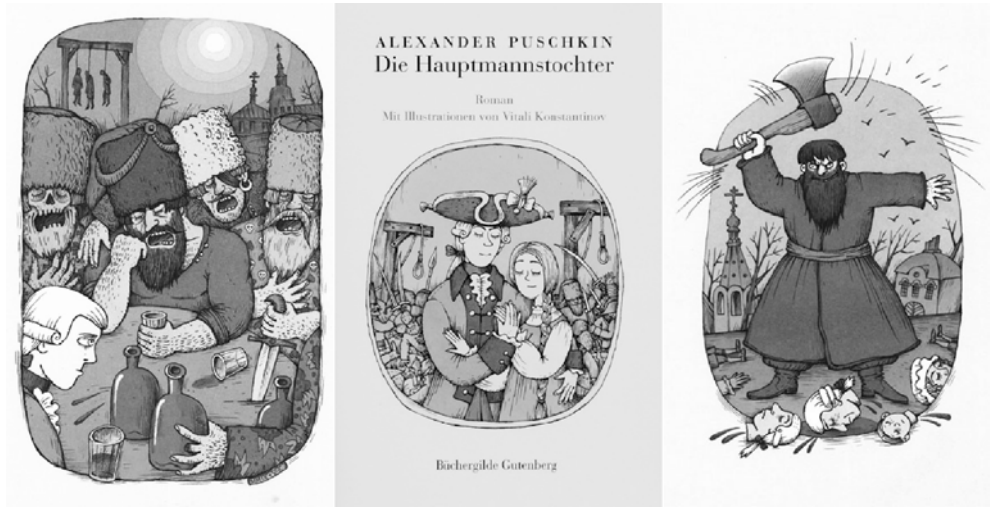
Проблема иллюстрирования произведений А.С. Пушкина является актуальной на протяжении не одного столетия. «Перед иллюстраторами А.С. Пушкина, наряду с задачей конкретизации центральных образов его творчества и освещения главных моментов развития фабулы, стоит трудная задача создания художественных произведений, созвучных простому, чеканному стилю нашего гениального мастера слова»¹.

177 лет назад в журнале «Современник» впервые была опубликована повесть Пушкина «Капитанская дочка». «Капитанскую дочку» ставили на сценах знаменитых театров, экранизировали. Первыми иллюстраторами повести были А. Шарлемаль, М. Микешин, П.П. Соколов, М.В. Нестеров, С.В. Иванов, А. Бенуа и др. В XIX-XX вв. сочинения А.С. Пушкина также иллюстрировали И.Е. Репин, В.А. Серов, М. Врубель, И. Иванов, К. Маковский, К.А. Зеленцов, П. Федотов, Д.Н. Кардовский и многие другие.

И в наше время художники продолжают иллюстрировать этот роман; среди оренбуржцев к таковым относятся А.Ф. Преснов, в 2000 году получивший премию «Оренбургская лира» за цикл работ на темы пребывания А.С. Пушкина в Оренбурге, О. Козловская, создавшая серию иллюстраций к «Капитанской дочке», выпускница ОГУ, кроме того, в 2000 году вышла книга фотохудожника В. Верстукова «Пушкин едет в Оренбург». В 2013 году О. Борисовой, студенткой кафедры «графического дизайна» ОГУ, в рамках дипломного проекта были выполнены иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Создавался этот проект по заказу музея «Капитанской дочки» в с. Саракташе Оренбургской области. Вопросом об иллюстрировании романа А.С.Пушкина занимался ряд оренбургских исследователей: Л.С.Медведева, применительно к практике изучения литературы в школе и вузе – А.Г.Прокофьева, Е.К.Дубцова² и др. Цель данного исследования – рассмотреть современные подходы в данном направлении.

Сегодня многие художники продолжают иллюстрировать «Капитанскую дочку». Из последних, привлекающих к себе внимание, можно отметить работы художника Виталия Константинова к немец-

кому изданию произведения. Работы являются необычными, исторический роман интерпретируется в сказочном, или, скорее, лубочном ключе, по всей видимости, основной задачей для автора было выявить некие архетипические функции привычных образов произведения. Нельзя сказать, что рисунки В. Константинова противоречат духу произведения, но вместе с тем их явно шаржево-сатирический характер, непривычная стиливая манера не ведут восприятие читателя по пути понимания глубинных истин литературного текста, а намеренно эпатируют реципиента.

Иллюстрации В. Константинова

В контексте вопроса об эпатировании публики интересно обратить внимание на портрет Пушкина, также созданный В. Константиновым, где писатель предстает в образе чернявого хитреца-дуэлянта, лукаво скашивающего глаза, что все-таки не очень вяжется с классическим представлением об авторе «Капитанской дочки». Наверное, следуя этой логике, и Белогорскую крепость можно сравнить с форпостом в Америке, и сам роман с захватывающим вестерном, как это делает американский участник чтений «Капитанская дочка».³

Вопрос об иллюстрациях к произведениям А.С. Пушкина всегда являлся сложным вопросом. Помимо большой широты диапазона и тематического богатства, творчество Пушкина привлекает нас остротой восприятия действительности, реалистическим методом, дающим не только конкретный быт, но и психологические, социальные характеристики, типические образы, в большинстве случаев являю-

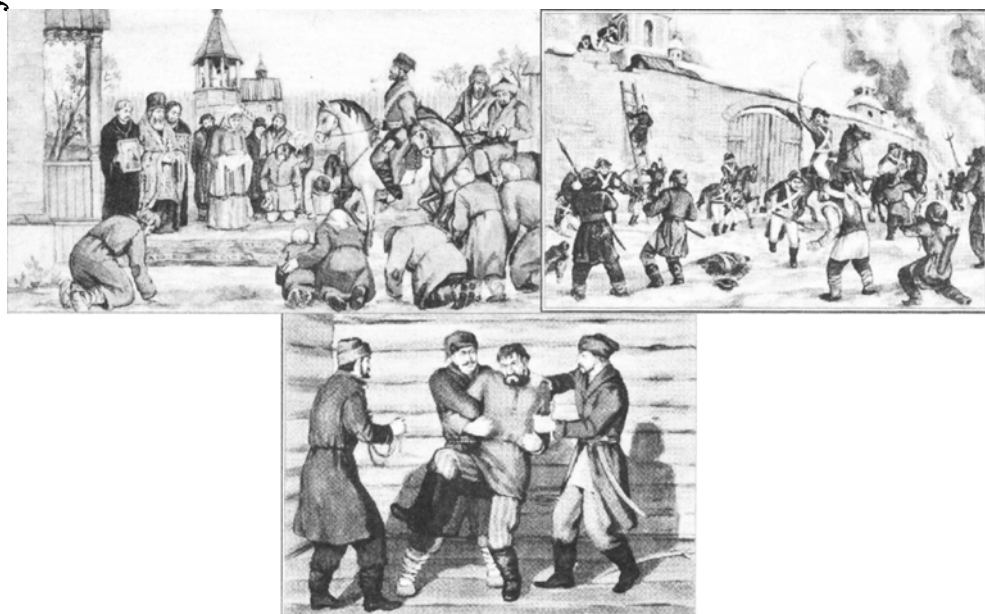

щиеся крупными художественными обобщениями. Пушкин в своих произведениях правдиво отражает реальную действительность, показывая картину русского дворянского общества конца XVIII, первой трети XIX века.

В 2000 году в Оренбурге вышла книга «Пушкин едет в Оренбург». Создать рисунки, рассказывающие о пребывании Александра Сергеевича в Оренбурге и Бёрдах, а также проиллюстрировать его «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку» автор предложил студентке пятого курса оренбургского художественного училища Оксане Козловской. В итоге появилась серия открыток, а также календарь (издание печатного Дома «Димур»).

Иллюстрации молодой художницы, с одной стороны, довольно точно и ярко передают атмосферу того времени, но, с другой стороны, их стиль напоминает лубочный: нарушены пропорции фигур (на переднем и заднем плане они мало чем отличаются друг от друга, движения героев несколько постановочны, что напоминает театральную декорацию), при внешней динамике ощущается статичность.

На первой картине показан приезд Пугачева в Белогорскую крепость, то, как гордо и величаво восседает он на своем коне и как покорно и несмело встречают его жители крепости. Хоть народ и по-

баивается разбойника, но встречают его по православным традициям: с хлебом и солью. Следующие иллюстрации художницы изображают взятие крепости, пленение Пугачева.

Эпизод взятия Пугачева отображён достаточно эмоционально. Мы видим сопротивление крестьянского царя, его упорство и ярость. И кажется, что вот еще чуть-чуть – и он вырвется из цепких рук солдат и снова ринется в бой.

В 2013 году выпускницей ОГУ О. Борисовой в рамках дипломного проекта были выполнены иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Создавался этот проект специально для музея «Капитанской дочки» в с. Саракташе Оренбургской области. На первый взгляд, работы О. Борисовой кажутся очень нежными, звенящими, прозрачными, они словно светятся изнутри. Но с развитием событий в романе меняются и сами иллюстрации. Если иллюстрации первых глав («Вожатый», «Крепость», «Поединок», «Любовь») выполнены в холодной серебряной гамме (сквозь них мы видим фактуру бумаги), то с каждой последующей главой цвет становится плотнее, линии жестче. В иллюстрациях к главам «Приступ», «Незванный гость», «Осада города», «Мятежная слобода» доминирует красный цвет, их настроение становится тревожней.

Интересны рисунки к главам «Сержант гвардии» и «Суд», первой и последней главы соответственно. Обе они выполнены в одной цветовой гамме. Но в рисунке к первой главе больше цвета, больше твердых

линий, он подготавливает читателя к последующим событиям. Маленький мальчик не просто качается на деревянной лошадке – он играет в войну. Символичен портрет императрицы на стене в комнате ребенка. Гринев воевал за нее, его же она и помиловала. В иллюстрации к главе «Суд» цвет становится уже не таким активным. Взгляд читателя-зрителя утопает в мягких складках платья Екатерины II. Линии плавные, они струятся по бумаге. Становится спокойно, чувство тревоги исчезает. И в первой и в девятой главах мы видим изображения императрицы. Ее профили обращены друг к другу, они замыкают иллюстрации в круг.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что современные подходы к иллюстрированию текста Пушкина определяются двумя тенденциями: стремлением максимально изучить, понять классический текст и не исказить его смысл (это не значит, что иллюстрация не должна быть оригинальной) и желанием эпатировать публику, играя со смыслами, ассоциациями, делая постмодернистский приём цитирования самоцелью. Свидетельством тонкого, бережливого отношения к первоисточнику и вместе с тем оригинальностью отличается подход современной оренбургской художницы О. Борисовой.

Примечания:

¹Лебедева Ю. Иллюстрации к произведениям А.С.Пушкина // Пушкин и искусство. – М.; Л., 1937. – С.33.

²Дубцова Е.К. Картины и иллюстрации на уроке по произведению А.С.Пушкина «Капитанская дочка»// Третьи международные Измайловские чтения, посвященные 170-летию приезда в Оренбург А.С.Пушкина. Оренбург, 9 – 10 октября 2003г.: В 2 ч. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003.-С.196-199.

³Тинсли С. «Капитанская дочка» глазами американского читателя// Пушкинские чтения, посвященные открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка» в ОГАУ: сб. статей/ под ред. А.Ф.Фёдоровой. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2010. – С.79-82.

Зуев Д. Д. (Оренбург)

ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ЗА ГРАНИЦАМИ ЭСТЕТИКИ

Без предисловий: литература – безбрежный океан. Говорить нас учат в детстве. Каждый день. Всех – без исключений.

Взрослому человеку не стыдно рисовать ежа на пне, не заботясь о законах композиции и перспективы; не стыдно лепить непро-

порциональную снежную бабу. Если человек этот не из латинской Америки, нормальной для него является фраза «Нет, я не танцую». Даже не иметь слуха и голоса – простительно для современного человека.

Но если вы не можете грамотно и доходчиво изъясняться – путь к нормальной жизни для вас почти всегда закрыт. Дело тут не в деньгах – можно зарабатывать разными способами. Все гораздо хуже. Вы теряете в «классе», в «пробе», в «соре». И если вы говорите «договор», делая ударение на первый слог – на вас косо смотрят. Если вы не умеете «говорить» вовсе – вы не человек.

В 1997 году во Франции была опубликована книга Жана-Доминика Боби «Скафандр и бабочка». Особенно интересна она была читателю тем, что «написал» ее полностью парализованный человек. Его мозгу подчинялся только лишь один его глаз. Он «наморгал» книгу, закрывая глаз, когда сиделка называла нужную ему букву алфавита. Думая об этом человеке, мы чувствуем, как за поднимающимся занавесом страниц пульсирует слово «ВОЛЯ».

Книга и общество. Чем является литература для общества потребления? Продуктом потребления. Однако вспомним, чем являлась литература в обществе «коммунистическом». Продуктом потребления! Это нетрудно, понять, слушая воспоминания советских писателей сегодня. Этот факт подтверждает, сложившаяся сегодня ситуация. Литература, не имеющая государственного заказа – плохой продукт потребления.

Чего ждет от литературы общество сегодня? Выделяются из толпы просветителей-функционеров, профессионалы, настаивающие, что главная функция литературы – образовательная. Даже, можно сказать, воспитательная. Чиновники от образования, ученые и сочувствующие не могут решить однозначно, нужна ли литература школе в таком количестве, в каком она есть сейчас или была раньше. Но все сходятся на одном: «Литература развивает у детей «чувство прекрасного», прививает им ценности, их же и формирует. Литература нации – по-прежнему совесть нации.

Наблюдая за дебатами, можно решить, что литература – нечто, похожее на витамины или продукты питания. Оппоненты в споре всегда сходятся на том, что все, детям предлагаемое, детьми поглощается, усваивается и понимается правильно.

Для нас же (читателей) сегодня: литература не формирует никаких ценностей вообще, ибо не является инструментом идеологичес-

кой пропаганды; в лучшем случае выбирается человеком по собственному вкусу, и тогда уже становится продуктом потребления.

Отсутствие вкуса часто делает читателя неактивным, а иногда приводит его к плохой, но имеющей слабое влияние на читателя беллетристике. Слабое влияние она имеет по простой причине – отсутствие мощных художественных образов в литературе дешевых авторов. Плохая книга не поведет ни на баррикады, ни в кабак.

Наличие же у читателя вкуса делает литературу опасной для этого читателя, так как ориентированная на такого читателя литература последние сто лет превозносит одно: индивидуализм как религию.

Любители литературы религиозной, гуманистической, патристической, развивающей дух и характер, могут спорить только с позиций совести и чести. Нобелевский комитет, издательства, критики и, что самое главное, рейтинговые агентства подтверждают: лучшая литература в XX веке была написана от лица человека, если и не злого, не плохого, то человека отверженного, одинокого, лишнего и не желающего ни за что бороться. Тем более за враждебное, вульгарное общество.

Название этому племени писателей дано было случайно, причисляли их к философам, а болезнь была названа гораздо раньше, Александром Сергеевичем Пушкиным: хандра.

Книга и человек. Считается, что общество потребления было рождено экономическим монстром – США. Но литература, которая создается с целью доказать всему миру свое право на существование, перестать быть изгоем, литература, которая пишется о себе, без претензий на то, чтобы сделать мир лучше, появилась не в США и к обществу потребления никакого отношения иметь не могла. Скорее индивидуалистам стало комфортно в обществе потребления. Из эксцентричных эгоистов они превратились в экзистенциалистов. Обществу потребления нужна была своя философская база, и талантливые мизантропы оформились в философскую школу.

Нить эту можно тянуть долго: Лермонтов, Гессе, Селин, Сартр, Камю, Миллер, Жан Жене, Сэлинджер, Кэн Кизи, Роберт Пирсинг, Хантер Томпсон, Лимонов, Паланик. Список может занять не одну страницу. Запад воспел литературу «прорывающего преграду общественного мнения изгоя». Но появилась она гораздо раньше общества потребления, и читалась (и читается) вовсе не людьми, которым хочется потреблять.

Отдельно от законов общества потребления действует закон (назовем его) «буржуазного подростка»:

1. Чем больше ты читаешь, тем больше ты знаешь;
(Так как понятия знания и ума кроме Солженицына толком никто не разделял...)
2. Чем больше ты знаешь, тем ты умнее;
3. Чем ты умнее, тем окружение (соответственно) – глупее;
4. Ты отделяешь себя от окружения;
5. Ты испытываешь моральную потребность в том, чтобы получать доказательства своего превосходства;
6. Ты читаешь то, что пишется для тех, кто умнее – «не для всех».

Естественно, это проза, написанная индивидуалистами.

Поэтому с Маяковским в автобусе не едут. Едут с Сэлинджером. Вильям Козлов – не модно, а Венедикт Ерофеев – модно.

Литература в эпоху потребления – не повод для переживания. Литература в эпоху потребления – аксессуар.

Книга – развлечение. Когда думаешь об эпохе потребления вообще, не дает покоя один вопрос. Главный вопрос: а мы – уже общество потребления?

Я признаюсь в одном грешке. Я люблю, вечером гуляя по городу, заглядывать в окна старых домов. Благо, это не трудно. Окна эти чуть ли не больше самих крохотных старых комнат.

Так вот, я отвечаю на этот вопрос по-своему. Нет. Еще не превратились. Если и превратились, то не в реальной жизни. В СМИ – да, в редких VIP-резервациях. В остальном мы – все еще страна нательных маек, трико, эмалированных чайников и голубой, процедурочной плитки на стенах кухонь.

Конечно, все это условно. Обыватель, не имея добротного пальто, всегда первым бежал в очередь за модным «французским ситечком». Но, говоря о людях, которые не из миссионерского пафоса и не из снобизма пытаются что-то понять, мы не решили сами для себя, нужна ли нам эпоха потребления, и в нерешимости стоим на пороге, за который придется шагнуть.

Обществу, готовящемуся войти в собирательный образ демократии, важно понять, что общество демократическое, как основа общества потребления, предполагает на выходе из мира коммунистического (и этот образ собирательный здесь) прощание с некоторыми иллюзиями.

Первое. Книги больше не будут воспитывать наших детей, каким бы образом мы ни формировали школьные программы (то, что им интересно, их портит, а то, что их не портит им или не интересно читать, или не производит особого изменения личности).

Второе. В эпоху потребления человеческие ценности формирует только лишь институт семьи.

Третье. Любовь к книге, эрудированность, любознательность – это не положительные качества человека, это его опознавательные знаки, в лучшем случае, способствующие удачному выбору профессии.

В любое время, в любом конце света, где общество ставит главной целью своей ПОТРЕБЛЕНИЕ, ни одна книга, будь она в черном переплете или в каком-либо другом, не заменит человеку здоровой, крепкой семьи. Когда вы думаете о книгах, не забывайте, какие слова доходят до нас из самых недр нашей европейской культуры: «Муза, скажи мне о том **многоопытном** муже, который...».

И не забывайте, что весь пыл потребления останавливался одной фразой, еще шестьдесят лет назад сказанной в «Раковом корпусе» Солженицына: «Пока доразовьется – вы не хотели бы пойти поработать в птичнике?».

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ УТОПИЯ В РАССКАЗАХ Е. И. ЗАМЯТИНА 1918-1922 ГОДОВ

Три рассказа «Дракон», «Мамай» и «Пещера», написанные Е. Замятиным с 1918 по 1922 годы, составляют своего рода маленькую трилогию о жизни революционного Петрограда и бытии человека в трагедийных обстоятельствах современности. Появление этих рассказов определило место Замятина в литературном процессе и создало ему репутацию писателя доставляющего удовлетворение «самым ярким врагам Октября»¹. В этих рассказах Замятин вгляделся в сегодняшний день не с позиций революционных, а с общечеловеческих и христианских. М. Чудакова отметила, что Замятин увидел в сегодняшнем дне «главное – остановленность, признаки начинающейся стагнации»². Но это еще очень мягко сказано. Не просто остановленность показал писатель, но движение назад – в «пещеру» Каменного века: «Между скал, где века назад был Петербург, ночами бродил серохоботый мамонт. И завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья – пещерные люди отступали из пещеры в пещеру. На Покров Мартин Мартиныч и Маша заколотили кабинет; на Казанскую выбрались из столовой и забились в спальне»³. Куда же двигаться дальше?

Специфика художественного осмысления реальности Замятиным в данных рассказах, во многом, определяется своеобразной (вывернутой наизнанку) иронией, представляющей, на первый взгляд, едкий сарказм, который на деле оказывается чистой правдой. Ирония Замятина имеет своим истоком народную смеховую скоморошью культуру и является продолжением гоголевского «смеха сквозь слезы», только наоборот: «слезы сквозь смех». При этом мысль Замятина футуристична, направлена в будущее: не ищет причин и объяснений катастрофы, а пытается определить, сколько еще будет продолжаться это безумие и каким может быть исход? Ответ, для современного уха, звучит страшно: «без пересадки — в Царствие Небесное. Штычком»⁴. Ирония? Несомненно, но за ней – историческая правда. Но чтобы понять это, надо обратиться к содержанию понятия «Небесное Царство» и хотя бы кратко проследить исторические изменения отношения к этому понятию в русской духовной культуре.

Что же такое – Царство Небесное? На Руси это понятие всегда имело христианское содержание. Православие понимает смысл жиз-

ни человека как «спасение», которое есть единение с Богом – достижение Царства Небесного. Новый Завет утверждает, что Царство Небесное наступает там, где находится Христос: «С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17); «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Мф. 12, 28). Нагорная проповедь, заповеди блаженства и притчи Христовы пронизаны идеей Царства: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 10); «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Мф. 13, 44). Таким образом, Царство Небесное – это конечная цель устремлений христианина. Так определяет евангелие.

Лучшее философско-богословское определение Царства Небесного, пожалуй, дал русский философ XX века Иван Ильин. Для него Царство Божие – «реальное совершенство <...>, понятие в становлении, нас всех охватывающее и всех преображающее»⁵.

В определении Ильина объясняется христианское понимание Царства Божьего как подлинной реальности: «над материальным миром, а одновременно и внутри его, существует целостный духовный мир, как бы живая божественная ткань, к которой человек должен прилепиться душой и телом. Эта ткань могущественнее, чем все материальное, могущественнее законов природы и человеческого тела. В этой ткани ничто истинное не утрачивается, в нее вплетается, в ней возвышается всякое доброе желание, всякая слеза раскаяния, всякий акт любви, пусть он даже чисто природного свойства. Вот эту ткань особого измерения мы бы хотели обозначить как Царство Божие.

Кто в это Царство Божие проник, кто на него работает, кто служит ему, тот никогда не поверит в победу зла, ибо праведник уже тогда победитель, когда, по земным меркам, кажется, что он проиграл в борьбе. Кто бросил якорь в Царстве Божиим, никогда не пропадет. Кто действует по закону этого Царства, тот живет в его ритме, и сам по себе храним и оберегаем. Кто в любви живет, тот любовь и несет. Кто поступает по совести, тот пребывает в руках Божиих: ему не надо страшиться ни стихий природы, ни зверья, ни человека. Он спокойно пройдет между саламандрой и драконом и не устрашится смерти. В Божиим Царстве нет и разлуки: истинная молитва соединяет людей, невзирая на расстояния, а истинная любовь преодолевает смерть. Да, даже смерть не может разлучить духовно близких людей, ибо Божий хитон

«...не сшитый, а весь тканый сверху» (Ин. 19, 23-24) и его нельзя разделить на части. Люди как христиане, следовательно, призваны объединиться в этом Царстве молитвой, словом и делом и трудиться в духе Христа ради преображения человека и природы.

Такое мировоззрение не есть теория, выдуманная богословами, заумная система или доктрина духовного сословия. Оно есть в значительной мере живая основа русского православного воззрения, настоящая народная вера, которая постоянно пробивается во всех областях русской культуры, проявляется при малейшей возможности то безмолвно, то в твердой уверенности, то в поэтических строчках, то в героическом подвиге, то в эпитафии на могильной плите, то в прекрасном обычае, то в царском указе»⁶.

По Ильину, Царство Небесное – некий «параллельный мир», неоощуаемый обычными органами чувств, но реально существующий, некая тонкая материя, особая стихия бытия, «глас хлада тонка» (З-Цар. 19, 12), золотой поток вечности, прикосновение к которому исцеляет душу, умиротворяет, начинает преобразовать человека из земного (плотского, самолюбивого, смертного) в небесного (духовного, жертвенного, вечного). Причем это не просто синоним загробного мира, а реальность, приобщиться к которой человек может еще на земле – духовно.

Пути к Царству Небесному в разные исторические периоды на Руси были различны. Например, князь Владимир-Святой устремляется к нему верой, принятием крещения, милосердием. Исполнением заповедей и мученичеством достигают Царства святые Борис и Глеб. Подвигами: постом и молитвой открывают врата Царствия преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и другие русские святые-монахи. Юродивые приобретают Небесное ценой отречения от всего земного, даже своего разума и доброго имени.

Если же человек не достигает Царствия в полноте, то, хотя бы, встает на путь к нему, на путь покаяния, как, например, князь Игорь в «Слове о Полку Игореве», особенно в рассказе о походе Ипатьевской летописи.

В XIV – XV веках русская духовная культура достигла своей высшей точки – гармоничного воплощения святости (Царства Небесного) в земном человеческом бытии. Преподобный Сергей Радонежский явил этот образ в себе самом, а иконопись Андрея Рублева (также Дионисия, Феофана Грека) отразила его. Не только иконопись, но

и архитектура достигла расцвета – были созданы непревзойденные шедевры храмового зодчества. Это начало реальной воплощенности христианского идеала Преображения, которого Русь достигла в XIV – XVI веках. Для сторонников идеологии «Москва – Третий Рим» это явилось подтверждением истины того, что Москва действительно стала православным государством. И в середине XVI века русское общество (в лице Царя и Церкви), по достоинству оценив эти духовные достижения, решило зафиксировать их формы на все времена, буквально построить Царство Божие на земле. Но в результате, «в религиозной жизни Руси устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, «обрядового исповедничества», который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении»⁷.

Причина упадка была в том, что верхушка общества отказалось от духовного опыта нестяжателей – заволжских старцев, многие из которых были учениками преподобного Сергия и продолжателями традиций исихазма. Данное направление монашества (соль христианства) было подавлено и надолго отстранено от влияния на Церковь и жизнь государства. Это стало духовной трагедией Древней Руси.

Когда в XVIII веке формируется светское искусство, и его непосредственная связь с христианством рвется, идея Небесного Царства исчезает из литературы. И появляется стремление изукрасить землю, превратить землю в Рай уже в этой жизни (даже в архитектуре XVII века эта идея выражалась достаточно ярко). По замыслу Петра I Петербург должен был стать Парадизом – Раем, но уже не Небесным, а земным.

Об этом же говорит появление в XVIII веке в русской литературе жанра утопии, который в Европе возник еще в эпоху Возрождения. В Средние века представление о Рае – Золотом веке – было классическим, то есть христианским: Рай потерял Адамом. Золотой век представлялся находившимся в далеком прошлом. И его возвращение мыслилось только в эсхатологическом плане – после Второго Пришествия. Но никогда он не мыслился в настоящем или в будущем (в пределах исторической жизни человечества). В утопии же некая модель Золотого века (идеально устроенного человеческого общества) уже представляется существующей в настоящем или в историческом (достижимом) будущем. Соответственно, жанр антиутопии направлен против этой идеи и утверждает обратное: невозможность построения Рая на земле.

К середине XIX-го века утопическая идея соединяется с идеей социального преобразования общества. Отсюда же проистекает символистская концепция революции рубежа веков: старый мир прогнал, революция есть движение стихийных сил, которая обновит мир.

Осуществившаяся революция принесла разочарования, но вначале она была воспринята восторженно, в ней увидели возможность осуществления утопических устремлений. Поэтому в первые месяцы после февраля 1917 года газеты и журналы пестрели утопическими произведениями. Но достаточно быстро наступило разочарование. Е. Замятин (роман «Мы» и рассказы о революционном Петрограде), И. Шмелев («Убийство», «Солнце мертвых»), М. Булгаков («Роковые яйца», «Собачье сердце») и многие другие создают произведения, проникнутые уже не утопическими, а, наоборот, антиутопическими мотивами.

Ожидаемое символистами и всем обществом преобразование мира не наступило после революции, мир в очередной раз не стал Раем. Скорее, наоборот, как показал Е. Замятин, мир стал подобием ада – «разбушевавшимся каменным океаном», готовым «хлынуть внутрь» «шестиэтажных каменных кораблей»⁸ и погубить всех пассажиров.

Парадиз-Петербург «горел и бредил» и стал «люто замороженным» городом, «бредовым, туманным миром», порождающим чудовищ – драконо-людей. И этот новый тип человека – драконо-человек – стал ни кем иным, как «проводником в Царствие Небесное»⁹. Именно такую авторскую характеристику (конечно, ироничную!) он получает в рассказе Е. Замятина «Дракон». И свою миссию в мире сам человек-дракон понимает именно так: «На трамвайной площадке временно существовал дракон с винтовкой, несся в неизвестное. Кар্তুз налезал на нос и, конечно, проглотил бы голову дракона, если б не уши: на оттопыренных ушах кар্তুз засел. Шинель болталась до полу; рукава свисали; носки сапог загибались кверху – пустые. И дыра в тумане: рот.

Это было уже в соскочившем, несущемся мире, и здесь изрыгаемый драконом лютый туман был видим и слышим:

– ...Веду его: морда интеллигентная – просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь, а? Разговаривает!

– Ну и что же – довел?

– Довел: без пересадки – в Царствие Небесное. Штычком»¹⁰.

Несомненно, нельзя не учитывать специфической замятинской иронии при характеристике Дракона «проводником в Царствие...», но,

как было отмечено в начале статьи, за этим скоморошьям сарказмом – жизненная правда.

Упоминание Царствия Небесного в рассказе Е. Замятина «Дракон» не случайно. Ведь количество Новомучеников в XX веке превысило число всех русских святых предыдущих времен. Именно по этому пути прошли все новые русские мученики: от высокопоставленных митрополитов Киевского Владимира и Петроградского Вениамина и самого Императора до простых и порою безвестных монахов и мирян.

В этом маленьком цикле рассказов о послеоктябрьском Петрограде, используя своеобразную иронию («слезы сквозь смех») Замятин показал, во-первых, что послереволюционный «бредовый мир» очень не скоро снова станет «человеческим миром». И, во-вторых, что в XX веке для русского человека, обманувшегося утопической мечтой – революцией, остался один путь в Царствие Небесное – исповедничество, мученичество и юродство.

Практически та же мысль утверждается Замятиным и в написанном в эти же годы рассказе «Тулумбас», имеющем подзаголовок: «послание смиренного Замутя, епископа Обезьянского». Адресовано это послание было членам шуточного общества – «Обезьяньей великой и вольной палаты», созданной в первые годы революции А. Ремизовым. Тулумбас – название турецкого барабана, с которым часто выступали скоморохи. А скоморохи и шуты, как известно, даже во времена самой страшной реакции, одни имели право говорить правду – в форме шутки. Именно таково послание епископа Замутя, в котором автор повествует о жизни земли Алатырской, превратившейся в некое подобие монастыря. Без труда за монастырскими порядками Алатыря угадываются реалии смутного, скудного и голодного времени революции: «Нет уже велелепия, и кимвалов, и тщеты мирской, но во всем скудота изящная и убожество, какое инокам надлежит. Памятуя, что украшение телесное есть веселие князю тьмы, жители здесь ходят во вретипах, рубипах, власяницах. И не умацают себя благовонными маслами, подобно язычникам, и не украшают золотом и камением драгоценным, но напротив того, презирая плоть, бегают даже водного омовения, ибо чистота душевная – вяще телесной и нежность плоти от бани – пагуба есть. Мудростью трапезных старцев жители-иноки блюдут здесь непрестанный и строгий пост: не только мяса не приемлют, но и рыбы, елей же – однажды в год. Вина же и ликера, разжигающих блудную похоть, рождающих смех и веселие, и скакание бесовское, – не ведают вовсе...». Это описание как нельзя

лучше характеризует быт героев перestroградских рассказов, особенно Мартина Мартиныча и Маши из «Пещеры».

И о самом главном – о пути в Царство Небесное – говорит скоморох Замутий: «И более того скажу вам, возлюбленные братья: умиленные слезы я пролил здесь, ибо нет под солнцем земли столь ревнующей о спасении душ и о погублении здешней, тленной жизни – ради грядущей, нетленной. Чаемое явилось во плоти: вся земля Алатырская объявлена единой ставропигиальной обителью, и все жители от мала до велика приняли постриг, а иные и большую печать, и жизнь их – подлинным стала житием»¹¹.

Е. Замятин, несомненно, осознал, что в наступившие времена говорить правду без сопроводительного звука «тулумбаса» не только затруднительно, но и просто опасно. Читателю же надо научиться воспринимать истину сквозь авторскую скоморошью маску, сквозь двойное, а иногда и тройное дно иронии.

Примечания:

¹ Воронский А. Литературные силуэты. III. Евг. Замятин // Красная новь. – 1922. – № 6. – С. 61.

² Замятин Е.И. Избранные произведения / Е. И. Замятин. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 510.

³ Там же. – С. 167.

⁴ Там же. – С. 156.

⁵ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6, кн.2. – М.: Русская книга, 1996. – С. 425.

⁶ Там же. – С. 465.

⁷ Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Предисл. Лихачева Д.С., Меня А.В.; Коммент. Бычкова С.С. – М.: Моск. Рабочий, 1990. – С. 197.

⁸ Замятин Е.И. Избранные произведения / Е. И. Замятин. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 157.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 156.

¹¹ Там же. – С. 165.

Ильина Л. Е., Исаева М. (Оренбург)

КОНЦЕПТ «МОЛИТВА» В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Религия является неотъемлемой частью становления русской культуры. Самая обширная из религий, православное христианство, представлена Русской Православной Церковью.

Молитва - важнейший аспект общественной и частной религиозной жизни, ее внутреннее таинственное содержание, выраженное в словесной либо мысленной форме. Значение молитвы для христианина неизмеримо. Молитва является наиболее действенным средством для достижения цели жизни христианина - стяжания им Духа Святого Божия. Вместе с тем молитва является и путем, и средством для всех достижений христианина.

Концепт является основной единицей, вмещающей в себя язык и культуру в их взаимопроникновении. Между внутренней формой слова и его базовым значением сохраняется напряжение, которое можно истолковать следующим образом: «концепт» содержит одновременно «общую идею» некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи и этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом общая идея «зачинается» во множестве конкретных, единичных явлений.

Концепт «молитва» закреплен в общественном опыте народа, имеет в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемые и соотносимые с другими понятиями, тесно с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми.

В нашем исследовании при описании содержательной структуры концепта используются данные лексикографии и ассоциативного эксперимента. Целью анализа дефиниций лексикографических источников является определение признаков ядра концепта. Анализ результатов ассоциативного эксперимента позволяет описать периферийные слои концепта. Ядро концепта, выявляемое с помощью анализа лексикографических источников, будет представлять собой как раз минимальную и наиболее общую часть концептуального содержания, отражая в основном необразные компоненты содержания концепта.

Как полагают Н.Н.Болдырев и И.А.Стернин, исследуя значение слова, мы можем изучить лишь часть концепта. Следуя их мнению, приходим к выводу, что наряду с методами исследования структуры значения должны применяться такие методы исследования, как этимологический анализ, свободный ассоциативный эксперимент, анализ фразеологизмов, афоризмов, паремий, устойчивых выражений, цитат из известных песен, кинофильмов и литературных произведений¹.

Рассматривая понятие «молитва» как концепт и выявляя представленность концепта в произведениях устного народного творчества и в литературных произведениях мы изучали содержательную сторону

словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека.

Молитва происходит от глагола *молить*, далее из праславянской формы **molditi*, от которой в числе прочего произошли: старославянское *молити*, русск.

моли'т'ся, молю'сь, укр. моли'ти, белор. моліць, болг. мо'ля «прошу».

Молитва - действие - молиться; канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении к их богу (Толковый словарь Ушакова).

Молитва подразумевает словесное содержание, однако зачастую сопровождается нормированными движениями, как коленопреклонения, поклоны, крестные знамена, раскачивание.

Молитва в языческих культах - это осуществление потребности в художественном, эстетическом высказывании, в беседе с богами и духами. У древних греков и римлян молитвы играли весьма важную роль при всех выдающихся событиях частной и общественной жизни.

Молитва в Исламе - это прямая связь между верующим и Всевышним. Молитва совершается пять раз в день: на рассвете, в полдень, после полудня, на закате и в ночное время.

В иудаизме точные формулы молитв установлены лишь на случай представления десятины. В Ветхом Завете встречаются указания на факт совершения молитв.

Индусы считают свои молитвы по шарикам или кораллам (прототип чётков), у буддистов Ваджраяны, существуют молитвенные машины, также индуисты используют ранголи - рисунок-молитву.

В христианстве осуждается многословие в молитве и молитва напоказ как лицемерие, устанавливаются правила моления, предусматривающие немногословность молящегося (так как Господь заранее знает, о чем Его попросят) и сокрытие процесса моления от посторонних глаз, так как молящийся на публику уже получает свою награду на земле и Господь его прошения слушать не будет (Мф. 6:5-8)².

Христиане называют Бога своим Господом (Господином), поэтому к Богу они обращаются не с требованиями, а с мольбой. Различают молитву, совершаемую без слов и других внешних знаков - одним умом и сердцем (молитва внутренняя, духовная, сердечная), и молитву, которая произносится словами и сопровождается разными знаками благоговения (молитва внешняя, наружная). Образцами

молитвы считается Отче наш - «совершеннейшая из всех христианских молитв» (Мф.6:9б:9-13), Молитва мытаря (Лк.18:13), переданная Иисусом Христом в притче о кающемся грешнике.

В православном христианстве (греч. ??????????) различают несколько видов молитвы. Самая распространенная молитва – это просьба. Молитва-просьба – это прошение у Бога помощи и разных благ - здоровья или успеха, избавления от болезни, от страстей. Есть и просьба о духовных дарах: верующий просит у Бога прибавления ума и любви. Более редкие молитвы это молитва- благодарение и молитва-покаяние. Самая высокая молитва - славословие. В такой молитве человек просто переживает радость от своей встречи с Богом, ликует. Переходя к славословию, в православных храмах поют: «Аллилуйя!» («Слава Богу»). Выделяют также молитвы-воздыхания, которые граничат с междометийным восклицанием. Особую группу молитв составляют иерейские (священнические) богослужебные молитвы, произносимые лишь архиереем и священником.

Отцы Православной Церкви придают особое значение молитве. Св. Праведный Иоанн Кронштадтский говорит, что молитва – это постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцание в себе, в людях и природе дел премудрости, благодати и всемогущества силы Божией, молитва – постоянное благодарственное настроение. Молиться – это значит находиться в том особом внутреннем состоянии, когда духовное начало в человеке входит в таинственное и непосредственное соприкосновение с Господом Богом и потусторонним невидимым миром (прт. Валентин Свенцицкий).

Об исключительном значении молитвы так говорит и современный нам богослов - архиепископ Иоанн (Шаховской): «Кто хочет молиться Богу, тот найдет молитву, и кто найдет ее, никогда не оставит, потому что нет большего блага и счастья для человека, как говорить с Господом»³.

В современных научных исследованиях часто указывается на психотерапевтические аспекты молитвы. Молитва - обращение верующего к Богу. Слово «обращение» (греч. «койнония») подразумевает определенные отношения между двумя или несколькими лицами. Молитва выражает межличностные отношения человека с Богом и диалогична по своей сути и форме, в этом ее коренное отличие от медитации, с которой она имеет сходство в организации внимания, его концентрации. Структурно молитва включает в себя предписанные религиозными учениями вербальное и невербальное действия, а так-

же необходимые для них соответствующие настрой и установку, т. е. это многогранный процесс, в котором соучаствуют дух, душа и тело. К действию молитвы необходимо отнести желаемые и возможные изменения состояния молящегося, его субъективного соматического и психического самочувствия в контексте достигаемой трансформации личностного мироощущения и миропонимания. С этой стороны молитва, по суждению архимандрита Киприана (Керн), оценивается как «терапевтика и гигиена души»⁴.

Концепт имеет «слоистое» (Ю.С. Степанов) строение, а разные слои связаны с культурной жизнью разных эпох, что создает необходимость привлечения различных методов в процессе анализа. Ядро концепта составляют зафиксированные в словарях дефиниции. В различных словарях представлен широкий ряд устойчивых сочетаний, имеющих в своем составе слово «молитва». В процессе анализа мы выделяли ключевое понятие (смысл), которое наиболее полно номинирует исследуемый концепт. В качестве ключевого понятия мы выбирали наиболее употребительное наименование, достаточно обобщенное и стилистически нейтральное (неоценочное слово)⁵.

«Молитва» для верующих, это своеобразный взгляд на понятие изнутри, тогда как изучение концепта «молитва» в культуре может рассматриваться как взгляд извне. Анализ высказываний отцов православной церкви о молитве показал, что молитве отводится первостепенная роль, отмечается значение молитвы как центра, вместилища в себя духовной жизни христианина, самой духовной жизни в ее движении. Ключевыми понятиями были выбраны такие как: молитва, как проводник к спасению; молитва, как основа веры; молитва - трудное духовное делание; молитва, как желание общения с Богом.

Как мы увидим в дальнейшем, подобные ключевые понятия не будут встречаться при анализе произведений устного народного творчества, литературных произведений. Это позволяет сделать вывод, что концепт «молитва» для религиозного и обеденного сознания наполняется разным содержанием в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения.

С помощью анализа данных лексикографии, а также анализа пословиц и поговорок мы выявили основные ключевые понятия, передаваемые из поколения в поколение устойчивыми выражениями, содержащими слово «молитва».

На основе данных лексикографии мы проанализировали определения понятия «молитва», зафиксированные в словарях и энцикло-

лопедиях. На данном этапе исследования были выявлены следующие ключевые понятия, составляющие ядро концепта «молитва»: канонический текст – 6 упоминаний; обращение – 4; возношение ума и сердца к Богу, диалог с Богом, действие (ритуал) по 3 упоминания; прошение – 2; основа веры, Бог как высший разум, возвышение, благодарение за испытания по 1. Такое ключевое понятие как «канонический текст» в дальнейшем не будет употребляться, мы относим это к особенностям формулирования дефиниций в словарях.

Пословица – это краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм. *Поговорка* – это краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющего, в отличие от пословицы, законченного высказывания. В таблице 1 приведены примеры толкования пословиц и поговорок.

Таблица 1. Примеры толкования пословиц и поговорок

Пословица, поговорка	Толкование
К вечерне в колокол - всю работу об угол.	Это выражение указывает нам на то, с каким уважением относились к молитве на Руси.
Не хлебом живи, а молитвою.	А эти слова показывают то, что для русского человека важнее духовность, чем мир.
Молитва - полпути к Богу.	Эта поговорка говорит нам о важности молитвы.
Коротка молитва Отче наш, да спасет.	Эти слова раскрывают достаточно важное пояснение о молитве: молитва должна быть искренней.
Что бы ни пришло, все молись.	Это выражение показывает трепетное упование на Бога.
Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы.	Молитва возносит человека от мирских деланий – это показывается в этой поговорке.
...	...

Проанализировав пословицы и поговорки, мы объединили их в группы на основе идеи, заложенной в них: *сила молитвы, значение молитвы, лицемерие, понимание значения молитвы, спасение, искренность /формализм, праведность, беда заставляет обратиться к Богу – испытание, смешение земного и духовного, единство Бога*. Как

видно из таблицы приложения 2, каждая поговорка содержит определенную ключевую мысль, идею. С целью выделения более обобщенных ключевых понятий, структурирование которых позволило бы выделить ядро концепта «молитва», мы объединили некоторые близкие толкования: были объединены *значение молитвы и понимание значения молитвы; искренность/формализм и лицемерие; беда заставляет обратиться к богу, сила молитвы и спасение.*

Соединив данные анализа лексикографических источников и анализа пословиц и поговорок, мы выявили основные составляющие ядра концепта «молитва», в которых отражено взаимодействие таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей.

По частотности упоминаний следует отметить *канонический текст* - 6 (лексикографические источники), *понимание значения молитвы* - 15 упоминаний, *искренность/формализм* – 12, смешение земного и духовного – 8 (анализ пословиц и поговорок). Заметим также, что только такое ключевое понятие как *сила молитвы, спасение, основа веры* (7 упоминаний) было выявлено на основе и анализа лексикографических источников и анализа пословиц и поговорок.

Кроме ядра концепт имеет объемную интерпретационную часть – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих отдельные концептуальные признаки и их сочетания в виде утверждений, установок сознания. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

Анализ интерпретационного поля концепта показывает, как происходило развитие признаков концепта по мере его осмысления в разное время, в разных обстоятельствах, как относились к тому или иному концепту разные группы людей и отдельные люди. Семантические признаки концепта, извлеченные из интерпретационного поля, быстро изменяются с течением времени и изменением обстоятельств, но без них содержание изучаемого концепта остается недостаточно полным.

С целью выявления периферических признаков концепта мы проанализировали разнообразные литературные тексты: афоризмы «как микротексты обобщающего характера» (Н.М. Клашеникова), а также поэтические и прозаические литературные произведения, в которых описываются молитвы персонажей или молитва играет определенную роль в данном произведении.

Молитва тесно вплелась в русское искусство, о молитве говорили в поэзии и писали в прозе, о молитве слагали песнопения, молитвой красками называют Икону.

Ю.М. Лотман, рассматривая культуру по аналогии с языком, утверждает, что «...законы построения художественного текста в значительной мере суть законы построения культуры как целого»⁶.

Афори'зм (греч. ?????????? - определение) - оригинальная законченная мысль, изречённая или записанная в лаконичной запоминающейся текстовой форме и впоследствии неоднократно воспроизводимая другими людьми. Анализируя афоризмы, мы отметили наличие высказываний с ярко выраженным негативным или сниженным значением:

«...Молитесь - если не нелепо

В минуту страха или горя

Взывать к тому, кто сам когда-то

Не избежал смертельной чаши (М.К. Щербаков «Молитва»)

Молитва недели:

- Храни Бог Америку (Штаты), храни ее от всего остального мира, чтобы не пачкала... (Владимир Борисов «Молитва»)

Афоризмы как форма художественного отражения действительности и выражения отношения носителя языка к ней, обобщают и типизируют многообразные проявления концепта «молитва». К уже выявленным ключевым понятиям анализ афоризмов позволили добавить *покаяние (3 упоминания)*, *низость прошения в молитве (8)* и *впадение в «прелесть» от молитвы (2)*.

Мы проанализировали несколько стихотворений, представляющих собой жанр поэтической молитвы. Молитвенный жанр в структуре лирического выступает как «проводник» в иной мир, в мир христианского бытия, который вводит стихотворение во вневременной контекст. Поэтическая молитва – это художественное высказывание, направленное к Богу, реализующее определенную жанровую схему, основанную на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращенного непосредственно к Высшему разуму»⁷ (М.Войтак).

«Поэтическая молитва является особым способом выражения в форме искусства религиозных чувств; обращение к данному жанру позволяет художнику раскрыть глубинные пласты своего творческого и человеческого «я», высказать то, что обычно относится к области

несказанного» (М.С. Руденко). Говорящий произносит молитву в надежде на ответ, который выражен не вербально. Среди изученных поэтических произведений встречаются просительные молитвы – это «крик» души, глас вопиющего в пустыне»; благодарственные молитвы – благодарение Богу. Молитва благодарения – это такое расположение нашего духа, при котором автор считает Бога источником всякого истинного блага и в полноте чувств повергается пред Ним в знак своей сыновней признательности.

Анализ поэтических текстов не добавил новых ключевых понятий, по частотности употребления можно выделить: *прошение* (6 упоминаний), *покаяние* (4), *возвышение* (4.)

В прозаических произведениях «молитва» предстает как самоценное явление, впитывающее в себя мировоззренческие акценты конкретной исторической эпохи и формирующее духовную перспективу современности. В молитве индивидуализируется внутренняя боль или радость персонажа. Молитва в художественном произведении отличается от молитвы церковной. Речь идет не о переложении псалмов или молитв, как, например переложение, а о стилизации духовной молитвы в художественных произведениях.

Основой вершинных произведений русской литературы является сопряжение человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ. Это сопряжение стало возможным в итоге художественного освоения новозаветного образа мира, который строится на признании человеческой и Божественной природы Христа. Для персонажей русской литературы обращение к Богу, духовные искания играют основную роль в жизни. Путь к божественным вершинам, к общению с Богом достигается через благодатную, всемогущую молитву. Атеизм XX века не смог искоренить в народе обращение к Богу в минуты радости и горести, забыть крылатые фразы, связанные с молитвой. Молитвы-воздыхания «Господи!», «Боже!» употребляли и употребляют как верующие, так и неверующие люди, выражение «выучить что-л. как Отче наш» в значении «выучить наизусть» в советское время звучало такое сравнение: ...время я выглядел весьма бледно, зато «Апрельские тезисы» отчеканил, как «Отче наш»⁸. Потому что молитва – это то, что соединяет с высшим, а душа человеческая тянется к высшему, понимая бренность этого мира.

В произведениях русских писателей конца XX – начала XXI вв. происходит переосмысление религиозных воззрений, отношения в Богом выстраиваются заново.

Ключевыми понятиями, раскрывающими концепт «молитва» в анализируемых литературных произведениях, явились: *сила молитвы, спасение, основа веры, понимание значения молитвы, искренность/формализм, возвышение, прошение, диалог с Богом, благодарение за испытания, покаяние.*

Таблица 2. Изучение концепта «молитва»

	Ядро концепта			Интерпретационное поле					Итого
	Словари	Пословицы Поговорки	всего	Афоризмы	Поэтические тексты	Прозаические тексты	Ассоциативный эксперимент	всего	
<i>Сила молитвы, спасение, основа веры</i>	1	6	7	1	2	3	4	10	17
<i>Действо, ритуал</i>	3		3				4	4	7
<i>Возношение ума и сердца к Богу</i>	3		3						3
<i>Обращение</i>	4		4				4	4	8
<i>Канонический текст</i>	6		6				5	5	11
<i>Понимание значения молитвы</i>		15	15	2	1	1		4	19
<i>Смешение земного и духовного</i>		8	8						8
<i>Искренность. Формализм</i>		12	12	2	1	1		4	16
<i>Праведность</i>		2	2						2
<i>Единство бога</i>		5	5		1			1	6
<i>Бог как высший разум</i>	1		1	4				4	5
<i>Возвышение</i>	1		1		4	2		6	7
<i>Прощение</i>	2		2	3	5	1	13	22	24
<i>Диалог с богом</i>	3		3	1	1	1		3	6
<i>Благодарение за испытания</i>	1		1			1		1	2
<i>Покаяние</i>				3	4	2		9	9
<i>Низость прошения в молитве</i>				8	1			9	9
<i>Церковь</i>							10	10	10
<i>Вера</i>							7	7	7
<i>Иконы</i>							5	5	5
<i>Добро</i>							3	3	3
<i>Паломничество</i>							2	2	2

В таблице 2 представлена сводная таблица, на основании которой мы можем утверждать, что ядро концепта «молитва» в православной культуре России представляют такие ключевые понятия как *сила*

молитвы (спасение, основа веры), действие (ритуал), возношение ума и сердца к Богу, обращение, канонический текст, понимание значения молитвы, смешение земного и духовного, искренность молитвы/формализм, праведность, единство Бога, Бог как высший разум, возвышение, прошение, диалог с Богом, благодарение за испытания. В интерпретационном поле концепта «молитва» представлены многие ключевые понятия, ядра, но кроме того такие понятия как покаяние, низость прошения в молитве, впадение в «прелесть» от молитвы, церковь, вера, иконы, добро, паломничество.

Мы можем отметить различие определения молитвы светскими людьми и людьми церковными. Но молитва – это всегда обращение или же «памятование о Боге». Обращения в молитве имеют сакральный характер. Направленность молитвы к Богу, как к личности выражает уникальность этого общения. Но в современной лингвистике до сих пор остается вопрос, к какой форме речевого общения (диалогический или монологический) принадлежит данный жанр. С одной стороны, молитва как жанр не предполагает вербально выраженной реплики-реакции, которая, согласна традиционному пониманию диалога, составляет диалогическое единство с репликой-стимулом. Говорящий произносит молитву в надежде на ответ, который выражен не вербально. Кроме того, читая молитву, человек анализирует и свои поступки, помыслы, чувства. Диалогичность молитвы отмечают многие исследователи (Л.В. Балашова, М. Войтак) и священнослужители. Если в лингвистике и существует некий спор о диалогической или монологической формах речевого общения, то в церковной жизни этот вопрос решен окончательно молитва есть беседа человека с Богом.

Работа по изучению концепта «молитва» может быть продолжена, интерес представляет изучение концепта «молитва» в различных лингвокультурах, содержательный анализ текстов молитв, а также изучение истории русской православной церкви за рубежом.

Приложения:

¹ Стернин, И. А. Практическая риторика: учеб. пособие для вузов / И. А. Стернин. - М. : Академия, 2003. - 272 с.

² Молитва Иисусова: опыт двух тысячелетий: учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней: авт.-сост. Новиков Н. – М.: Отчий дом, 2006. – 816 с.

³ Азбука веры: православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.azbyka.ru/>

⁴ Ершов, С.А. Православная психотерапия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reshma.nov.ru/psychology/hristianska/terapy_orthodox.htm

⁵ Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С.Степанов. - М.: Школа «Языки русской культуры». - 1997. - 824 с.

⁶ Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. / Ю. М. Лотман. - Л.: Просвещение, 1972. - 272 с.

⁷ Войтак, М. Стереотипность и творчество в поэтической молитве / М.Войтак // Стереотипность и творчество в тексте. : Межвуз. сб. научн. трудов. – Пермь: Перм. ун-т. – 2004.

⁸ Зиновьев, В.П. Историческому образованию в Сибири 90 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-10798.html?page=19>

Высоцкая Е. В. (Барнаул)

РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА)

В настоящее время большое внимание уделяется изучению современной письменной и устной речи человека как языковой личности. В рамках антропоцентрического подхода в лингвистике в центре внимания исследователей оказались особенности речевого поведения говорящего/пишущего, способствующие достижению коммуникативного успеха.¹ Очень важно показать на примерах речи известных людей, как можно и нужно вести себя в процессе коммуникации, чтобы достичь успеха. Образцовыми могут быть признаны речевое поведение и речевая компетенция таких известных людей, как Д.С. Лихачёв, А. Д. Сахаров, А.И. Солженицын, С.П.Капица – учёных, политиков, общественных деятелей. В центре нашего внимания – речевая деятельность А.И. Солженицына.

В современной лингвистике принято рассматривать человека говорящего как языковую личность, которая проявляется через речевые произведения. Исследование языковой личности посредством созданных ею текстов оптимально через составление речевого портрета. Признаётся, что речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности.² Например, Е.В. Осетрова отмечает большую роль речевого портрета как составляющей облика говорящего в формировании целостного образа личности, а Т.П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной лич-

ности или определённого социума в отдельно взятый период существования».³ В ходе исследования нами используется следующее рабочее определение: **речевой портрет** – это речевые предпочтения личности, совокупность особенностей, которые делают ее узнаваемой.

Понятие речевой портрет тесно связано с таким понятием как речевая деятельность.

В след за В.П. Глуховым и В.А. Ковшиковым, под речевой деятельностью (РД) мы понимаем основное и универсальное средство общения между людьми в человеческом обществе и одновременно основное средство коммуникации.⁴ РД является специфическим видом деятельности человека, существенно отличающимся от остальных видов. Одной из специфических особенностей РД является ее «биполярность»: это тот вид деятельности, который чаще всего имеет два субъекта (два лица, ее осуществляющих). Первым из них является говорящий или пишущий, а вторым – слушающий или читающий. Иными словами, опираясь на схему Р.О. Якобсона, – адресант/адресат, между которыми обязательно реализуются контекст и речевая ситуация через сообщение (текст), выраженное в определенном коде (языке).⁵ Общеизвестно, что речевая деятельность человека включает в себя речевую способность, речевое поведение и речевую компетенцию, описание которой и является целью данной статьи.

Под речевой компетенцией (РК), как правило, понимают свободное практическое владение речью, умение говорить правильно, бегло и динамично как в диалоге, так и в виде монолога, хорошо понимать слышимую и читаемую речь, включая умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле.⁶

Речевая компетенция означает знание способов формирования и формулирования мыслей с помощью языка, умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи, а также умение человека пользоваться родным языком (языками) в конкретных ситуациях общения, используя речевые, неречевые (мимика, жесты, движения) и интонационные средства выразительности речи в их совокупности. Речевая компетенция предусматривает лексическую, грамматическую, фонетическую, диалогическую и монологическую составляющие.⁷ Этот вид компетенции некоторые исследователи называют также социолингвистической, стремясь этим подчеркнуть присущее обладателю такой компетенции умение выбирать лингвистическую форму и способ выражения в зависимости от условий речевого акта. По мнению Е.А. Быстровой, речевая компетенция – это

способность понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватно целям, сферам, ситуациям общения. Она включает в себя знание основных понятий лингвистики речи (в методике их обычно называют речеведческими) – стили, типы речи, строение описания, повествования, рассуждения, способы связи предложений в тексте и т.д.; умения и навыки анализа текста.⁸ РК может быть обусловлена широкой речевой практикой общения, большим объемом чтения/создания текстов литературы разных жанров и стилей, а также связана с типом языковой и речевой личности адресанта. Ярким примером этому служат речевые произведения А.И. Солженицына, например, письма.

Речевая компетенция А.И. Солженицына выражается в умении говорить, общаться с каждым человеком на близком для него (адресата) уровне. Можно предположить, что речевая компетенция А.И. Солженицына просматривается во всём. По словам его сына, Игната Александровича Солженицына, Александр Исаевич не любил «словесного мусора», речь писателя всегда была великолепной, чистой и в то же время, простой и доступной в любой сфере и ситуации общения (Из приватной беседы с И.А. Солженицыным. Барнаул, 24 апреля 2013г.). На наш взгляд, именно в этом и проявляется речевая компетенция А.И. Солженицына. Об этом свидетельствуют и письма писателя, адресованные людям различных национальностей и сфер деятельности.

Важно отметить и то, что речевая деятельность А.И. Солженицына связана с поликультурной средой, с разнообразием интересов адресанта и адресатов. В обращении с конкретным человеком А.И. Солженицын руководствуется нормами этикета, учитывает национальную самобытность адресата и степень знакомства с ним. В структуре текста письма выделяются в качестве обязательных выражения, представляющие собой обращение, называющие адресата, и подпись как указание на адресанта.

Изучив общественно-политический дискурс А.И. Солженицына, установили, что во всех анализируемых письмах речевая деятельность А.И. Солженицына представлена последовательно и единообразно: автор выражает свои мысли понятно, образно, учитывая национальность, социальный статус, род занятий адресата (например, в письме патриарху Пимену отсутствуют заимствованные слова, политическая лексика; в письме члену британского парламента Дэвиду Аткинсону отсутствует религиозная лексика и т.д.).

Письма А.И. Солженицына вписываются в политический, литературный, национальный дискурс и реализуют, например, цель просвещения адресата, донесение до него определенной информации: *«И ещё срочное, Борис Николаевич! Крайне опасно сейчас поспешно принять для России какой-либо не вполне прояснённый экономический проект...»/30.08.91г./; «Я – вообще не «националист», а патриот. То есть я люблю своё отечество – и хорошо понимаю, что и другие так же любят своё» /03.05.82г./*

Речевая компетенция А.И. Солженицына проявляется и в тщательном и точном отборе лексики, обусловленной темой письма. Это, в свою очередь, направлено на достижение коммуникативного успеха и понимания между собеседниками. Например, в письме патриарху Пимену А.И. Солженицын затрагивает тему религии, современного ему положения русской Церкви. В соответствии с темой в письме представлена религиозная лексика: *православные русские люди; церковные службы; христианская вера; повелел Христос; ...придя в церковь крестить сына...; Московская патриархия; сила духа; ангельское восприятие богослужения; свобода вероисповедания; чистый пламень христианской веры; монастырское заточение; колокольный звон; два честнейших священника; коленно опускаясь перед Крестом; спросите Господа; Евангелие; добровольное порабощение; отвергли от богослужения; не допустивший сжигать иконы; остальные епархии; хранилище русского духа; набожные пальцы; гонят с паперти; на молитве не слукавим; дух христианства; бесстрашный архиепископ; среди христианнейшего народа /1972г./*

Важно отметить, что в письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей А.И. Солженицын выражает свои мысли более эмоционально и менее сдержанно, нежели в письме патриарху Пимену. Тема, затронутая А.И. Солженицыным в письме Съезду, – угнетение современной художественной литературы со стороны Союза писателей. Солженицын возмущен столь несправедливым отношением к литературе и к писателям XX века. И лексические средства, используемые им, свидетельствуют об этом в полной мере: *угнетение; незаконная цензура; не может мириться впредь; цензура под затуманенным именем Главлита; произвол литературно-неграмотных людей над литераторами; пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век!; уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистичным; цензурное давление; снабжали их (книги) блёклыми названиями; искажения губительны для талан-*

тливых произведений; цензурные ярлыки; разрешающий момент – смерть неугодного писателя; имя Пастернака нельзя было и вслух произнести; уродливые задержки; уничтожили, заглушили; если б её (литературу) не ограничивали и не замыкали; добиться упразднения всякой...цензуры; подвергались оскорблениям и клевете, ... чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности; вопреки моей воле и даже без моего ведома; отобран мой литературный архив; клевета с трибун усилилась, ожесточилась; искажённые материалы конфискованного архива; недоступны для широкого читателя; моя работа окончательно заглушена, замкнута, оболгана /16.05.67г./.

На примере этих двух писем можно увидеть, как реализуется речевая компетенция А.И. Солженицына. В соответствии с темой письма, учитывая интересы и особенности адресатов (как профессиональные, так и личные), писатель умело подбирает слова, выражения, с помощью чего и достигает коммуникативного успеха.

Рассматривая синтаксический строй писем А.И.Солженицына, можно сказать, что РК писателя проявляется и на этом уровне. Синтаксические конструкции в полной мере отражают богатство речи адресанта. Важным для нашего исследования являлось то, что в письмах выявлено максимальное разнообразие бессоюзных, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, с разными видами связи, вводными и уточняющими конструкциями, осложнениями: *«Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь – косметики»/16.05.67г./;* *«Ещё не рухнувший Западный мир в своей устоявшейся надменности не замечает, как опускается и опускается он со всех ступеней реальной силы и умственного влияния, развиваясь в провинциальный угол планеты»/27.09.75г. – Страсбург/;* *«Эта формулировка оскорбительна для моих соотечественников, страданиям которых я посвятил всю мою писательскую жизнь... /03.05.82г./;* *«А продолжение враждебности к национальной России и к русским национальным чувствам только увеличивает угрозу для Англии, так как толкает русский народ из положения союзника Запада – в безнадёжную отданность коммунизму, и грозно увеличивает число ваших врагов»/15.04.80г./.*

В большей степени в письмах А.И.Солженицына представлены и многочленные конструкции: *«Вот уже и голоса Восточной Азии до-*

бавились к голосам Восточной Европы, но мир, не изведавший глупин страдания, - глух, пока удары этого истребления не поразят - его самого наповал. Мы с вами знаем, что коммунизм не есть чье-либо национальное изобретение, но – органическая гангрена, заливающая всё человечество» /27.09.75/; «И если сегодня Англия вместе со всем миром находится под смертельной угрозой, и её островное положение видится в образе, близком к утоплению, - то сама же Англия внесла в сегодняшнее мировое положение один из главных взносов» /15.04.80/; «В частности, и даже особенно, весь этот порок непонимания разделяет русская секция Би-Би-Си, которую я тоже упоминаю в статье: она бесчувственна к запросам народа, на языке которого ведётся вещание, а тем самым в первую очередь вредит самой Великобритании, или зря растрачивает свои часы» /15.04.80/; «Я с тем и спешу, чтобы просить Вас: защитить интересы тех многих миллионов, кто вовсе не желает от нас отделяться» /30.08.91/; «Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь – косметики» /16.05.67/.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что письма А.И. Солженицына в полной мере характеризуют речевую компетенцию писателя: лексический уровень обусловлен темой письма, слова точно, чётко и ёмко передают суть сообщения, что говорит о правильном выборе лингвистической формы; обращение к адресату и подпись адресанта свидетельствуют о владении нормами речевого этикета и осмыслением ситуации общения, условий речевого акта, сложные синтаксические конструкции отражают умение свободно владеть письменной речью, порождать текст. Эти составляющие также указывают на принадлежность А.И. Солженицына к элитарной языковой личности (по классификации О.Б. Сиротининой).

Примечания:

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010. – 264 с.
2. Леорда, С.В. Речевой портрет современного студента. // Вестник Саратовского государственного аграрного университета. – 2006. - №6. – С. 59-60.
3. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций: автореферат диссертации...кандидата филологических наук /Т.П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 26 с.
4. Глухов, В.П., Ковшиков, В.А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. –

М.: Высшая школа, 2007. – 99с.

5. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. – М., 1975. – С. 193 – 230.

6. Романова, Н.Н., Филиппов, А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. – М., Наука, 2010. – 315 стр.

7. Надибаидзе, О.Ш. Речевая компетенция говорящего. – Флинта, Наука, 2009. – 192 стр.

8. Быстрова Е.А. Коммуникативная методика в преподавании русского языка и школьный учебник / Е.А. Быстрова // Русская словесность, 1996, № 4. С. 4–5, 39 – 43.

Захаров М. А. (Оренбург)

ПРАЗДНИК В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Праздникам отводится важная и значительная роль в социокультурной жизни всех народов. Праздничная культура – это национальная память, то, что выделяет данный народ в ряду других, хранит человека от обезличивания, позволяет ему ощутить связь времен и поколений, получить духовную поддержку и жизненную опору.

Однако современная ситуация в сфере соблюдения традиционной обрядности в официальных праздничных торжествах российских городов заставляет задуматься о том, насколько сильна их связь с народной традицией восточных славян и как эффективно ими реализуются вышеуказанные функции праздничной культуры. Для ответа на эти вопросы постараемся проследить историю выделения и становления городской праздничной культуры и выделим её отличительные черты.

Для России период относительного разделения быта и культуры города и деревни приходится на середину – вторую половину XVII в¹. Это время активного поиска властью новых форм государственных праздников и развития правил церковно-гражданских торжеств. Активизация процесса выделения городских праздников из системы праздничной культуры этноса наблюдается в период правления Петра I, что выражается в явной ориентации городской культуры «на Запад, в противоположность традиционализму деревни»².

По мнению М. М. Бахтина, в целом в городах Европы XVII в. происходят процессы «огосударствления праздничной жизни»³. В результате уже на этом этапе обнаруживаются отличия между празд-

никами в городской и сельской средах. Выделим наиболее важные из них.

Одной из главных задач праздничной обрядности является ритмизация жизненных и производственных циклов. Как отмечает Ж. Ле Гофф, «значение праздников в глазах средневековых людей усиливало то, что они, помимо сопровождавших их внушительных религиозных церемоний, давали и точки отсчёта экономической жизни, определяя даты крестьянских платежей или выходные дни ремесленников»⁴. Своя сезонность и свои циклы были и в городах, однако значительное освобождение от аграрного цикла обусловило в городской среде иное, более деловое отношение мещан ко времени. В итоге, функция ритмизации жизненных циклов на этом этапе, хоть и в иной направленности, но все еще реализуется.

В городских условиях существенно стирается аграрно-магическая сторона праздника. В результате формируется ещё одна специфическая черта праздничной обрядности горожан: в её составе главную роль играли уже не аграрные обряды, а общегородские (светские и церковные) праздничные церемонии, так как в отличие от строгой локализации крестьянского праздника, праздничная культура горожан развивалась в виде отклика на важнейшие события в жизни города и страны.

Для города XVII века, в отличие от деревни, характерна сложная социальная и этническая структура. В связи с этим одной из целей официальных праздничных церемоний было снятие противоречий между различными интенсивно контактирующими группами городского населения, снижение уровня противостояния между ними, угрожавшего целостности городского полиса. Именно поэтому искусство городского праздника представляло собой систему взаимодействия элементов различных этнических культур, а также традиций и новаций.

Сценарий официальных праздничных церемоний развивался в рамках православного календаря, отражая державную идеологию и традиции праздничной обрядности русской православной церкви. Официальный характер праздничных церемоний подчеркивался обязательным участием светской и духовной власти, приглашением иностранных посольств.

А. С. Котлярчук подчёркивает, что город являлся активным участником формирования и развития этнической культуры. В городской культуре XVII века народная струя была исключительно силь-

ной. Причём процесс взаимодействия народной культуры города и деревни носил «обоюдный характер»⁵. С одной стороны, включая в свой состав элементы традиционных крестьянских обрядов, городской праздник демонстрировал их глубокую связь. С другой стороны, вследствие обозначенных выше причин, горожане создали собственную модель праздника.

В результате следования правительства империи державной идеологии и сохранению им традиций обрядности русской православной церкви праздничная культура российского города вплоть до XX столетия продолжала развиваться в том же русле, и эту линию развития можно рассматривать как полосу активного взаимодействия официальной и народной культур. В то же время период с 1903 по 1913 г. представлял собой некий сдвиг в организации праздников в Российской империи, так как современные технические средства все больше оказывали влияние на драматургию праздничных действ и позволяли охватывать более широкие массы. Крупные монархические юбилеи и многочисленные альтернативные и конкурирующие праздничные мероприятия этого исторического отрезка могут, кроме того, рассматриваться как ранняя фаза становления в дальнейшем советских мастеров обрядово-праздничной культуры⁶.

20-е годы XX века – переломные в истории становления праздничной культуры городов. В советский период под влиянием всеобъемлющей коммунистической идеологии праздники стали рассматриваться как составная часть идеологической работы КПСС, «важный фактор в совершенствовании социалистических форм общения, в строительстве нового быта». Официальные советские массовые праздники со времен революции 1917 года поражали воображение своим размахом и помпезностью. Обязательное участие в массовом торжестве позиционировалось как акт политический, а не формальный, и потому организация праздников контролировалась многочисленными комиссиями и государственными инстанциями. В целом предназначение и сущность праздника как социокультурного явления в корне меняются, в официальных праздничных церемониях отсутствует какая-либо связь с народной (тем более религиозной) традицией. Уже после окончания Великой Отечественной войны советские праздничные нормы устоялись, наложившись на традиционные праздники, слились с ними или вытеснили их. В ходе процесса «внутренней советизации» официальные стандарты все больше входили в культурный обиход подданных. Советский праздник сохранил свою значимость и

в послевоенные годы, и после смерти Сталина, более того, он оказывает влияние и на праздничную культуру современной России. В праздничной культуре, а также в области государственной символики современной России, существует смешанная российско-советская идентичность⁷. Сила советской традиции проявляется в неснижающейся популярности 8 Марта и многих профессиональных праздников. Словом, вехи «красного календаря» сохраняют своё влияние и в новой России.

Однако распад СССР, новые политические и социально-экономические условия, идейные ориентации горожан современной России все же существенно повлияли на формирование основных направлений развития праздничной культуры. Активизировался процесс взаимопроникновения культур, наблюдается волна во многом показательного возврата к национальным традициям. В развитии массовых праздников все более активизирующую роль играет использование фольклора, привлекающего зрительскую аудиторию. Происходит возрождение и взаимовлияние народных и религиозных праздничных традиций. Иными словами, наметилась тенденция к возрождению традиционных праздничных церемоний. Однако знак равенства между традиционной праздничной культурой горожан и её современным вариантом ставить нельзя.

Урбанистическая праздничная культура к началу XXI века раскололась и резко дифференцировалась. Произошло явное изменение ценностных ориентации. Современный праздничный календарь весьма хаотичен. В нем трудно заметить стройную систему, а главное, не просматриваются тенденции, ведущие к упорядочиванию общественного досуга в различных системах праздников, вносящие ритм в социальное пространство значимых событий. Разрушение системы праздничных традиций ведет к состоянию бесперспективности, разрыву преемственности и ослаблению культурной связи поколений, разрушению единства социально-культурного пространства, неясности статуса религиозно-праздничной культуры, нескоординированности новых государственных праздников, неопределенности отношения к советской обрядности и ее месту в общем культурном процессе, увеличению количества разного рода локальных «привнесенных» праздников⁸.

Кроме того, одной из характерных особенностей современной праздничной культуры является тенденция сокращения смысловой нагрузки церемоний и обрядов на фоне увлечения увеселительными

феериями⁹. К тому же, большинство праздников прошлого тяготели к «уличному» пространству. Праздники нашего времени в основном носят «камерный» (семейно-бытовой) характер.

Итак, связь современной официальной праздничной обрядности с народной и городской традицией видится крайне слабой, в результате праздник утрачивает значимые функции национальной самоидентификации, духовного обогащения личности, в недостаточной степени реализуются воспитательная и консолидирующая составляющие.

Все это приводит к необходимости историко-культурной реконструкции локальных праздничных ситуаций, воссоздающих культурную среду городов, к выработке единой концепции праздника в государственной культурной политике, системно отражающей связь времён и поколений и особенности национальных традиций городов России.

Примечания:

¹ Котлярчук А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в. - С. 16.

² Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники и увеселения... - С. 7.

³ Котлярчук А. С. Указ. раб. - С. 16.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - С. 170.

⁵ Котлярчук А. С. Праздничная культура... - С. 19.

⁶ Рольф М. Советские массовые праздники. - С. 40.

⁷ Там же. - С. 353.

⁸ Паренчук Т. Н. Праздничная культура современной России...С. 3.

⁹ Там же.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Попова В. И. (Оренбург)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА, МАГИСТРА И ШКОЛЬНИКА

В современных условиях особую значимость приобретает культурно-просветительская составляющая подготовки бакалавра и магистра, включающая поликультурную составляющую: содействие укреплению статуса русского языка как государственного языка РФ; разработка программ, проектов по оказанию языковой поддержки инофонов; овладение опытом взаимодействия участников образовательного процесса с позиций диалога культур.

Ценностно-целевая ориентация подготовки бакалавра и магистра заключается в содействии становлению интегральных личностных характеристик на основе реализации компетентного подхода, что способствует решению профессиональных проблем с учетом полученных знаний, приобретенных ценностей и наклонностей, которые и выступают как показатели профессионального развития человека,

В этой связи идеи философских, социальных и человековедческих наук наиболее значимы для прогнозирования развития образования. Новое качество жизни человека проявляется в перспективе обращаться к многообразным источникам информации, взаимодействовать с феноменами культуры вне зависимости от их пространственного и временного расположения [3].

Культурно-просветительский потенциал образования определяется как готовность моральная (личностная, соответствующая общественным нормам поведения), нравственная (индивидуальная, соотносимой с внутренним культуросообразным поведением), духовная (субъектная, утверждающая ценности в педагогической деятельности) и представляется важным элементом человеческой культуры. [7].

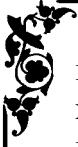
Отсюда и новое понимание образованности — не как многознания и владения набором профессиональных навыков, а как развитости разнообразных способностей системного характера и высокой степени продуктивности. Главная идея состоит в том, что полученные знания и приобретенный опыт будущей профессиональной деятельности приобретают ориентиры культурно-просветительской деятельности как модели приобщения будущего специалиста к социальному проектированию и конструированию образов Будущего.

Мировое сообщество в XXI веке подошло к пониманию перехода от техногенной цивилизации к антропогенной посредством качественного образования и воспитания человека с приоритетными ценностями смысла его жизнедеятельности. Стратегический прогноз состоит в том, что гуманитарное знание занимает все более значительное место в программах подготовки специалистов любого профиля, так как позволяет человеку понять себя и других, наладить взаимодействие с другими людьми.

В этой связи среди приоритетных смыслов подготовки бакалавра и магистра выделены: *социальные* (ответственность педагога перед школьниками, родителями и обществом; расширение возможностей творческой самореализации педагога); *психологические* (возможность для сотворчества с коллегами и учениками, раскрытие своей индивидуальности); *профессионально-педагогические* (возможности овладения новыми методами и технологиями обучения и воспитания, возможность самосовершенствования). Сущностью образовательного процесса при этом становится целенаправленное превращение опыта социального в опыт личный, приобщение обучающегося ко всему богатству человеческой культуры [6].

Важной особенностью подготовки будущего педагога является гуманитарно-культурологическая направленность как одна из важных составляющих современного образования. В этой связи культура рассматривается как универсальная модель развития образования, как среда, питающая и растящая личность, как актуальное и потенциальное содержание образования. Отсюда особое звучание приобретают такие общие моральные понятия, как «благо», «добро», «зло», «долг», «счастье», «совесть», «честь», «достоинство», «смысл жизни», «справедливость» – понятия, которые составляют логическую основу знаний и нравственной жизни человека и общества. Поскольку при помощи понятий добра и зла даётся оценка поступкам человека, моральным качествам личности, то все это соотносимо, с одной стороны, с понятиями благодеяния, доброты, а с другой стороны, – зла, жестокости. Утверждение добра и борьба со злом осуществляется в душе человека, поэтому очень значима его внутренняя культура и нравственный мир.

Таким образом, важнейшей задачей педагогической теории и практики становится задача поднятия престижа образования в целях создания оптимальных условий для разностороннего, гармоничного развития обучающегося в статусе полезного члена общества.

Приняты во внимание духовно-нравственные аспекты образования как процесса гармонизации таких сторон духовной жизни, как восхождение к Ценностям; восхождение к Культуре; восхождение к Себе; восхождение к Другому [2]. Такой подход к пониманию духовно-нравственного воспитания личности открывает широкие возможности для создания воспитывающих ситуаций, организации педагогических и лингводидактических условий духовного саморазвития бакалавра.

Культурно-просветительская деятельность предполагает популяризацию знаний междисциплинарного характера в целях придания образовательному пространству ценностно-ориентированного характера. Заявленные задачи разностороннего развития личности проявляются в доброте, доброжелательности, чуткости, вежливости, великодушии, добросовестности, ответственности во взаимодействии с окружающими людьми. Разработка и апробация культурно-просветительских программ на более высоком практико-ориентированном уровне осуществляется при подготовке магистров.

Так подготовка магистра (направление 0501000.68 Педагогическое образование магистерская программа «Воспитательная работа с молодежью») осуществляется в логике возрастания значимости ценностно-смысловых компонентов содержания образования, направлена на подготовку магистра к выполнению следующих видов профессиональной деятельности: научно-исследовательской; преподавательской; коррекционно-развивающей; консультационной; культурно-просветительской; организационно-воспитательной; социально-педагогической.

Необходимость подготовки магистра обусловлена целым рядом факторов, связанных с обострением глобальных проблем и необходимостью их решения в направлении ресурсно-кадрового обеспечения развивающегося демократического общества; повышения кросс-культурной грамотности выпускников педагогических учебных заведений; реализации идей всеобщей связи между людьми и неизбежностью сближения культур и народов.

Известно, что профессиональная подготовка магистра происходит в условиях радикальной смены политической и экономической систем, стремительной социальной дифференциации, разрушения нравственных ориентиров. С одной стороны, осознаётся необходимость нового типа образования, отличающегося как сущностными характеристиками, так и показателями качества, с другой стороны, не обеспечивается достаточная поддержка вхождения нового поколения

в педагогическую профессию. Отсюда возникает необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки как возможности проявления личностных качеств во всём многообразии связей и взаимодействий [8].

В условиях перехода от постоянных регламентаций учебно-научно-производственной деятельности к свободе выбора дополнительной квалификации, творчеству предполагает ориентацию образовательного процесса на удовлетворение личностных стремлений субъекта образования (студента), его саморазвития и самореализации.

Таким образом, культурно-просветительский потенциал подготовки бакалавра и магистра - это принципиально иной вид теории и тип практики, а именно: не как практика формирования и воспитания, а антропопрактика современных стилей и образов жизни: процесс кардинальной перестройки отношения общества к человеку и человека к самому себе. Отношение человека к себе можно рассматривать в таких направлениях: 1) как к самоцели, 2) как к существу целостному, естественно связанному с природой и социально связанному с другими людьми, 3) как к существу, свободному во всех своих выборах и потому ответственному за всё [10].

Осваивая свой путь достижения поставленных целей в ситуациях культурно-просветительской деятельности бакалавры и магистры овладевают навыками самоменеджмента, профессионального поведения и общения. Кроме того, расширению диапазона вхождения в профессию способствует овладение алгоритмом общепрактических умений осуществления любого вида деятельности: принятие идеи, творческое ее выполнение, совместный анализ, рефлексия своих действий, их оценка, принятие идеи нового дела.

Так появляется возможность осмыслить разные точки зрения и вывести их на новый рубеж изучения человека, природы его социальной активности. В то же время уникальная открытость перспектив социокультурного развития состоит в закономерном исследовании принципов обновления содержания образования в аспекте антропоцентризма. Имея глубокие исторические корни, антропология в современных условиях глобальных реформ может дать новый импульс для развития человека на основе совершенствования образовательных систем: в центре наук о человеке находится сам Человек и всеобъемлющее знание о нем.

Особую значимость приобретают культурные практики – виды самостоятельной деятельности студента. К культурным практикам

можно отнести исследовательские, коммуникативные, художественные, организационные, образовательные, проектные способы и формы действий. Культурные практики – это ситуативное, автономное, самостоятельное приобретение и повторение различного опыта общения и взаимодействия с людьми в различных группах, командах, сообществах и общественных структурах. Это также – освоение позитивного жизненного опыта сопереживания, доброжелательности, любви, дружбы, помощи, заботы, а также негативного опыта недовольства, обиды, ревности, протеста, грубости.

Культурно-просветительская составляющая обеспечивает осмысление содержания и формы его жизнедеятельности, в том числе:

- опыт самостоятельного творческого действия, собственной многообразной активности на основе ответственного выбора;
- ситуативное и глубинное общение, плодотворную коммуникацию и взаимодействие (сотрудничество);
- эмоции и чувства, отношение к себе и другим людям;
- сферу собственной воли, желаний и интересов;
- свою самость, которую можно определить как само=осознание, понимание своего «Я», как многообразного само=бытия;
- самостоятельность, автономность, ответственность и зависимость, дающие право на выбор и самореализацию [12].

Таким образом, культурно-просветительская составляющая подготовки бакалавра и магистра способствует выработке умений анализировать ситуацию, выявлять возникающие проблемы и решать их на высоком уровне согласованности личности и социума.

Примечания:

1. Бондаревская Е.В. Становление теории личностно-ориентированного воспитания // Актуальные проблемы современного воспитания : целостный подход: сб. науч. тр. и материалов по итогам науч. конф. в 2 ч. – Волгоград : Перемена, 2005. – Ч.1. – С15-22.
2. Борытко Н.М. Педагог в пространствах современного воспитания : Монграфия / Науч. ред. Н.К. Сергеев. - Волгоград : Перемена, 2001. – 214 с.
3. Борытко Н.М. Методология психолого-педагогических исследований: Учебник для магистрантов и студ. пед. вузов / Н.М. Борытко. Изд. 2-е испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 284 с.
4. Данильчук В.И., Сериков В.В. К прогнозу развития образовательных систем // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2004. №1. С.3-7.
5. Мудрик А.В. Категория воспитания в теории и практике современного образования // Актуальные проблемы современного воспитания : целостный подход: сб. науч. тр. И материалов по итогам науч. конф. в 2 ч. – Волгоград : Перемена, 2005. – Ч.1. –

С.4 - 15.

6. Попова В.И. Теоретико-методологическое обеспечение внеаудиторной деятельности студентов.- М.: Компания Спутник+, 2005. – 70 с.

7. Попова В.И. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова ; Мин-во образования и науки РФ ; Оренб. гос. пед.ун-т. 2-е изд., переработ. и доп. – Оренбург : изд-во ОГПУ, 2013. – 304 с.

8. Гуманитарно-педагогические технологии в парадигмальной множественности современной педагогической реальности //Творческая личность : технологии и методики ее развития. Международная науч.-практич. Конференция : сб. статей : в 2 т. / отв. ред. В.Г. Рындак. – Оренбург, 2013 : Изд-во ОГПУ. - С. 454- 463.

9. Проектирование учебно-методического обеспечения модулей инновационной образовательной программы: Методическое пособие / О.В. Акулова, А.Е. Бахмутский, Р.У. Богданова, О.Б. Даутова, Е.В. Пискунова, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпичина; Под ред. С.А. Гончарова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 159 с.

10. Слободчиков, В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Новые ценности образования «Событийность в образовательной и педагогической деятельности» / Под ред. Н.Б. Крыловой и М.Ю. Жилиной Вып. 1 (43), 2010 С.5-14.

11. Соловцова И. А. Духовное воспитание: система понятий.//Педагогика №4. 2008.

12. Событийность в образовательной и педагогической деятельности//Новые ценности образования/ Под ред. Н.Б. Крыловой и М.Ю. Жилиной; Науч. Ред. Н.Б. Крылова. Выпуск 1 (43), 2010. 145 с.

Волкова Т. Н. (Шуя)

ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык является непреходящей ценностью. Знание языка позволяет сохранять связь поколений, оно дает возможность шире смотреть на мир, понимать и принимать его во всем разнообразии. В этом заключается неразрывная связь языка и культуры.

В методической науке, в частности в трудах А.Д. Дейкиной, выделяется две стороны при изучении русского языка: «Первая сторона– ценностное отношение к предмету, к культуре – основывается на знаниях и представлениях и может быть освоена и рационально (осознаю, понимаю), и эмоционально (чувствую). Вторая сторона касается чувств – чувства любви к языку, к культуре, которое возникает чувственным, эмоциональным путем на фоне интереса к языку и культуре (там, где интересно, эмоциональное чувство выше). Соеди-

нение двух сторон дает соединение образованности и нравственности: зная родной язык и родную культуру нельзя не оценить их, не проникнуться к ним теплым чувством (патриотическим!). В синтезе научного (воспринимаемого умом) и духовного (воспринимаемого сердцем) преодолевается духовная безграмотность и нравственный нигилизм» [3, с.11]. Уроки русского языка представляют богатейшие возможности для постижения учащимися культуры, в частности православной.

Высокий интерес к культуре как значимому для воспитания явлению традиционно свойственен для педагогической науки. Это объясняется следующими факторами: социальное и персональное пространство, историческое и личное время бытия как взрослого человека, так и ребенка заполнено предметами, отношениями, ценностями, информацией и технологиями, имеющими прямое отношение к материальной и духовной культуре; культурный опыт ребенка, который предопределяет особенности его общения и поведения, уровень духовных стремлений, критерии самооценки и другие его характеристики, задачи воспитания и способы их осуществления – постоянный фон его жизнедеятельности; воспитание (содержание, традиции, ценности, технологии и т.п.), а также формы проявления воспитанности людей – важные составляющие любой культуры. Но духовные и эстетические ценности сами по себе еще не определяют культурного развития общества. Лишь их доступность широким народным массам, их воздействие на каждого члена общества являются свидетельством высокой культуры общественной формации [1].

Во все времена жизни человека важной была проблема духовно-нравственного воспитания и становления личности, что было основной целью православной педагогики, основоположником которой является К.Д.Ушинский [5].

Духовно-нравственное воспитание предполагает мировоззренческое развитие личности, обязательно включающее освоение духовных, т.е. высших смысложизненных ценностей, наиболее значимых представлений в мировоззрении данного типа, усвоение этого мировоззрения и выработку соответствующих нравственных качеств, духовно-нравственной культуры. Результатом духовно-нравственного воспитания является определенный образ жизни человека [2].

В практике работы по духовно-нравственному воспитанию определен ряд приоритетных направлений, среди которых возвращение к пропаганде духовности средствами культуры и искусства.

Искусство – средство познания мира. Памятники архитектуры – это целый пласт культуры, созданный талантливыми мастерами. Однако в научной педагогической литературе на современном этапе нет исследований аспекта духовно-нравственного воспитания учащихся средствами региональных культурных ценностей, постижение которых представляет богатейшие возможности для духовно-нравственного воспитания учащихся, приобщает их к историко-культурным ценностям, к памяти народа. Однако отсутствие развития духовного начала в личности человека в современной общеобразовательной школе является собою отрыв от исторически сложившейся культурно-педагогической традиции в отечественном образовании.

Святыни нашего края являются, в своем большинстве, православными памятниками архитектуры. Воспитательный потенциал, реализуемый средствами региональных культурных ценностей, в данном случае, православными памятниками архитектуры, безграничен. Так, дети могут получать разносторонние сведения о храмах-памятниках и культуре нашего края, во-первых, из рассказа учителя, во-вторых, с помощью использования современных технических средств обучения на уроках, что делает материал ярким и запоминающимся, в-третьих, можно организовывать экскурсии для детей и их родителей к изучаемому храму – памятнику, оказывать посильную помощь в облагораживании территории около храма и т.д.

В своей педагогической практике мы используем материал о православных памятниках архитектуры на уроках русского языка. Нами разработан цикл уроков «Духовно-нравственные ценности нашей Родины». На первом уроке проходила работа с текстом «Великое дело»:

Мы долго искали место для церкви, ездили и ходили вокруг Фленова, обсуждали этот вопрос со всех сторон и наконец нашли. Это было восхитительное место, лучше которого вряд ли возможно найти для церкви. Оно точно для того и было предназначено. Здесь, рядом со школой, на высокой красивой горе, покрытой соснами, елями и липами, с необозримым кругозором, положено было основание храму во имя Святого Духа. Хотелось дело любви – школу – увенчать неугасимой лампадой – церковью, хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви – народную школу, где в классах, на полях, в лесу, в огородах, в труде шевелился бы маленький люд, раздавался веселый смех, где совершалось бы великое дело.

Я всегда была того мнения, что прикладывать много вкуса, воображения и затрат для постройки личного жилища не стоит. Частное жилище всегда останется частным и ничего не даст обществу. Видят его немногие, да и то, что процветает при одном владельце, большей частью при наследниках забрасывается. Здание же, которое может послужить образцом современного вкуса, – это музей, театр, церковь, т.е. всякое общественное здание[6].

Учебно-методическая ценность таких уроков заключается в том, что они могут выступить как самостоятельный факультативный курс о православной культуре малой Родины. Его основной целью является: духовно-нравственное воспитание учащихся средствами традиционных региональных ценностей православной культуры.

В ходе проведения таких уроков предполагается решение следующих задач:

- формирование нравственных убеждений на основе знаний из области духовности и нравственности, которые являются главными ориентирами всей духовной и культурной жизни России;
- обогащение словарного запаса учащихся в области духовности и нравственности;
- воспитание интереса к православным храмам как духовным святыням Отечества.

На подобных уроках русского языка учащиеся познакомились с храмами Москвы, Троице-Сергиевой Лавры, а также с региональными памятниками православной культуры, такими, как церкви г. Плеса Ивановской области (Воскресенская, Варваринская, Успенская, Троицкая) [4]. С этой целью использовались очные и заочные экскурсии, работа с текстами о данных храмах, ученические конференции о православной культуре.

Как показала практика, предложенные нами содержание и формы работы по духовно-нравственному воспитанию учащихся являются эффективными, так как значительно возрос интерес школьников к православной культуре, учащиеся были активны при выполнении творческих работ. Использование материала об архитектурных памятниках православной культуры способствует духовно-нравственному воспитанию школьников, а также эстетическому воспитанию учащихся, развитию культуры общения.

Литература

1. Волкова, Т.Н. Воспитание человека культуры средствами языка и искусства в процессе гуманитарного образования / Т.Н.Волкова. – Шуя, 2007.

2. Галицкая, И.А. Понятие «Духовно нравственное воспитание» в современной педагогической теории и практике //И.А. Галицкая, И.В. Метлик //Педагогика. – 2009. – № 10.

3. Дейкина А.Д. Духовно-нравственное развитие учащихся средствами русского языка //Реализация современных подходов к преподаванию русского языка с учетом традиций отечественной методики / Материалы Всероссийской научно-практической конференции в МПГУ 20-21 марта 2008 г. – Москва – Ярославль, 2008.

4. Закаменная, Е.Н. Плес. XX век. – Иваново, 2010.

5. Зосима, Байбородова, Л.В. Основоположник православной педагогики К.Д. Ушинский //Церковь, государство и общество в истории России XX века: материалы III Международной конференции. – Иваново, 2003. – С.151-152.

6. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – Искусство: Ленинградское отделение, 1991. – С.183-184.

Васильева Р. И. (Якутск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯКУТСКО – РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

По данным всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения Республики Саха (Якутия) составила 958,5 тыс. чел., из них якутов – 48,7%, русских – 36,9%. Уровень владения русским языком у якутов один из самых высоких около – 86%, для сравнения у бурят этот показатель составляет – 45,4%. В общей этнической картине страны произошли некоторые изменения: буряты после опубликования итогов переписи 2010 г. официально перестали считаться самым многочисленным коренным народом Сибири и российского Дальнего Востока, уступив первое место якутам, их численность теперь составляет– 461 389 чел.¹ В связи с изменением демографических факторов и сменой культурно-цивилизационных и географических парадигм наблюдается интенсивный поиск приемлемых путей возрождения и развития национальных языков и культур в России, разрабатываются новые подходы в осмыслении и воспитании би- и поликультурной личности, переосмысливается стратегия филологического образования в целом. История развития якутско-русских контактов в Якутии, свидетельствует о том, что при смене культурных парадигм население Якутии эволюционировало, благодаря взаимодействию языковых и экономических факторов. Народы, населяющие евразийское пространство, – разные, они различно восприни-

мают происходящие глобальные процессы и оценивают многие явления общественной жизни. И в этом многообразии и заключается один из определяющих компонентов устойчивости современного мира. Сохранение и возрождение национальных культур и языков в условиях Российской Федерации обуславливают процессы роста национального самосознания в пределах национальных границ, основываясь на возрождении своего природного языка. В 1989г. около 5% якутов считали своим родным языком русский язык, то в период после принятия национальной концепции и суверенизации национально-языковой жизни, поднявшие уровень национального самосознания якутского этноса и число лиц, назвавших родным язык не своей национальности – русский, в 1994г. составлял уже 2,9%, а через 8 лет уже поднялся на 3,6%.²

Становление якутско-русского двуязычия в городской и сельской местности по своим масштабам различается. Свободное владение русским языком распространено среди городских якутов значительно шире. Как считает Аргунова Т.В., автор монографии «Якутско-русское двуязычие», вышедшей в 1992 г. «на сегодня саха, в сравнении с титульными народами бывших автономий, входят в число народов с наибольшим числом монолингвов с родным этническим языком и наименьшим – с родным русским»³.

Обучение языкам в школах Республики Саха (Якутия) имеет свою специфику, связанную с особенностями языковой ситуации республики, которая характеризуется высокой степенью языкового разнообразия. Общественные функции языков, сферы их применения в жизни контактирующих внутри республики народов различны, неодинаковы их статус, социальная и коммуникативная база применения. Структура языкового образования в школах Республики Саха (Якутия) состоит из следующих компонентов:

- обучение родным языкам (русскому, якутскому, эвенскому, эвенкийскому, юкагирскому, чукотскому, долганскому);
- обучение русскому языку как государственному и как языку межнационального общения в якутских школах;
- обучение якутскому языку как государственному языку РС(Я) в школах с русским языком обучения;
- обучение иностранным языкам.

Существующие образовательные практики для сохранения языка и культуры якутского народа, базируются на Национальной концепции, принятой в 1991 г. В республике впервые с внедрением Кон-

цепции процесс этнической социализации стал происходить на основе школьного обучения. В настоящее время семья, школа и социум являются основными институтами этнопедагогической системы воспитания, в которых нашли отражение природные и социальные условия среды, особенности этнической психологии якутов, менталитет, особенности воспитания детей, взаимоотношений взрослых и детей. Обучение языкам в школе имеет свою специфику, связанную с особенностями языковой ситуации республики, которая характеризуется высокой степенью языкового разнообразия. Общественные функции языков, сферы их применения в жизни контактирующих внутри республики народов различны, неодинаковы их статус, социальная и коммуникативная база применения.

В настоящее время 83,2 % учащихся – саха (якутов) изучают родной язык, в процессе общеобразовательной подготовки, не изучают - 16,5 %, т.е. каждый пятый школьник не имеет реальной возможности изучать родной язык. Подавляющее большинство этой категории приходится на г. Якутск и промышленные районы республики. Во многом такое положение дел проявляется, с одной стороны, объективной нехваткой национальных школ и классов, с другой – позицией родителей в выборе школы.

По результатам опроса, проведенного сектором социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН в 2007-2009 гг. были получены следующие результаты: большинство респондентов в г.Якутске считают предпочтительным одновременное обучение детей в начальной школе на родном и русском языках – 61,8%, в Таттинском районе – 50%, Момском районе – 42,0%, Сунтарском – 41,0%. За обучение только на русском языке выступили северные районы: Верхнеколымский – 24,0 % Абыйский – 18,0 % и Булунский – 17,6%. Вопрос о преподавании основных предметов в школе (математики, физики, химии) на родном или русском языках является дискуссионным, тем не менее сейчас действуют различные учебные программы, как в сельских, так и в городских школах. Выбор родного языка обосновывается культурными или политическими причинами, предпочтение же русского языка обосновывается престижностью и большей витальностью данного языка в российском языковом сообществе. Проведенное исследование в 2010-2011 г., количество опрошенных человек – 441 чел., в сельских гомогенных населенных пунктах Хангаласского и в Намского районов (улусов) Республики Саха (Якутия) и в г. Якутске среди сель-

ских мигрантов выявило следующие результаты, которые наглядно представлены в (табл.1, 2, 3.) В рамках работы над текущей темой НИР проведен мониторинг в городской и сельской местности среди студентов Северо-Восточного Федерального Университета (мигрантов из села) и учащихся школ в г.Якутске (школа №»2), в селах Улахан-Ан, Булгунняхтах Хангаласского района (улуса), в Хамагаттинской саха-французской лицее Намского улуса. Анализ полученных результатов свидетельствует, о том, что языковые предпочтения молодежи формируются не только объективными но и субъективными причинами, как правило, выбор языка обучения осуществляется их родителями.

Якуты, проживающие в сельской среде, родной язык усвоили в детстве. В дошкольном учреждении получили воспитание на родном языке – 58,4% якутов, 24,7% на двух – 24,7, на русском –16,4 %. Социализация сельских жителей – якутов формируется условиях традиционной культуры и национального языка, во всех жизнедеятельности функционирует якутский язык (табл.1).

Таблица 1

Язык обучения и воспитания в дошкольном учреждении

Варианты ответов	Общее количество респондентов-якутов	В процентах
Якутский	256	58,4
Русский	72	16,4
Оба языка	108	24,7
Другой	2	0,5

Результаты опроса среди молодежной группы школьников и студентов 2011г.

70,7 % сельских якутов являются монолингвами, до поступления в школу говорили на родном языке (табл.2)

Таблица 2

На каком языке Вы преимущественно говорили до поступления в школу:

Варианты ответов	Общее количество респондентов-якутов	В процентах
На якутском	312	70,7
На русском	40	9,1

На обоих языках	88	20,0
На другом	1	0,2

Результаты опроса среди молодежной группы школьников и студентов 2011г.

Трудности коммуникативного характера встречаются у респондентов якутов молодежной группы (16-24 лет) в использовании русского языка, ранжирование по вариантам представлено в (табл.3). На этот вопрос ответили 397 чел. Особые трудности в незнании русского языка выявлено по трем параметрам: при сдаче сессии в училище, в Вузе – 23,2%, при сдаче экзаменов по русскому языку в школе – 21,5 %, при сдаче экзаменов ЕГЭ – 18,5 % (табл.3).

Таблица 3

Если Вы знаете русский язык плохо, были ли Вашей жизни случаи, когда Вы жалели об этом?

	Общее количество респондентов-якутов	В процентах
При сдаче экзаменов по русскому языку в школе	64	21,5
При сдаче экзаменов ЕГЭ	55	18,5
При сдаче сессии в училище, в Вузе	69	23,2
Когда не понимали хорошо речь преподавателя	48	16,1
При общении с родственниками, друзьями, коллегами	40	13,4
При чтении литературы, газет, журналов	28	9,4
При просмотре и прослушивании теле и радиопрограмм	8	2,7

Результаты опроса среди молодежной группы школьников и студентов 2011г.

В сельской среде функционирует неконтактный якутско-русский билингвизм, что приводит к снижению качества русской письменной и устной речи выпускников якутской национальности. Очень низок процент лиц коренной национальности в наукоемких отраслях, что обуславливается многими факторами и в том числе слабой языковой компетенцией во втором функциональном языке – русском.

В апробации новой формы итоговой аттестации выпускников 9 классов по русскому языку Республики Саха (Якутия) в 2009 году принимали участие 33 улуса (района).

Таблица 4

Количество участников государственной (итоговой) аттестации выпускников 9 классов общеобразовательных учреждений РС (Я) в новой форме по русскому языку в 2009 г.

Наименование общеобразовательного предмета	Количество улусов, участвующих в апробации	Количество выпускников, участвующих в апробации	Процент
Русский язык как неродной	27	2737	46,4%
Русский язык как родной	19	3168	53,6%
Итого		5905	

* Материалы Института развития образования и повышения квалификации по РС(Я)

В итоговой аттестации участвовало примерно равное количество выпускников 9 классов общеобразовательных учреждений РС (Я) – 46,4 % и 53,6%, обучающихся в национальных школах и школах с русским языком обучения. Качественные параметры якутско-русского двуязычия учащихся 9 классов средних общеобразовательных учреждений представлены в (табл.5).

Материалы итогов аттестации свидетельствуют о том, что существуют определенные проблемы в преподавании русского языка как неродного (49,6%) качества, а данный учебный предмет является одним из важных дисциплин в образовательной системе.

Таблица 5

Результаты государственной (итоговой) аттестации выпускников 9 классов общеобразовательных учреждений РС (Я) по русскому языку в 2009 г.

	% успеваемости	% качеств
Русский язык как неродной	90,3	49,6
Русский язык как родной	93,5	52,9
Итого	91,9	51,25

*Материалы Института развития образования и повышения квалификации по РС(Я)

В настоящее время приобретает особую значимость научный тезис о целесообразности приобщения к культурным ценностям изучаемого языка через призму культурных реалий своего народа, своего языка. В нашей многонациональной республике есть понимание того, что для сохранения родных языков и развития паритетного двуязычия и многоязычия необходимо создание различных типов средних общеобразовательных учреждений, формирующих языковую компетенцию учащихся, в том числе школ для мигрантов, оказания им учебно-методической помощи для адаптации в условиях многоэтнического социума в Республике Саха (Якутия).

Примечания:

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

² Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. Якутск. 1990. С.105.

³ Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск. 1992. С. 85.

Щербакова О. В. (Оренбург)

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УЧИЛИЩА

В современных условиях особую значимость приобретает проблема гуманитаризации воспитания как основа создания комфортной воспитательной среды для жизнедеятельности обучающихся. Это связано с эволюцией философских и психолого-педагогических воззрений, в соответствии с которыми в центр исследования выдвигается ученик, к которому предъявляются принципиально новые требования. Они состоят в том, чтобы обеспечить условия для овладения духовной культурой, необходимой для качественного изменения структуры, содержания и организационных форм всей системы педагогического образования.

Безусловно, кризис образования не лежит на поверхности явлений, он имеет внутренний характер, связанный с утратой важных аспектов гуманитаризации образования как основы развития личности воспитанника. Это обусловлено тем, что в последние годы педаго-

гические, философские исследования доказывают феномен снижения нравственной культуры человека и неспособности к культурному обустройству собственной жизни.

В этой связи гуманитарное сознание в системе образования и воспитания является средством социальной ориентации личности. Точка зрения академика Д. С. Лихачев подтверждает необходимость развития гуманитарного мышления, акцентирующего понимание, осознание и использование накопленного человеческого опыта.

Термин «гуманитаризация», производный от термина «гуманитарный» (от латинского *humanitas* - человеческая природа, образованность), изначально отражал увеличение количества предметов гуманитарного цикла (философия, история, филология и др.). Однако гуманитарные науки и гуманитарное образование и воспитания – не одно и то же. Современные тенденции воспитания позволяют воспринимать гуманитарные науки как возможность осмысления нравственной культуры человека на уровне признания человека основной ценностью. При этом гуманитарные науки призваны раскрывать законы общественного развития, формы и способы взаимодействия социальных агентов, разрабатывать социальные нормы, установки, цели. Основная функция образования и воспитания – это обучение этим законам, нормам и установкам, создание условий для того, чтобы человек мог осознать, понять своё место в системе общественных связей, в духовном мире.

Гуманитаризация образования и воспитания кадет в училище включает усиление просветительской деятельности в различных областях культуры, внимание к вопросам воспитания, нравственности и морали. Гуманитаризацию образования и воспитания следует рассматривать как формирование у кадет особой собственно человеческой формы отношения к окружающему миру и самому себе, своей собственной деятельности в нем.

Гуманитаризация образования и воспитания направлена на развитие творческих способностей кадет, на развитие у них эстетического мировосприятия и этического отношения к действительности. Также гуманитаризация ориентирует воспитанника на необходимость понимания той социокультурной среды, в которой ему приходится находиться, жить.

Основополагающими принципами, которые должны быть заложены в практические действия по гуманитаризации образования и воспитания, являются следующие:

- гуманитаризация должна производиться «не насильственным» путем, а на основе интереса учеников и основываться на возможности выбора;

- необходимо повышение уважения к личности кадета, изменение взаимоотношений между преподавателем и воспитанником;

- занятия и внеклассные мероприятия должны быть не только местом получения знаний, но и средством общения;

- в процессе образования и воспитания использовать современные образовательно-развивающие технологии;

- формировать принципиально новое отношение к гуманитарным наукам как к «полноценным» и необходимым для развития личности.

Понятия «гуманизация» и «гуманитаризация» взаимосвязаны. Диалектическая взаимосвязь гуманизации и гуманитаризации образования и воспитания позволяет определить цель учебно-воспитательного процесса как создание объективных и субъективных условий для всестороннего и свободного развития личности кадета, его мышления, общей и методологической культуры через углубленную индивидуализацию обучения и воспитания в училище на основе общечеловеческих принципов.

Гуманистическая и гуманитарная тенденции образования и воспитания в училище открывают личности ценности мировой культуры, и прежде всего – собственно российские традиции, а главное, являются основой формирования социально зрелого человека.

Под гуманитаризацией воспитательной среды училища мы понимаем создание таких условий, такой обстановки, при которых содержание, структура, методы и приемы обучения и воспитания в совокупности отражали бы процессы, происходящие на уровне культуры в целом. Эти условия предполагают интеллектуальное, культурное, физическое и нравственное развитие обучающихся, их адаптацию к жизни в обществе, подготовку к служению Отечеству на гражданском и военном поприще, ориентацию на поступление в высшие учебные заведения.

Воспитательная среда ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище» – это единое воспитательное пространство, охватывающее весь педагогический процесс, интегрируя учебные занятия, внеурочную жизнь детей, разнообразную деятельность в дополнительном образовании, общение, влияние социальной, природной, предметно-эстетической среды.

Президентское училище – это школа, работающая на будущее, так как она ориентирована в первую очередь на развитие личности, создание условий для воспитания всесторонне развитого человека.

Отличительной особенностью училища является так называемый кадетский компонент. Отсюда обучение и воспитание в училище имеет свою специфику, отличающуюся от обычной школы:

- у кадет своя форма одежды (парадная и повседневная), шевроны, флаг училища;
- уклад жизни, включающий в себя ежедневный утренний и вечерний осмотры, проведение утренней физической зарядки, вечерняя прогулка, проверка, раз в месяц встречи с родными за пределами училища;
- особое внимание уделяется спортивно-оздоровительному направлению: на территории училища имеется большое количество спортивных комплексов, которые позволяют воспитанникам заниматься в них, помимо обязательного и дополнительного образования;
- все пространство жизнедеятельности кадет обеспечено оборудованием с возможностью использовать новейшие современные технологии, что является качественной составляющей инновационного воспитательного процесса;
- с кадетами работают старшие воспитатели, педагоги-организаторы, педагоги-психологи, классные руководители (данные специалисты призваны организовать особую систему содержания, воспитания, отношений между воспитанниками, способствовать развитию их совместной деятельности в условиях президентского кадетского училища).

Воспитание в президентском кадетском училище предполагает необходимость формирования у подрастающего поколения, за которым будущее страны, высоких нравственных, морально-психологических и этических качеств, формирование готовности к военной службе, понимания каждым гражданином своей роли и места в служении Отечеству, личной ответственности. Условия, в которые попадает подросток, – соблюдение распорядка дня, организация быта, обучения, досуга, интерьер помещений, стиль общения между воспитанниками-сверстниками, между воспитанниками и взрослыми – должны стать воспитывающими.

Гуманитаризация воспитательной среды училища прослеживается через:

- организацию единого воспитательного пространства, разумно сочетающего внешние и внутренние условия воспитания обучаю-

щихся, атмосферу училищной жизни, отношения между членами микрогрупп;

- развитие самоуправления обучающихся, предоставление им реальной возможности участия в управлении образовательным учреждением, в деятельности творческих и общественных объединений различной направленности;

- содействие формированию сознательного отношения обучающихся к своей жизни, здоровью, а также к жизни и здоровью окружающих людей;

- вовлечение воспитанников в систему дополнительного образования с целью обеспечения самореализации, самосовершенствования, самостановления, самоопределения личности;

- создание условий для участия семей обучающихся в воспитательном процессе, повышение активности родительского сообщества; привлечение родительской общественности к участию в соуправлении училищем;

- воспитание обучающихся в духе демократии, личностного достоинства, уважения прав человека, гражданственности, патриотизма.

Необходимо создавать условия, при которых воспитанник становится не объектом, а активным субъектом педагогического и воспитательного процессов. Гуманитаризация воспитания должна определять не воздействие педагога на кадета, а взаимодействие личностей педагога и обучающегося, когда воспитание предстает как процесс общения: личность развивается в процессе духовного и деятельного общения с другой личностью. В сотворчестве детей и взрослых – в мастерской, студии, на уроке, в спортивном зале, на занятиях – происходит совместный поиск истины, рождаются новые творческие идеи, проекты, образы. Смысл воспитания – не в передаче готового опыта старших, а в расширении возможностей получения обучающимся собственного жизненного опыта.

В основу воспитательной системы коллективом училища закладываются следующие методологические подходы, которые позволяют решать воспитательные задачи:

- *гуманистическая направленность* (признание ценности каждого человека, создание ситуации успеха, самоопределение и самореализация обучающихся);

- *лично-ориентированный подход* (развитие индивидуальности, обеспечение и поддержка процессов самопознания и самосовершенствования обучающихся);

- *приоритетность* исторического, культурного наследия России, её духовных ценностей и традиций (формирование уважительного отношения к истории, культуре, традициям России, содействие развитию патриотических качеств и готовности к достойному служению Отечеству);

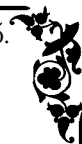
- *коллективная направленность* (круглосуточное пребывание обучающихся использовать как средство воспитания в коллективе и через коллектив).

Основные воспитательные задачи реализуются в процессе повседневной жизни воспитанников, совместной их учебной и внеучебной деятельности, во взаимодействии педагогов, классных руководителей, воспитателей, педагогов-организаторов, педагогов дополнительного образования, других работников ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище», а также родителей (законных представителей) кадет.

Таким образом, гуманитаризация воспитания является основным стратегическим направлением деятельности кадетского училища. Культурно-творческая миссия училища состоит в создании условий для свободного и творческого развития личности каждого воспитанника. Все это достигается при условии создания определенного гуманитарного потенциала воспитательной среды.

Литература:

1. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация: монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки РФ; Оренб. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., переработ. и доп. - Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. – 304 с.
2. Модернизация образования в контексте гуманитарных технологий в системе подготовки и переподготовки специалистов образования: метод рекомендации / Под ред. Н.В. Седовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 304 с.
3. Петрунева, Р.М. Гуманитаризация образования: Модель гуманитарно ориентированного специалиста: учеб. пособие / Р.М. Петрунева; Волгоград. Гос. техн. ун-т. Волгоград, 1998. 114 с.
4. Проблемы гуманитаризации образования в техническом вузе: сб. науч. тр. Каф. философии и соц. Наук/редкол. : А.Е. Кашеев (отв. ред) [и др.]. Иркутск : ИрГУПС, 2003. 85 с.
5. Соколова, Л.Б. Формирование культуры педагогической деятельности будущего учителя / Л.Б. Соколова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 299 с.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времен / К. Ясперс // Смысл и назначение истории; пер. М.И. Левиной. – М.: Республика, 1994. – 420 с.
7. Холопова Т.Г., Актуализация гуманитарного опыта студентов в профессионально направленной внеаудиторной деятельности /Т.Г. Холопова //Пед. науки. 2005. №4 (14). С. 44-47
8. Холопова Т.Г., Научно-исследовательская деятельность студентов в условиях гу-

Хасенова Е. В. (Оренбург)

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ВОСПИТАННИКА КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В современных условиях переоценки нравственных ориентиров развития личности остается нерешенной проблема воспитания нравственной культуры подрастающего поколения. В этой связи необходимо добиваться того, чтобы нравственные и моральные истины были не просто понятны, но и стали бы целью жизни каждого человека, предметом собственных стремлений и личного счастья.[1]

Вопросы нравственного развития, воспитания, совершенствования человека волновали общество всегда и во все времена.

Так вопросы нравственности в античные времена, средневековья, в эпоху Возрождения решались неоднозначно. К. Ясперс полагал, что между VIII – XI вками до н. э. были заложены основы современной цивилизации. Одновременно и независимо друг от друга в различных регионах происходил качественный сдвиг в духовном развитии человечества. Возникли фигуры великих учителей человечества, первые философы в Греции создавали философско-этические учения о добре, зле, долге, справедливости, совести и др. Эти идеи закреплялись как образцы нравственного мышления и поведения людей и послужили нравственной основой мировых религий, цивилизации. [6]

Истолкование и постановка некоторых вопросов морали и нравственности античными авторами означало зарождение традиций в подходе и теоретическом анализе проблем жизни человека и общества.

Постепенно формируются представления о нравственности как совокупности общезначимых норм: благо Отечества, благо семьи, идея справедливости, наличие твердой законной власти, культ собственности и трудолюбия, независимость духа, бесстрашие, идея равенства людей. В работах античных философов можно найти размышления о роли воспитания и воспитателя в жизни общества. Так, Аристотель считал воспитание делом государственной важности. Платон проводил идею доминирования авторитарности воспитания, настаивал на необходимости использования воспитателем «угроз и ударов».[2]

В средние века преобладающими являются идеи религиозного ряда, им подчинены эстетические, общеполитические, политические и экономические представления человека того времени; методами воздействия на подрастающее поколение признавались суровая дисциплина и наказание. Основные положения западноевропейского Средневековья, которые базировались на Библии, оформились в учениях «отцов церквей». Следовательно, в обучении и воспитании преобладал схоластический подход, основными методами воздействия признавались наказание и суровая дисциплина.

В эпоху Возрождения с возникновением гуманизма как широкого философского, морально-этического движения в защиту человека возникает интерес к нравственным проблемам не только у слушателей церкви, но и у представителей светской культуры – художников, ученых, политиков. Культивируется уникальность и своеобразие, оригинальность, яркая индивидуальность личностных проявлений отдельного человека, творца собственной судьбы. И в то же время, как отмечает А.Ф. Лосев, «возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей».[10]

Задачей нравственно-этической мысли Нового времени являлось обоснование нравственной полноценности личности, суверенности морального субъекта, общеобязательности норм морали; универсальным средством утверждения новых нравственных идей провозглашается разум. Деятели нового времени считали, что при помощи разума, при помощи просвещения можно обуздать эгоизм человека, согласовать индивидуальные потребности и общественное благо. Появляется понимание того, что нравственность, являясь свойством отдельного индивида, выступает в то же время общеобязательной социальной организующей силой.

Ко времени принятия христианства на Руси существовала своя история, философия и мораль, своя духовная сила, культура. Характерной особенностью морали Древней Руси являлось особое эмоциональное мироощущение, которое находило отражение в нравственных представлениях русских людей и морали в целом. Со времен язычества существовало чувство слитности, взаимосвязанности человека, мира людей с природой, с космосом в целом.

В процессе становления Московского государства закладывались основы светской и религиозной этики. Появление религиозной поучительной литературы: «поучение делом», «поучение словом» -

нашло отражение и в светском «мирском благочестии» и в житейской нравственности.

Практически все нравственно-этические учения в России выявляют основную, уникальную особенность – русскую духовность как совокупность нравственных, философских, эстетических, религиозных представлений, образов и символов, сложившихся с давних времен и существующих в нравственном сознании русского народа. Идея внутреннего единства и целостности, особой истории народа, ее культуры и общей судьбы не утратило своего значения и в современных условиях развития Российского государства.

В современных условиях постоянно изменяющегося мира проблема нравственного воспитания становится все более актуальной. Следует исходить из того, что нравственное воспитание - процесс, направленный на формирование и развитие целостной личности ребенка, и предполагает становление его отношения к Родине, обществу, коллективу, людям, к труду, своим обязанностям и к самому себе. Задача нравственного воспитания состоит в том, чтобы социально необходимые требования общества педагоги превратили во внутренние стимулы личности каждого ребенка, такие, как долг, честь, совесть, достоинство. [4]

Определяющую роль в этом процессе играет социальная среда. Само формирование нравственных качеств происходит в социальной среде, в его реальных действиях и поступках и в той внутренней работе, которая завязывается вокруг них и в них выплескивается. Развитие личности в детстве происходит под влиянием различных социальных факторов.

Как известно, в разные возрастные периоды личностного развития количество социальных институтов, принимающих участие в формировании ребенка как личности, их воспитательное значение различны. В процессе развития личности ребенка от рождения до трех лет доминирует семья. В дошкольном детстве к воздействию семьи добавляется влияние общения со сверстниками, другими взрослыми людьми. С поступлением в школу открывается новый мощный канал воспитательного воздействия на личность ребенка через сверстников, учителей, школьные учебные предметы и дела. Расширяется сфера контактов со средствами массовой информации.

Начиная с подросткового возраста, большую роль в развитии личности играет общение со сверстниками, друзьями, среди которых ребенок проводит большую часть своего времени.

По мере взросления роль семьи в развитии ребенка постепенно уменьшается и увеличивается разносторонность воспитательных воздействий на личность ребенка.

Любой поступок человека, если он в той или иной степени влияет на других людей и небезразличен для интересов общества, вызывает оценку со стороны окружающих. Мы оцениваем его как хороший или плохой, правильный или неправильный, справедливый или несправедливый. При этом мы пользуемся понятием морали.

Мораль в прямом значении этого слова понимается как обычай, нрав, правило. Часто в качестве синонима этого слова используют понятие этика, означающее привычку, обычай. В другом значении «этика» употребляется как философская наука, изучающая мораль. В зависимости от того, как освоена и принята человеком мораль, в какой мере он соотносит убеждения и поведение с действующими моральными нормами и принципами, можно судить о его уровне нравственности. Иначе говоря, нравственность — это личностная характеристика, объединяющая такие качества и свойства, как доброта, порядочность, честность, правдивость, справедливость, трудолюбие, дисциплинированность, коллективизм, регулирующие индивидуальное поведение человека.[7]

Поведение человека оценивается по степени соответствия определенным правилам. Если бы таких правил не было, то один и тот же поступок оценивался бы с разных позиций и люди не могли бы прийти к единому мнению - хорошо или плохо поступил человек. Правило, имеющее общий характер, т.е. распространяющееся на множество одинаковых поступков, носит название нравственной нормы. Норма - это правило, требование, определяющее, как человек должен поступить в той или иной конкретной ситуации. Нравственная норма может побуждать ребенка к определенным поступкам и действиям, а может и запрещать или предостерегать от них. Нормы определяют порядок взаимоотношений с обществом, коллективом, другими людьми.

Понятия морали, имеющие всеобщий характер, т.е. охватывающие не отдельные отношения, а все области отношений, побуждая человека везде и всюду руководствоваться ими, называются нравственными категориями. В их числе такие категории, как добро и справедливость, долг и честь, достоинство и счастье и др. Воспринимая требования морали как правила жизни, общество вырабатывает понятие нравственного идеала, т.е. образец нравственного поведения, к кото-

рому стремятся взрослые и дети, считая его разумным, полезным, красивым.

Вместе с тем мораль — это не только форма общественного сознания, но и форма индивидуального нравственного сознания, так как человеку присущи свои особенности духовного склада, особенности его представлений, чувств, переживаний. Эти личные проявления всегда окрашены общественным сознанием. Усвоенные и принятые личностью нравственные нормы, принципы, категории, идеалы в то же время выражают ее определенные отношения к другим людям, к себе, к своему труду, к природе.

Отношение к другим людям предполагает формирование гуманизма, взаимного уважения между людьми, товарищеской взаимопомощи и требовательности, коллективизма, воспитание заботы о старших и младших в семье, уважительное отношение к представителям противоположного пола. Отношение к себе складывается из осознания собственного достоинства, чувства общественного долга, дисциплинированности, честности и правдивости, простоты и скромности, нетерпимости к несправедливости, стяжательству. Отношение к своему труду проявляется в добросовестном, ответственном исполнении своих трудовых и учебных обязанностей, развитии творческих начал в трудовой деятельности, признании важности своего труда и результатов труда других людей. Отношение к природе требует бережного отношения к ее богатству, нетерпимости к нарушениям экологических норм и требований.

Формирование основ нравственной культуры школьников осуществляется в системе нравственного воспитания в условиях школы, семьи, общества. Нравственные качества представляют собой интегральные, наиболее обобщенные и устойчивые свойства личности. При этом путь ценностного осознано—эмоционального усвоения морали в процессе установления единства нравственных знаний и переживаний обеспечивает ее полноценное нравственное развитие.

В формировании нравственности личности главная роль принадлежит не словесным убеждениям, не требованиям и наказаниям. Главное - пробудить у человека, начиная уже с детского возраста, внутренние силы нравственного самосовершенствования, самовоспитания в разных возрастных группах.

По мере осознания значимости моральных качеств, роли самовоспитания в жизни человека и у школьников повышается интерес к работе над собой, формируются более устойчивое осознано-эмоцио-

нальное отношение к нравственному совершенствованию личности. Самовоспитание становится поэтому все более значимым фактором усвоения школьниками нравственных норм и принципов.

Условиями личностного развития являются своевременное включение ребенка в систему социальных человеческих взаимоотношений, наличие эффективных методов воспитания. Переход от одного этапа личностного развития к другому обычно связан с двумя обстоятельствами: проявлениями кризиса возрастного развития и сменной ведущего типа общения. В это время изменяется отношение ребенка к самому себе, к окружающим людям и к своим обязанностям

Таким образом, нравственная культура воспитанника – важная психолого-педагогическая проблема, от решения которой зависит жизнеосуществление подрастающего поколения. При этом важнейшими источниками формирования духовности и нравственности у подрастающего поколения являются образование и воспитание, которые обеспечивают усвоение общечеловеческих и национальных ценностей, освоение, обобщение, сохранение и передачу традиций, способствуют постижению человеком смысла жизни, правил деятельности.

Литература:

1. Азбука нравственного воспитания: Пособие для учителя. / Под ред. И.А. Каирова, О.С. Богдановой. – М.: Просвещение, 1997– 17с.
2. Аристотель. Этика / Аристотель. – М.: АСТ, 2010. – 492 с.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М., 1996.
4. Бабанский, Ю.К. Педагогика. / Ю.К. Бабанский. – М.: Просвещение, -1998–479с.
5. Волков Б.С., Волкова Н.В. Психология развития человека. – М., 2004.
6. Голубева, Г. А. Этика: учебник / Г.А. Голубева. – М.: Экзамен, 2007. – 318 с.
7. Григорович, Л. А. Педагогика и психология. – М., 2004г. – 364 с.
8. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки РФ ; Оренб. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., переработ. и доп. - Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. – 304 с.
9. Гуссейнов, А. А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2006. – 547 с.
10. Лосев, А. Ф. Форма – Стиль – Выражение / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1995. – 364 с.
11. Попова В. И. Гуманистические ценности как базис формирования этической готовности студента педвуза /В.И. Попова, И.С. Харчева// Образование и учитель XXI века: проблемы, перспективы развития: сб. статей. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. Т.2. – 78-84.
12. Соколова, Л.Б. Формирование культуры педагогической деятельности будущего учителя / Л.Б. Соколова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 299 с.
13. Ясперс К. Духовная ситуация времен / К. Ясперс // Смысл и назначение истории; пер. М.И. Левиной. – М.: Республика, 1994. – 420 с.

ДУХОВНО – НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСПИТАННИКА

Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе, переоценка нравственных ориентиров заставляют и педагогов и воспитанников размышлять о будущем России, о духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

В этой связи актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения базируется на следующих важных основаниях. Во-первых, необходима подготовка широко образованных, высоко нравственных людей, обладающих не только знаниями, но и разносторонними качествами личности.

Во-вторых, особенности внеучебной деятельности воспитанника ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище» состоят в том, чтобы оказывать позитивное воздействие на формирующуюся сферу нравственности. В-третьих, само по себе образование не гарантирует высокого уровня духовно-нравственного воспитания личности, ибо воспитанность – это качество личности, определяющее в повседневном поведении человека его отношение к другим людям на основе уважения и доброжелательности к каждому человеку. По словам К. Д. Ушинского, «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания».

Таким образом, обогащение нравственными знаниями важно потому, что они не только информируют воспитанника о нормах поведения, утверждаемых в обществе, но и дают представления о последствиях нарушения норм как для себя самого, так и для окружающих людей.

Задача педагогического коллектива ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище» – подготовка ответственного гражданина, способного самостоятельно оценивать происходящее и строить свою деятельность в соответствии с интересами окружающих его людей. Решение этой задачи связано с формированием устойчивых духовно-нравственных свойств личности воспитанника, что должно обеспечить формирование личностного отношения к окружающим, овладение этическими, эстетическими и духовно-нравственными нормами. При этом духовно-нравственная составляющая внеучебной деятельно-

сти воспитанника училища сопряжена с наполнением деятельности педагога и воспитанника в нравственно ориентированном ключе.

Используемые в училище образовательные программы учебной и внеучебной деятельности разработаны в ценностно ориентированном ключе, так как содержат опыт работы учителей и воспитателей по формированию интереса воспитанников к подлинным ценностям родной страны.

Изучение и анализ состояния проблемы позволил выявить, что в сложившейся микросреде класса недостаточно корректируется сознательная выработка воспитанниками нравственных норм. Вопросы школьной и повседневной жизни, как «быть добрым, дорожить дружбой», «нельзя обижать тех, кто слабее тебя» волнуют 26% воспитанников.

Обнаруживается влияние содержания образования и на выбор нравственных образцов: учителя, литературные герои, знаменитые в истории соотечественники перестают выступать образцами для подражания. В частности, стремятся быть похожими в повседневной жизни на учителя, воспитателя - 9% воспитанников, а на литературных героев - 4%. Однако для 40% воспитанников кумирами становятся эстрадные певцы, герои зарубежных кинобоевиков: «Я хочу быть таким, как Саша Белый». Только у 30% воспитанников образ их будущей жизни связан с овладением определенной профессией, которая включает смысл бескорыстного несения блага другим, служения обществу. Явно прослеживается меркантилизация жизненных ориентаций: «Я хочу быть банкиром, потому что он богатый и у него денежная работа».

В представлениях воспитанников о главных человеческих ценностях духовные ценности вытесняются материальными и, соответственно, среди желаний преобладают узколичностные, «продовольственно-вещевые». В оценках окружающего только у 5,2% воспитанников проявляются их религиозные воззрения. Ценностное отношение к Родине, родному краю выражают в своих суждениях всего 15,7%. Вместе с тем имеются проявления равнодушного отношения к своему Отечеству (например: «за границей жизнь лучше»).

В нравственном воспитании весьма актуальным является формирование гуманных взаимоотношений между воспитанниками, воспитание у них действенных нравственных чувств.

В этих целях практикуются различные мероприятия: беседы на этические и патриотические темы, обсуждение положительных и

отрицательных поступков сверстников. Чтобы вся эта система воспитательных мероприятий была эффективной, необходимо придать ей формирующий характер, при этом каждое воздействие педагога, воспитателя должно приобретать не только целенаправленный, но и пролонгированный характер.

Важным механизмом, обеспечивающим успешное вхождение подростка в новую самостоятельную жизнь, является психологическая готовность, которая включает определенный уровень интеллектуального и личностного развития воспитанника, в том числе и коммуникативные компоненты готовности к обучению в кадетском училище.

Необходимым условием формирования нравственной сферы воспитанников становится организация их совместной деятельности, способствующая развитию общения и взаимоотношений друг с другом, в процессе которых они усваивают социально-исторический опыт, получают представления о других людях и о самом себе, о своих возможностях и способностях.

Воспитательный процесс в рассматриваемом коллективе планируется и строится во взаимосвязи духовного и светского направлений, а внеурочная деятельность является логическим продолжением начатой на уроках, классных часах работы. Ведущим направлением остается духовно-нравственное воспитание, которое учитывается при разработке планов, содержания воспитательной работы разновозрастных групп воспитанников.

Так патриотическое воспитание является важной частью духовного воспитания. При проведении классных часов, праздников, посвященных героическим датам, “Дней духовности и культуры” воспитанникам особенно нравятся встречи с интересными людьми. Опыт работы показывает эффективность проведения таких праздников, как (фрагмент плана духовно-нравственного воспитания): сентябрь (День знаний); октябрь (Посвящение в кадеты); ноябрь (Дни духовности и культуры); декабрь (Крещенские чтения); январь (Рождество Христова); февраль (Неделя патриотической песни); март (Неделя воспитанника ПКУ); апрель (Пасха); май (День славянской письменности).

Важной составляющей воспитания являются предметные недели с подведением итогов деятельности каждого воспитанника: это концерты, олимпиады, научно-практические конференции, соревнования. Анализируя интересы воспитанников по основным изучаемым

мым предметам, можно прийти к выводу, что воспитанники мало знают о малой родине, родном крае, не знакомы в достаточной степени с его прошлым и настоящим. Но даже имеющийся небольшой запас знаний носит абстрактный характер. Расплывчатость знаний приводит к сложности восприятия и понимания окружающего мира.

Для чего необходимо изучать свой край, историю своего кадетского училища? Прежде всего, для того, чтобы заложить основы познавательного интереса к изучению города (ов), истории училища как среды формирования нравственных качеств. Воспитанник на доступном для него уровне должен осознавать важность и ценность микроклимата училища; уметь в привычном окружении раскрываться, учиться взаимодействовать с окружающими людьми. Для решения названных проблем отбираются разнообразные формы и методы (групповые и индивидуальные): экскурсии, беседы, творческие работы, встречи с людьми разных профессий, консультация-инструктаж, занятия событийного характера.

Наблюдения за классом показали, что у ребят складываются товарищеские отношения: они умеют быстро договариваться друг с другом, в основном спорят по деловым вопросам. Коллективные поручения выполняют дружно, активно помогают друг другу, взаимодействуют с «главами» комитетов и другими лидерами класса. Очень важно воспитывать в ребятах доброту, щедрость души, уверенность в себе, умение наслаждаться окружающим миром. Это подготовит их к вступлению во “взрослую” жизнь, поможет освоить нормы и предъявляемые требования, привьет им оптимистическое восприятие жизни, сделает их коллективистами, стремящимися улучшить свою жизнь и жизнь окружающих.

Качественное образование и воспитание - это, прежде всего, становление человека, обретение им себя, своего образа, неповторимой индивидуальности, духовности, творческого начала. Важно помочь растущему человеку научиться жить в мире и согласии с людьми, природой, культурой, цивилизацией.

Так для выявления уровня развития духовно - нравственных качеств у воспитанников 6 «Б» класса надо было обосновать категориальную структуру нравственности. Предстояло ответить на вопрос: какие категории в нравственном сознании являются базовыми? У Платона, Сократа, Аристотеля находим такие категории, как: добро, зло, мудрость, мужество, умеренность, справедливость, счастье, дружба. В Средневековье появляется понятие «милосердие», в более по-

зднюю историческую эпоху - «долг» (И. Кант), «вина» (Гегель). Таким образом, было выделено 10 категорий.

Результаты опроса показали, как воспитанники понимают предъявленные им понятия. Было опрошено 19 человек (списочный состав 6 «Б» класса). Опрос проводился анонимно.

Объяснили все понятия 11 человек, отказался это делать - 1 человек.

Воспитанникам проще всего было объяснить, что такое «дружба», «зло», «добро», «долг», и труднее – «милосердие», «мудрость». Так, например, раскрывая смысл категории «дружба», в ответах звучали такие проявления дружбы, как «никогда не ссорятся, уважают друг друга», «понимают друг друга», «помогают друг другу. Часто воспитанники давали только эмоциональную оценку: «это хорошо», «это весело».

В толковании «зла» можно выделить три группы ответов. Первая, наиболее многочисленная, связана с действием, - «когда убивают», «когда человек делает что-нибудь плохое», «когда все дерутся». Вторая группа ответов связана с характеристикой другого человека («это злой человек») или самого себя («это я, когда плохой»). Третья группа вновь представляет только эмоциональную оценку явления: «это плохо».

Добро в представлении отвечающих - «когда делают добрые дела», «всем помогаешь», «всех защищаешь», «когда ты добрый». При этом ответов, связанных только с эмоциональной оценкой предъявленной категории, не наблюдалось. «Счастье» редко связывается с подарками и праздниками и, чаще - только с радостным, веселым настроением: «это значит веселый от чего-то», «когда у человека все хорошо», «жизненная радость», «когда все удается». Несмотря на то, что категории «свобода» и «долг» объяснило преобладающее большинство воспитанников, их понимание сущности данных понятий поверхностное.

При анализе категориальной структуры этического сознания воспитанников также учитывались данные исследований педагогической психологии о закономерностях формирования понятий у воспитанников. По итогам проведенной работы можно сделать ряд выводов: в процессе жизнедеятельности воспитанника формируется категориальная структура духовно - нравственного сознания; в целом, в процессе обучения в училище и под его влиянием, преобладает тенденция к «выравниванию» этой структуры; существует закономерность в развитии нравственного сознания, которая может быть обозначена как гетерохронность, т.е. одновременность формирования основных понятий; наличествует противоречие между провозглаше-

нием курса на строительство демократического государства и отсутствием реальных действий, способствующих воспитанию и формированию граждан, уважающих ценности такого государства (и имеющих верное представление о них).

Очевиден вывод, что необходимо создание комплексной программы, направленной на воспитание духовно - нравственных качеств воспитанников, которая рассчитана на весь период обучения в училище.

Педагогический и воспитательный смысл работы по нравственному становлению личности воспитанника состоит в том, чтобы продвигаться от элементарных навыков поведения к более высокому уровню, где требуется самостоятельность в принятии решений и нравственный выбор в нестандартных ситуациях. Успешность нравственно ориентированной деятельности педагога и воспитанника зависит от педагогической компетентности педагога, воспитателя, проявляющейся в выборе адекватных методов и средств взаимодействия; в сопряженности учебной и внеучебной деятельности воспитанника, направленной на освоение нравственных норм жизнедеятельности; педагогической поддержке нравственных основ развития личности воспитанников.

Все это предполагает: выработку понимания жизненной важности морали; установку на выработку нравственного самосознания (совесть); выработку стимулов дальнейшего нравственного развития; выработку моральной стойкости, желания и умения сопротивляться злу, искушению и соблазну самооправдания при нарушении моральных требований; обретение милосердия и любви к людям.

Одними из средств нравственного воспитания являются: моральное убеждение как основное нравственно-психологическое средство воздействия на личность; моральное принуждение как форма морального осуждения.

Моральное воспитание осуществляется в тесном, органическом единстве, во-первых, с основной (профессиональной) деятельностью; во-вторых, с разносторонним воспитанием, к которому примыкают другие формы общения и деятельности: художественно - эстетическая, политическая, правовая и т.д. Кроме педагогического и воспитательного воздействия на формирование нравственных качеств личности оказывают влияние и такие факторы, как: социальная среда, различные виды деятельности, ведущие типы общения, социальная обстановка, сложившаяся в нашей стране.

Таким образом, задача духовно-нравственного воспитания в кадетском училище определяется не только преимуществом ее с

другими звеньями образования, но и неповторимой ценностью этой ступени становления и развития личности воспитанника. Именно средний школьный возраст характеризуется повышенной восприимчивостью к усвоению нравственных правил и норм, что позволяет своевременно заложить нравственный фундамент развития личности. Стержнем воспитания, определяющим нравственное развитие личности в данном возрасте, является формирование гуманистического отношения к окружающей действительности, развитие нравственно окрашенных взаимоотношений воспитанников между собой, определение нравственных ориентиров во взаимоотношениях со взрослыми.

Литература:

1. Артюхова И.С. Ценности и воспитание / И.С. Артюхова // Педагогика, 1999- №4. - с.78-80
2. Бабаян А.В. О нравственности и нравственном воспитании / А.В. Бабаян // Педагогика - 2005 - №2 - с. 67-68
3. Жарковская Т.Г. Возможные пути организации духовно-нравственного образования в современных условиях / Т.Г. Жарковская // Стандарты и мониторинг в образовании - 2003 - №3 - с. 9-12
4. Леднев В.С. Духовно-нравственная культура в образовании человека / В.С. Леднев // Стандарты и мониторинг в образовании - 2002 - №6 - с. 3-6
5. Немов Р.С. Психология. В трех книгах. Кн. 1.: Общие основы психологии. / Р.С.Немов - М.: Владос, 2000; - 436с.
6. Мудрик А. Индивидуальная помощь в социальном воспитании. / А Мудрик // Новые ценности образования: Забота - поддержка - консультирование. М.: Инноватор, 1996.- Вып.6. - с. 56 - 70.
7. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки РФ ; Оренб. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., переработ. и доп. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. – 304 с.
8. Профессионально-педагогические понятия. Словарь / Составители Г.М. Романцев, В.А. Федоров, И.В. Осипова, О.В. Тарасюк. – Под ред. Г.М. Романцева. – Екатеринбург, 2005. – 455 с.

Ражникова В. Д. (Оренбург)

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Образовательное пространство РФ претерпевает качественные изменения, связанные с общими тенденциями обновления общественного развития и языковой политики. Неотъемлемой частью националь-

ной языковой политики государства становится совершенствование национальных систем образования в направлении включения этнокультурного компонента в образовательный процесс. Ведущая роль отведена обновлению предмета «Русский язык» как родного языка и языка межнационального общения для народов, проживающих в РФ.

В заявленном контексте уроки русского языка должны стать уроками познания родной культуры и, как следствие, формирования духовно-нравственного мира школьника (Ф. М. Ушинский, Ф.И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба).

Ф. И. Буслаев еще в 1844 году в своем труде «О преподавании отечественного языка» писал, что «родной язык так сросся с личностью каждого, что учить одному – значит вместе и развивать духовные способности учащихся».

Лингвокультуроведческий подход к изучению русского языка как феномена культуры предполагает, прежде всего, формирование представлений о русской культуре как материальной и духовной ценности, воспитание любви к русскому народу, формирование русской языковой картины мира, осознание особенностей русского языка, его своеобразия [1].

В. А. Маслова определяет лингвокультурологию как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», как «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» или как «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [2].

Лингвокультуроведческий аспект преподавания русского языка в современной школе обусловлен рядом факторов:

- отход среднего образования от «знаниецентризма» к ценностям духовной и материальной культуры. Кроме того, школа становится одним из социальных институтов, обеспечивающих сохранение и развитие русского языка и культуры.

- введение в научный обиход под влиянием лингвистики и социолингвистики понятия *языковой личности* как творца, носителя, пользователя языка, с её историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями, основными характеристиками и тезаурусным уровнем владения языком (Ю. Н. Караулов);

- глубокая генетическая связь языка и культуры. При этом кумулятивная функция языка, при которой его отдельные единицы

отражают, фиксируют и сохраняют определённую культурную и историческую информацию, выявлена В. Г. Костомаровым и Е. М. Верещагиным в работе «Язык и культура». Особая роль языка проявляется в том, что «язык участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации» (Телия Ф. Н.).

В реализации лингвокультуроведческого аспекта в обучении русскому языку сегодня определены два направления. Первое направление – обучение русскому языку в контексте русской культуры, познание, постижение русской культуры, отраженной в языке. Второе направление – познание культуры русского народа в диалоге культур, осознание самобытности, уникальности русского языка, его богатства в сопоставлении с другими культурами и языками [1].

Оба направления так или иначе имеют связь с использованием метода анализа текста – одного из самых эффективных методов развития творческой языковой личности.

Известно, что недостаточное овладение учителем-словесником методами и приемами анализа текста ведёт к противоречию между теоретическими знаниями и практическими навыками учеников. Устранению такого противоречия способствуют разные виды анализа текста, в процессе которого содержание рассматривается в единстве с языковой формой [4]. Л. А. Ходякова выделяет такие виды анализа текста, способствующие формированию основных компетенций учащихся, – это лингвистический, стилистический и лингвокультуроведческий анализы [4].

Лингвокультуроведческий анализ предполагает определение коммуникативной, социокультурной, кумулятивной и эстетической функций текста, выявление в тексте историко-культурной информации, отраженной в культуруносной лексике. «Культуруносная лексика – пласт лексики, отражающий культуру: слова с культурным компонентом значения, культурные концепты, историзмы. Фоновые слова, фразеологизмы, крылатые выражения» [4].

Слова с культурным компонентом содержат исконно русский компонент значения, отражающий национальное своеобразие народа, его обычаи, традиции, религиозные праздники, ритуалы, речевой этикет, явления, предметы, события, значимые для отечественной культуры. (Масленица, Рождество, блины, самовар, крещение, изба, суженый, рать, кольчуга, богатырь) [4].

Фоновая лексика отражает фоновые знания, т.е. сведения, известные всем членам определенного национально-культурного сооб-

щества. (Куликовская битва, Москва, железная дорога, Пушкин, Третьяковская галерея, Волга, Андрей Рублёв, Бородино) [4].

Основной целью анализа текста является формирование читателя, способного соотносить языковые единицы текста с его содержанием, извлекать из текста историко-культурные факты, воплощенные в слове[4].

Основными задачами анализа текста являются: анализ языковых средств разных уровней в единстве языка и культуры; выявление культуруносного пласта лексики; проведение этимологического анализа ключевых слов культуры (концептов), встретившихся в тексте; осуществление культуроведческого комментария фрагментов текста.

Приёмы работы с культуроведческим материалом, предваряющие чтение произведения, направлены на разъяснение непонятных культурных реалий и фактов на уровне языковых единиц; характеристику текста с точки зрения синтаксического построения, его семантико-композиционной структуры; обоснование развития мысли автора; определение типа, стиля речи и функций текста.

Одно из важнейших направлений лингвокультуроведческого анализа – выявление и объяснение использованных в тексте языковых фактов во всех значениях и вариантах употребления, так как они напрямую связаны с пониманием историко-культурного содержания и идейно-художественного своеобразия текста.

Наряду с лингвокультуроведческим анализом исследователями рассматривается культуроведческий анализ, который по сути акцентирует внимание на использование «культурно значимого текста», что позволяет решить как лингвистические, так и культуроведческие задачи.

Культуроведческий текст – культурно значимый текст, отражающий историю народа, его историко-культурные и нравственные ценности, артефакты. В таких текстах присутствуют культуруносные слова [4].

Фрагмент текста и его интерпретация. На Тверской, против Леонтьевского переуллка, высится здание бывшего булочника Филиппова, который его перестроил в конце столетия из длинного двухэтажного дома, принадлежавшего его отцу, популярному в Москве благодаря своим калачам и сайкам.

Булочная Филиппова всегда была полна покупателей. В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от

учащейся молодежи до старых чиновников во фризových шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пятачковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завел еще Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими калачами и сайками, а главное, черным хлебом прекрасного качества.

Прилавки и полки левой стороны булочной, имевшей отдельный ход, всегда были окружены толпами, покупавшими фунтиками черный хлеб.

- Хлебушко черненький труженику первое питание. – говорил Иван Филиппов.

- Почему он только у вас хорош? – спрашивали.

- Потому, что хлебушко заботу любит. Выпечка-то выпечкой, а вся сила в муке. У меня покупной муки нет, вся своя. Рожь отборную покупаю на местах, на мельницах свои люди поставлены, чтобы ни соринки, чтобы ни пылинки... а все-таки рожь бывает разная, выбирать надо. У меня всё больше тамбовская, из-под Козлова, с Роминской мельницы...И очень просто! – заканчивал он речь своей любимой поговоркой...

Работа с культуроведческим текстом невозможна без приобщения учащихся к концептосфере русского народа. *Концепт* - это основная ячейка культуры в сознании человека», «то, посредством чего человек входит в культуру». Так система текстов, идейно и тематически связанных, образует единый культуроведческий свертхтекст (А. Д. Дейкина) концептоцентрический свертхтекст (Н. Л. Мишати́на). [5]

Овладение культуроведческим анализом текста формирует у учащихся: понимание русского языка как одной из основных национально-культурных ценностей русского народа; представление о связи русского языка и культуры народа; повышает уровень культурной осведомленности.

Литература:

1. Быстрова Е. А. Преподавание русского языка в многонациональной школе // Русский язык в школе. – 2007. – № 4. – С. 3–7.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2001. – С. 9.
3. Попова В.И. Регионоведение: учебно-методическое пособие /В.И. Попова; Мин-во образования и науки РФ, Федер. Агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т– Оренбург: . Изд-во ОГПУ, 2007 – 56с.

-
3. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М., 1982.
 4. Ходякова Л. А. Лингвокультуроведческий анализ текста на уроке-проекте// Русский язык в школе. – 2012. – № 10. – С. 3–7.
 5. Холодырева О. Н. Культуроведческие проекты по русскому языку при подготовке к ГИА// Русский язык в школе. – 2012. – № 7. – С. 16–22.
 6. Холодырева О. Н. Образовательный потенциал культуроведческих практико-ориентированных проектов// Русский язык в школе. – 2012. – № 4. – С. 3-10.

Проскуракова К. Е. (Оренбург)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В «ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ Б.А. МОИСЕЕВА»

На современном этапе развития науки все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. Целесообразность подобного подхода обусловлена, в частности, невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры.

Язык и культура тесно взаимосвязаны: 1) в коммуникативных процессах; 2) в онтогенезе (формирование языковых способностей человека); 3) в филогенезе (формирование родового, общественного человека).

Лучшие умы XIX в. (В. Гумбольдт, А. А. Потебня) понимали язык как духовную силу. Как писал В. Гумбольдт, язык - это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью.

Следует учитывать, что язык – «факт культуры»: 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры - науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры

может произойти только посредством осмысления естественного языка [3].

Изучение родного языка означает познание языка региона. Для определения путей работы со словом на уровне диалектологии, топонимики, лингвокраеведения, регионоведения важно знать лингвотодические основы изучения уходящего лексического богатства народного языка.

Так концепция «Регионоведение» предполагает существенную дифференциацию содержания обучения школьника в целях построения индивидуальной образовательной траектории, основывающейся на познании региональных межэтнических особенностей. Формирование системного представления школьников о полиэтническом своеобразии Оренбургского края и его поликультурных особенностях означает формирование культуроведческой компетенции. Культуроведческая компетенция – это осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, осмысление национально-культурной специфики русского языка и речевого поведения, формирования языковой картины мира, овладение русским языковым этикетом, культурой межнационального общения [8; 7].

В современных условиях преподавания русского языка следует формировать межкультурную компетенцию. В этом ключе неисчерпаемыми возможностями обладает «Оренбургский областной словарь» Бориса Александровича Моисеева.

В любом языке есть особые слова, на которые во все времена накладывается запрет: сначала сакральный, мистический, затем нравственный. Вот почему так важна характеристика речи современного носителя языка, направленная на то, чтобы многоглаголанье, роптанье (болтовня), сетование, празднословие (характеристики избыточной, а следовательно, пустой речи) не являлись основной его характеристикой [2; 214].

В этой связи «Оренбургский областной словарь» Б.А. Моисеева представляет особый интерес. Словарь содержит 5698 слов и словосочетаний, отражающих специфику диалектной лексики Оренбуржья.

Материал словаря перекликается с материалами очерков Б.А. Моисеева. В них часто встречаются слова, включённые в словарь. Можно смело утверждать, что Б.А. Моисеев как истинный языковед в совершенстве знает оренбургские говоры, понимает самобытную

красоту живой речи сельских жителей. Главным увлечением его жизни стало изучение оренбургских диалектов и топонимики родного края, что и легло в основу словаря.

«Оренбургский областной словарь» является диалектным словарём; в него вошли слова, которые употреблялись в оренбургских говорах, в словарный состав языка они не входят. Диалектные слова собирались преимущественно в центральных и южных районах Оренбургской области: Оренбургском, Сакмарском, Октябрьском, Новосергеевском, Саракташском, Соль-Илецком и других районах. Эта работа велась более 30 лет во время командировок в районы области, либо во время педагогической практики студентов. В аннотации к словарю указаны фамилии студентов, сведения о говорах оренбургской области.

В словаре мы можем увидеть толкование таких слов как *мышерой* (крот), *пержанец* (пирожок с картофелем и мясом).

Наш край многонационален – это, естественно, нашло отражение и в языке жителей Оренбуржья: «айрень» (кислое молоко, разведенное водой), «бабайка» (большое весло на плоту для управления), «бижбармак» (кушанье из кусочков мяса и маленьких лепёшек круглой или квадратной формы) и другие слова прочно вошли в нашу повседневную жизнь.

В сложившихся условиях возникает необходимость поиска новых путей изучения русского языка, работы со словом, направленных на формирование личности, способной свободно ориентироваться в условиях мировой интеграции. В свете данного утверждения следует говорить о расширяющейся культурной интеграции, в результате которой всякое образовательное пространство становится полилогом культур [8; 11].

Достижение сбалансированности взаимодействия представителей разных культур возможно на основе «местного» материала, отражающего самобытность живой речи сельских жителей.

Таким образом, среди основных составляющих мировой культуры особую роль играют языки современных средств коммуникации, освоение которых позволит учащемуся ориентироваться в мире, познавать окружающую действительность, проявлять толерантность к другим народам и культурам. В этой связи использование «Оренбургского областного словаря» на уроках русского языка, во внеурочной работе, проектной деятельности старшеклассников является обоснованным и современным [7; 74].

Литература:

1. Абубакирова Л.Ф. Основные типы оренбургских русских говоров: проблема классификации - Вестник ОГПУ. - 2011. - №4. - С.8-17.
2. Бекасова Е.Н. Праздное слово. «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практических конференций под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С.213-218.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Академия», 2001.- С.208.
4. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: ОГПУ, 2010.- 192 с.
5. Моисеев Б.А. Хрестоматия оренбургских говоров – Оренбург: ОГПУ, 2005. – 132 с.
6. Панина Л.С. Русский язык в национальных школах Оренбуржья. Исторический аспект. «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практических конференций под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ОГАУ, 2008. – С. 219-228.
7. Попова В.И. Поликультурная составляющая преподавания русского языка в многонациональной школе (методические рекомендации) // Русский язык в полиэтнических классах: сб. Материалов круглого стола. М., 2010.-С.71-84.
8. Попова В.И. Регионоведение: учебно-методическое пособие. Мин-во образования и науки РФ, Федер. Агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 56 с.

Данилова Ю. Н. (Оренбург)

**ПРОЕКТ ДЛЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ «НА ПУТЯХ
К ДУХОВНЫМ ИСТОЧНИКАМ»**

В современных динамичных условиях развития российского общества происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности, в том числе наблюдается смена ценностных ориентиров. Эти явления оказали существенное влияние на духовно-нравственное развитие личности. Обнаруживается ослабление духовного единства общества, меняются жизненные приоритеты молодежи, а порой происходит деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок.

Акцентирование духовного единства народа РФ, объединяющим началом которого являются моральные ценности как важнейший фактор развития общества, означает обращение не только к настоящему, но и к прошлому страны проживания. Решение масштабных национальных задач возможно тогда, когда есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной куль-

туре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений.

Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества. В соответствии со стандартом нового поколения российская общеобразовательная школа должна стать важнейшим фактором, обеспечивающим социокультурную модернизацию российского общества. Именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь школьника. Отношение к школе как единственному социальному институту, через который проходят все граждане России, является индикатором ценностного и морально-нравственного состояния общества и государства.

Преподавание русского языка и литературы в заявленном аспекте предполагает:

- 1) формирование уважения к людям, готовности к межкультурной коммуникации, межличностному общению, толерантности, сотрудничеству, преодолению возможного языкового барьера;
- 2) знакомство с культурой русского народа и её местом в диалоге с культурами других народов;
- 3) осознание учащимися многообразия духовного и материального мира, признание и понимание ими ценностей другой культуры, уважение к ней.

Учтено, что современный школьник наиболее восприимчив к эмоционально-ценностному и духовно-нравственному развитию, к гражданскому воспитанию, если на это нацелена как урочная, так и внеурочная работа по русскому языку. В этой связи и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об образовании», на основе ежегодных посланий Президента России Федеральному собранию Российской Федерации разработана Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина. В частности, концепция определяет цели и задачи духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодёжи.

Все это подтверждает, что важнейшей целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является духовно-нравственное воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравствен-

ного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России. В конечном итоге духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования.[1; 6-10] При этом духовно-нравственное развитие и воспитание личности является сложным, многоплановым процессом. Оно неотделимо от жизни человека во всей её полноте и противоречивости, от семьи, общества, культуры, человечества в целом, от страны проживания и культурно-исторической эпохи, формирующей образ жизни народа и сознание человека.

Необходимо принять во внимание духовно-нравственные аспекты воспитания школьника как процесса становления духовного мира личности на основе гармонизации таких сторон духовной жизни, как восхождение к ценностям, восхождение к культуре, восхождение к себе, восхождение к другому [6; 5]

Таким образом, содержание воспитательного идеала определяет Закон «Об образовании», поскольку в ст. 14, п. 1—2 сформулированы национальные задачи, решение которых должно обеспечивать содержание образования, нацеленного на совершенствование общества и формирование духовно-нравственной личности. Другим источником воспитания является отечественный педагогический опыт во всей его исторической полноте.

Проект «На путях к духовным источникам» позволяет обратиться к историческим фактам и духовно-нравственным понятиям посредством интерпретации и анализа текстов культуры, осмысления языковой картины мира в аспекте диалога культур. Национальный воспитательный идеал имеет конкретно-исторический характер и соответствует условиям определенной эпохи. Так в средневековой Руси воспитательный идеал был укоренен в религии и представлен для православных христиан, прежде всего, в образе Христа. «Всяческое беззаветное служение на благо и на силу Отечества, — утверждал М.В.Ломоносов, — должно быть мерилom жизненного смысла» [2; 42] Главным в воспитании считалось формирование человека-патриота, отличающегося высокой нравственностью, любовью к науке, трудолюбием, служением России.

Содержание современного воспитания в школе группируется вокруг базовых национальных ценностей. В педагогическом плане каждая из них формулируется как вопрос, обращенный человеком к самому себе, поставленный педагогом перед обучающимся, как воспитательная

задача, поиск решения которой направляет учебно-воспитательную деятельность. Что есть правовое государство? В чем состоит долг перед Отечеством, старшими поколениями, семьей? Почему необходим закон и правопорядок? Каждая из базовых ценностей, педагогически определяемая как вопрос, превращается в ключевую воспитательную задачу.

Организация проектной деятельности в условиях диалога культур предполагает обращение к русской языковой картине мира, что помогает учащимся разных национальностей осознать русский язык как духовную ценность русского народа, часть национальной культуры, средство её выражения и постижения. Одним из приёмов работы, позволяющим реализовать цели формирования культуроведческой компетенции, являются «этимологические этюды» о словах Русь, Россия, город, деревня. Все это позволяет посмотреть на привычные слова с непривычной стороны, «подогревает» интерес к слову, к изучению языка, расширяет лингвистический кругозор и способствует формированию культуроведческой компетенции. Объединяя в преподавании язык, литературу и культуру, мы формируем заявленную современными образовательными стандартами культуроведческую компетенцию школьников, развиваем языковую личность обучаемого, осуществляем интеграцию в преподавании школьных дисциплин и реализуем на практике культурологический подход к преподаванию родного (русского) языка.

Логика реализации проекта «На путях к духовным источникам» включает: подготовительную работу (чтение художественных произведений; инструктаж учителя (групповой и индивидуальный)); самостоятельную работу школьников по подбору материала; презентацию материала; самооценку и оценку проекта.

Приведём фрагмент урока-проекта «На путях к духовным источникам» (на материале повести Г.Бакланова «Навеки-девятнадцатилетние») в 10 кл.

Цели урока: 1. Развивать культуроведческую и языковую компетенции учащихся; 2. Вовлечь учащихся в проектную деятельность, научить их самостоятельно работать в группах, осуществлять самоменеджмент; 3. Воспитать духовно-нравственный потенциал старшеклассников.

Оборудование: повесть Г.Бакланова «Навеки-девятнадцатилетние»; раздаточный материал, компьютер (с презентацией), интерактивная доска.

Ход урока:

1. Проектирование – подготовительный этап.

2. Знакомство с текстом посредством слова учителя.

3. Мастерская – организация работы над проектом.

4. Чтение культуроведческого текста и его восприятие школьниками.

Фрагмент текста. «Сколько сидели они тогда посреди болота на крохотном островке между нашим и немецким передним краем, огня не разводили ни разу, и все на них было сырое. А весна затяжная стояла в том, сорок втором году, холодная. На майские праздники повалил вдруг снег, крупными хлопьями при солнце понеслась косая метель, зарябило над хмурой водой, весь их островок стал белым. Потом еще зеленой заблестела вытаявшая из-под снега трава.

И не забыть, как среди ночи подскочил он от свистящего шепота: «Немцы!» Вышний ветер растянул облака, с вечера обложившие небо, вода смутно блистала. Весь сотрясаемый ознобной дрожью, зубом на зуб не попадая спросонья, больше всего в свои семнадцать лет боясь, что еще за труса сочтут, Третьяков вглядывался из-за бруствера и ничего не мог разглядеть. Только от напряжения, от холода слезы текли из глаз. Вдруг от кустов неслышно откачнулась волна. Еще одна. И пошли по воде, укачивая на себе лунный свет. Тень за тенью, без всплеска, из куста в куст - четверо. Только волна возникала и отделялась»

5. Практическая деятельность в рамках проекта:

· лингвокультурологический анализ текста (признаки, категории, основная мысль, функции);

· анализ языковых средств;

· определение типа и стиля речи;

· толкование культурно – значимых слов (память, ответственность, гражданский долг, честь, храбрость, верность гражданскому долгу, любовь к Родине);

· интерпретация слов-концептов (нравственность, мужество, долг, честь, достоинство), характеризующих национальные особенности носителей языка.

7. Завершающий этап. Представление продукта (презентация, сценарий на основе текста, фотографии, сочинение).

8. Обсуждение результатов проекта (готового продукта), его оценка.

Таким образом, система духовно-нравственных ценностей создает смысловую основу пространства духовно-нравственного развития личности.

Включенность школьника в поэтапную проектную деятельность позволяет повысить уровень заинтересованности в получаемых знаниях. Решение проблем приобретает контуры проектной деятельности, что в дальнейшем позволяет школьнику конструировать свои знания и ориентироваться в информационном пространстве.

В условиях проектной деятельности школьнику предоставляется возможность приобретения опыта творчества, то есть комбинирования и модернизации известных решений для достижения нового результата, диктуемого изменяющимися внешними условиями. Проектирование позволяет повысить уровень коммуникабельности, то есть расширить круг конструктивного и целенаправленного общения, направить вектор познания культуроведческого материала в направлении формирования культуроведческой компетенции школьника.

Список литературы:

1. Бучнева Г.А. Проектная деятельность на уроках русского языка и литературы // <http://nsportal.ru/shkola/rodnoi-yazyk-i-literatura/library/metodicheskaya-razrabotka-proektnaya-deyatelnost-na-urokakh>
2. <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2626>
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России - М., Просвещение, 2009 г., 23 стр.
4. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Духовно-нравственное воспитание российских школьников // www.lomonholding.ru/articles/detail/?catalogue_id=12&item_id=1525
5. Попова О.Н. «Учебный проект как творческий продукт» // <http://www.uhpportal.ru/publ/15-1-0-439>
6. Ломоносов М.В. Для пользы общества. М., 1990. С. 42
7. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; Под ред. Е.С.Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 272 с.
8. Пахомова, Н.Ю. Учебный проект: его возможности // «Учитель» - №4, 2000. - с.52-55.
9. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // «Иностранные языки в школе». – Москва. – № 2, 3 – 2000.
10. Попова В.И. Регионоведение: учебно-методическое пособие. В.И. Попова; Минво образования и науки РФ, Федер. Агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 56 с.
11. Соколова Ю.А. Учебный проект и возможность его реализации на уроках русского языка . // «Русский язык в школе». 2008. №6.
12. Тихонова Г.А. «Диалог культур на уроках русского языка» // <http://nsportal.ru/shkola/russkii-yazyk/library/doklad-dialog-kultur-na-urokah-russkogo-yazyk>

ЗАНЯТИЕ-СОБЫТИЕ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКА

В качестве цели образования на современном этапе развития выступает человек во всем многообразии его связей и взаимоотношений с внешним миром. Образовательно-развивающий идеал – это человек с высоким уровнем культурного, нравственного и духовного развития, открытый новому знанию, с устойчивой жизненной и гражданской позицией.

В целях решения духовно-нравственного воспитания школьника потребовалось выявление роли нестандартных форм взаимодействия со школьниками на творческом уровне. Взгляд на креативность как универсальную черту личности человека предполагает и определенное понимание творчества. Творчество, с одной стороны, рассматривается как процесс создания чего-либо нового. При этом главным является то, чтобы результат был новым и значимым для самого «творца». Самостоятельное, оригинальное решение школьником познавательной задачи, уже будет творческим актом, а самого его следует оценивать как творческую личность [7; 192-193].

Согласно второй точке зрения, не всякого человека следует считать творческой личностью, или творцом. Подобная позиция связана с другим пониманием природы творчества. Здесь, помимо незапрограммированного процесса создания нового, принимается во внимание ценность нового результата. Он должен быть общезначим, хотя масштаб его может быть различным. Важную роль в творчестве играет возможность трансформировать интуитивные, выраженные в необычном, часто достаточно смутном виде субъективные представления, в пригодные для человеческого общения формы (словесно-речевые, категориальные, коммуникативные) [1; 71-72].

Развитие творческого потенциала личности в обществе обеспечивается, если:

1. Образование имеет в обществе высокую ценность, сформирована культура поддержки талантов.

2. Совершенствуя человеческий капитал, креативное общество прилагает усилия к тому, чтобы сохранять и улучшать здоровье человека с раннего детства.

3. При стремительном росте знаний студенты и исследователи должны все больше и больше специализироваться, для того, чтобы

стать достаточно квалифицированными в узкой области и расширить границы знаний [2; 48-49].

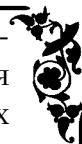
Основная цель креативного образования определяется следующим образом – «разбудить в человеке творца и развить в нем заложенный творческий потенциал; воспитать смелость мысли, уверенность в своих творческих силах, способность генерировать новые нестандартные идеи» [3; с. 22], имеющие общечеловеческую ценность и в то же время не наносящие вреда природе; воспитать потребность в творческом образе жизни [4; 50-51].

Известно, что развитие человека – это одновременно и естественный, и искусственный процесс. Развитие может идти как созревание и рост, как чередование ступеней, периодов, но оно же может рассматриваться и как искусственная, специально конструируемая деятельность. Исходя из этого, урок русского языка, который вот уже три столетия является основной формой организации учебного процесса, можно считать средством развития школьника. А может ли урок стать событием в жизни ребенка? [5; 11]

Событийный подход к духовно-нравственному воспитанию школьника базируется на субъектных основаниях развития личности в условиях творческой деятельности, которая приобретает событийный характер - значимость для всех участников творческого процесса, в том числе и для учителя.

М. Мазниченко, исследуя событийный подход в образовании, перечисляет основные функции данного подхода. Во-первых, событие – эффективное средство формирования и коррекции представлений школьников. Во-вторых – незаменимое средство приобретения жизненного опыта. В-третьих, событие служит эффективным средством воспитания ценностных отношений. Только проживая события, воспитанник может осознать ценность конкретной ситуации. Значима и мотивационная функция события, которая возможна благодаря единству представления и чувства. Конкретное событие может служить стимулом к самовоспитанию, самообразованию, саморазвитию, в том числе и творческой личности школьника. Еще одна важная функция события – интегрирующая. Благодаря событию достигается единство представления и чувства, слияние бытия педагога и бытия воспитанника.

Рассмотрим, какими способами можно направить событие к выполнению указанных функций. Здесь возможны три механизма: использовать имеющиеся события, проектировать и создавать события, учить воспитанника управлять событиями [6; 210-211].

В этой связи гуманитарное знание становится основой измерения творческого по сути портрета современника. При наблюдающемся сужении «круга чтения», увеличивается доля информации из других источников. Новое качество жизни человека проявляется в открывающейся перед ним перспективе обращаться к любым источникам информации, взаимодействовать с феноменами культуры, что обусловлено новыми возможностями информационной цивилизации. Гуманитарный же компонент образования акцентирует, что именно владение словом позволяет человеку понять себя и других, наладить взаимодействие с другими людьми, от чего в конечном счете зависит успех любой профессиональной деятельности. Особую значимость приобретает событийный подход к изучению русского языка, когда доминирует равный обмен личностными смыслами и социальным опытом между учителем и учеником [7; 82-83].

Так урок как событие характеризуется, во-первых, с точки зрения того, что его проводит любимый учитель. Во-вторых, это урок, содержание которого перекликается с ведущими или ситуационными потребностями ребенка. Ведущими являются потребности в самоутверждении, активности, уважении, внимании, удовольствии. Под ситуационными потребностями мы понимаем желания, чувства, мысли ученика, которые им владеют «здесь и сейчас». В-третьих, это нестандартно организованный урок: урок-игра, урок-путешествие, пресс-конференция, урок-спектакль. В-четвертых, это урок, который перекликается с внешкольными интересами ученика по своему содержанию или форме [8; 11].

Событие - есть нечто значимое, запоминающееся. Речь идет о делах творческих (мероприятиях), которые приобретают событийный характер - значимость для всех участников творческого процесса. Педагогическое событие – момент реальности, в котором происходит развивающая, целе- и ценностно ориентированная встреча взрослого и ребенка (их со-бытие). Педагогическое событие происходит при условии, что «взрослые, встречаясь с детьми, удерживают в своем сознании и деятельности цели воспитания подрастающего поколения, а дети самостоятельно, свободно и ответственно выбирают сотрудничество со взрослыми как режим их совместной деятельности» [8; 11].

Событийность урока определяется глубиной и внутренней силой материала, его приближенностью к насущным заботам растущего человека. В этом случае объективное, «отчужденное» знание перестает быть чужим и ненужным, а воспринимается близким и «своим».

Другой смысл событийности связан с тем, что В. Слободчиков называет «со-бытием» учителя и ученика, т. е. совместным переживанием всего, что происходит на уроке. Учитель в данном случае должен быть готов к деятельности на стыке педагогики, методики и психологии, должен поддерживать школьника в его стремлениях к познанию мира и себя в мире. При таком понимании урока большую роль играют организационно-коммуникативные способности учителя, которые проявляются в выборе форм организации учебного взаимодействия [8; 12].

Событийный аспект в воспитании школьника можно рассматривать в двух аспектах, которые взаимосвязаны и обуславливают друг друга. С одной стороны, он заключается в анализе событийной структуры жизненного пути, особенностях событийности конкретной жизни, а также межсобытийных связей по типу «причина-следствие» или «цель-средство», которые являются сущностной характеристикой субъективной картины жизненного пути. С другой стороны, событийный подход находит свое воплощение в сфере практических действий, где на основе осуществляемых событий оказывается воздействие на человека, изменяются его представления, ценности и смыслы [9; 103-104].

Событийный подход как основу развития творческой личности школьника можно реализовать с помощью организации работы учащихся с архивными документами. Работа в архивах сама по себе - кажется, не творческое дело, но приобретает творческий характер при обработке, анализе, сопоставлении исторических фактов, представленных в документах. Прикосновение к событиям давно минувших дней не может носить репродуктивный характер (воспроизводящий), они воспроизводятся, интерпретируются, осмысливаются, а потом запоминаются, а может быть, становятся основанием для дальнейших поисков.

Архивные материалы, отражающие историческое прошлое страны – основная часть культурного наследия российского народа. Привлекают, прежде всего, те документы, которые несут в себе информацию, развивающую на начальном этапе - любознательность школьника, на продвинутом этапе - познавательные интересы, наблюдательность и мышление, способствуют проявленности интереса к научно-исследовательской работе, развивают полноценную творческую личность.

Анализ документов может состоять как в содержательно-графических характеристиках, так и в характеристиках жанра, лексики и языковых процессов в разных проявлениях. Рекомендуется привле-

кать, прежде всего, те документы, которые наиболее доступны для рассмотрения с точки зрения особенностей их графики и орфографии, лексики, отчасти – морфологии и синтаксиса. Важно учитывать событийность изучаемых документов, что позволяет реконструировать событие, воспроизвести его в рисунке, сочинении-эссе, репортаже и театрализованном представлении (в условиях внеурочной работы это находит свое выражение). Подобные действия не оставляют равнодушными современных школьников.

Т. В. Майорова отмечает, что исследование конкретного документа вольно или невольно опирается на общие представления определенной эпохи о языке, стиле и способах исполнения документов. Изучение архивных документов развивает у учащихся любознательность, познавательные интересы, наблюдательность и мышление, способствует развитию интереса к научному исследованию, воспитывает бережное отношение к национальному достоянию – родному языку в его историческом аспекте, является источником обогащения духовного мира школьников. Кроме того, исследовательская деятельность воспитывает усидчивость, упорство в достижении цели, вырабатывает умение работать с научной литературой, составлять библиографические списки, конспектировать и аннотировать, исследовать архивные материалы в соответствии с выявленной проблемой [10; 49].

Таким образом, реализация событийного подхода обеспечивает удовлетворение индивидуальных запросов личности, воспитание нравственных качеств и является источником развития творческой личности школьника. Специально организованная работа на занятиях-событиях приобретает ярко выраженный исследовательский характер, адаптирует школьника к специфичной по своему содержанию работе, в том числе и с архивными материалами.

Событийный характер урочной и внеурочной деятельности школьника позволяет развить субъект-субъектные отношения между педагогом и школьником, способствует поддержке того единичного, что заложено в ребенке от природы и что он приобрел в индивидуальном опыте социализации. Главная идея состоит в том, чтобы воспитание становилось центральной культуuroобразующей сферой бытия человека и общества.

Литература:

1. Алексеев Н.Г., Юдин Э.Г. О психологических методах изучения творчества. – М.: Наука, 1971. С. 71-72.
2. Рындал В. Г. Школа: с веком наравне. – Оренбург: издательство ОГПУ,

2010. С. 48-49.

3. Зиновкина М.М. Креативная технология образования. // «Высшее образование в России». 1999. № 3. С. 22.

4. Рындак В.Г. Школа: с веком наравне. – Оренбург: издательство ОГПУ, 2010. С. 50-51.

5. Сапожникова О.В., Смирнова Н.В. Событийный подход к организации уроков русского языка. // «Русский язык в школе». 2008. №6. С. 11.

6. Мазниченко М. Событие: средство воспитания школьника и будущего педагога. // «Народное образование». 2006. № 9. С. 210-211.

7. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация: монография / составит. И науч. ред. проф. В.И. Попова; - 2-е изд., переработ. и доп. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. С. 304.

8. Сапожникова О.В., Смирнова Н.В. Событийный подход к организации уроков русского языка. // «Русский язык в школе». 2008. № 6. С. 11-12.

9. Соловьев Г.Е. Событийный подход в воспитании школьников. // «Вестник удмуртского университета». 2009. Вып. 2. С. 103-104.

10. Майорова Т.В. Региональные архивные источники в школьной лингвокраеведческом кружке. // «Русский язык в школе». 2002. № 3. С. 49.

Мозгина Е. Г. (Оренбург)

ХРИСТИАНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В современных условиях динамичных изменений в науке, технике, образовании обостряется проблема подготовки молодого поколения к жизни в многонациональном обществе. Отмечается новый уровень культурных связей, наблюдается интенсивная разработка концепций поликультурного образования, осмысливается решение проблем межнационального общения, воспитания толерантности, веротерпимости. При этом остается нерешенной проблема сохранения национальных традиций народов, проживающих на территории РФ.

На важность национальных корней в жизни человека указывали многие русские философы, так, по мнению Н.А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. Сохраняя национальную индивидуальность, каждый отдельный человек является представителем какой-либо национальности и общенациональной общности.

При исследовании характера народа, главная задача состоит в том, чтобы определить, какие свойства народа представляют собой

первичное, основное содержание его души и какие свойства вытекают из его первоосновы. Так, одним из основных факторов, влияющих на русского человека, является православие. Значение христианства, православия в узком смысле, в Русской истории и культуре первостепенное, оно отражено и в русской истории. Тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; Россия как государство слагалась, крепла и разворачивала свою духовную культуру именно в христианстве. Христианство Россия восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте православия.

Немаловажно, что православная вера с древнейших времен и до XVIII в. определяла развитие школьного образования в России. Выбор христианской религии в 988 году был одновременно выбором школы и теоретических основ образования. Образование для всех слоев населения было церковного типа, преследовало особые цели образования, среди которых – «воспитание добродетельного человека, стремящегося к нравственному совершенству» [5, 31], в содержании обучения и воспитания преобладал религиозный компонент.

В связи с этим явным влиянием религии на менталитет её носителя в науке возникает потребность осмысления и описания соотношения языка, сознания, личности и религии. Это одна из актуальных проблем современной лингвистики и славистики. Следует отметить, что внимание ученых в рамках этой проблемы акцентируется на исследовании национально-культурной специфики языкового сознания как индивидуумов, так и целых национальностей, где язык становится средством выражения культуры, а языковое сознание индивидуума рассматривается в соотношении с национальным самосознанием.

Работа в этом направлении привела к возникновению необходимости выявления элементов христианской ментальности в сознании русского человека, в том числе и в языковом, что осуществимо только при изучении данных различных наук, а не только с позиций филологических дисциплин.

Междисциплинарный характер проблемы соотношения языкового сознания и христианской ментальности до сих пор недостаточно освещен в науке и требует своего разрешения. Собственно лингвистами языковое сознание понимается по-разному: во-первых, как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях о нормах произношения, словоупотребления и т.д.» [2, 122]; во-вторых, как особенность культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива,

определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка [4, 327].

Стернин И.А. выдвигает проблему разграничения языкового и коммуникативного сознания. Коммуникативное сознание, по его мнению, включает в себя «коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации». Для русского человека это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России, т.е. отсюда намечается проекция к русской ментальности.

Менталитет общества определяется как глубинный уровень общественного сознания (включая и бессознательное), как устойчивая система жизненных установок, определяющих отношение к явлениям и, следовательно, характер деятельности. Общеизвестными источниками по исследованию ментальности, в том числе и русской, являются письма, воспоминания различных народных и государственных деятелей, писателей, полководцев. Также широко используется материал народного фольклора: песни, былины, пословицы и поговорки. Для ознакомления с исследованиями в этой области знания могут быть привлечены труды российских историков, таких как Карамзин Н.М., Татищев В.Н. и др.

Исследование особенностей индивидуального сознания, в частности в языковой форме, и его выраженности в речевой продукции, проведенное Т.Л. Калентьевой, убедительно показывает, что, исследуя языковое сознание через продукт речевой деятельности «говoreние – высказывание», можно получить возможность изучать и описывать индивидуально-типологические особенности языкового сознания, в том числе и национального.

Исследователи русской ментальности, наряду с огромной силой воли, горячностью, безграничной анархической свободой личности и духа, выражающейся во всем строе мысли, жизни, указывают, что основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра. Эти черты ярко прослеживаются при анализе русского языкового сознания и выявлении в нем христианской ментальности.

Для русского сознания характерно сильное подчеркивание ценности смирения и гуманизма, это, как считают исследователи, является культурной реакцией именно на православие.

Особо акцентировать внимание нужно на феномене общинности православия, на коренном отличии западного типа сознания и по-

ведения с ярко выраженным индивидуальным характером, от поведения и сознания русского с его чисто коллективным характером. Это явление в русской национальной культуре занимает основное, фундаментальное место, а, следовательно, может быть перенесено и на русское языковое сознание. Такое русское национальное сознание, действующие по принципу общинности, берет свое начало в далеком, дохристианском периоде русской истории и тесно связано с православием.

Так, доказательством религиозности русского народа, влияния на его ментальность православия служит обилие пословиц и поговорок, например, «Избу ставят, Бога славят», «Без Бога не до порога». Но следует отметить, что русские люди не слепо религиозны, в жизни, в быту руководствуются также и разумом: «С богом начинай, а руками кончай», «Бог-то бог, да и сам не будь плох», «Богу молись, а к берегу гребись», «На Бога надейся, да сам не плошай».

Православие, как никакое другое религиозное исповедание, повлияло и на классическую русскую литературу. Идеалы православия проникли в русскую художественную словесность и высоко ее подняли, оживили и одухотворили. Русская литература приобрела широкое распространение за границей, всюду привлекла к себе внимание и симпатии.

Таким образом, сохраняемая столетиями христианская вера русского народа стала основанием национального сознания, в том числе и языкового, христианство явилось маяком, ориентируясь на который, русский народ творил свою историю. Несомненно, что в формировании языкового сознания русского человека огромную, едва ли не решающую роль сыграло христианство. Святая вера стала основным стержнем объединения России, душой русской национальности, дыханием жизни русского человека и языка как неотъемлемой части русского народа. Под началом христианства сформировалось не только русское языковое сознание, но русская нация, русский менталитет, задача сохранения которого чрезвычайно важна в современном мире, для которого характерно стирание границ культурной самобытности народа.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: КомКнига, 2006. - 576 с.
2. Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. - М., 1989. С. 122–126.

3. Лекторский В. А. Сознание. - Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000.
4. Соловцова, И. А. История педагогики и образования: Учеб. пособие для студентов пед. вузов под ред. Н. М. Борытко. – Волгоград: ТЦ «Оптим», 2007.- 56 с. (Сер. «Гуманитарная педагогика». Вып. 10).
5. Становление гуманистических основ педагогической теории в условиях инновационного поиска: На материале экспериментального курса «Философия и история образования»: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 1998.
6. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // «С любовью к языку». - Москва-Воронеж, 2002. - С. 44-51).
7. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // «Языковое сознание и образ мира». - М., 2000. - С. 19-24.
8. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // «Языковое сознание и образ мира». - М., 2000. - С. 13-19.

Попова Е.А. (Оренбург)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ВО ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЕ СО ШКОЛЬНИКАМИ

Основу русского языка как школьного учебного предмета составляет наука о русском языке, его история и диалектология, смежные науки – графика, орфография, пунктуация и др. По целям и содержанию знаний, сообщаемых учащимся о русском языке, различаются два уровня его изучения в школе: общеобразовательный и углубленный. Общеобразовательный уровень это курс русского языка, обязательный для всех учащихся средней школы. Во внеурочное время углубленно изучают русский язык отдельные школьники или группы школьников, проявившие интерес к нему.

С введением Госстандарта нового поколения проблема формирования готовности обучающихся к саморазвитию и непрерывному образованию зазвучала по новому: сделан акцент на развитие личности как в урочной, так и во внеурочной деятельности.

При многообразии трактовок (внеурочная работа (Н.Н. Ушаков), внеклассная работа (Л.Т. Григорян, Б.Т. Панов), внеучебная деятельность (В.И. Попова) мы используем понятие «внеурочная работа», которая проводится за пределами урока в школе и вне ее, но при обязательном планировании внеурочной деятельности, руководстве ею учителями русского языка и литературы.

Смысл внеурочной работы в современной школе состоит в том, что она направлена на развитие *личностных* результатов, отра-

жающих личностные и гражданские позиции в деятельности, способность строить жизненные планы; *метапредметных* результатов, включающих межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные); *предметных*, включающих умения, приобретаемые в учебных, учебно-проектных и социально-проектных ситуациях.

Анализ научно-методической литературы позволяет выявить, что внеклассной работой называют специально организованные и целенаправленные занятия с учащимися воспитательного и образовательного характера, проводимые школой во внеурочное время (Б.Т. Панов). Истоки внеклассной работы как формы углубленного изучения предмета восходят к литературным собраниям (XVII в.) в дворянских пансионах и учебных заведениях всеобщего типа, где звучали произведения М.В. Ломоносова, читались собственные сочинения и переводы воспитанников, ставились пьесы.

Внеклассная работа по русскому языку позволяет ученикам общаться с более широким, чем на уроке, кругом лингвистических явлений, становится источником многообразных впечатлений. Движущей силой внеклассной работы выступает интерес. Если работа на уроке, регламентированная единой и обязательной для всех программой, направлена на формирование системы знаний, умений и навыков, то внеклассная работа обеспечивает школьнику добровольность участия, свободный индивидуальный выбор лингвистического материала, познание искусства слова, способов творческого самовыражения: попробовать себя в роли корреспондента, оратора, исследователя.

Таким образом, сущностные характеристики внеурочной и внеклассной работы представлены в исследованиях Б.Т. Панова, Л.И. Пастушенковой, Е.П. Преображенской, Н.Н. Ушакова, Г.И. Суворовой. Организация внеучебной лингвистической деятельности школьников, классификация нетрадиционных форм и их сущностные характеристики даны в исследованиях Поповой В.И.[5]

Основными принципами организации внеурочной работы следует считать принцип добровольности; принцип равного права всех школьников на участие во внеурочных занятиях; принцип индивидуального подхода к каждому учащемуся [7].

Все виды внеурочных занятий по русскому языку, как правило, ведутся параллельно с классными занятиями. Однако отдельные виды внеурочной работы могут проводиться и в каникулярное вре-

мя (например, олимпиады, турниры, конкурсы). Урочная и внеурочная работа дополняют одна другую, и лишь в их взаимодействии возможно претворение в жизнь тех сложных задач, которые в настоящее время стоят перед школой.

Важной составляющей внеурочной работы является изучение лингвистических интересов учащихся, которое показывает, как велико желание школьников узнать новое о русском языке. Строгие рамки урока и насыщенность программы по русскому языку не всегда позволяют ответить на многие вопросы, интересующие детей. И в этом случае на помощь приходят внеурочные занятия [1].

Цели и задачи внеурочной работы состоят в том, чтобы способствовать углублению и обогащению приобретаемых на уроках знаний, тем самым, помогая ученикам лучше усвоить программный материал; совершенствовать навыки анализа различных фактов языка; расширять лингвистический кругозор школьников; воспитывать языковое чутье; развивать творческие возможности.

В процессе внеурочной работы повышается общая языковая культура учащихся; развивается познавательный интерес, активность, самостоятельность в приобретении знаний, что позволяет выявить одаренных в лингвистическом отношении учеников, а также воспитывать у слабоуспевающих учащихся веру в свои силы. При этом основной целью внеурочной работы является развитие у школьников интереса к русскому языку как учебному предмету, воспитание у них бережного отношения к слову, к богатству, воспитание любви и уважения к русскому языку.

Разнообразие форм внеурочной работы по русскому языку обусловлено разноплановостью содержания, целей и задач этой работы, неоднородностью состава участников (по возрасту, уровню подготовленности, степени развития лингвистического интереса, количеству участников), возможностями школы и учителя.

Как известно, к групповым формам внеурочной работы по русскому языку можно отнести работу кружка, отличающегося активной деятельностью всего состава учащихся, ярко выраженной однородностью интересов учащихся разных возрастов. В то же время работа в кружке обеспечивает индивидуальные потребности обучающихся.

Так на занятиях кружка «Бытие человека в культуре и языке» (5-7 классы) организуется работа над такими понятиями, как: язык и его тайны, связь языка и культуры; характеристики духовной культу-

ры. Ученики осваивают данный материал в процессе организации бесед, самостоятельной работы, анализа текста.

Фрагмент текста. Пушкин писал удивительно сжато, коротко, лаконично. Каждое слово у него полно смысла и поэтичности. Он не любил подробно разъяснять свою мысль, он рассчитывал на внимательного читателя, умеющего разобраться в содержании стихотворения, правильно осмыслить его образы и расшифровать заключающиеся в нем намеки.

Стихи Пушкина необыкновенно богаты и разнообразны по содержанию (по С.М. Бонди).

Читая Пушкина, мы не можем не обратить внимания на чисто звуковую сторону его произведений, на музыку слова в пушкинских стихах, на несравненное умение поэта пользоваться там, где это нужно, выразительностью самих звуков, составляющих слова.

Откуда у Пушкина это внимание к отдельным звукам в стихотворной строке? Почему он, когда ему это нужно в художественных целях, так широко пользуется повторами того или иного звука? Сам ли он изобрел этот способ делать свою поэтическую речь подчеркнуто звонкой, упругой, особенно удобной для произношения?

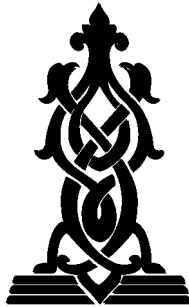
Нет, конечно. Все это лежит в природе нашего родного языка... Все приемы словесного мастерства, которыми теперь так щедро пользуются поэты, родились первоначально в народной среде, в устном безымянном творчестве. Из народной среды этот прием звукового повтора перешел и в литературную речь. Встречается он, конечно, и у Пушкина. Следует заметить, что применяется он поэтом очень искусно (по Вс. Рождественский).

На материале текста создается проблемно-поисковая ситуация, осуществляется выработка вариантов решения, развитие навыков поисковой деятельности в аспекте решения проблемы взаимодействия языка и культуры.

Таким образом, внеурочная работа по русскому языку является неотъемлемой частью всей образовательно-развивающей работы по лингвистике и подчинена общим целям образования и воспитания учащихся. Успех решения этих целей и задач во многом зависит от умения правильно организовывать внеурочные занятия с детьми: определять цели и задачи, содержание, формы, методы, средства воспитания интереса к проблеме языка и культуры и изучению русского языка в целом.

Литература:

1. Григорян Л. Т.Г. Язык мой – друг мой: Материалы для внеклас. работы по рус. яз.: Пособие для учителя. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001.-208с.
3. Панов Б. Т, П16 Внеклассная работа по русскому языку: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1980. –208 с.
4. Попова В.И. Организация внеучебной лингвистической деятельности школьников: Учебное пособие. – Оренбург Издательство ОГПУ, 1998 –36 с
5. Попова, В. И. Образовательно-развивающая модель взаимосвязанной учебной и внеучебной деятельности школьника. Реализация концепций «Регионоведение» и «Профоринтология»: учебное пособие. // Мин-во образования и науки Рос. Федерации; Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2010. – 136с.
6. Рындак, В. Г., Дженжер, В. О., Денисова, Л. В. Внеучебная проектная научно-познавательная деятельность школьника. Р95 Методика организации (с использованием языка программирования _Scratch): монография/В. Г. Рындак, В. О. Дженжер, Л. В. Денисова. М.; «Дом педагогика», 2010. – 251 с.
7. Ушаков Н. Н., Суворова Г. И. Внеурочная работа по русскому языку: Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, Ю85. – 175 с.
8. Янченко В.Д. Занимательное путешествие по страницам истории русской лингвистической науки: Методические рекомендации и дидактические материалы. – М.: Вербу м-М, 2002. – 160 с.

**ПЯТАЯ СЕКЦИЯ
ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ И ОРЕНБУРГСКОЙ
ЕПАРХИИ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В XVIII – XX ВВ.**

Смирнова О. А. (Оренбург)

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОСА

Национальная история есть путь к национальному самосознанию. Знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее.

С. Ф. Платонов

Анализ содержания современных исследований, посвященных осмыслению исторической памяти, показывает широкое концептуальное разнообразие в понимании этого феномена. Одни его трактуют как индивидуальную память о прошлом, другие – как социальную память, третьи – как способ сохранения и трансляции знаний о прошлом, четвертые – как синоним исторического сознания и т.д. Однако все так или иначе признают, что историческая память, будучи существенным компонентом общественного сознания, является ничем иным как совокупным представлением людей о прошлом, бытующим на массовом и индивидуальном уровнях¹.

Ни у кого не вызывает сомнений, что историческая память – это своего рода «система координат», позволяющая давать те или иные оценки событиям прошлого, определенным образом относиться к настоящему и намечать действия в будущем. Благодаря ей каждое новое поколение обретает возможность расширить рамки ограниченного индивидуального существования и, включив в свое жизненное пространство события ушедшего прошлого, ощутить себя наследником многовековой традиции, необходимым звеном в цепи национального родства.

На сегодняшний день практически никто не сомневается в тесной взаимозависимости эффективности общественного развития с уровнем знаний большей части населения об историческом прошлом. Однако современное состояние знаний наших соотечественников, особенно молодого поколения, о прошлом вызывает серьезное беспокойство. В этом отношении весьма показательны ответы абитуриентов во время вступительных экзаменов. Большая часть молодых людей де-

монстрирует крайне смутное представление о значительных событиях отечественной истории. В числе сложных оказываются вопросы, касающиеся отмены крепостного права, свержения самодержавия, установления советской власти. О событиях более локального характера и говорить не приходится.

Согласно исследованиям, проведенным Центром социальных исследований «Российское общественное мнение и исследование рынка», положение в области исторического образования является наихудшим среди дисциплин социально-гуманитарного цикла².

Выясняя причины этой ситуации, эксперты обратились с рядом вопросов к студентам, среди которых был и такой: что мешает учиться в полную силу? В числе основных препятствий респонденты выделили два³:

- 1) низкий уровень довузовской подготовки (44% от общего числа респондентов);
- 2) недостаток книг в библиотеках (47% от общего числа респондентов).

Следует признать, что мнение молодых людей в полной мере отражают реальное положение дел в современной системе исторического образования. Неслучайно, начиная с 2001 г. эта проблема время от времени оказывается предметом обсуждения на высшем государственном уровне. Ярким тому подтверждением служит следующий ряд событий:

· 30 августа 2001 г. заседание правительства Российской Федерации по вопросу «О состоянии учебной литературы по новейшей истории России»;

· 15 мая 2009 г. Указ № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»;

· 19 февраля 2013 г. выступление Президента РФ на заседании Совета по межнациональным отношениям с инициативой о необходимости разработки единого учебника истории России для средней школы.

В своем предложении В. В. Путин обозначил основные требования, которым должен удовлетворять такой учебник. Во-первых, он должен быть написан хорошим русским языком и не иметь внутренних противоречий и двойных толкований, а во-вторых, должен быть построен «в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого»⁴.

Действительно, ситуация, сложившаяся в связи с учебником истории крайне неблагоприятная. На исходе 80-х гг. XX в. в ходе борьбы за преодоление административно-командных тенденций в сфере исторического образования, в среде научно-педагогической общественности активно обсуждалась идея создания альтернативных учебников, в которых авторы на базе методологически различных точек зрения давали бы объяснения событиям исторического прошлого нашей страны. Однако в ходе тех дискуссий мало кто подозревал, что одновременно под грифом Министерства образования может быть издано около 100 учебников, содержание которых далеко не всегда научно обоснованно (неслучайно, сегодня идет речь о том, что процесс «министерского грифования», фактически выполняющий функцию маркера качества, до предела скомпрометирован). В этом контексте трудно не признать справедливость замечания главного редактора журнала «Российская история» С. В. Тютюкина о том, что чуть ли не единственным мотивом издания учебников «для многих авторов» выступают «личные амбиции»⁵.

Результатами экспертизы школьных учебников истории, осуществленной еще в 2002 г., стал перечень выводов, актуальность которых не утрачена поныне. В их числе следующие⁶:

во-первых, большая часть учебников не удовлетворяет требованию научной достоверности;

во-вторых, объем информации, предлагаемый учебниками, не соответствует учебному времени, отводимому на его изучение (по 2-3 параграфа на дом), что порождает «усталость от предмета»;

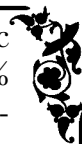
в-третьих, наличествует перегрузка второстепенными фактами, датами, именами, которые предназначаются не для обязательного запоминания;

в-четвертых, отсутствуют акценты на наиболее существенных событиях;

в-пятых, изложение учебного материала осуществляется «слепым текстом» и сложным наукообразным языком;

в-шестых, учебники отличаются слабым методическим обеспечением.

Наряду с этими общими замечаниями эксперты также отмечали методологическую эклектичность, явную политическую ангажированность авторов, поверхностное изложение истории советского времени, явный антипатриотизм, изображение отечественной истории в виде цепи ошибок и преступлений, а само отечество ущербным, вторичным по отношению к цивилизованному миру образованием.

Такова общая оценка специалистов ситуации, сложившейся с учебной литературой по истории. И это в то время, когда более 70% российских граждан, как показывают результаты выборочного социологического опроса, среди средств, оказывающих влияние на формирование исторической памяти, первое место отдают учебнику⁷. В этой связи представляется вполне закономерным стремление современного российского руководства выработать единый школьный учебник истории, на страницах которого будет изложена государственная концепция исторического прошлого.

Однако это будет сделать явно непросто. Заявление В. В. Путина вызвало в научном цеху и в широких кругах общественности острую дискуссию. Можно ли в условиях существенных общественных разногласий создать единый учебник истории? Может ли быть он идеологически нейтральным и безоценочным? Очевидно, что нет. Тогда на какой мировоззренческой позиции он будет базироваться. В этом контексте представляются весьма характерными комментарии по этому поводу, появившиеся с 21 по 25 февраля 2013 г., на информационном медийном портале КМ.RU⁸. Все разнообразие высказываний можно свести к следующим группам ключевых идей:

- единый учебник ОБЪЕКТИВНОЙ истории в принципе не реализуем;

- единый учебник необходим! Если мы сегодня не создадим СВОЙ учебник по истории, то завтра наши дети будут учить историю по учебникам США и Евросоюза;

- а что такое «Настоящая история»? Вы можете дать определение? Даже посидев за столом с родственниками, вы на следующий день опишите ваше застолье очень по-разному;

- если писать будет Сванидзе, то лучше историю не изучать;

- единая страна должна иметь единую Историю, такую историю каковой она была и каковой дошла до нас с древнейших времен...

Однако при всем разнообразии суждений, голосование, проведенное же на этом же портале, по вопросу «Поддерживаете ли вы идею Путина о создании единого школьного учебника по истории?» показало, что из 1845 респондентов, составивших общее количество принявших участие в интернет-опросе, большинство поддержало инициативу президента⁹:

Да	80%	(1478 респондентов)
Нет	15%	(270 респондентов)
Не знаю	5%	(97 респондентов)

В ряду мнений специалистов наиболее авторитетным есть все основания считать точку зрения преподавателей-практиков, которые ежедневно взаимодействуют с ученической и студенческой аудиториями. На мой взгляд, наиболее емко эту позицию удалось выразить профессору И. Я. Фроянову. В одном из интервью по поводу инициативы президента он сказал: «Не должно быть большого количества учебников по истории, в которых предмет преподносится так, как кому заблагорассудится. Историческое образование подрастающего поколения – это дело государственной важности. Именно государство должно держать под контролем, в своих руках дело исторического образования... Это важная отрасль знания, формирующая гражданские чувства в обществе и патриотическое сознание народа»¹⁰.

Сложно не согласиться с мнением этого авторитетного специалиста – опытного ученого-историка, преподавателя и автора учебников по отечественной истории. Действительно, на протяжении последних двух десятилетий как в школах, так и в вузах историю изучали не только по разным учебникам, но и на основа разных учебных курсов, последнее особенно относится к вузам. Так, если в 1989/1990 учебном году во всех вузах читалась «История КПСС», то уже в следующем – 1990/1991 – ее заменила «История общественно-политических движений и партий», а затем «История цивилизаций» в различных вариациях («Россия и мировые цивилизации, история мировых цивилизаций»). В 2000 г. на смену этого «плюрализма историй» пришла новая учебная дисциплина – «Отечественная история», а с 2011/2012 учебного года – «История». Содержание тем и сюжетов этих, сменявших друг друга учебных курсов, во многом отличается, а, следовательно, у поколений, получивших образование в 90-е – начале 2000-х гг., отсутствует единое представление об историческом прошлом. Иначе говоря, российских граждан, сформировавшихся на этом промежуток времени, не объединяет общая историческая память.

Однако единая историческая память для общества, желающего быть устойчивым, крайне необходима. Предельно ясно указывал на этот факт В. О. Ключевский. В «Курсе русской истории» он писал, что человеческое общежитие поддерживается двумя средствами, общением и преемством. Чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Только тогда они становятся способны вести общие дела и смыкаются в общества. Историк подчеркивал: «Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут

составить прочного общества; чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее. Устаиваясь и твердея от времени, эти связи превращаются в нравы и обычаи. В силу тех же условий общение возможно не только между отдельными лицами, но и между целыми чередующимися поколениями: это и есть *историческое преемство*. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служат наследование и воспитание. Время закрепляет усвоенное наследие новой нравственной связью, *историческим приданием*, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков»¹¹.

Таким образом, историческая память является чрезвычайно важным инструментом укрепления социального единства. На сегодняшний день этот факт вполне осознан как политическим руководством страны, так и общественностью. Дело осталось за научным сообществом. Найдет ли оно в себе силы прийти к согласию и выработать методологически взвешенную позицию на исторический путь России, в рамках которого основным будет превалировать стремление понять прошлое с учетом конкретно-исторического контекста рассматриваемых событий и явлений. Думается, главной установкой современного гражданственного историописания должны стать слова, высказанные еще в XVIII в., нидерландским философом Бенедиктом Спинозой: «Не плакать, не смеяться, не проклинать, а понимать!». Только на базе понимающей позиции можно выработать взвешенную точку зрения на прошлое, получить возможность ответственно действовать в настоящем и быть убедительным в прогнозах на будущее.

Примечания:

¹ См.: Дмитриева М. Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества. Автореферат на соискание ученой степени к.с.н. М.: РАГС, 2005. с. 13; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. с. 431.

² Зверева Г. Я., Репина Л. П. Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. Аналитический доклад / под ред. Л. Г. Ионина. М.: Логос, 2003. С. 517.

³ Зверева Г. Я., Репина Л. П. Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. Аналитический доклад / под ред. Л. Г. Ионина. М.: Логос, 2003. С. 504.

⁴ Путин потребовал «правильного» единого учебника по истории [Электронный ре-

сурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/19feb2013/putinybom.html> (дата обращения 26.02.2013).

⁵ Тютюкин С. В. Выступление проф. С. В. Тютюкина на Международной научной конференции «XIX век в российской истории и культуре (поиск новых подходов, приглашение к диалогу)» (г. Москва, 9–11 декабря 2004 г.) // Личные записи Смирновой О. А., сделанные во время выступления проф. С. В. Тютюкина в ходе работы конференции 11 декабря 2004 г.

⁶ Преподавание истории в школе. 2002. № 1. С. 2–8.

⁷ Историческая память населения России (материалы «круглого стола» в Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации 20 ноября 2001 г.) // Отечественная история. 2002. №3. С. 195.

⁸ Поддерживаете ли вы идею Путина о создании единого школьного учебника по истории России? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru> (дата обращения 27.02.2013).

⁹ Там же.

¹⁰ «Посмотрим, как будут воплощаться правильные слова Путина» [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskline.ru> (дата обращения 27.02.2013).

¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. I. С. 41.

Семенов В. Г. (Оренбург)

ВИДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ – ОФИЦЕРЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

В 2007 году в издательстве Русский путь вышла книга А.В. Ганин В.Г. Семенов «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945» ставшая сегодня библиографической редкостью. В статье уточнены биографические сведения исследователей некоторых офицеров исследователей.

Лобов Николай Георгиевич (03.10.1842-09.03.1915) - из дворян станицы Ключевской 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Окончил Полоцкий кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище по 1 р. На службе с 20.07.1863. Сотник (с 23.05.1864). Есаул (с 01.05.1868). Войсковой старшина (с 08.01.1877). Подполковник (с 26.02.1880). Полковник (с 26.02.1886). Генерал-майор (с 01.01.1900). Службу проходил в Оренбургской конноартиллерийской бригаде. Участвовал в Бухарском походе (1868). Командир 6-й Оренбургской казачьей батареи (1876-1888). Атаман 2-го военного отдела ОКВ (06.10.1888-04.03.1894). Старший член Войскового Хозяйственного Правления ОКВ (04.03.1894-01.01.1900), командир

Оренбургской казачьей конноартиллерийской бригады (с 01.01.1900). Награды: Святой Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1868), Святого Станислава 3-й ст. (1872), Святой Анны 3-й ст. (1883), Святого Владимира 4-й ст. (за 25 лет, 1890), Святой Анны 2-й ст. (1895), дважды удостоен Высочайшего благоволения (1868, 1894). Почетный казак станицы Кизильской 2-го военного отдела ОКВ (с 15.06.1895), почетный попечитель мужской и женской школ ст. Верхнеуральской 2-го ВО ОКВ (22.09.1894). Член Оренбургской ученой архивной комиссии. Супруга Поликсения Александровна, уроженка Санкт-Петербургской губ. 1 сын. Соч.: Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1911; Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 гг. с Наполеоном. Оренбург, 1912; Копии с официальных документов, подтверждающих как время образования Уфимского казачьего войска, так и право Оренбургского казачьего войска считать себя преемником первого. Оренбург, 1912; Описание знамен, знаменных знаков и хоругвей Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1912; О посещении Оренбургского казачьего войска Августейшими особами, составлено по поручению Наказного Атамана, генерал-лейтенанта Сухомлинова к трехсотлетию царствующего Дома Романовых. Оренбург, 1913; Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска. Ч. 1. (XVI в.-1800 г.).

Мякутин Александр Иванович (04.10.1876-08.05.1918) - из ст. Оренбургской 1-го ВО ОКВ, сын полковника ОКВ. Военный деятель, публицист и фольклорист. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (ОНКК), Николаевское кавалерийское училище (НКУ) по 1 р. и Александровскую военно-юридическую академию по 1 р. (1905-1908). На службе с 31.08.1895. Унтер-офицер (с 01.10.1896). Хорунжий (с 13.04.1897). Сотник (с 01.07.1901). Есаул (с 15.05.1908). Капитан (с 03.06.1909). Подполковник (на 1913). Полковник (на 1917). Службу проходил в батареях Оренбургской конноартиллерийской бригады. Адъютант командира Оренбургской конноартиллерийской бригады (на 1901). Действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии (1901), передал в дар ОУАК рукописные сборники по истории ОКВ. В 1 сборнике рассказы «Степан Кузьмич Саталкин», «Хивинский пленник», «Рассказ Никиты» и множество документов, во 2 - документы по истории 1 Оренбургской казачьей батареи. Издал 4-томный труд «Песни Оренбургских казаков» (1904-1910). Взят под негласный надзор полиции за переписку с казаками ст. Магнитной ст.

урядниками И. Некеровым и Ф. Ефимовым, в которой призывал казаков отказываться от полицейской службы (1906). Только вмешательство и.о. Наказного атамана генерал-майора барона Ф.Ф. фон Таубе спасло Мякутина от наказания и позволило закончить учебу в академии. Член «Общества взаимопомощи неплюевцев» (с 1908). Прикомандирован к Петербургскому военно-окружному суду кандидатом на военно-судебную должность (1909). Переводится военным следователем в Туркестанского Военного Округа в г. Ташкент (1910). Назначен помощником прокурора Туркестанского Военного Округа (1913). Прокурор Туркестанского Военного Округа (1917). Баллотировался на выборах в Учредительное собрание от ОКВ (1917). Скончался от холеры в г. Ташкенте. Соч.: Песни Оренбургских казаков. Вып. 1, Оренбург, 1904; Вып. 2, Оренбург, 1905; Вып. 3, Оренбург, 1906; Вып. 4. СПб., 1910 (переизд. - Орел степной, казак лихой. М. 1998); Боевые заветы казаков. Ташкент, 1914; Гнездо самарских казаков // Военный сборник (СПб.). 1911. № 4; Туркестанский казачий круг // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 31. 06.09. С. 1-2. ГАОО. Ф. 38. Оп. 2. Д. 11. Лит.: Миллер В. Отзыв о труде А. И. Мякутина «Песни Оренбургских казаков» Вып. 4. СПб., 1910; Семенов В.Г. Судьба казачьих офицеров Мякутиных // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычай. Челябинск, 1996. С. 118-128; Мякутины. История рода // Гостиный двор (Калуга). 1995. № 3. С. 81-91.

Севастьянов Сергей Никанорович (12.09.1863-05.08.1907) - из дворян ст. Еткульской 3-го военного отдела ОКВ. Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию (1882) и 2 Константиновское военное училище по 1 р. (1884). На службе с 01.09.1882. Унтер-офицер (с 07.10.1883). Хорунжий (с 14.08.1884). Сотник (с 07.12.1885). Подъесаул (с 17.11.1891). Есаул (с 06.12.1903). Направлен в поселок Алабужский ординарцем для встречи Наследника цесаревича Николая Александровича (1891). В 4 саперной бригаде изучал саперное и телеграфное дело (1892). Службу проходил во 2 ОКП, и.о. кассира офицерского собрания, библиотекарь, полковой адъютант. При штабе ОКВ, на должности помощника ст. адъютанта мобилизационного и инспекторского отделений (1895-1907). Неоднократно вр.и.о. старшего адъютанта Войскового штаба ОКВ (1895-1899). В командировке для разбора дел Войскового архива ОКВ (1899). В течение нескольких месяцев в Москве для извлечения архивных материалов по истории ОКВ (1903-1905). Участник подготовки «Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска». Умер в

Оренбурге. Награды: Святого Станислава 3-й ст. (1896), Святой Анны 3-й ст. (1900), Святого Станислава 2-й ст. (1907), серебряная медаль на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (1896). Женат на дочери войскового старшины Уральского казачьего войска Евдокии Гавриловне Назаровой. Дети: Зинаида (1897), Александра (1899), Елизавета (1901). В Троицком уезде жеребьевый надел в 178 десятин земли, доставшийся ему после смерти отца. Член Оренбургской ученой архивной комиссии. Соч.: Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг.: (Крат. ист. очерк). Оренбург, 1895. 39 с.; В Оренбургском районе (Преимущественно по записям г. Севастьянова) // Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890-1891). СПб., 1897. Т. 3. С. 186-224; Несколько старинных песен // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898. Вып. 4. С. 77-92; История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (По материалам войсков. архива) // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5. С. 82-111; Опись некоторых дел казачьего отдела архива комиссии // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 6. С. 51-73; Общий обзор подготовительных работ по составлению историко-статистического описания Оренбургского казачьего войска // Материалы по историко-статистическому описанию Оренб. казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып. 1. С. 1-12; Казачьи знамена (1675 г. выписка С. Севастьянова. Моск. Архив) // Материалы по историко-статистическому описанию Оренб. казачьего войска. Оренбург, 1903. С. 10-11; К вопросу об образовании Оренбургского казачьего войска. // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 30. С. 89-93; Тяжба самарских казаков с купцами и мещанами г. Самары из-за земель Самарской градской дачи в 1823-1844 гг.: (Из арх. документов) // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 30. С. 126-158; Иван Васильевич Подуров: Ист. биогр. очерк // Гостиный двор. 1999. № 6. С. 190-208. Личный фонд: ГАОО. Ф. 169.

Стариков Федор Митрофанович (01.06.1842-1911) - из обер-офицерских детей ст. Миасской 3-го военного отдела ОКВ. Окончил школу офицерских детей. На службе с 01.01.1860. Хорунжий (с 18.08.1866). Сотник (за боевые отличия, с 07.06.1867). Есаул (с 01.01.1871). Войсковой старшина (с 06.05.1884). Полковник (с 06.05.1893). Генерал-майор (с 1903). Участник среднеазиатских походов 1863, 1864, 1875, 1876. Служба: командир сотни - 4 года и 1 месяц,

и.д. ст. адъютанта Сырдарьинской области - 1 год и 5 месяцев, помощник старшего адъютанта управления 2-го ВО ОКВ - 6 мес., зав. русскими поселениями в Амударьинской области - 1 год, старший адъютант управления 2-го ВО ОКВ – 3 года и 10 мес., младший штаб-офицер 5 ОКП с оставлением в распоряжении войскового начальства ОКВ – 8 мес., помощник командира полка - 4 года 4 месяца, помощник атамана 3-го военного отдела ОКВ (1892-1900). Атаман 2-го военного отдела ОКВ (07.06.1900-1908). Умер в Москве. Награды: 1869 - Святой Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Святой Анны 3-й ст. с мечами и бантом; Святого Станислава 2-й ст. (1878), Святой Анны 2-й ст. (1888), Святого Владимира 4-й ст. с бантом (1890, за 25 лет службы в офицерских чинах). Почетный казак станиц Челябинской и Верхнеуральской. Дети: Владимир (07.07.1874), Сергей (08.09.1892). Соч.: Откуда взялись казаки: (Ист. очерк) - Оренбург, 1881. 200 с.; Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участие в этом местного казачества. – Маршрут путешествия его Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича Николая Александровича, Атамана всех казачьих войск, от границы Сибири по Оренбургскому казачьему войску до г. Оренбурга. Оренбург. 1891. 77 с.; Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте Оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.; Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков, со знаменами и карты. Оренбург., 1891 249 с., IV с.; Сведения о предметах старины в станицах и поселках 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска //Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898. Вып. 4. С. 97-117. Лит; Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX-начало XX в. Оренбург. 1991, 129 с.; Семенов В.Г. Первосоздатель истории оренбургского казачества // Любовь и восток. Сб. М., 1994. Боже В.С. Генерал-майор Ф.М. Стариков: спорные и малоизвестные страницы биографии. Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия: Сб. науч. ст. / Под ред. А.П. Абрамовского; Челяб. гос. ун-т. Челябинск.

Юдин Михаил Львович (29.10.1857–?) – из станицы Сакмарской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургскую военную прогимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище по 1 разряду. На службе с 05.06.1874. Хорунжий (с 16.04.1878). Сотник (с 25.12.1879). Подъесаул (с 07.12.1885). Есаул (с

01.07.1895). Войсковой старшина (с 26.02.1903). Полковник (на 1916 в отставке). Служба: в 1 Оренбургском казачьем полку (1885), на льготе (т.е. в запасе 1893–1894), в 1 Оренбургском казачьем полку (на 1894), в 6 Оренбургском казачьем полку (1899–1903), в 5 Оренбургском казачьем полку (1904), состоял в распоряжении Войскового начальства Оренбургского казачьего войска, в 9 Оренбургском казачьем полку (1904–1905), участник Русско-японской войны, помощник командира 6 Оренбургского казачьего полка, назначен командиром 14 Оренбургского казачьего полка (с 12.10.1906). Уволен на льготу в связи с расформированием полка (09.09.1906). Участник Туркестанского казачьего круга (1917). Награды: ордена - Святого Станислава 3-й степени (06.05.1885), Святого Станислава 2-й степени (28.04.1906), Святой Анны 2-й степени (24.11.1906), Святого Владимира 4-й ст. (1907). Супруга Капитолина Васильевна, уроженка Волынской губернии 1 сын (1894). Сочинения: Невольные путешественники (Приключения трех оренбургских казаков в Китае) // Исторический вестник. Книга 9. 1901. С. 919-942; Два завещания Г.Р. Державина (Крепостные ищут воли). // Русский архив. 1911 № 6 с. 205-224; Оренбуржцы в войнах 1812–1814 года. Ташкент, 1914; Атаман Могутов // Оренбургский казак. 1914. № 8. 16.03. С. 1; Ризы на знамена: [ст. Сакмарская] // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск 33. Оренбург, 1916. С. 131-134; Казачье единение // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 57. 20.10. С. 2-3.

Юдин Павел Львович (6.01.1864–2.02.1928) – из станицы Сакмарской 1-го Военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 2 разряду. На службе с 1.01.1881. Хорунжий (с 29.09.1884). Уволился со службы. Проживал в Нижнем Новгороде (1896-1897), Астрахани (1898-1900), Самаре (1901-1902), Саратове (1902-1911), Владикавказе (1911-1923), Астрахани (1925-1928). В 1915-1917 был ополченцем на турецком фронте. Знаток местной истории и архивов, журналист, член Ученых архивных комиссий Оренбурга, Нижнего Новгорода, Саратова, членом Петровского общества исследователей Астраханского края. Им было написано более 750 работ, опубликованных в провинциальных изданиях, столичных журналах и даже за рубежом. По его собственным подсчетам общий объем его публикаций составил 282 печатных листа. Награжден серебряной медалью в память Императора Александра III. Сочинения: Заводской бунт на Урале в 1829 году // Русская старина. 1894. № 12. С. 214–230; К истории пугачевщины // Русский архив. 1896.

Кн. 2. № 1-6. С. 5-46, 161-184; Из рассказов о М.Д. Скобелеве // Там же. 1896. № 1-6. С. 614-618; Кто взял в 1873 году Хиву // Там же. С. 97-99; Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае // Там же. 1896. № 9. С. 5-33; Судьба князей Багратионов-Имеретинских в России // Там же. 1897. Кн. 3. С. 298-311; Рассадники раскола на Урале // Там же. 1910. № 12. С. 333-376; Литература: Мезин С.А. П. Л. Юдин – деятель провинциальной историографии и культуры конца XIX – начала XX века // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Материалы межрегиональной научной конференции к 120-летию Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов. 5–6 декабря 2006 г. Саратов, 2006. С. 51–54.

Мишучков А. А., Кажан О. В. (Оренбург)

ИСТОРИЯ СВЯЩЕНСТВА СПАССКОГО ХРАМА КАК ПРИМЕР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ОБЩЕСТВУ

Есть русская пословица «Не стоит город без святого, селение без праведника»¹. Проводя исторический анализ служивших в Спасской церкви священников, можно убедиться в верности русской пословицы, отражающей глубокую народную мудрость. Невозможно воспитать русского человека без примера самоотверженного служения обществу, без подвига самоотречения, которое показывали на протяжении двух веков священство Спасской церкви. С целью выявления информации о жизни храма, его священнослужителях, изменений причта на протяжении столетия нами было изучены клировые ведомости с 1816 по 1916 гг. и данные сведения оформлены в Приложении 1.

С основания храма с августа 1815 г. в ней служил священник Симеон Васильев Тимашев (1787 г.р.), сын священника². В службе Симеону помогали дьячок Филипп Иванов, диакон Иван Михайлов Соколов (1795 г.р.), дьячок Василий Михайлов Соколов (1799 г.р.). С 22.07.1833 г. настоятелем стал Андрей Георгиев Албанов (1800 г.р.)³. В службе ему помогали: диакон Пармен Дмитриев (1776 г.р.), с 19 ноября 1818 г.; дьячок с 16 июля 1824 г. Василий Михайлов Соколов. В 1839 г. – настоятель иерей Матвей Алексеевич Соколов (1808 г.р.), диакон с 14 июля 1844 г. – Иван Васильевич Лапидовский (1814 г.р.); дьячок с

16 июля 1824 Василий Михайлович Соколов (1812 г.р.). 28 ноября 1852 г. священником становится Василий Андреевич Пальмов, сын умершего дьячка Рязанской епархии Касимовского уезда Андрея Пальмова (1828 г.р.).⁴ Священник вел с 1816 г. метрические книги, где записывались все рождения, венчания, смерти в вверенном ему приходе. Библиотека церковная при храме была заведена с 1820 г.

На священнике была огромная ответственность пред Богом и обществом за вверенный ему приход. Он обязан был участвовать в жизни каждого человека с момента его рождения (крещение) до его смерти (отпевание). Священник был поистине почти единственным ходатаем пред помещиком за крепостных людей, знал их нужды и молился за каждого из них.

Трудностью было то, что до 1859 г. церковь не отапливалась, прихожане своим дыханием согревали своды храма. Случалось, что в лютые морозы вино для причастия замерзало в чаше и приходилось отогревать его на углях. Священник был поистине почти единственным ходатаем пред помещиком за крепостных людей, знал их нужды и молился за каждого из них. Понимая нелегкость такого жертвенного служения священства, им по указу А.П. Мансурова положено было денежного жалования 250 рублей в год от себя лично. Крестьяне были освобождены от обработки пахотной и сенокосной земли как руги (церковного источника дохода)⁵. Но со временем такое жалованье уменьшалось и перед крестьянской реформой 1861 г. жалованье от помещика составляло 59 рублей 15 копеек⁶, которое после реформы окончательно было упразднено. Установлено было жалованье из Оренбургского казначейства на весь притч 258 руб. в год.

Одним из выдающихся священников храма второй половины XIX века стал Иоанн Иоаннович Пономарев, сын священника⁷. В Спасскую церковь назначен 21 февраля 1864 г. На протяжении 30 лет он один крестил, венчал и отпевал свой приход, насчитывавший около полутора тысяч человек. Он окончил Уфимскую Духовную Семинарию в 1848 г. и работал учителем в Челябинском духовном училище. 21 сентября 1850 г. Преосвященным епископом Уфимским Иосифом рукоположен в диакона и 1 октября 1850г. в священники Покровской церкви села Покровки Оренбургского уезда. 21 февраля 1864г. по прошению переведен в Спасскую церковь. С 18 ноября 1850г. учитель в Покровском сельском училище. С 1855 по 1864 гг. исполнял должность благочинного. С 24 октября 1855г. сотрудник попечительства о бедных духовного звания.

За свое сорокалетнее служение Иоанн Иоаннович был награжден: набедренником (6 августа 1855 г.), бронзовым крестом на Владимирской ленте в память Крымской войне 1853 – 1856 гг., архипастырской благодарностью с похвальным листом за деятельное участие в образовании крестьянских девочек (21 апреля 1861 г.), благословением Святейшего Синода (19 июля 1861 г.), бархатною фиолетовою скуфьею и камилавкой (1864, 1877 гг.), наперсным крестом от Священного Синода (15 апреля 1878 г.), орденом Святой Анны третьей степени (15 мая 1883 г.), архипастырским благословением за ревностное исполнение пастырских обязанностей Преосвященным Епископом Макарием (3 марта 1887 г.), грамотой Священного Синода (10 апреля 1880 г.), Архипастырским благословением Преосвященного епископа Макария с выдачей свидетельства (09 апреля 1889 г.), возведен в сан протоиерея Преосвященным Макарием, епископом Оренбургским и Уральским в Софийской церкви Оренбургского епархиально-женского училища (17 сентября 1889 г.), орденом святой Анны второй степени (6 марта 1897 г.), орденом святого Владимира четвертой степени (15 мая 1901 г.), серебрянной медалью на Александровской ленте в память царствования императора Александра II (7 апреля 1899 г.), за 35-летнее служение в Спасском храме прихожанами поднесен золотой крест украшенный драгоценными камнями с разрешения Преосвященного Владимира епископа Оренбургского и Уральского⁸. Прослужил в Спасской церкви до 1906 года, погребен в ограде церкви.

Ему помогал в церкви с 13 марта 1862 г. диакон Николай Захарович Круглополов. С 31 января 1895 г. диакон Николай Макарович Стебунов. С 28 сентября 1893 г. обязанности церковного старосты исполнял мещанин города Оренбурга Алексей Попов Прокопьев⁹.

В 1861 г. вокруг здания была устроена деревянная решетчатая ограда. В церковно-приходской школе при храме проводились занятия для детей по основам счета, письма и катехизиса. Каждый пятый крестьянский ребенок в селе Спасском был обучен грамоте согласно переписи 1897 г. Для контроля и обеспечения жизни церкви 3 ноября 1891 г. было открыто церковно-приходское попечительство, в котором состояли «священник, два псаломщика-диакона, а также волостной старшина Спасской волости, церковный староста, два сельских старосты и восемь человек прихожан»¹⁰. Оно ведало не только социальной помощью причту, но и неимущим жителям села, погорельцам. Штатного жалования на содержание причта отпускалось из Оренбур-

гского Губернского Казначейства 212 руб. 64 копейки; доход за требоисправления составил до 600 руб.; хлеб в урожайный год достигал 200 пудов на весь причт. В течение 1893 г. в кассу церкви поступило 1038 руб. 98 копеек, причем в банковских билетах было около 1000 руб. После пожара 1880 г. на церковные средства был выстроен священнический дом с надворными постройками, у псаломщиков дома были общественные, деревянные, покрытые соломой.

В 1886 г. было построено при церкви на церковные средства церковно-приходская школа, с отдельною квартирою для учителя, а также дом для просфорни. На 1893 г. в ней обучалось 42 мальчика и 22 девочки, начало занятий было с октября¹¹. 4 сентября 1891 г. наставницей Епархиального Училищного совета была определена окончившая курсы прогимназии при Оренбургской Духовной семинарии Елена Ксенократова. Жалование она получала 120 руб. при готовой квартире и отоплении. Второй учитель, её сестра Раиса Ксенократова, получала только 5 руб. Обучение в школе было «безмездное», то есть бесплатное. Таким образом, мы видим, что церковь выполняла не только прямые духовные обязанности перед жителями села, но и вела широкую социально-благотворительную и образовательную деятельность.

С 22 мая 1909 г. резолюцией епископа Иоакима в Спасскую церковь назначен священник Порфирий Моисеевич Кожевников¹². Родился он 19 февраля 1878 г., окончил курс Оренбургской Духовной Семинарии, с марта 1903 г. – в духовном сане. За ревностное и пастырское служение ко дню Святой Пасхи 1914 г. награжден скуфьей. С 5 октября 1911 г. диакон в Спасской церкви – Василий Игнатьевич Яременко (1 января 1886 г.р.), рукоположен в сан диакона Пресвященным Дионисием, епископом Челябинским в Спасской церкви 7 ноября 1911 г. Второй псаломщик на 1909 г. – Андрей Григорьевич Полотебнов (16 октября 1889 г.р.).

С 28 января 1914г. резолюцией Преосвященнейшего Феодосия настоятелем прихода назначен священник Симеон Георгиевич Беляев (1 февраля 1890г.р.). Закончил курс Оренбургской духовной семинарии в 1913г. и 9 февраля 1914г. посвящен в сан священника в Спасской церкви. При нем служил псаломщиком диаконом Андрей Григорьевич Полотебнов¹³.

Церковь находилась от Оренбургской Консистории в 120 верстах, от благочиния в селе Троицком в 35 верстах. В селе Спасском было две школы – церковно-приходская и земская. В церковно-при-

ходской школе учились на 1916 г. 45 мальчиков и 15 девочек. На протяжении столетия приход храма постоянно менялся, жители одних сел входили в состав прихода, других выходили, т.к. с освоением Оренбургского края, основанием новых деревень, ростом их жителей росло и строительство храмов, церквей. Это изменение мы можем наблюдать в таблице социального состава прихода – Приложение 2.

В 1908 г. был построен на церковные средства дом для диакона. 15 февраля 1916 г. в Спасскую церковь Преосвященнейшим Серафимом, епископом Кустанайским был назначен псаломщиком Василий Петрович Федоров, 1890 г.р., окончивший курс Челябинского духовного училища. 30 октября 1916 г. он был возведен в сан диакона. Церковным старостой с 10 ноября 1910 г. был крестьянин Николай Кириллович Давыдов. В просфорне несл послушание с 1 октября 1904 г. жена диакона Евдокия Михайловна, 1887 г.р.¹⁴

С 15 августа 1905 г. в Спасской церкви служил Сергей Константинович Вознесенский (1878 г.р.). Происходил из духовного звания. Образование получил в Казанском Спасо-Преображенском монастыре, где окончил курсы церковно-приходской школы. 25 октября 1902 г., согласно прошению резолюции Преосвященнейшего Владимира, был определен на должность псаломщика к Оренбургскому войсковому собору. 13 декабря 1909 г. Преосвященнейшим Владимиром, епископом Оренбургским и Уральским, был рукоположен в сан диакона с определением на диакановскую вакансию в Бердский поселок Оренбургского уезда. Резолюцией Преосвященнейшего Иакима 7 февраля 1904 г. был перемещен на псаломщическое место к Георгиевскому войсковому собору г. Оренбурга. Согласно прошению резолюции Преосвященнейшего Иакима, епископа Оренбургского и Уральского, 14 октября 1905 г. переведен на псаломщическое место к Казанско-Богородицкой церкви села Ивановки Оренбургского уезда. 10 августа 1905 г. о. Сергей был перемещен на псаломщическое место к Михайло-Архангельской церкви хутора Назаровского Оренбургского уезда. 15 августа 1905 г. Преосвященнейшим Мефодием епископом Оренбургским и Тургайским рукоположен в сан священника и определен к Спасской церкви Оренбургского уезда. Резолюцией преосвященного Мефодия, епископа Оренбургского и Тургайского, 26 октября 1915 г. перемещен в деревню Поляковка с исполнением обязанностей и принятием на себя постройки храма в названной деревне.

С 4 августа 1913 г. Преосвященным Мефодием, епископом Оренбургским и Тургайским, в Спасский храм был назначен священ-

ник Семен Александрович Страхов (1879 г.р.), сын умершего священника Александра Страхова. Он окончил полный курс наук в Бирской семинарии, состоял учителем в Романовском министерства народного просвещения училище. Попечителем Оренбургского учебного округа была выражена благодарность за отличные заслуги учащихся и ревностное старание и поддержание церковного округа в 1902 г. В 1903 г. переведен в Исаевское 2-х-классное М.Н.П. училище. 1 октября 1904 г. Преосвященнейшим Иоакимом, епископом Оренбургским и Уральским, после сдачи установленного экзамена при Духовной семинарии, был рукоположен в сан священника. 4 марта 1907 г. был определен на священническое место к Михайло-Архангельской церкви хутора Назаровского Оренбургского уезда. В 1909 г. состоял в должности кандидата окружного следователя.

Псаломщик Александр Иванов Долганов (1894 г.р.), сын диакона Самарской епархии. Окончил курсы Самарского духовного училища и духовные курсы псаломщиков. 14 октября 1914 г., согласно прошению резолюции его Преосвященства Преосвященнейшего Мефодия, епископа Оренбургского и Тургайского, был определен к Покровской церкви села Ново-Никитина Оренбургского уезда. 4 февраля 1915 г. был определен к Введенской церкви г. Оренбурга. 20 августа 1915 г. был перемещен к Спасской церкви.¹⁵

Последним священником до закрытия церкви при Советской власти в 1930 г. был Горизонтов Владимир Петрович¹⁶. Преосвященным Мефодием, епископом Оренбургским он был возведен в сан диакона 10 мая 1916 г. к Спасской церкви, а 31 мая 1916 г. Преосвященнейшим Леонтием, епископом Кустанайским – в сан священника. С 1916 г. по 1921 г. он служил в с. Спасском. А с 1926 г. – в с. Ново-Петровском Петровского района, где и был арестован в 1928 г., повторно 13 января 1931 г. Обвиненный в контрреволюционной деятельности, он не признал ложное обвинение на себя и отказался дать показания на других лиц.

Отец Владимир пострадал вместе со священномучеником Макарием Квиткиным, который был канонизирован в 2000 г. Архиерейским собором РПЦ. Заседанием тройки при ПП ОГПУ СВК от 26 марта 1931 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-2 УК. Они были расстреляны вместе с 33 священниками и монахами, по числу лет Христа, в Великую Пятницу перед Пасхой 5 апреля 1931 г. в 04 ч. 25 мин. и погребены в неизвестной братской могиле рядом с вечным огнем на проспекте Победы на старом кладбище г. Оренбурга.

Таким образом, понятным становится духовная роль священства в воспитании молодого поколения, которому показывает пример героического служения обществу, нравственный пример веры и трудолюбия. Последний священник села, священномученик Владимир Горизонтов является местнотчимым святым Оренбургской епархии и святым покровителем села Спасское. Восстановление могил и уход за ним около храма в селе Спасском, надеемся, будет одной из традиций поддержания исторической памяти о героическом священстве сельского храма.

Приложение 1

Священнослужители Храма Спаса Нерукотворного Образа

Священники храма	Годы занимаемого поста
Симеон Васильевич Тимашев (1787 г.р.)	1815 – 1833
Андрей Георгиевич Албанов (1800 г.р.)	1833 – 1839
Матвей Алексеевич Соколов (1808 г.р.)	1839 – 1852
Василий Андреевич Пальмов (1828 г.р.)	1852 – 1864
Иоанн Иоаннович Пономарев	1864 – 1905
Порфирий Моисеевич Кожевников	1905 – 1914
Сергей Константинович Вознесенский (1879 г.р.)	1905 – 1915
Семен Александрович Страхов (1879 г.р.)	1913 – 1914
Симеон Георгиевич Беляев	1914 – 1916
Владимир Петрович Горизонтов	1916 – 1926
Диаконы храма	Годы занимаемого поста
Иван Михайлович Соколов (1795 г.р.)	1815 – 1818
Пармен Дмитриевич (1776 г.р.)	1818 – 1844
Иван Васильевич Лапидовский (1814 г.р.)	1844 – 1862
Николай Захаровичич Круглополов	1862 – 1886
Григорий Никифоров	1886 – ?
Иоанн Григорьевич Хилков	
Дьячки храма	Годы занимаемого поста
Филлип Иванов	1815 – 1824
Василий Михайлович Соколов	1824 – ?
Иван Васильевич Полканов	1849 – ?
Василий Васильевич Косогоров	1861 – ?

Приход Спасской церкви

Годы	1816	1836	1844	1854
Количество жителей обоего пола:	2434	1507	2362	2125
Жители сел:	Спасское, Александровка, Петровское, Андреевка, Деревня Новоселки.	Село Спасское, Село помещика Крашениникова, Новоселки, Андреевка, Бурунча.	Спасское, Новоселки, Бурунча, Булгаково, Сокулак, Васильевка.	Спасское, Сокулак, Новоселки.

Годы	1868	1893	1916
Количество жителей обоего пола:	3126	2915	2138
Жители сел:	Спасское, Бурунча, Новоселки, Сокулак, Поляковка, Холмогоры, Березо- вый куст.	Спасское, Поля- ковка, Холмогоры, Хутор Матвеевс- кий, Новопокров- ский, Серабильс- кий, Верхне- Аскарковский, Нижне-Аскарковс- кий, Одоевский, Старосельский, Березовый куст.	Спасское, Хут. Серабильский, Хут. Верне- Аскарковский.

Примечания:

¹ Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1 – 2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак. Наук / М. И. Михельсон. 1896 – 1912. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/5511/

² ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 617. Оп. 9. Д. 38. Л. 5 – 6 [Клировая ведомость за 1816 г.].

³ ГАОО. Ф.173. Оп. 9. Д. 142. Л. 90 – 93 [Клировая ведомость за 1836 г.].

⁴ ГАОО. Ф.173. Оп.9. Д. 318. Л. 25 – 28 [Клировая ведомость за 1854 г.].

⁵ ГАОО. Ф.173. Оп. 3. Д. 1003. Л. 18.

⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 142. Л. 90 – 93 [Клировая ведомость за 1836 г.].

⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 318. Л. 25 – 28.

⁸ ГАОО. Ф.173. Оп. 9. Д.1545.

⁹ ГАОО. Ф.172. Оп. 1. Д. 7839.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1458.

¹¹ ГАОО, Ф.173. Оп.9. Д.1898.

¹² ГАОО, Ф.173. Оп.9. Д.1676. Л. 110.

¹³ ГАОО. Ф.173. Оп. 9. Д.1796. Л.74.

¹⁴ ГАОО. Ф.173, Оп. 9. Д. 1843.

¹⁵ ГАОО. Ф.173, Оп. 9. Д. 1843.

¹⁶ Дивен Бог во Святых своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Книга IV. Оренбург: Димур, 2011. С. 158 – 159.

Рзянин Н. А. (Москва)

ХРАМ ОРЕНБУРГСКОГО УСПЕНСКОГО ЖЕНСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ, БОГОСЛУЖЕНИЕ И ЖИЗНЬ ПРИХОДА

Сердцем женского иноческого движения в Оренбургском крае был Оренбургский Успенский женский общежительный монастырь, который получил основание в виде женской Николаевской общины в 1866 г., преобразованной в Успенский монастырь в 1872 г., благодаря трудам казачьей вдовы Татьяны Алексеевны Кононовой, которая впоследствии стала игуменьей Таисией. Центром духовной жизни монахинь был величественный Успенский собор, который был не только гордостью Успенского женского монастыря, но и города Оренбурга.

В 1867 года из Губернского правления старшей сестре оренбургской Николаевской женской общине Таисии был выдан план на постройку большой двухэтажной церкви. Проект монастырского храма был подготовлен архитектором Константином Тоном. План храма создан по подобию храма Елецкого женского монастыря. Возводить храм в городе Оренбурге взялся архитектор Г. Монтерот дю Шон¹. В 1868 году преосвященным Митрофаном произошла торжественная закладка первого камня в основание нового храма². Во время строительства из-за особенностей грунта в несущей конструкции храма произошли изменения, что вызвало деформацию фундамента храма.

При завершении строительства каменного купола произошла ошибка в расчётах, которая заключалась в несоразмерности массы купольного давления с объёмом внутренних столбов, на которых должен был держаться световой барабан вместе со всеми сводами второго этажа. Данная ошибка касалась не только размеров несущих столбов, но и строительного материала, а именно качества используемых строительных материалов.

Вследствие этой весовой несоразмерности, когда строители стали сводить свод купола центрального барабана, несущие столбы сели и дали трещину. При этом зданию храма грозила двойная опасность: обрушившийся купол мог легко проломить своды первого этажа, а этот последний, разрушаясь и падая, мог в свою очередь раздвинуть и разрушить внешние несущие стены. Это обстоятельство произвело страшную панику среди строителей, которые в срочном порядке покинули строительную площадку. Об этом происшествии было доложено в городскую управу, где постановили вмешаться в это дело полиции, храм был оцеплен, последовал запрет на продолжение строительных работ³. Архитектор Монтерот в экстренном порядке внёс изменения в проект, которые должны были изменить ситуацию.

Монтерот вместе с монахинями решились на последнее средство, они своими руками сбросили с купола весь кирпич, и это средство оказалось самым верным. Осадка столбов остановилась, а вместе с тем и миновала опасность обрушения⁴. После исправления и усиления несущих столбов было решено изготовить центральный барабан и купол из деревянного бруса на место каменного. С исправленным первоначальным проектом строительство храма подходило к завершению, после чего были начаты отделочные работы.

Внутренность храма делилась на два этажа, в нижнем этаже имелось три престола: главный - в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня, правый придел - в честь Казанской иконы Божией Матери, левый придел - в честь святого пророка Илии; все три придела устроены и освящены во второй половине 1870-х годов⁵.

В списках главных достопримечательностей церкви нижнего этажа первое место занимала Иверская икона Божией Матери, принесённая со Святой горы Афон 23 мая 1874 года. Перед этой иконой в память чудесного избавления обители и храма от ужасного пожара 1879 года читался особый акафист по субботам после литургии. Здесь же находилась другая икона Божией Матери, именуемая «Экономисою», привезённая также с Афона. Обе иконы помещались за колонною правого клироса в особо устроенном киоте. Перед иконами в позолоченном футляре находились частицы святых мощей великомученицы Варвары, святых Евфимия, Игнатия и Акакия⁶.

Верхний этаж храма в сравнении с нижним этажом был гораздо выше и светлее. В нём были устроены тоже три придела; из них главный - в честь Успения Богородицы, отчего и сама обитель именовалась Успенской. Устройство иконостаса в этом приделе продолжа-

лось почти два года. Работы производились на средства жертвователей, купчихи по сословию, вдовы Анастасии Федоровны Введенской, которая по смерти мужа и одного из сыновей, решила вступить в монашество. Она устроила на свои сбережения дорогостоящий в изготовлении резной иконостас, тем самым желая отдать последний долг и сделать поминовение душам дорогих её сердцу людей⁷. Боковые приделы второго этажа были освящены в честь святителя Николая и великомученика Пантелеимона.

20 сентября 1875 произошло освящение главного престола Успенского храма, а в 1887 году было закончено строительство колокольни⁸. Пятиглавый храм и многоярусная колокольня производили сильное впечатление не только с близкого, но и с дальнего расстояния, поскольку находились они на высокой точке.

«Объем храма был решён в принятом и актуальном в то время стиле, почти кубический, чётко разделенный на два этажа междуэтажными тягами с оконными проёмами на обоих этажах. Западный фасад был выделен широким ризалитом почти на всю ширину фасада, завершающимся фронтоном. Оконные проёмы имели полуциркулярное завершение, были венчаны сандриками фронтонного типа. Вертикальные выступы с нишами выделяли углы постройки, все главки храма имели луковичный профиль.

Колокольня отличалась срезанными углами, получая тем самым вместо четырех восемь углов, что особенно было заметно в верхнем ярусе, так как он по объему был значительно уже основания»⁹.

Первоначально на Успенском храме были установлены деревянные обитые железом кресты, которые очень скоро потемнели. В 1897 году была перекрыта средняя глава церкви новой жстью, и был сооружен медный вызолоченный через огонь крест, но поднятие креста было отложено на весну следующего года. Храм имел в высоту от фундамента до креста 18 сажений (38,34м), длину от горнего места до паперти 18 сажений (38,34м), от северной стены до южной 10 сажений (21,3м)¹⁰.

Первоначально здание церкви было отделено от колокольни небольшой площадкой, колокольня по первоначальному замыслу должна была выполнять функцию проездных ворот, но от этой идеи отказались, позднее в 1889 колокольня была соединена со зданием храма каменным сводчатым коридором, который был покрыт железом. В коридоре были две каменные лестницы, которые вели в верхнюю церковь. Наверху с правой стороны лестницы была устроена кладовая и

две небольшие кладовые внизу под лестницами¹¹. Однако вход в храм через колокольню продолжал носить название Святых врат, по-видимому из-за художественного оформления и церемониального использования его по государственным и церковным праздникам¹².

Клирос на первом этаже храма был сделан под ближайшим к входу сводом. Для этого в арках, отделяющих эту часть церкви, были вмонтированы железные переводы, на которые были положены бревенчатые балки и сверху настелены полы. На краю балкона были установлены кованые витиеватые перила, для подъема на балкон была устроена чугунная винтовая лестница. Балкон использовался для помещения певчих и иногда при большом стечении народа там располагали молящихся с целью увеличения вместительности церкви¹³. На втором этаже клирос располагался на солее, за иконами, которые находились перед иконостасом у несущих колонн.

В 1903 году заканчивается роспись первого этажа масляной краской, и был устроен новый иконостас в среднем приделе, с 1908 по 1909 год вызолоченный сестрами монастыря. А в 1910 году были устроены два новых придельных иконостаса, которые были вызолочены в том же году. С 1903 по 1914 годы роспись храма проходила под руководством художника Лукиана Попова¹⁴. За свою работу Лукиан Попов не брал оплату, что подтверждают приходно-расходные ведомости. Скончался Лукиан Попов в мае 1914 года, и за неимением средств на погребение он был похоронен на общественные пожертвования. В 1913 году была окончена роспись масляными красками второго этажа монастырского храма¹⁵.

Монастырская колокольня была заложена в 1885 году на одинаковом с храмом стилобатном основании, окончено строительство в 1887 году. От основания до креста высота колокольни составляла 46,8 метров. На втором ярусе колокольни в сентябре 1893 года был освящён придел в честь Иверской иконы Божией Матери. Иверская церковь была наибольших размеров, длина от входных дверей до западной стены составляла 8 аршин (5,68м), ширина от северной до восточной стены 10 аршин (7,1м)¹⁶. Богослужения из-за небольшого пространства церкви часто не проводились, а совершались требные молебны перед Иверской иконой Божией Матери. Список иконы Божией Матери был написан в Афонском Пантелеимоновом монастыре, подарен Оренбургскому Успенскому монастырю в мае 1874 года крестьянкой Анной Суркиной. 3 июля 1888 года на колокольню были подняты колокола¹⁷. Церемония подъема колокола, пожертвованного Успенс-

кому монастырю купцом Петром Михайловичем Деевым, привлекла 16 ноября 1896 года массы благочестивых христиан и любопытствующих горожан. Колокол весил 262 пуда 30 фунтов и имел надпись: «В память рождения Великой княжны Ольги Николаевны». Колокол был отлит в Ярославле и куплен на Нижегородской выставке¹⁸. Колокольня, как и храм, была снаружи выштукатурена цементным раствором и окрашена масляной краской¹⁹. В колокольне на первом ярусе располагались Святые врата, которые вели чрез коридор в храм. На Святых вратах были изображены живописные изображения преподобного Антония и Феодосия Печерских, архистратига Михаила и святителя Николая²⁰. В 1906 году трудами и на средства иеромонаха Дмитровского Борисоглебского мужского монастыря Московской епархии отца Виталия сооружены на колокольне башенные часы. Под всей папертью храма выложен каменный вход, с правой стороны паперти у проездных ворот устроена каменная сторожка для помещения сестёр, выполняющих послушания в церкви.

В храме находились святыни монастыря: частица древа Животворящего Креста Господня, вложенная вместе с частицами святых мощей Евфимия, Игнатия и Акакия в медный вызолоченный ковчег-гробницу, пожертвованную монастырю по завещанию оренбургской мещанки Болженковой А.М. в 1913 году; одна частица мощей святой благоверной великой княгини Анны, которая была вложена в ковчег, приобретенный для обители стараниями протоиерея Иоанна Павловича Соломина в июле 1909 году; кипарисовый крест с частицей Честного и Животворящего Древа и взятый у подножия Голгофы камень, присланный в дар обители Блаженейшим Патриархом Иерусалимским Дамианом 15 августа 1910 года по просьбе игумении Иннокентии²¹.

Для поддержания порядка в монастырском храме сестрами монастыря выполнялись следующие послушания: одна сестра-алтарница во время службы передавала записки в алтарь из свечного ящика и проводила уборку на клиросе, ризничная с помощницей следили за состоянием и хранением облачения священнослужителей, три чтицы на клиросе сменяли друг друга. Кроме того в храме две сестры выполняли должность наблюдательниц за чудотворными иконами и следили за очередью перед иконами и чистотой стёкол на киотах. При храме была одна наблюдательница за лампадами, две сестры находились за свечным ящиком, совмещая продажу свечей с принятием заказов церковных треб.

На клиросе находились четыре регента и 56 певчих, всего монастырский хор составлял 60 человек²². Монастырский хор не прибегал к помощи наёмных певчих. Необходимо отметить, что с 1870 года в хоре стали петь ученицы монастырской школы, учащиеся пели в составе монастырского хора на утреней литургии, а в праздничные дни образовывался отдельный от монастырского ученический хор. Два хора располагались на солее на противоположенных углах, исполняя поочередно песнопения²³. Напевы в Успенском храме применялись по возможности те, которые были изложены в Синодальных изданиях, также употреблялись древние и местные распевы. Постепенно регентами хора стал вводиться знаменный распев, этим распевом исполнялись догматики, антифоны, прокимены и ирмосы на утренней и вечерней службе.

Четверо сестер-звонарей на колокольне звонили на двух колокольных ярусах. Одна сестра следила за порядком при поминальном столе. В храме производилось чтение Псалтири по умершим, 23 или 27 сестёр сменяли друг друга по времени совершая круглосуточное чтение²⁴.

Богослужение в монастыре совершалось ежедневно. Летом - в верхнем этаже церкви, зимой - в нижнем. Богослужение совершалось неторопливо и по уставу, с некоторыми незначительными сокращениями, и бывало всегда продолжительно. Особых добавлений к обычной церковной службе духовным начальством замечено не было²⁵. К церковным службам в будничные дни являлись только старшие сестры, а остальные сестры несли разного рода послушания в монастыре, поэтому они не имели времени присутствовать на службе. К праздникам на службу являлись все находящиеся в монастыре сестры²⁶.

Кроме церковных служб ежедневно в 10 часов вечера совершалось вечернее правило, которое проходило с 1897 года в помещении трапезной. Это правило совершалось согласно уставу и дополнялось чтением монастырского синодика. На это вечернее правило должны были являться все сестры монастыря, но на самом деле являлись только желающие. Большинство сестер проводили вечернее правило в кельях²⁷. Утренние молитвы читались по кельям старшими сестрами, но нельзя сказать, что все сестры монастыря участвовали в утренней молитве. Из-за занятости на послушаниях сестры читали молитвы во время работ. Особого надзора за участием монахинь в общей молитве со стороны начальствующих в монастыре не было, на молитву все являлись добровольно, по мере возможности²⁸.

Церковным причтом в каждое воскресенье и праздничные дни после вечере на приходе велись вне богослужебные собеседования с прихожанами. Такие же собеседования с прихожанами проходили и после утренней литургии. На этих катехизаторских собеседованиях прихожанам рассказывали о православной вере и отвечали на вопросы мирян²⁹. По указаниям Священного Синода в монастырском храме воплощалась в жизнь программа привлечения монастырей к служению церкви и государству. Эти указания касались религиозно просветительской деятельности. Монастырю предписывалось иметь среди сестер-монашествующих тех, которые были бы способны к ведению с богомольцами духовно-назидательных и миссионерских бесед в монастырском храме³⁰. Практика бесед с мирянами в Оренбургском Успенском женском монастыре проводилась не только внутри храма, но и в монастырском странноприимном доме, а летом на открытом воздухе возле храма.

С целью духовного просвещения в обитель приглашали ученых инокинь из других монастырей в качестве монастырских проповедников и миссионеров для вне богослужебных бесед с монашествующими и богомольцами³¹. Это делалось для того, чтобы каждый монашествующий мог по примеру Апостолов дать вопрошающим ответ о своем мнении по задаваемым вопросам и вести беседы по переубеждению людей, оказавшихся подверженным влиянию лжеучителей и раскольников. Для этого ответственных за беседы сестер отправляли в крупные религиозные центры, где они могли получить образование, в процессе которого сестёр знакомили с обличительным материалом на лжеучителей³².

Для служения в храме по прошению сестёр обители духовным начальством назначались священники отличающиеся духовным опытом для общения с мирянами.

Исповедь мирян совершалась только в храме, в отношении монашествующих совершение исповеди в кельях не допускалось. Исключения составляли случаи по причине физической немощи. Проведение общей исповеди в соборе Успенского монастыря не допускалось³³.

Крестные ходы совершались по большим церковным праздникам, особенно торжественным был крестный ход на праздник Пасхи. Посмотреть на процессию приходило большое количество народа. Крестный ход проходил вокруг храма по выложенной из каменных плит дорожке, процессия проходила через въездные и малые «клад-

бищенские» ворота, замыкая шествие вокруг храма. Крестный ход останавливался у Святых врат колокольни Успенского собора.

В день Табынской иконы Божией Матери из Успенского собора совершалось шествие с песнопениями и колокольным звоном в Казанский кафедральный собор.

Успенский собор Успенского женского монастыря для посещающих его людей был не просто культовым сооружением, он являлся центром религиозного образования и катехизации населения, что помогало бороться с религиозными предрассудками, и способствовало развитию религиозной грамотности населения.

Успенский собор притягивал к себе внимание жителей и гостей города Оренбурга. Храм был открыт для посещения мирян, но вход на территорию монастыря был только с письменного разрешения настоятельницы³⁴. Поэтому вокруг Успенского храма была установлена ограда для предотвращения попадания посторонних на территорию монастыря. Многие горожане приходили в Успенский собор, чтобы почтить память похороненных в правом приделе игумений Таисии I и Иннокентии³⁵. Горожане очень любили Успенскую обитель, всячески оказывали помощь в строительстве и ремонте монастырских строений, участвовали в хозяйственной жизни монастыря.

Примечания:

¹ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 30. Л. 33.

² Там же. Л. 36.

³ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

⁴ Там же.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4289. Л. 138.

⁶ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5642. Л. 44.

⁸ Там же. Л. 47.

⁹ Дорощев В.В. Архитектура Оренбурга XVIII-XX веков. Оренбург, 2007. Л. 97.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5403. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 7об.

¹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 154.

¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 155.

¹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 9а. Д. 288. Л. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4289. Л. 138.

¹⁷ Там же. Л. 139об.

¹⁸ Оренбургский листок. №11. 1896 год. Л. 4.

¹⁹ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 241. Л. 24.

²⁰ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 3319. Л. 2.

²¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 156.

²² ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 241. Л. 9.

²³ ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

²⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 139об.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 132.

²⁷ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 74об.

²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 132об.

³⁰ Там же.

³¹ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 88. Л. 3.

³² Там же. Л. 5.

³³ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 347. Л. 281.

³⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 131об.

³⁵ Там же.

Косых Е. С. (Стерлитамак)

СВЯТЫЕ И СВЯТЫНИ УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ

Революционные преобразования 1917 года коснулись всех сторон жизни России. Патриарх Тихон в первом обращении к всероссийской пастве 18 декабря 1917 г. охарактеризовал переживаемую страной эпоху как «годину гнева Божия». 19 января 1918 г. Патриарх призвал верующих встать на защиту церкви и пострадать за дело Христово¹.

Советская власть относилась к Русской Православной церкви как к своему антагонисту и из-за идеологической несовместимости материализма и религиозной веры, и по причине отношения к Церкви как союзнице царского режима и эксплуататору народа. Церковь подлежала ликвидации. Но это была непростая задача. В Российской империи православие было основной формой вероисповедания. К 1914 г. в России насчитывалось 117 млн. православных христиан, 48 тысяч приходских храмов².

Борьбе с церковью был придан системный и последовательный характер. После принятия 21 января 1918 г. декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Церковь отделялась от школы, ограничивалась ее просветительная и благотворительная деятельность. Церковь лишалась государственного статуса, прав юридического лица, функций ведения гражданского делопроизводства. Последовательно ограничивались имущественные права Церк-

ви: ей запрещалось иметь собственность, монастырское и храмовое имущество национализировалось, земли реквизировались, церковные ценности изымались. Началась мощная антирелигиозная агитация и пропаганда, вскрывались мощи святых угодников, раскол вносился и в самую Церковь.

Все эти процессы были характерны не только для центра, но и на местах. В Уфимской губернии партийную политику претворяли местные Советы, ревкомы, исполкомы разных уровней.

В огне гражданской войны в России погибли тысячи священнослужителей. Среди них были и священнослужители Уфимской епархии. 19 июня 2000 г. решением патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного синода Русской православной церкви 11 подвижников канонизированы как Собор Уфимских святых. Жизнь и служение их самым тесным образом связаны с Уфимской епархией. В состав Собора Уфимских святых включены:

- священномученик Симон (Шлеев), епископ Охтенский, епископ Уфимский и Стерлитамакский, был убит 18 августа 1921 г. по дороге домой предположительно местными чекистами;

- священномученик протоиерей Евграф (Еварестов), арестован по распоряжению Особого отдела Восточного фронта, помещен в уфимскую тюрьму; расстрелян в декабре 1919 года в Уфе);

- преподобномученик иеромонах Максим (Попов), был арестован в 1931 г., три года провел в лагерях, умер в 1934 году в лагере от воспаления легких;

- священномученик священник Аверкий (Северовостоков), расстрелян красноармейцами 30 июня 1918 года на глазах у прихожан;

- священномученик иерей Алексей (Канцеров), арестован 25 июня 1918 г., расстрелян на пароходе, тело сброшено в воду;

- священномученик иерей Петр (Варламов), в 1930 г. тройкой при ГПУ БАССР был приговорен к расстрелу; приговор был приведен в исполнение в Уфе 11 марта 1930 года;

- священномученик священник Тимофей (Петропавловский), 13 июля 1918 года расстрелян красноармейцами без суда и следствия;

- преподобномученица игуменья Маргарита (Гунароуло), настоятельница Мензелинского Пророко-Ильинского женского монастыря, убита красноармейцами 21 марта 1918 г.;

- мученик Киприан (Яценко), псаломщик, арестован в 1930 г., осужден на 10 лет, погиб в 1935 г. в лагере;

Уфимские мученики канонизированы в 1999 г., причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 г.

- преподобный Моисей Уфимский, архимандрит, духовник Уфимской епархии, настоятель кафедрального собора, обладал даром прозорливости, предвидения, исцеления по молитве; скончался 3 июня 1982 года, канонизирован в 2001 г.³

День памяти Собора Уфимских святых установлен 21 мая (3 июня).

- блаженная Варвара Скворчихинская. Варвара Васильевна Архангельская родилась 20 ноября 1890 года в семье сельского священника. В 1909 г. закончила уфимское Епархиальное училище и получила специальность домашней учительницы. В 1925–1926 гг. работала учительницей в д. Скворчиха Скворчихинского сельсовета Стерлитамакского кантона (ныне Ишимбайский район Башкирии), часто приглашала на уроки священника. В 1929 году говорить о Боге в школах было запрещено. Оставаться в школе, где начали преподавать атеизм, Варвара не могла. Варвара Васильевна приняла подвиг юродства. Она выкинула столы и табуретки из своей комнаты во двор, перевернув их вверх ногами, как бы показывая, что жизнь поставлена с ног на голову. Она обернула голову красным платком, мол, красное безумие овладело умами людей. «Куколка», как ласково называли ее жители, носившая в деревне ботинки на каблучках и бархатную шляпку с бантом, оделась в рванье, тряпкой покрывала голову вместо платка.

Примерно в 1930 г. Варвара Васильевна стала затворницей и более 35 лет находилась в затворе. Сначала жила в сарайчике, прежде бывшем овчарней, не стирала, не убирала, перестала мыться в бане, расчесывать волосы. Она не стала заводить хозяйство, не собирала ни грибы, ни ягоды, не запасала дрова. Жила блаженная только тем, что ей приносили верующие люди. Она выкопала родничок, который поныне почитается святым и целебным, и только из него брала воду. В 40-е годы затвор стал полным. Блаженная выходила на улицу только ночью, брала подношение через щелку в двери. С 1963 г. не пользовалась ни керосином, ни керогазом.

До конца жизни люди шли к ней за советом и помощью. Варвара была наделена даром прозорливости. В годы войны многие женщины, получив похоронки, отправлялись к блаженной, чтобы узнать о судьбе близких. Она всегда говорила правду⁴. Умерла блаженная

старица 14/27 февраля 1966 г. В 2000 г. обретены мощи блаженной Варвары Скворчихинской, а в 2001 г. она канонизирована в лике местночтимых святых и причислена к Собору Уфимских святых⁵. Мощи находятся в Тихвинской иконы Божией Матери женском монастыре в честь святых Царственных Страстотерпцев пос. Приютово Белебеевского р-на, а в д. Сквочиха расположен Свято-Варварин скит⁶.

Особое отношение у верующих Уфимской епархии (Башкортостанской метрополии) к преподобной Зосиме Еннатской. Евдокия Яковлевна Суханова родилась 1 марта 1820 г. в верующей семье. Была замужем, но муж погиб на русско-турецкой войне, а сын – на охоте (жена сына оставалась с Зосимой до конца ее жизни). Иноческий путь она начала в Еннатском Покровском монастыре, расположенном на территории Стерлитамакского кантона входившего в состав Уфимской епархии, ныне это Федоровский район Башкирии. Этот женский монастырь был создан по инициативе местных помещиков Эннатских. Их же стараниями был выстроен огромный Покровский собор. Существовал женский монастырь с 1898 по 1917 г. Его последней игуменьей была преподобная Зосима.

Свой иноческий путь Евдокия начала во второй половине 90-х годов XIX века, приняв постриг мантию с именем Евникия (греч. «благославная»). В двух километрах от обители она выкопала источник, от которого болящие стали получать исцеление. Неоднократно она ходила пешком в Иерусалим через территорию Турции. Последний раз – в 1912 году. По рассказу преподобной, во время одного из паломничеств, когда она шла по одной из улиц святого города, ее маленькую и сухонькую старушку вдруг подхватил на руки какой-то юродивый огромного роста в одной только повязке на бедрах и воскликнул: «Зосимия, Зосимия, Зосимия! Тебя в схиму будет постригать Андрюша Уфимский, князь Ухтомский!»⁷ (Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей Ухтомский на Уфимской кафедре был с 22 декабря 1913 по 1920 гг.).

Когда наступило время гонения на Церковь, приблизительно в 1919 году, матушка Евникия приняла великую схиму с именем Зосима (греч. «жизненная»). После принятия великой схимы Зосима постоянно спала в кипарисовом гробу, привезенном из Иерусалима. В 1920 году Покрово-Еннатский монастырь преобразовали в трудовую коммуну, а в 1923 году его совсем закрыли, разогнав насельниц.

По воспоминаниям схиархимандрита Серафима Томина: «Когда монастырь закрыли, сотрудники ГПУ прямо в гробу и по-

везли ее по селам. Везут, начальник ГПУ ругается: «Такая-сякая! Возись еще с ней!» А она ему и говорит: «Что ты меня ругаешь, я в гробу лежу, никуда не денусь. А ты, сынок, беги скорее домой. Сейчас твоя жена пошла за водой с коромыслом, упала и умерла!». Он ей со злобою в ответ: «Ты что городишь, я только вот пришел из дома, ничего там не случилось!». Однако его товарищ настоял: «Да, ты все-таки сбегай, посмотри!». И действительно, жена как несла воду, так и упала на пороге, лежит бездыханная в луже рядом ведрами»⁸.

Зосима поселилась в селе Ново-Архангеловка. К матушке Зосиме постоянно приезжало множество народу из Уфимской, Челябинской, Самарской и Саратовской областей. Люди несли ей свои заботы, недуги, заболевания. Зосима обладала даром прозорливости и исцеления⁹. Всем она помогала словами утешения, исцеляла их недуги. Однако местные власти, недовольные ее «странным» поведением и стечением к ней большого количества страждущих, постоянно тайно перевозили матушку Зосиму с ее кипарисовым гробом в разные деревни. Скончалась в селе Сенцовка Шарлыкского района Оренбургской области¹⁰. Умерла схимонахиня в ночь 1 марта 1935 года в свой 115-й день рождения. Люди потянулись к ее могиле, уносили с собой землю с могилы. По ее молитвам люди получали и получают исцеление и помощь. Святые мощи преподобной старицы обретенны 14 декабря 2003 года, ныне хранятся в Покрово-Еннатском мужском монастыре, откуда и начинался ее иноческий путь. Канонизирована преподобная Зосима в 2006 г. в лике местночтимых святых. Память святой в ее день рождения и день кончины – 1/14 марта. 1 марта 2012 года в Покрово-Еннатском монастыре замироточила икона преподобной Зосимы¹¹.

В годы революционной смуты были утеряны многие религиозные святыни и ценности. До революции в Уфимской епархии было четыре чудотворные иконы. Самая известная из них – икона Табынской Божьей Матери. Икона широко почиталась в епархиях Башкирии, Оренбуржья, Поволжья, Сибири, Казахстана. Первоначально икона явилась на соленом ключе при Вознесенской пустыни (п. Красноустьинск Республика Башкортостан) в 1570-х годах, в 1579 г. была помещена в собор г.Уфы и названа Казанской. В 1593 г. собор сгорел, а икона вновь явилась на соленом ключе. С 1597 г. находилась в Пречистенском монастыре. С 1692 г. в Солеварном городке, а с 1741 г. в крепости Табынской (впоследствии с. Табынское Гафурийского

района Башкортостана). Отсюда происходит ее название — Табынская икона Божьей Матери.

С периода пугачевского восстания берет свое начало традиция крестных ходов. Уже в начале XIX века, как свидетельствует дневник В.И. Даля, с иконой обходили половину Уфимско-Оренбургской губернии. Епархиальное утверждение крестного хода произошло в 1848 г. в честь избавления города Стерлитамака от холеры. С 1856 г. крестный ход стал регулярным. В XX веке это был уже грандиозный поход, состоящий в году из двух частей. Первый из них был наиболее продолжительным и проходил более 4000 верст. В Рождественский пост он охватывал собой Стерлитамакский, Златоустовский и Белебеевский уезды Уфимской епархии, всю Оренбургскую епархию, посещая соседние города Тобольск, Кустанай; в январе-феврале охватывал Бузулукский уезд Самарской епархии и только на великий пост возвращался в село Табынское. Вторая часть похода начиналась в субботу на пасхальной неделе. Табынская икона посещала город Уфу и окрестности, а в Духов день возвращалась назад. В связи с крестным ходом во многих селах появились почитаемые места, источники и даже озера, связанные с Табынской иконой.

В 1918 г. празднование явления Табынской иконы состоялось 4-5 июля. В это время село Табынское оказалось в эпицентре гражданской войны. Из Уфы вышел крестный ход, около 5 тысяч человек. В сентябре 1918 г. икону встречали в Оренбурге, захваченном казачьими частями атамана Дутова. Когда начался торжественный обряд смены серебряной ризы (Табынской) на золотую (из Оренбургского монастыря), на крестный ход напал красный партизанский отряд. Две ризы иконы (серебряную и золотую) партизаны забрали, а икону бросили. По свидетельству митрополита Мефодия (Герасимова), бывшего тогда епископом Оренбургским, тогда он спрятал подлинник иконы, чтобы сохранить его во время гражданской войны¹². В это время, скорее всего, произошла подмена. У Табынской иконы имелись в Оренбурге немало копий и вторая риза.

В январе 1919 г. красными был захвачен Оренбург, а 9 июня чапаевская дивизия захватила Уфу. Накануне клир Табынской церкви получил указание от уфимского епископа Андрея (Ухтомского) 13 мая отправить находившуюся в храме икону (список?) на восток, в Зауралье. После падения Оренбурга владыка Мефодий создает временное епархиальное управление в Челябинске, и видимо тогда же он вывозит туда подлинник Табынской иконы¹³. Однако был ли это подлинник или же список, остается неясным.

Летом 1919 г. обе иконы и архиереи находились в Омске, где тогда пребывало правительство Колчака. Табынская икона становится главной реликвией Оренбургской армии. Перед иконой регулярно проводились торжественные богослужения и совершались крестные ходы.

Важную роль Табынская икона сыграла после того, как остатки белых армий оказались в эмиграции. Появление святыни консолидировало русских эмигрантов, помогло им приспособиться к новым тяжелым условиям, не раствориться в местном населении, забыв русскую культуру и язык. Сначала остатки дутовской армии разместились в местечке Джампани, потом в г. Суйдун, где в войсковой церкви до 1937 г. находилась Табынская икона. В 1937 г. в главном городе Синьцзяня – Кульдже – на пожертвования православных верующих была построена каменная Никольская церковь, куда была перенесена Табынская икона¹⁴. Но это уже был список Табынской иконы. Это достоверно установлено по сопоставлению сохранившихся фотографий 1904 и 1956 гг.

Подлинная Табынская икона была перевезена через Благовещенск в 1921 г. в Китай, сначала в Харбин, а в 1934 г. в г. Дайрен, где находилась до 1948 г. В период установления коммунистического режима в Китае Табынскую икону вывозят в Пекин, и в 1948 г. следы ее теряются. Судьба подлинника Табынской иконы и ее чтимого списка сегодня остается неизвестной¹⁵.

Вторая местнотчтимая чудотворная икона находилась в селе Николо-Березовка на севере Уфимской губернии. После падения Казанского ханства места на территории нынешней Николо-Березовки были отведены Московскому Савво-Сторожевскому монастырю, который стал здесь опорной базой правительственных войск. По преданию, в 1550 г. торговый караван именитых бояр и землевладельцев Строгановых плыл по Каме и был чудесно остановлен среди реки, и только тогда мог продолжать путь, когда сошедшие на левый берег нашли на берёзе икону Николая Чудотворца. Через некоторое время (по легенде) икона побывала в Москве у царя Ивана Грозного, одарившего её серебряно-вызолоченной ризою. Во время башкирских бунтов и пугачёвщины икона подвергалась опасности, и её неоднократно прятали, даже зарывали в землю.

Поклониться чудотворной иконе приезжала в 1910 г. сестра императрицы Елизавета Федоровна. Недалеко от Никольского храма был выстроен миссионерский монастырь. Сначала для юношей

марийцев, затем для девушек чувашской национальности. Храм был закрыт в марте 1934 г. и разграблен. Исчезла ограда из чугунных узорных решёток и чугунных столбов на кирпичном фундаменте. Чудотворная икона пропала. Последнее упоминание о ней относится к 1933 г.¹⁶ В советское время в здании церкви были склад, кабак и пекарня. В 1970-х – начале 1980-х гг. прибрежная часть села была выселена и подготовлена к затоплению Нижнекамским водохранилищем.

Перестройка в стране спасла от разрушения храм и два десятка кирпичных зданий-памятников истории и архитектуры. В 1993 г. был создан благотворительный фонд «Никольский храм», а в 1994 г. – Николо-Берёзовский историко-культурный центр. Началась реставрация. За годы реставрации Троицкого (Никольского) храма восстановлено многое: воссозданы покрытие купола, восьмеричок с маковой на главном куполе и верх колокольни, заново оштукатурены храмовая и трапезная части и др. Во втором ярусе колокольни устроен церковно-краеведческий музей села. Работы продолжаются.

С 1994 г. в селе 22-24 мая проводятся празднества по случаю дня Николы Вешнего и Дня славянской письменности и культуры (дня св. равноап. Кирилла и Мефодия). В эти дни служба в храме особо торжественная, на прицерковной площади проводятся выставки художников и фотографов, выступления артистов, певцов, разыгрываются театрализованные представления, пляски, звучат народные песни. Несколько лет проводился и праздник колокольного звона, где показали искусство звонари из разных епархий России¹⁷.

Третья чудотворная икона Уфимской епархии – Богородско-Уфимская икона Божьей Матери, обретенная в 1621 году. Есть предание о крестьянине Стефане, жившем под Уфой в селе Кадомцево, который был оклеветан и приговорён к порке розгами, после чего он, не вынеся позора, пошёл в лес покончить с жизнью. В лесу он услышал женский голос, а затем увидел парившую в воздухе икону Божьей Матери. Крестьянин вернулся в село и поведал об этом людям, и жители крестным ходом с иконами отправились в лес. Но икона Богородицы далась в руки только к Стефану, говоря о его невиновности. Село получило название Богородское. На месте явления образа вскоре появился целебный источник. Образ Богородицы был спасительным и для самого села и для города Уфы от эпидемий холеры и тифа.

Когда в XVII веке в стране поднимались крестьянские восстания, горели деревни и сёла, село Богородское не пострадало. После этого икону было решено перенести в Уфу, а точная её копия осталась

в Богородском. Каждый год к месту явления образа и святому источнику Богородицы совершались крестные ходы, в дар приносились дорогие подарки и драгоценные камни. В 1931–1932 гг. века обе иконы – подлинник и список – были утеряны.

В 1990 г. епархия освятила храм Богородско-Уфимской Божьей Матери в Уфе. Источник был обустроен, и на его месте возвели часовню, вновь стали совершаться многолюдные крестные ходы верующих. По ходатайству Никона, епископа Уфимского и Стерлитамакского, с благословения патриарха Алексия II в 1993 г. Богородская икона вновь была занесена в списки чтимых икон православной церкви, а 19 июля – день празднования этого чудотворного образа – стал общеепархиальным праздником¹⁸.

Четвертая икона – Бугабашская икона Божией Матери, высеченная на камне, – единственная из всех чудотворных икон Уфимской епархии, сохранившаяся в подлиннике. Появление иконы относят ко второй половине XIX века в чувашском селе Бугабаш. По легенде, во второй половине XIX века икону нашел солдат Тит Табаков из чувашской деревни Бугабаш. Он решил с товарищами посетить место, где находилась икона Смоленской Божией Матери. Они решили на память из реки взять по камешку. Тит взял небольшой камушек, размером с книгу, затем бросил, но неожиданно ослеп. Попросил товарищей достать камень, взял его и сразу прозрел. Вернувшись домой, Тит положил камень на дно сундука. Спустя много лет Тит решил на святом источнике освятить камень. Достав его, он увидел рисунок, на котором появились лик Богородицы и по бокам святые. По иконографии икона относится к типу Одигитрия и повторяет Смоленскую икону Божией Матери. Икона хранилась в женском Богородицком Одигитриевском монастыре, основанном Титом Табаковым по благословию епископа. Насельницы монастыря занимались шитьем, рукоделием, чеканкой. Монахини сделали для чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери на камне серебряно-позолоченный оклад, венцы над Богородицей и Спасителем украсили драгоценными камнями. Служба в монастыре велась на церковно-славянском и чувашском языках.

После октябрьского переворота монастырь закрыли. Храм опечатали, святыню бросили в подвал. С иконы содрали оклад, разбили кирпичами каменные лики, выкололи им глаза. Выкрал из подвала икону Василий Петрович Павлов, из рода Табаковых. Икону прятали в погреб, в сусеке с зерном, в других местах. В 50-х гг. храм и монастырь разрушили.

Долгое время икона хранилась жительницей этого села Таисией Филипповой, тоже из рода Табаковых. Испорченные лики святых сами восстановились. Пользуясь доступностью иконы, её неоднократно пытались увезти. В 1990-е годы после беседы владыки Никона с Таисией икона была передана епархии и с 2008 г. хранится в восстановленном Богородице-Одигитриевском женском монастыре с. Бугабаш. В день празднования в честь чудотворной Бугабашской иконы, которое совершается 10 августа вместе со Смоленским образом, со всех уголков страны стекается к ней множество людей.

В непростые годы советской власти верующие продолжали почитать святыни. Крестные ходы продолжались. Власти вынуждены были идти на уступки. В 1928 г. НКВД БАССР утвердил график проведения крестных ходов с десятью иконами, в том числе со всеми четырьмя чудотворными иконами: святителя Николая из Николо-Березовки, Уфимско-Богородской, Смоленской и Табынской (копия) иконами Божьей Матери¹⁹.

В 30-е годы давление властей усиливается, многие церкви были закрыты, но крестные ходы продолжались. Иконы перевозились в закрытых экипажах, а молитвы совершались внутри храмов. По возможности организовывались торжественные встречи и молебны. Почитание святынь продолжалось и тогда, когда ни святынь, ни самих священников уже не было. В советские времена празднование Девятой пятницы – дня явления Табынской иконы Божией Матери – всячески пресекалось властями. У Святых Ключей, где произошло первое явление иконы, еще в 70-е гг. отряды дружинников задерживали верующих и доставляли их в милицию, часовню над святыми ключами и пещеру, из которой они истекали, взорвали.

Крестный ход в Уфимской епархии был возрожден в 1992 г. по благословению митрополита Уфимского и Стерлитамакского Никона, в Оренбургской епархии с 2000 г. по благословению митрополита Оренбургского и Бузулукского Валентина. Крестный ход с несколькими копиями иконы Табынской Божьей Матери проводится на территории Самарской, Оренбургской, Челябинской, Курганской областей, в северных районах Казахстана (на территории Уральского казачьего войска) и завершается в Девятую пятницу на территории Республики Башкортостан, на Святых Ключах. Проводит богослужение митрополит Уфимский и Стерлитамакский Никон. В этот день на Святых Ключах собираются тысячи верующих. В Башкортостанской митрополии, образованной в 2011 г., как и в других епархиях Русской

Церкви, идет большая работа: восстанавливаются храмы, открываются духовные школы, возрождаются монастыри.

Приложения:

¹ Цыпин В. Русская Православная церковь в новейший период. 1917–1999 гг. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С.136.

² Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.35.

³ Собор Уфимских святых. URL: <http://clir.ru/blogs/zhizn-svjatyh/sobor-ufimskih-svjatyh-chast-3.html> (дата обращения 11.05.2013).

⁴ Собор Уфимских святых. URL: <http://clir.ru/blogs/zhizn-svjatyh/sobor-ufimskih-svjatyh-chast-4.html> (дата обращения 12.05.2013).

⁵ Блаженная Варвара Скворчихинская (1890–1966). URL: <http://svet77-77.narod.ru/bl-Varvara-Skvorchixinskau.html> (дата обращения 12.05.2013)

⁶ Святой источник Варвары Скворчихинской. URL: http://www.likirussia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1399 (дата обращения 12.05.2013)

⁷ Преподобная Зосима Еннатская. URL: <http://www.proza.ru/2013/03/03/1260> (дата обращения 11.05.2013)

⁸ Преподобная Зосима Еннатская. URL: <http://www.proza.ru/2013/03/03/1260> (дата обращения 11.05.2013)

⁹ Преподобная Зосима Еннатская. URL: <http://www.proza.ru/2013/03/03/1260> (дата обращения 11.05.2013); URL: Схимонахиня Зосима. URL: <http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=32&article=10046> (дата обращения 12.05.2013); Православные старицы XX века URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁰ Преподобная Зосима Еннатская. URL: <http://www.proza.ru/2013/03/03/1260> (дата обращения 11.05.2013)

¹¹ 1-го марта замироточила икона преподобной Зосимы Эннатской. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_3189/ (дата обращения 12.05.2013)

¹² Сергеев В.П., прот. Табынская икона в жизни русской эмиграции в Китае в XX веке. URL: <http://www.tabyn.narod.ru> (дата обращения 28.11.2012).

¹³ Косарев А.В., Щегольков А.Г. Харбинский синодик XX века. Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009. С.35.

¹⁴ Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. М.: Институт российской истории России РАН, 2001. С.198.

¹⁵ Сергеев В.П., прот. Табынская икона в жизни русской эмиграции в Китае в XX веке. URL: <http://www.tabyn.narod.ru> (дата обращения 28.11.2012).

¹⁶ Сергеев В.П. Открытое почитание святынь в Уфимской епархии в условиях репрессий 1930-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №1(31). С.131.

¹⁷ Троице-Никольский храм села Березовка. URL: <http://www.nefeparhia.ru/khramy/item/> (дата обращения 27.11.2012).

¹⁸ Явление чудодейственной Богородско-Уфимской иконы Божьей Матери. URL: <http://www.netufa.ru/yavlenie-chudodejjstvennoj-bogorodsko-ufimskojj-ikony-bozhejj-materi/> (дата обращения 26.11.2012).

¹⁹ Сергеев В.П. Открытое почитание святых в Уфимской епархии в условиях репрессий 1930-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №1(31). С.126.

Мишучков А. А., Мишучкова А. В. (Оренбург)

**ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОБЕДУ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
В РАМКАХ РЕШЕНИЙ ЕПАРХИАЛЬНОГО СЪЕЗДА
ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН ЧКАЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ 1947 Г.**

Положение Русской Православной Церкви во времена советской власти являлось уязвимым: отношение атеистического государства к религии было противоречивым и изменчивым. Но, не смотря на данный факт, церковь всегда выражала интересы всего народа: священнослужители и прихожане православных храмов вносили весомый вклад в победу государства в Отечественной войне, в сохранение духовно-нравственных традиций русского народа. Ввиду этого весьма ценными являются найденные в Оренбургском областном архиве и проанализированные нами документы, которые показывают серьёзный позитивный вклад РПЦ в жизнь региона в годы войны и послевоенные годы. Также необходимо обратить внимание на преемственный характер внутрицерковных мероприятий, имеющих глубокую духовную сущность – хранение традиций веры, возрождение нравственности и духовности, что отчётливо прослеживается в документации Епархиального съезда 1947 г.

Если в 1917 г. на территории современной Оренбургской области насчитывалось около 700 церквей и молитвенных домов, то к 1938 г. не осталось ни одного. С 1938 г. по 1944 г. не было ни одной действующей церкви, все священники, – а их было более полутора тысяч, – и насельники 12 монастырей были репрессированы. Этот факт репрессивного отношения Советского государства к Русской Православной Церкви привел русский народ на грань духовного уничтожения. В первый же день войны митрополит Сергей (Страгородский) обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал православный русский народ на защиту Оте-

чества: «Повторяются времена Батгя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»¹. Более четырех десятков посланий направил митрополит Сергей воюющему народу, и это морально воодушевило русское воинство. Если во время всенародной переписи 1937 г. православным себя открыто признало 42% населения страны, то в 1941 г. уровень религиозности вырос на порядок. Удивителен подвиг митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), который во все страшные дни блокады оставался со своей паствой в голодном и холодном городе на Неве. По всей стране в православных храмах служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...».

В приходах проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение колонны имени Димитрия Донского. В ответ на призыв митрополита в Московском Богоявленском соборе духовенством и мирянами собрано было более 400 тыс. руб. Вся церковная Москва собрала свыше 2 млн. руб., в блокадном голодном Ленинграде православные собрали 1 млн. руб. на нужды армии. Всего Русская Православная Церковь собрала средств за годы войны около 300 млн. руб. В Оренбурге верующие собрали 460 тыс. руб. на нужды фронта. Кроме денег, верующие собирали также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки. В Бузулуке верующие отправили на фронт 30 тыс. руб., от И.В.Сталина им была отправлена благодарственная телеграмма. 4 сентября 1943 г. митрополиты Сергей, Алексий и Николай были приглашены в Кремль для встречи с Председателем Совнаркома И.В. Сталиным и заместителем Главы Правительства В.М. Молотовым, которая кардинально изменила отношение государства к церкви. На Архиерейский Соборе 8 сентября 1943 г. был избран Священный Синод РПЦ. Собор вынес также постановление: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Гос-

подня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана».

19 сентября 1943 г. состоялась интронизация Патриарха Сергия в кафедральном Богоявленском соборе. 8 октября был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, председателем которого стал Г.Г. Карпов. В сентябре 1943 г. возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии».

С Постановлением СНК №1325 «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г., подписанного зампредела Совнаркома В.М. Молотовым началось массовое открытие церквей в стране. В 1944 – 1945 гг. в Оренбургском крае открыто шесть церквей, с 1945 по 1948 г. – двадцать шесть церквей: в Оренбурге – Никольский кафедральный собор, в Абдулино, Акбулаке, Бузулуке, Бугуруслане, Медногорске, Орске, Соль-Илецке, Кувандыке, в п. Верхняя Платовка, с. Воздвиженка Переволоцкого района и др. В марте 1945 г. на Оренбургскую кафедру назначен выдающийся архиепископ Мануил Лемешевский. Он восстановил разрушенную репрессиями и войной Церковь, духовно укрепил тысячи оренбуржцев в послевоенном восстановлении жизни².

К маю 1945 г. в Оренбургской епархии открылось шесть церквей, оставались закрытыми 327, согласно докладу уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Чкаловской области П. Теплярева.³ Восемь церквей были свободны, остальные заняты «под хозяйственные и культурные цели». И не смотря на такое беспрецедентное разрушение, Русская Православная Церковь внесла решающий моральный вклад в дело победы в Великой Отечественной войне.

В годы Великой Отечественной войны священники Оренбургской епархии вместе со всей Русской Православной Церковью молились о победе русского оружия в справедливой освободительной войне. Историческая память призывает вспомнить их поименно – тех, которые, невзирая на гонения и репрессии со стороны органов советской власти, отдали все свои силы служению русскому народу.

Из рапорта на 13 января 1945 г. протоиерея А. Архангельского, прибывшего в Оренбургскую епархию 10 декабря 1944 г., виден вклад, который внесли в победу оренбургские священники:

1. Иеромонах Адам Свистунов (имеется фото во 2 книге Н. Стремского «Мученики и исповедники Оренбургской епархии» – А.М.), настоятель Никольского собора, открытого 8 мая 1944 г., и священник того же собора Георгий Тучин сдали в фонд Оборона страны – 45 тыс. руб., и 40 тыс. руб. – для детей бойцов Красной Армии.

2. Настоятель Покровской церкви села Студенцы Гавриловского района, также открытой 8 мая 1944 г., священник Георгий Хлуденев собрал за семь месяцев 2 315 руб. На Рождество 1944 г. отправил из храма раненым солдатам – 77 кг. муки, 32 кг. пшена, 14 кг. мяса, 290 руб.

3. Настоятель Воскресенского молитвенного дома г. Абдулино, открытого 2 июля 1944 г., священник Сергей Негочесвкий отправил 70 тыс. руб. в Фонд Оборона.

4. Настоятель Покровской Церкви с. Верхняя Платовка Покровского района, открытой 2 июля 1944 г., священник Степан Михайлович Акашев – 54 725 руб. «Горячий, искренний патриот, который пользуется любовью и глубоким уважением приходом и местных работников гражданской власти, он организовал несколько раз сборы масла, яйца, творогу, хлеба для раненных воинов. Собрал денежных средств – 38 325 руб., личных средств – 16 400 руб.», – говорится в документе, где также есть и его фото.

5. Также помогали фронту священники, которые служили частным образом по домам – Леонид Смирнов, Виктор Попов (Сорочинский район), Колесников (Краснохолм), Александр Михайлов.

6. 14 апреля 1945 г. открылись церкви Никольская в с. Спасское Сорочинского района и Казанско-Богородицкая в с. Черкасы Саракташского района. Жители этих сел также помогали фронту как и все, но встречали День Победы уже в открытом храме праздничным богослужением.

Чувство глубокой любви к Родине видно из письма И.В. Сталину верующих города Бугуруслана от 27 июля 1946 г. с просьбой о открытии церкви: «Верующие г. Бугуруслана также, как и все граждане Советского Союза в годы Отечественной войны, понесли все тяготы военного времени. На алтарь Отечественной войны были принесены невозвратные жертвы, все, что есть самое ценное – жизнь человека. В защиту Отечества пролита кровь отцов, мужей, детей. Имея храм в нашем городе, мы могли бы молиться за умерших близких, дорогих нам людей». Просьба верующих была положительно рассмотрена, и храм вскоре открылся.

Действительно, в годы Великой Отечественной войны видно послабление советской власти по отношению к Русской Православной Церкви – было открыто большое число храмов, разрешены молебны, ослабли гонения на священнослужителей. Власти страны осознали – только сплотившись в единых воззрениях и опираясь на высо-

кие духовно-нравственные ценности, можно достичь победы над внешним врагом и внутреннего прогресса.

Продолжением созидательной политики в отношении РПЦ стал епархиальный съезд духовенства и мирян Чкаловской епархии 12 – 13 февраля 1947 г. Это было крупное событие, выходящее за пределы общеeparхиального значения. Данный съезд явился образцовым для многих епархий РПЦ в отношении того, как необходимо строить соборную епархиальную жизнь, открыто обсуждать многие важные и острые вопросы внутрицерковной жизни. До настоящего времени решения съезда являются неотменными ни временем, ни более поздними епархиальными собраниями, и составляют живую ткань православной церковной традиции.

Высокий образ пастыря, который запечатлен в «Памятке пастыря» архиепископа Мануила, является бесценным ориентиром для каждого священнослужителя в нашей епархии, образцом для отношения к пастырю. Решения съезда в отношении патриотической деятельности и противодействию сектанству призывают нас в настоящее время обратить внимание всего священства о необходимости систематического приложения усилий в этом направлении.

Председателем съезда являлся правящий архиерей архиепископ Мануил Лемешевский. Он был назначен на Оренбургскую кафедру в марте 1945 г., и именно он восстановил разрушенную репрессиями и войной Церковь, духовно укрепил тысячи оренбуржцев в послевоенном восстановлении жизни. Также в съезде участвовало 8 протоиереев, 8 священников, 18 мирян – всего 36 человек. Также официально присутствовал уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Чкаловской области Александр Васильевич Дымов.

В президиум съезда избран кроме председателя – архиепископа Мануила, заместителем председателя – настоятель Никольского собора протоиерей Сергей Ногачесвский, секретарем – протоиерей Алексей Остроумов, членами съезда – Агапов И.Д. и Савин А.А. В редакционную комиссию – протоиереи Константин Плясунов и Леонид Смирнов. В хозяйственную комиссию – протоиерей Сергей Ногачесвский, священник Вениамин Ионов, старосты церквей – Ф.М. Чернышов, К.Е. Глухов.

В начале съезда была оглашена телеграмма Святейшему Патриарху Алексию. «Открывая епархиальный съезд духовенства и мирян в день памяти поборников православия вселенских святителей

возносим молитвы о здравии и долгоденствии Вашего Святейшества и просим молитв и благословения на наши труды».

По первому вопросу выступил протоиерей Сергей Ногачевский о проработке Положения об управлении РПЦ и Инструкции о порядке учета в церковных общинах РПЦ. Съезд решил: «Принять все христианские меры к изжитию всех недостатков имевших место в отдельных приходах нашей епархии в 1946 г. Добиться, чтобы в 1947 г. поставить чкаловскую епархию в ряды образцовых епархий Патриархии в смысле установления церковной дисциплины, подчинению своему архиерею, а в каждом приходе – своему настоятелю в ведении правильного учета на основе инструкции».

На основании доклада А.А. Савина о порядке взносов на содержание Московской Патриархии и архиерея съезд постановил: обязательные взносы на содержание Московской Патриархии и епархиального архиерея взимать по принципу процентных отчислений с оборота церковных средств каждого прихода. Указанные отчисления установить в размере 4%. В отношении вопроса о епархиальном фонде съезд утвердил положение о епархиальном фонде и установил ежемесячное отчисление 4% от ежемесячных оборотных сумм каждого прихода.

Задачами фонда являются: помощь нуждающимся приходам во время строительства или ремонта храмов; содержание стипендиатов, готовящихся в духовные учебные заведения; выделение средств на содержание учебных заведений Московской патриархии; содержание при архиерее склада утвари и книг; оказание помощи нуждающимся престарелым членам клира. Совет благочинных обязан давать свои пожелания о направлении деятельности фонда и один раз в год делать просмотр всех приходно-расходных документов.

По второму вопросу – о работе пастыря над самим собой – было обширное обсуждение, в котором высказались практически все члены съезда. Священник Константин Плясунов сказал о первостепенности такой задачи: «работа пастыря над самим собой, обогащение своего духовного опыта, поднятие своего образовательного уровня является первым и постоянным делом каждого пастыря для того, чтобы быть учителем и строителем спасения своих пасомых». Съезд призвал духовенство епархии, имея в виду и диаконов, «к ношению одежды публично той, которой присвоено духовенству, волос не стричь, ни бороды, ни усов не брить, соблюдать посты, воздержаться от вина и табакокурения, неуклонно исполнять памятку, предложенную пасты-

рям. Никакого соблазна для верующих от священника не должно быть. Верующие ждут от своего пастыря благоговейного, неторопливого совершения полного богослужения».

В отношении богослужебной практики съезд решил для предотвращения соблазна верующих совершать Таинство Крещения через полное погружение, а не обливание. Употреблять в церкви предложенные совещанием общие исповеди в трех редакциях – архиепископа Мануила, протоиерея Константина Плясунова, протоиерея Леонида Смирнова. Но общие исповеди нисколько не должны заменять отдельные частные исповеди. Протоиерей Стефан Акашев предложил при даче епитимии кающимся грешникам не ограничиваться только одними поклонами и наложением поста, а требованием осуществления добрых дел по отношению к ближним или пожертвования в храм необходимых для храма предметов – «Грех должен быть побежден живым делом любви» (покаяние Закхейя Лука, 19,8). В отношении практики изгнания бесов, совещание предложило пастырям принять афонскую практику к сведению и руководству. При венчании браков рекомендовать, чтобы священник требовал представление регистрации браков от отделов ЗАГСА. Также очное отпевание умерших должно совершаться при предъявлении регистрации смерти. Совещание приняло решение о поминовении в храмах епархии всех усопших архипастырей бывшей Оренбургской епархии, с присоединением поминовения усопших архипастырей куйбышевской епархии в тех храмах, которые прежде находились в самарской епархии. «Заведение при каждом храме синодиков с внесением в них на бесплатное поминовение погибших воинов во вторую Отечественную войну ОБЯЗАТЕЛЬНО. Поименное поминовение воинов производится каждую субботу за проскомидией и литургией». На отпустах во всех храмах епархии поминать святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца как молитвенника и покровителя всего Уральского края. Внести в богослужебную практику бессрочное поминовение всех новопреставленных постоянных членов прихода со времени открытия храма. В каждом благочинии утвердить духовника.

13 февраля по вопросу «Патриотическая деятельность Чкаловской епархии за 1946 год» выступил протоиерей Сергей Ногачевский. «Все мы, верующие, являемся не только членами святой Православной Церкви, но, как живущие в своем государстве, являемся и гражданами своего отечества, которое любим, жизнью которого живем и защищать которое, если придется, всегда готовы. Поэтому, говоря о

деятельности Церкви по чисто церковным внутренним вопросам, мы не можем не остановиться на другой стороне нашей деятельности – на стороне наших гражданских обязанностей. Я не буду подробно останавливаться на нашей патриотической деятельности, укажу только некоторые цифры, которые свидетельствуют сами за себя, говоря о высоком подъеме верующих в деле содействия государству в его мероприятиях по ликвидации ран, нанесенных войной в восстановлении общегосударственного хозяйства и в оказании помощи вдовам и сиротам и инвалидам Отечественной войны. Всего от епархии за истекший год денег и облигаций поступило – 1 742 000 руб. Из них:

1. Никольский кафедральный собор г. Чкалов – 930 000 руб.,
2. Петропавловская церковь г. Бузулука – 468 000 руб.,
3. Воскресенская церковь в г. Абдулино – 48 000 руб.,
4. Никольская церковь г. Орска – 25 000 руб.,
5. Иоанно-Предтеченский молитвенный дом г. Орска – 12 000

руб.,

6. Михайловский м.д. г. Сорочинска – 25 000 руб.,
 7. Никольский м.д. с. Илек – 12 500 руб.,
 8. Христо-Рождественская церковь с. Георгиевка – 10 000 руб.
- Взносы остальных общин были менее 10 000 руб.

По предложению архиепископа Мануила Лемешевского съезд выделил дополнительно в счет вышеперечисленных сумм еще 50 тыс. руб. Была отправлена телеграмма святейшему Патриарху Алексию. «Вознося благодарственные молитвы Господу Богу за успешное завершение работ епархиального съезда, выражаем Вашему Святейшеству готовность всегда служить благу нашей Церкви и Родины. Съезд своим решением выделил 30 тыс. руб. на содержание духовно-учебных заведений, 20 тыс. руб. на восстановление Троице-Сергиевой Лавры, 50 тыс. вдовам и сиротам воинов Отечественной войны. И если Родина потребуются новые жертвы и подвиги, мы все по Вашему призыву как один отдадим свои силы и свои средства для ее блага, мощи и процветания. Президиум съезда»⁴.

По вопросу о сектантстве выступил протоиерей Константин Плясунов, отметивший, что неграмотность и поверхностность в религиозной жизни приводит к глубокому духовному невежеству и суевериям, «отклонению от правильного понимания христианских истин и церковных правил и отделяет людей от Церкви». Кроме сект, действующих на территории епархии и отрицательно воздействующих на население, устои церкви потрясают и запрещенные священники, вста-

ющие в оппозицию Матери-Церкви. В Саракташе – Матфей Вершинин, в Шарлыкe – иеромонах Иероним, в Бузулуке – Исидор Адушев и самозванец Михаил Поздеев, в Орске – самозванец Евстафий и другие. Постановили: «Принимая во внимание имеющиеся в распоряжении Святой Церкви единственные меры вразумления ко всем заблуждающимся, это меры убеждения и морального воздействия, просить пастырей всех приходов епархии усилить проповедь Слова Божия, поставить богослужение в храмах на должную высоту. Выяснить сущность особенно тех заблуждений и сект, в окружении которых живут прихожане, вводить за богослужением общее пение общецерковных молитв, в противовес сектантским песнопениям. Пастыри, в первую очередь, и все православные люди должны быть примером для всех в христианском поведении, трезвой и благочестивой жизни». Съезд принял обращение ко всем верующим епархии.

«Господь наш Иисус Христос в своей Преосвященнической молитве пред своими страданиями за спасение мира просил Своего Небесного Отца: «Да, вси едино будут» (Ин. 17, 21). Единение и мир есть основа христианской жизни. Миром и единением приходской жизни должны дорожить каждый искренно верующий христианин. Каждый прихожанин должен помнить слова апостола Павла «Христос есть мир нам» (Еф. 2, 14). Каждый прихожанин должен знать, что где мир только там и Христос, где «единение духа в союзе мира» там Его действующая благодать, во всем благоустроении приходской христианской жизни. Жизнь приходов нашей епархии наглядно подтверждают нам эту святейшую истину. Где верующие живут в мире и согласии, где верующих объединяют единые цели и единое желание общего блага, там наблюдается и примерная приходская жизнь, там видим благоустроенные храмы, там богослужение поставлено на должную высоту, там наблюдается и необходимое единение между пастырями и пасомыми. И, наоборот, к глубокому прискорбию, приходится видеть обратное явление, когда раздор и нестроение среди прихожан является основной причиной разложения приходской жизни. Когда личные, корыстные интересы отдельных представителей прихода, забывающих заповеди Господа о мире и единении, раздирают хитон Христов и препятствуют пути спасения своим собратьям»⁵.

На съезде присутствовали следующие делегаты, которые представлены на фотографии, обнаруженной нами в архиве: в центре – архиепископ Мануил Лемешевский и Уполномоченный Совета по делам РПЦ Александр Васильевич Дымов; протоиерей Стефан Акашев,

с. В.Платовка; протоиерей Сергей Ногачевский, Никольский собор г. Чкалова; протоиерей Алексей Остроумов, Успенская церковь г. Бугуруслана; протоиерей Константин Плясунов, Никольская церковь г. Орска; протоиерей Леонид Смирнов, Петропавловская церковь г. Бузулука; протоиерей Иоанн Никольский, настоятель Сорочинского м.д.; протоиерей Иоанн Иаковлев, Казанская церковь с. Черкаassy; иерей Василий Златогорский, с. Илек; иерей Михаил Михайлов, г. Медногорск; иерей Иосиф Шатковский, Иоанно-Предтеческий м.д.; иерей Никита Иноземцев, Никольская церковь с. Верхняя Павловка; иерей Вениамин Ионов, Никольский кафедральный собор; иерей Алексей Назаров, настоятель Казанской церкви г. Соль-Илецка; миряне – секретарь при епархиальном архиерее – Савин А.А.; Агапов И.Д.; старосты церквей – Никольского кафедрального собора – Ф.М. Чернышов, Петропавловской церкви г. Бузулука – К.Е. Глухов; и представители общин Саракташа – Е.А. Кравцов, г. Бузулука – К.Е. Глухов, г.Абдулино – М.И. Докучаев, г. Сорочинска – В.Ф. Филютин, В.З. Базаров⁶.

Таким образом, архивные сведения по решениям Епархиального съезда 1947г. Оренбургской епархии РПЦ являются весьма ценными для восстановления исторической памяти и исторической роли РПЦ в патриотической деятельности и во вкладе Церкви в победу в Великой Отечественной войне.

Прошло много лет, в стране изменились общественно-политический строй и экономическая модель. Но мы не должны забывать подвиг всех, кто внес свой вклад в победу в Великой Отечественной войне. Решения, принятые на съезде, остаются актуальными и в данный исторический период, как нравственные ориентиры для духовного возрождения оренбургского края и понимания православной церкви своей исторической роли в жизни общества.

Примечания:

¹ В. Цыпин. История Русской Церкви. Т. 9. М., 1997. – С. 127.

² Футорянский Л.И. Оренбуржье – во имя Победы (60 лет разгрома фашистской Германии). Оренбург, 2004.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 617., Оп. 1., Д. 58., Л.17.

⁴ ГАОО. Ф. 617., Оп 1., Д. 108. Л. 10 – 11, 19 – 24.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

РАБОТА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИАЛЬНОЙ СВЕЧНОЙ МАСТЕРСКОЙ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ В 1958-1964 ГОДАХ

К началу 1958 году положение Русской Православной Церкви в Советском Союзе было относительно устойчивым¹. Религиозная жизнь в стране достигла пика своего послевоенного развития.

По подсчетам протоиерея Алексия Марченко в 1958 году паства Русской Православной Церкви составляла около 60 миллионов прихожан².

Численный рост верующего населения и возрастающее влияние Церкви вызывало у атеистической власти серьезную тревогу и опасения³.

Новый виток борьбы с религией долгое время назревал в умах верховной власти и периодически проявлялся в «рецидивах антирелигиозной пропаганды, наблюдавшихся в 1947-1948гг. и в 1954гг.»⁴.

После разоблачения «культы личности» Сталина на XX съезде КПСС и «последовавшего за ним разгрома на июньском пленуме ЦК КПСС в 1957г. «антипартийной группы» сталинистов» власть в стране всецело перешла в руки Н.С. Хрущева⁵.

В результате сложившейся политической обстановки Н.С. Хрущеву как стороннику «насаждения всеобщего атеизма» уже ничто не мешало развернуть открытую борьбу с Церковью. Официальным началом открытой борьбы с религией стала «Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам» «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 19 апреля 1958г. Этот документ обязывал партийные, комсомольские, государственные и общественные организации развернуть «научно-атеистическое» наступление на религию⁶.

В соответствии с указаниями ЦК КПСС и генерального секретаря Н.С. Хрущева 16 октября 1958г. вышло два постановления Совета Министров СССР «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и «О монастырях в СССР»⁷.

Выход этих двух постановлений был не случаен и свидетельствовал о том, что антирелигиозная кампания была тщательно спланирована и продумана.

Этими постановлениями государством одновременно наносился удар по двум основным составляющим Церкви: духовной и материальной.

Монастырей на территории Оренбургской епархии не было. Поэтому власть направила все свои силы на подрыв ее экономики. И в первую очередь на закрытие епархиальной свечной мастерской, которая давала Оренбургской епархии более 60% дохода в год⁸.

Но мысль о закрытии мастерской местной власти пришла не сразу. Сначала она рассчитывала на то, что свечная мастерская сама разорится от непосильного налога.

Оренбургская (Чкаловская) епархиальная свечная мастерская была организована и открыта епископом Мануилом (Лемешевским) в 1946-1947 годах⁹. Располагалась она на территории кафедрального Никольского собора в не большом одноэтажном строении. Количество работающих и служащих в мастерской не превышало 15-ти человек¹⁰.

К 1950 году оборот мастерской достиг 10 тонн в год, выпускалось около полутора миллиона штук свечей трех сортов: 60% - продажной стоимостью по 2 рубля, 25% - 3 рубля, 15% - 5 рублей.

В первые годы работы мастерской основными поставщиками сырья являлись церковные советы г. Бузулука, г. Бугуруслана и райцентра Абдулино. Воск также закупали у частных лиц Башкирии, Татарии, в Ульяновской области, в северных районах Оренбуржья. В государственных магазинах покупали парафин, полотерный воск, чулочную бумагу для фитиля¹¹.

Объем продукции мастерской с каждым годом увеличивался. О больших масштабах производства епархиальной мастерской свидетельствуют поставки в другие епархии: Челябинскую, Свердловскую, Саратовскую, Уфимскую, Куйбышевскую, Ивановскую¹².

С назначением в декабре 1953 года управляющим епархией епископа Михаила (Воскресенского) свечная мастерская еще более увеличила выпуск своей продукции¹³. Данные за 1955-1957 гг. свидетельствуют, что доход епархии от продажи свечей составлял уже до 74% от всего объема доходов¹⁴.

Общие доходы церквей от продажи свечей за 11 месяцев 1956 года составили 3 млн. 470 тыс. рублей, за 11 месяцев 1957 года 3 млн. 957 тыс. рублей, за 11 месяцев 1958 года 4 млн. 279 тыс. рублей¹⁵.

Епископ Михаил за время своего управления епархией, на вырученные от продажи свечей средства отремонтировал все приходы,

заменил иконостасы в храмах и молитвенных домах. По его распоряжению купола храмов стали покрывать позолотой. Увеличивались штаты хоров¹⁶.

На место заведующего мастерской епископ Михаил подобрал знающего производство человека. Уполномоченный по Оренбургской области дает на него следующую характеристику: «он (от автора – иеромонах Серафим (Плотников Сергей Тимофеевич))¹⁷ опытный в производственных делах – инженер, ранее работал директором и главным инженером на ряде государственных заводов. В 1951 году окончил Ленинградскую духовную академию, получил диплом кандидата богословия и пошел по церковной линии»¹⁸.

Естественно, что получение Церковью столь значимой прибыли раздражало власть. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Оренбургской области А.Н.Березин в своем информационном отчете за 1957 год в разделе «Выводы и предложения» так писал в Москву: «В целях сокращения непомерно больших доходов следовало бы установить подоходный налог с церкви. Отсутствие такого налога ведет к обогащению церкви и усилению ее активности»¹⁹.

С повышением налога духовенство стало разоряться. «Повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода»²⁰.

Отчеты о сборах с введенного налога регулярно отправлялись в Москву. Уполномоченный по Оренбургской области сообщал: «В связи с увеличением подоходного налога со свечной мастерской которая с октября месяца 1958 года отпускает свечи церквям вместо 45 руб. по 200 руб. за килограмм, духовенство решает сократить певчие хоры и такого ремонта и украшения церквей уже не будет, т. к. большая часть доходов церквей идет на приобретение свечей. Розничные цены на свечи епархиальное управление решило не увеличивать»²¹.

Постановление Совета Министров СССР «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» от 16 октября 1958 года, «...сообщенное Церкви 28 октября, вступало в силу с 1 октября, оно повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи»²². Из-за чего большинство епархий и приходов, у которых отсутствовали денежные средства, оказались в крайне затруднительном положении.

«В частных беседах Патриарх (от автора – Алексий I) рекомендовал церковным организациям закупать свечи в государствен-

ной торговле, а также наладить их нелегальное производство»²³. Этим советом решили воспользоваться и в Оренбургской епархии. Приходы стали закупать свечи в государственных магазинах²⁴.

Вскоре в информационном отчете, Вдовин просит Совет принять срочные меры и вносит свои предложения: «В целях недопущения дальнейшего укрепления материальной базы церквей за счет государства и уклонения церковников от подоходного налога со свечной мастерской, решить вопрос в Совете Министров о продаже свечей в государственных магазинах, повысить на них продажные цены до 200руб. за килограмм, как они отпускаются свечной мастерской или же совсем прекратить торговлю свечами (*от автора – в магазинах*), иначе церковь будет еще богаче»²⁵.

Через несколько месяцев после первого сообщения в Совет Вдовин снова написал в Москву о том, что духовенство продолжает закупать свечи в магазинах по цене 18 рублей за килограмм, «получая баснословные доходы в размере 432-482руб. с каждого проданного килограмма»²⁶.

И далее пишет: «Подробно об этих спекулятивных проделках Совет был мною, в свое время, информирован. О спекуляции свечами информировано руководство облуправления УВД, но мер с их стороны не принимается по той причине, как мне было заявлено работниками УВД, что церковь отделена от государства и они не имеют права вмешиваться в ее деятельность»²⁷.

В скором времени священники, чтобы не быть обвиненным в спекуляции, прекратили закупать свечи в государственных магазинах.

В своем информационном отчете за 1959 год уполномоченный Вдовин с неудовольствием констатирует, что «Львиная же доля всех доходов (*от автора – епархии*) составляет от продажи свечей, 61%»²⁸, «в 1959 году от продажи свечей во всех церквях епархии получено 4млн. 486тыс. рублей дохода»²⁹.

И далее: «Это показывает, что проведенное повышение налогового обложения свечных мастерских на свечи вряд ли достигает цели изъятия непомерно высоких доходов церквей, т.к. этот налог не касается церкви /облагаются свечные мастерские/. Повышение отпускных цен на свечи со стороны свечных мастерских вызвало автоматические повышения цен на свечи в церквях, благодаря чему церковь опять-таки, получает большие доходы. Если отпускные цены за килограмм свечей 200 руб., то продают их верующим в церкви по цене 450-

500 рублей за килограмм»³⁰. И далее делает вывод: «Таким образом, с каждого килограмма свечей извлекаются не менее 250-300 рублей прибыли»³¹.

Сложившаяся ситуация стала нетерпимой не только для уполномоченного, но и для руководства области. В информационном письме Вдовин сообщает в Москву о том, что «...руководство области считает необходимым закрыть свечную мастерскую Оренбургского епархиального управления»,³² которая фактически являлась гарантом финансовой стабильности епархии.

Вероятно, получив одобрение из Совета на закрытие мастерской, Вдовин стал искать правовое решение этого вопроса.

Для закрытия ее нужно было найти не только компрометирующие материалы, но и веское юридическое обоснование. И в скором времени оно было найдено.

После проверки документации свечной мастерской не было обнаружено письменного разрешения от органов советской власти на ее деятельность. К тому же уполномоченным было обнаружен и ряд «других» нарушений, о которых он немедленно сообщил в Москву³³.

В незаконные действия мастерской вменялась и отправка свечей в другие епархии³⁴.

Кроме того мастерскую обвиняли в спекулятивных махинациях.

«Наличие таковой мастерской вызывает развитие спекуляции воском, огарком и другими материалами»³⁵. Подводя итог всем обнаруженным «нарушениям» уполномоченный сообщал своему руководству, что «на основании вышеизложенного, мною предложено свечную мастерскую закрыть с 16 мая с. г. (от автора – 1960 года), о чем и докладываю»³⁶.

Письменное уведомление с решением о закрытии мастерской Вдовиным было направлено заведующему иеромонаху Серафиму (Плотникову) и управляющему епархией епископу Михаилу³⁷.

Получив такое решение, епископ Михаил отказался подчиниться произволу Вдовина³⁸.

Владыка направил в Совет заявление о противоправных действиях оренбургского уполномоченного, заведующего мастерской иеромонаха Серафима (Плотникова).

Справка о беседе отца Серафима с членом Совета Сивенковым И. М. и старшим инспектором Совета Овчинниковым М. М.³⁹, состоявшаяся 20 мая 1960 года, сохранилась в архивных документах.

Из документа видно, с какой настойчивостью заведующий отстаивал интересы Церкви.

Овчинников дает описание этого разговора: «гр-ну Плотникову было предложено оставить привезенные с собой заявления для последующего их рассмотрения в Совете. Плотников, не удовлетворившись данным ответом, стал вести себя вызывающим и наглым образом. Бравируя отдельными положениями, выпущенные в 1959 году Госполитиздатом брошюрой (с законами и постановлениями партии, относящиеся к религиозным культам). ...Гр-на Плотникова пришлось призвать к порядку и далее ему было сообщено, что по всем спорным моментам, касающихся свечной мастерской, разговор будет вестись с правящим архиереем»⁴⁰.

Епископом Михаилом 21 мая 1960 года была направлена жалоба лично Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви. В ней говорилось: «Существующее законодательство о Православной церкви никому не дает право чинить произвол и администрирование. Однако уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Оренбургской области тов. Вдовин преднамеренно нарушает это законодательство. Он самочинно закрыл епархиальную свечную мастерскую, мотивируя тем, что продукция мастерской – свечи, незаконно, без его разрешения отправлялись в другие епархии, а также использовались для поддержания незарегистрированных молитвенных домов.

...Тов. Вдовин преднамеренно не желает считаться с постановлением ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года, за подписью первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, где явно указано, не допускать административного вмешательства в деятельность церкви, Прошу дать указание тов. Вдовину:

1. Отменить свое незаконное распоряжение о закрытии свечной мастерской»⁴¹.

Далее шли и другие требования епископа к власти, но это требование как наиболее жизненно важное архиереем ставил на первое место.

Власть не решилась пойти на открытый конфликт с архиереем, и на время епархиальная свечная мастерская была оставлена в покое. Но лишь до тех пор, пока епископ Михаил оставался управляющим епархией.

В июне 1960 г. произошли изменения в управлении Оренбургской епархией⁴². В конце мая 1960г. архиепископ Палладий (в миру

Каминский Георгий Михайлович) был смещен со Львовской кафедры и отправлен возглавлять Оренбургскую епархию⁴³.

С приходом нового архиерея уполномоченный возобновил свои попытки закрытия свечной мастерской. Для этого он решил устранить заведующего мастерской иеромонаха Серафима, сняв его с регистрации священника Никольского собора⁴⁴.

После устранения иеромонаха Серафима от должности заведующего мастерской, уполномоченный стал оказывать давление на архиепископа Палладия. Из сохранившихся документов установлено, что архиерею лично пришлось написать прошение в Московскую Патриархию о закрытии мастерской. Но в Патриархии это прошение было отклонено.

В 1960 г. Оренбургской епархиальной свечной мастерской было выработано 10354 кг свечей, что составило выработку 1959 г., реализовано 10071 кг., в том числе 2506 кг. по другим епархиям.

После оставления епархии епископом Михаилом и началом управления епархией архиепископом Палладием отправка свечей в другие епархии полностью прекратилась.

Получив от архиепископа Палладия согласие на закрытие мастерской, Вдовин 31 января 1961 года сообщил в Совет: «Правящий архиерей (от автора – Палладий) дает согласие на закрытие мастерской и письмом от 28 декабря 1960 г. просил предоставить для безболезненной ликвидации ее срок полгода...», «Руководящие областные организации неоднократно высказывались о ликвидации свечной мастерской...». И далее: «В связи с ходатайством правящего архиерея Палладия о централизованном снабжении епархии свечами прошу найти возможным поддержать это ходатайство и решить вопрос о закрытии свечной мастерской в Оренбургской епархии»⁴⁵.

Ожидая из Москвы команды на закрытие мастерской, уполномоченный продолжал отслеживать ее деятельность, отсылать отчеты о работе. В мае 1961 г. он сообщал в Совет: «В настоящее время свечная мастерская форсирует выпуск свечей. Если в 1960 г. средний ежемесячный выпуск составил 860 кг., то сейчас составляет 1040 кг. Для того чтобы растянуть воск для изготовления возможно большего количества свечей содержание его снижена на 18%. В 1960 г. содержание воска в свечах была 39%»⁴⁶. И далее: «Воск в мастерскую почти не поступает. Производство существует за счет старого его запаса. На 1 мая с.г. (от автора – 1961 года) воска оставалось 2396 кг. За 4 месяца текущего года мастерской выработано продукции 4158 кг. и реализовано 3674 кг.»⁴⁷.

Однако можно предположить, что прямого указания на закрытии мастерской из Совета не поступило, так как в 1961-1963 года свечная мастерская продолжала работать. А все усилия уполномоченного, в этот период времени были направлены на прекращения поступления в мастерскую сырья, что должно было быть логическим завершением самоликвидации производства.

О этом свидетельствуют докладные Вдовина в Совет. Приведем, к примеру, цитату из январского отчета 1963года «...свечная мастерская проявляет немалую изворотливость, она смогла закупить 512 кг. воска у 38 человек. Списки этих продавцов переданы мною в прокуратуру для привлечения за спекуляцию...»⁴⁸.

Под давлением власти 8 рабочих мастерской уволились. Из 15 человек, работавших в 1959 г., в 1962 г. осталось 7 человек⁴⁹.

Но и после увольнения половины рабочих мастерская не прекратила свою работу.

Представители свечной мастерской ездили по всему Советскому Союзу, продолжая закупать воск. Договаривались с частными лицами из Оренбургской области, Башкирии, Белоруссии, Украины⁵⁰. А так же с хозяйственными магазинами г. Москвы, г. Казани, г. Ульяновска, г. Куйбышева, в которых можно было приобрести полотерный воск. При доставке его в г.Оренбург почти всегда встречались с угрозами уполномоченного о привлечении какой-либо ответственности. Угрозы уполномоченного были нормой для руководителя мастерской Злоказова Н. П. и всех агентов по снабжению.

Вдовин писал: «... мною было разъяснено (*от автора - руководителю мастерской*), что употребление и переработка полотерного воска не по назначению является незаконным...»⁵¹.

За 1962г. Оренбургской епархиальной свечной мастерской было выработано 8 тонн 378 кг продукции, реализовано 9 тонн 892 кг. Отчетная себестоимость килограмма продукции составила 3 рубля 35 копеек. Уплачено налогов с прибыли 144714 руб. 67 коп⁵².

По подсчетам Вдовина, «... на 1 января1963г. у них (*от автора - свечной мастерской*) оставалось запаса воска примерно полугодовой потребности...»⁵³, то есть к середине лета 1963г. мастерская должна была сама по себе прекратить свое существование.

1 июля 1963 г. архиепископ Палладий покинул Оренбургскую кафедру, его преемником стал епископ Леонтий (в миру Леонтий Фадеевич Бондарь)⁵⁴.

Новым архиереем сразу были приняты ряд мер по недопущению закрытия свечной мастерской, бывшей финансово-экономической базой епархии.

Епископом Леонтием было издано распоряжение о том, что свечи будут отпускаться общинам по запросу, с условием сдачи 30 % воска к просимому количеству⁵⁵.

Несмотря на запрет власти в хозмагах г. Москвы удалось закупить 2 тонны 357 кг. полотерного воска, в г. Ульяновске - 945 кг, в самом городе Оренбурге прихожане сдали 870 кг.⁵⁶ Таким образом, собранный воск обеспечил бесперебойную работу свечной мастерской, а епархия могла осуществлять свою деятельность.

С освобождением 14 октября 1964 года, со всех своих постов Н.С. Хрущева идеологическое и финансово-экономическое давление на Русскую Православную Церковь, пошло на спад. Но антирелигиозная кампания 1958-1964 годов нанесла огромный ущерб церковной экономике как в Оренбургской епархии, так и по приходам всей стране. И все же в этот сложный для Церкви период Оренбургской свечной мастерской удалось выстоять и продолжить работу, оставаясь гарантом экономической стабильности всей Оренбургской епархии.

Примечания:

¹ Цыпин В. прот. История Русской Церкви. 1917 – 1997. М., 1997. Кн. 9. С. 379.

² Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2010. С. 56.

³ Цыпин В. прот. Указ. соч. С. 379.

⁴ Марченко А., прот. Указ. соч. С. 67.

⁵ Марченко А., прот. Указ. соч. С. 57.

⁶ Цыпин В. прот. Указ. соч. С. 379.

⁷ Дамаскин (Орловский) игумен. Гонения на Русскую Православную церковь в Советский период. Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь М., 2000. С. 188.

⁸ Государственное Бюджетное Учреждение «Государственный Архив Оренбургской Области». (ГБУ «ГАОО»). Ф. 617. Оп. 1. Д. 387. Л. 52.

⁹ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 110. Л. 47.

¹⁰ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 110. Л. 32, 33.

¹¹ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 375. Л. 33; Д. 378. Л. 34.

¹² ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 386. Л. 40, 47; Д. 379. Л. 54.

¹³ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 379. Л. 1-2.

¹⁴ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 383. Л. 45.

¹⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 386. Л. 40.

¹⁶ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 380. Л. 42; Д. 384. Л. 26; Д. 379. Л. 40; Стремский Н.,

прот. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Оренбург, 1999. Кн. 2. С.135.

¹⁷ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп.2. Д.75. Л.1-2.

¹⁸ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1.Д. 383. Л. 42.

¹⁹ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 387. Л. 62.

²⁰ Шкаровский М.В.Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

С. 364.

²¹ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 386. Л. 40.

²² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 364- 365.

²³ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 365.

²⁴ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 386. Л. 42.

²⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 386. Л. 44.

²⁶ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 387. Л. 52.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 110. Л. 30.

³⁰ Там же. Д. 387. Л. 52.

³¹ Там же.

³² Там же. Д. 110. Л.42.

³³ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 110. Л. 28.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 29.

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ Там же. Л.50.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 47-49.

⁴² Там же. Д. 389. Л. 19.

⁴³ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 375.

⁴⁴ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 110. Л. 43.

⁴⁵ Там же. Д. 110. Л. 13-14, 17.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Д. 390. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Л. 7, 9, 33.

⁵⁰ Там же. Д. 383. Л. 22; Д. 390. Л. 11; Д. 142. Л. 4.

⁵¹ Там же. Д. 390. Л. 12.

⁵² Там же. Д. 110. Л. 1-2.

⁵³ Там же. Д. 390. Л. 12.

⁵⁴ Лищенко В., прот. Митрополит Оренбургский и Бузулукский Леонтий. Биографическая справка //Край Оренбургский стопами православия. Оренбург, 2006. С. 56; ГБУ «ГАОО». Ф.617.Оп. 1. Д. 393. Л.14.

⁵⁵ ГБУ «ГАОО». Ф. 617. Оп. 1. Д. 150. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Д. 393. Л. 40.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В 60 – 80-Е ГГ. XX ВЕКА

Государственные органы в 60-е гг. XX века полностью регламентировали религиозную жизнь в стране. Особенно сильно от этого страдали священнослужители. Вся их деятельность находилась под контролем властей, которые имели в составе «двадцаток» и исполнительных органов общин своих информаторов. Поэтому большинству священников данного периода приходилось постоянно лавировать между требованиями властей и желаниями верующих, приспособляться к реалиям советской жизни и т.д. Только благодаря своим личным качествам, им удавалось сохранить приходы и продолжать нести слово Божье в народ. В этом нелегком деле силы им придавала лишь вера в Бога, его заступничество.

Несмотря на гонения со стороны властей на церковь в 60-е гг. состав духовенства на Южном Урале существенно омолодился. К религии пришли молодые люди, не испытавшие сталинских репрессий; они отличались более высокой общеобразовательной подготовкой, а многие имели к тому же и духовное образование¹. Так, в 1965 г. всего по Оренбургской области насчитывалось 30 зарегистрированных служителей культа, в том числе 19 священников, 8 дьяконов и 3 псаломщика. Из 27 священников и дьяконов почти половина имели возраст до 40 лет, причем 8 человек окончили духовные учебные заведения после 1945 г. По БАССР в 1967 г. также числилось 27 служителей культа, 10 из которых были младше 40 лет. В Курганской области в 1968 г. было зарегистрировано 12 священников, двое из которых были младше 40 лет, при этом 7 человек имели духовное образование². На 1 января 1989 г. в Оренбургской области из 41 зарегистрированного служителя культа – 24 были младше 40 лет; в БАССР из 31 – 13; в Курганской области из 19 – 10 соответственно³. Таким образом, к концу указанного периода очевидно прослеживается тенденция омоложения состава священнослужителей южноуральского региона.

Изменения возрастного состава служителей церкви М.Н. Федченко объясняет не только естественными причинами (вымирание духовенства старших возрастов), но и тем фактом, что государство примерно с начала 60-х гг. делало все возможное, чтобы сменяемость священников была как можно выше. Во-первых, власти не хотели, чтобы хорошие священники закреплялись на одном месте и завоевы-

вали авторитет среди верующих. Во-вторых, власти, искусственно создавая высокую сменяемость священнослужителей, ставили последних в невыносимые жилищно-бытовые условия⁴.

На постоянную нехватку кадров духовенства в БАССР постоянно жаловался архиепископ Иов. В личной беседе с уполномоченным Совета по делам религий в БАССР М. Ардувановым Иов упомянул даже о своем письменном обращении к патриарху Пимену с просьбой разрешения допустить в алтарь мужчин-двоеженцев, на что получил категоричный отказ. При этом Пимен добавил: «Церковь совсем обедняла, алтарника не можем найти. Вот до чего дожили»⁵.

Но все же, и в это трудное для Русской православной церкви (РПЦ) время было множество примеров преданного служения вере.

К старшему поколению священников, служивших в 1960-е гг. на территории Курганской области, принадлежал Петр Степанович Трофимов. В 1947 г. его назначили настоятелем Богородице-Казанской церкви села Чимеево Чашинского района, где он и служил до 88-летнего возраста. Он родился в 1886 г. в семье крестьянина. Окончил церковные службы в Екатеринбурге. Участвовал в первой мировой войне, дослужившись до звания унтер-офицера. С июля 1920 г. был назначен священником сельской приходской церкви на Южном Урале. В 1937 г. П.С. Трофимов был арестован по статье 58, пунктам 10-11 («контрреволюционная пропаганда») на 10 лет заключения в трудовых лагерях. В 1943 г. его освободили досрочно по болезни⁶. П.С. Трофимов пользовался уважением у жителей села Чимеево. Верующие говорили об отце Петре с восхищением, отмечали, что службу он вел умело, а кроме того, помогал сельсовету бороться с беспорядками на селе. В июне 1965 г. епископ Свердловский и Курганский Флавиан вручил П.С. Трофимову нагрудный крест за длительную и безупречную религиозную службу⁷.

Еще одним ярким примером служения церкви был митрополит Оренбургский и Бузулукский Леонтий (в миру Леонид Фаддеевич Бондарь). Он родился в 1913 г. в местечке Меркине Трокского уезда Виленской губернии в семье псаломщика. В 1935 г. он окончил Виленскую Духовную семинарию, а в 1939 г. богословский факультет Варшавского университета, получив степень магистра богословия. С 1963 г. он нес свое послушание в Оренбургской епархии. В 1971 г. Леонтий был возведен в сан архиепископа, в 1992 г. в сан митрополита. Многолетнее архипастырское служение митрополита Леонтия было отмечено высокими наградами РПЦ: в 1981 г. он был награжден орде-

ном преподобного Сергия Радонежского II степени, в 1983 г. – орденом святого равноапостольного князя Владимира II степени, в 1986 г. – орденом Преподобного Сергия Радонежского I степени. Это был человек, обладавший энциклопедическими знаниями, владевший семью языками, наизусть цитировавший Священное Писание. За свою долгую жизнь он собрал огромную библиотеку. Смысл своей жизни он видел в служении Богу и людям – простым прихожанам⁸.

Личность каждого конкретного священника также проявлялась и в их проповеднической деятельности. Так, все проповеди священника собора в г. Оренбурге Спицына М.И. носили религиозно-нравственный характер. В своей проповеди «Слово на Илию-пророка» Спицын пытался доказать, что надо надеяться только на бога, хотя он «не сразу отзывается на страдальческие вопли, беды, болезни, тревоги и испытания на земном пути, и если мы посмотрим внутрь себя и если положим на одну чашу весов свои страдания, а на другую – свои грехи, то, может быть, мы скажем самим себе, что за свои грехи, мы заслуживаем еще больших испытаний. Спасет и спасает человека только благодать божья, но только тогда, когда человек с верой обращается к богу. Вера имеет великую силу привлекать благословление божье. Пусть огонь этой святой веры и надежды будет движущей силой на всем нашем жизненном пути. Огонь этой живой веры и надежды и спасет нас», – делал вывод священник. Свои проповеди Спицын заканчивал призывом: «Принесем богу раскаяние в своих грехах, да не как-нибудь, а с сокрушенным сердцем. Слезы покаяния – это второе крещение»⁹.

Многие священники проявляли недовольство сложившейся ситуацией во взаимоотношениях между государством и церковью. Так, в беседе с уполномоченным дьякон собора в городе Оренбурге Виноградов В.С. заявил: «Надо снять, отменить порядок крещения, который установлен сейчас. Это снижает доходы церкви... Даже страшно вато, что дети остаются некрещеными. На предприятиях ведут антирелигиозную пропаганду, обсуждают тех, кто крестил своих детей, а свободы антирелигиозной пропаганды нет. Надо поставить церковь на свое место... надо использовать ее, отвести ей роль, которая сделала бы церковь полезной обществу: первая деталь – это мир; вторая деталь – участие церкви в строительстве общества. Мне нехорошо быть в опале у государства, у меня выход мысли в религии. Я хочу принести пользу государству через церковь, но я ничто. Но церковь сейчас находится в угнетенном состоянии, свободы в ее деятельности нет. Если

бы представили возможность церкви действовать на пользу государства – было бы хорошо»¹⁰.

Но иногда происходили факты посвящения в духовный сан людей случайных. Так, в декабре 1970 г. на имя уполномоченного Совета по делам религий по БАССР М. Ардуванова пришла анонимная записка от прихожан с. Ярославка Дуванского района следующего содержания: «Вынуждает писать нас жизнь скорбная. Прислали нам батюшку – пьяницу. Злится, кричит на всех в церкви, приход в упадке. Народ недоволен. Не умеет он с людьми обращаться, на кого рассердится, говорит «умрешь, отпевать не буду» и выгонит из церкви...». Стоит заметить, что пьянство священников в те годы было обычным делом¹¹.

Также имели место и случаи, когда священники по собственному желанию отказывались от сана. Так, С.А. Савка родился в 1938 г. в Белоруссии, в 1955 г. прибыл в Курганскую область на освоение целинных земель. Работал в колхозах и на заводах области. В 1975 г. уволился с завода Кургансельмаш по состоянию здоровья, а уже в 1976 г. был рукоположен в священники и в течение 2-х лет служил одновременно по совместительству в двух храмах. В итоге потеряв зрение, он отрекся от религии и церкви, заявив об этом в районной газете¹². Оренбургский священнослужитель И.П. Бородин, 1929 года рождения, имеющий 10 классов светского образования, закончивший духовную семинарию отрекся от сана в 1964 г. После отречения он закончил педагогический институт, часто выступал с убедительными атеистическими материалами, после окончания работал учителем, получая 100 руб. 02 коп, но открыто повсеместно заявлял, что испытывает затруднительное материальное положение. В свою очередь, священники, работавшие ранее с ним, открыто насмехались над ним при встрече, всячески уговаривали его вернуться в церковь, мотивируя это получением больших доходов¹³. В 1969 г. священник Медведев Павел Тихонович, 1932 года рождения, имеющий 10 классов светского образования и закончивший духовную семинарию отрекся от священничества, оставил службу и определился на работу на одно из предприятий в г. Бузулуке Оренбургской области электриком. Свой уход из церкви он объяснял следующими фактами: «Во-первых, у меня есть дети и их надо воспитывать не чертями, а советскими гражданами; во-вторых, у меня есть родственники, которые занимают важные посты, являются членами партии и на меня смотрят как на черта; в-третьих, я нашел подруку жизни, хорошую мать для моих детей».

По мнению, уполномоченного Совета по делам религий по Оренбургской области Г. Василенко еще несколько служителей православного культа хотели бы уйти со службы, но не делают этого только потому, что бояться потом не найти работу с такой ставкой¹⁴. Аналогичная ситуация складывалась и в БАССР. Некоторые молодые по возрасту священники, имеющие детей, задумываясь над будущим, высказывали намерение оставить службу в церкви. Но их страшило отсутствие рабочей специальности, поэтому они старались изыскивать такой способ оставления службы, который не исключал бы возможности, в случае неудачи на производстве вернуться вновь в церковь¹⁵.

Таким образом, к личности каждого отдельного священника нужно подходить индивидуально. Наряду с истинно верующими, безраздельно отдававшими свою жизнь служению Богу, принципиальными и честными священниками встречались и случайные люди, стремившиеся извлечь из своего положения хоть малейшую выгоду. Не стоит забывать и о том, что особенно тяжело было молодым священнослужителям, многие из которых не выдерживали постоянного ухудшения жилищно-бытовых условий, трудностей в получении их детьми образования и т.д.

Примечания:

¹ Федченко М.Н. Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). – Курган: Издательство Курганского государственного университета. – 2006. – С. 40.

² ГАКО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 60. Л. 77.; ЦДННАО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 33. Д. 128. Л. 5.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве Республики Башкортостан (РБ). Статистические сведения и переписка по ним за 1967 г. Л. 47.

³ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 105. Л. 136.; ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 617. Оп. 1. Д. 449. Л. 5.; Текущий архив Совета по делам религий при правительстве РБ. Статистические сведения и переписка по ним за 1989 г. Л. 178.

⁴ Федченко М.Н. Там же. – С. 41.

⁵ Текущий архив Совета по делам религий при правительстве РБ. Статистические сведения и переписка по ним за 1970 г. Л. 5.

⁶ Федченко М.Н. Там же. – С. 42 – 43.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 11. Л. 159.

⁸ Край Оренбургский. Стопами православия. - Оренбург: Издательство «Орлит-А», 2006. С. 52 – 56.

⁹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 38. Д. 67. Л. 14 – 15.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Текущий архив Совета по делам религий при правительстве РБ. Статистические сведения и переписка по ним за 1970 г. Л. 17.

¹² Федченко М.Н. Там же. – С. 55 – 56.

¹³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 33. Д. 128. Л. 15.

¹⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 40 Д. 58. Л. 21.

¹⁵ Текущий архив Совета по делам религий при правительстве РБ. Статистические сведения и переписка по ним за 1978 г. Л.12.

Моргунов К. А. (Оренбург)

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ*

В конце 50-х – начале 60-х годов советским руководством был принят курс на окончательное вытеснение религии из общественной жизни. Во многом это было обусловлено декларированием идеи строительства в ближайшем будущем коммунистического общества. При этом религия рассматривалась как угроза выбранному идеологическому курсу. Был установлен жесткий контроль за деятельностью религиозных организаций. Основным методом борьбы в эти годы стало закрытие под любым предлогом религиозных приходов.

Усилилось давление на религиозные организации, связанное с требованием перечисления денежных средств в «Фонд мира». Началась масштабная кампания по ликвидации паломничества к «святым местам», ограничены возможности приобретения религиозными организациями имущества. Все эти мероприятия сопровождалось усилением научно-атеистической пропаганды. В результате только за три года, с 1 января 1960 по 1 декабря 1962 г. в целом по СССР прекратили деятельность 4241 церквей и молитвенных домов (32,6 % от общего количества), численность монастырей сократилась с 44 до 19 (в частности закрыта Киево-Печерская лавра), были ликвидированы три духовные семинарии (Киевская, Саратовская, Ставропольская) и в двух семинариях остались только старшие классы (Минская, Луцкая)¹.

В результате проведения кампании в Оренбургской области прекратили свою деятельность 8 из 23 православных церквей, официально зарегистрированных на территории Оренбургской области к 1959 году.

Антирелигиозная кампания пошла на спад только после смещения Н.С. Хрущева. 27 января 1965 г. Президиум Верховного Совета

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения законности в отношении верующих».

Несмотря на широкие масштабы антирелигиозной пропаганды, верующие продолжали исполнять религиозные обряды, посещать легально действующие церкви и молитвенные дома, венчаться, крестить детей, отпевать умерших.

В 1966 г. в девяти районах Оренбургской области действовало уже только 13 православных церквей и молитвенных домов: в Абдулинском, Акбулакском, Бугурусланском, Бузулукском, Новосергиевском, Оренбургском, Соль-Илецком и две в Сорочинском районах, а также в городах Оренбурге, Орске и Медногорске.

На протяжении всего 1966 г. в православных церквях было совершено крещение 6638 человек, что ставило 17,8 % к числу родившихся в этом году (в 1965 г. этот показатель составлял 16,5 %). В некоторых районах области отмечался значительный рост количества крещений. Так, в Новосергиевском районе в 1966 г. были окрещены 21 % родившихся детей (в 1965 г. этот показатель составлял 14%). В Переволоцком районе, несмотря на отсутствие церкви, было крещено 14 % родившихся детей. В течение года было совершено 559 церковных венчаний, что составило 3,2 % к числу зарегистрированных браков (в 1965 г. – 339, соответственно 2,3 %).

Также стало больше в 1966 г. и похорон по церковному обычаю – 932 отпевания или 6,3 % от общей численности умерших в области (в 1965 г. – 5,0%). Большое распространение получило заочное отпевание. Таких обрядов было совершено в 1966 г. – 10405².

Динамику совершения религиозных обрядов в 1960-е годы можно проиллюстрировать на примере Всесвятской церкви г.Бузулука (см. таблицу 1).

Таблица 1. Религиозная обрядность в Всесвятской церкви г.Бузулука (1962-1969 гг.)

Обряд	1962 г.	1963 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.
крещение	1822	1350	956	835	939	749	425
отпевание	1938	1660	1681	1735	1943	1810	1222
соборование	84	32	13	6	88	67	48
венчание	266	134	74	70	99	68	39
молебня	1757	1364	2306	2471	2513	3014	1977
заказная обедня	13422	12341	15552	16594	20808	25560	21958
сорокоусты	1920	1738	2508	3197	4029	4906	4228

Приведенные данные свидетельствуют о существенном сокращении численности крещений (с 1962 по 1969 гг. – более чем в 4 раза) и венчаний (почти в 7 раз). Бесспорно, атеистическая пропаганда, направленная в первую очередь на молодежь, давала свои результаты. В то же время пожилые люди крепче держались своих религиозных традиций. Так, в период с 1962 по 1969 годы количество отпеваний в Всесвятской церкви г.Бузулука сократилось всего с 1938 до 1222. В то же время отмечается определенный рост таких обрядов, как заказная обедня (рост более чем на 8,5 тыс.), сорокоуст (рост более чем в 2 раза) и молебен.

В 1969 г. в религиозной общине Всесвятской церкви г.Бузулука обострилась борьба двух групп верующих и священнослужителей. По этой причине церковь закрывалась и не работала три месяца. Из за скандала между членами двадцатки дважды переизбирался ее состав. В мае 1969 г. епископом Леонтием священники этой церкви П.Н. Сычев, А.С. Захаров и П.Н. Дешовых были отстранены. Вместо них назначены новые служители: С.Н. Митрофанов (1926 г.р., окончил духовную академию) и С.А. Кошуба (1942 г.р., окончил духовную семинарию, заочно учится в духовной академии)³.

В Бузулукском районе действующих церквей не было. Совершение обрядов верующие вынуждены были совершать в ближайшей церкви, действующей в г.Бузулуке. Так, только за 1969 г. там было крещено 213 жителей района (в 1965 – 342 чел.).

В 1969 г. в Воскресенской церкви г.Абдулино было крещено 275 детей. Всего же в этом году в Абдулинском районе родилось 472 ребенка. Поженились в этом же году 251 пара, из них венчались только 25 пар (10 %). В Матвеевском районе родилось 357 детей, из них в Абдулинской церкви были крещены 52 ребенка.

Динамика крещений в Успенской церкви г.Бугуруслана жителей этого города выглядела следующим образом: 1962 г. – 364 чел., 1963 г. – 287 чел., 1964 г. – 161 чел., 1965 г. – 136 чел., 1966 г. – 133 чел., 1967 г. – 129 чел., 1968 г. – 161 чел., 1969 г. – 201 чел. Среди крещенных по г.Бугуруслану в 1969 г. 71 человек были в возрасте от года до 18 лет. Остальные 130 – новорожденные. Всего же в этом году в Бугуруслане был зарегистрирован 601 новорожденный ребенок. Кроме того, значительное число крещений приходилось на жителей ближних районов. Так, в 1969 г. в Успенской церкви всего было крещено 1403 ребенка, в том числе 373 – из Бугурусланского района, 163 – из Северного района, 140 – из других городов и районов области, 353 – из Куйбышевской области и еще 173 – из других регионов.

В 1968 г. в Бугурусланской церкви обвенчались 108 пар. В 1969 г. – 129 пар. При этом только 13 пар в каждом из этих годов были из самого Бугуруслана, а остальные из близлежащих территорий. Всего же в 1969 г. в этой церкви было зарегистрировано 463 брака.

В это время в Бугурусланской Успенской церкви служили два священника – Мастеров Петр (1935 г.р., окончил духовную семинарию, работал в церкви с 1958 г., в Бугуруслане – с 1968 г.) и Дешевых Павел (1896 г.р., по образованию агроном, работал в церкви с 1957 г., а в Бугуруслане – с 1969 г.). Дьяконом был Илья Коркин (1898 г.р., имел неполное среднее образование, в церкви работал с 1937 г., в г. Бугуруслане – с 1947 г.). При церкви был создан хор (20 человек)⁴.

Нередко своих детей крестили и члены партии. Так, в 1966 г. 15 коммунистов из Бузулукского района крестили своих детей. Также крестил своих детей председатель сельсовета из Оренбургского района И.К. Логутов.

Всего же по всем православными организациям, зарегистрированными в Оренбургской области, в 1969 г. было проведено в общей сложности 6116 обрядов крещения, 452 венчания, 888 очных отпеваний и 12345 заочных отпеваний⁵.

О том насколько живучи традиции и о том, насколько они сильны в критических ситуациях свидетельствует следующий факт. В 1967 г. выдалось засушливое лето. В отдельных населенных пунктах Оренбургской области стали стихийно возникать религиозные шествия и моления о дожде. Так 21 мая в с. Октябрьское Северного района зафиксирован факт проведения религиозного шествия, в котором приняло участие более 50 человек. Религиозные моления о дожде устраивались и в других селах области.

Еще одно из направлений деятельности религиозных организаций, которое находилось под постоянным контролем со стороны органов власти. Было связано с поступлением и расходованием денежных средств. Со всех официально зарегистрированных религиозных организаций ежегодно собирались сведения о поступлении и расходовании денежных средств. При этом можно отметить неуклонный рост доходов православных религиозных обществ в этот период: в 1963 г. – 793 тыс. руб., 1964 г. – 806 тыс. руб., 1965 г. – 892 тыс. руб., 1966 г. – 974,5 тыс. рублей. В 1969 г. общий доход религиозных организаций Русской православной церкви составил 1256 тыс. 600 рублей. В фонд мира было направлено 195 тыс. 400 руб.

Поступающие, в том числе и за совершение обрядов, средства позволили в 1966 г. осуществить позолоту иконостаса в Оренбургском соборе (разрешение испрашивалось только на покраску иконостаса и поэтому горисполком расценил этот факт как обман). То же самое удалось сделать и в Сорочинской церкви.

В Фонд мира религиозные организации внесли в 1966 г. 138,3 тыс. руб., а вместе с епархиальным управлением – 153,5 тыс. рублей. В религиозный центр православными религиозными организациями области было перечислено еще 98,6 тыс. рублей.

Нагрузка на священников действующих церквей и молитвенных домов была довольно большая. Так, в 1966 г. исполнительный орган Бузулукской церкви ходатайствовал перед епископом о выделении ставки третьего священника, так как имеющиеся два уже не справлялись с имеющимся объемом работы. В этот период существовала большая проблема с грамотными и профессионально подготовленными кадрами священнослужителей. Из 13 православных религиозных обществ области в 5 сельских церквях проповеди совершенно не читались. В остальных церквях священники опирались в своих проповедях на тексты, опубликованные в «Журнале московской патриархии». В кафедральном соборе г.Оренбурга проповеди читал только сам епископ Леонтий.

Исполнительные органы православных религиозных организаций состояли в основной своей массе из людей пожилых. В «двадцатках» всех религиозных обществ области состояло 395 человек. Из этого числа большинство пенсионеры – 199 чел. (50%). 61 чел. – работали непосредственно в религиозных организациях (16%). В соборе г.Оренбурга таких членов «двадцатки» числилось 15 человек. Из них старше 50 лет были 91 % от общего числа членов исполнительного органа церкви.

Членами исполнительных органов и ревизионных комиссий в религиозных обществах состояли 106 чел., из них 47% пенсионеров, рабочих и колхозников – 13%, 72 человека из них, или 77 % это люди старше 60 лет. Моложе 50 лет насчитывается только 6 % от общего состава.

Стремясь заполнить образовавшуюся в результате запретительных мероприятий пустоту в комплексе общественных отношений, органы власти вновь обратились к расширению применения новой советской обрядности. 18 февраля 1964 года Советом Министров РСФСР было принято Постановление «О внедрении в быт советских

людей новых гражданских обрядов». В области начал свою работу Координационный совет по контролю за выполнением законодательства о культурах и новым безрелигиозным обрядам. В дни религиозных праздников местными органами власти и комсомольскими организациями организовывались свои торжественные мероприятия. Работу по атеистическому воспитанию проводили органы народного образования, культуры, организации общества «Знание». В ряде учреждений культуры и школах созданы «Уголки атеиста», проводились тематические вечера, устные журналы и другие мероприятия. Только в 1973 г. в клубах и домах культуры области прочитано около 10 тыс. лекций и докладов на научно-атеистические темы.

Широкое распространение получили такие новые обряды, как чествование трудовых династий, посвящение в рабочие, вручение именного инструмента, торжественные проводы юношей в армию, традиционными стали праздники совершеннолетия, праздники улиц, дворов, дни предприятий, праздники встречи Нового года, проводов русской зимы, праздники урожая и др. Повсеместное распространение получил обычай торжественного вручения первого паспорта. Большое распространение получили ритуалы торжественной регистрации браков и новорожденных.

Регистрация в торжественной обстановке новорожденных детей в 1973 г. составила 30,2 %, в то время как в 1963 г. этот показатель составлял всего 2,6 %. Крещение же в церквях новорожденных за это же десятилетие снизилось с 18,8 % до 14,7% к общему числу новорожденных. Торжественная регистрация браков возросла с 12 % в 1963 г. до 70 % в 1973 г. Венчание в церквях соответственно уменьшилось с 3 % до 2,1 % к общему числу браков.

В 1973 г. в городах Абдулино, Сорочинске, Бузулуке и районах Абдулинском, Бузулукском, Бугурусланском, Соль-Илецком – окрещено от 25 до 37 % новорожденных.

16 июля 1971 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об улучшении атеистического воспитания населения». Правда в Оренбургской области мероприятия по выполнению данного постановления были разработаны и доведены до районных и городских советов только в январе 1974 г.⁶.

Религиозная обрядность в 1970-е – первой половине 1980-х годов имела устойчивую тенденцию к сокращению. Так, в 1975 г. было крещено 13,9 % новорожденных, венчались в церкви только 1,5 % молодоженов, очное отпевание усопших составляло 5,1 % от общего

количества умерших. К 1977 г. эти показатели религиозной обрядности выглядели уже следующим образом: 11,8 % крещений, 0,9 % - венчаний и 4,3 % очных отпеваний⁷.

В 1979 г. в церквях области было крещено 4393 детей, что составило 11,8 % от новорожденных. Так же крещено было 329 школьников. Венчались в церкви 199 пар молодоженов.

К концу 1980 г. в Оренбургской области действовало 35 зарегистрированных религиозных объединений, в том числе: 9 православных церквей, 4 православных молитвенных дома.

Тенденция сокращения религиозной обрядности в православных церквях продолжилась и в последующие годы. В 1980 г. всего по области было зарегистрировано 37 838 рождений, из них в церкви было окрещено 4101 (10,8 %) детей. Кроме того крещено было 274 ребенка школьного возраста. Наибольшее количество крещений наблюдалось в городах Бузулуке (45,1 %), Сорочинске (39,4 %), Медногорске (24,4 %), Бузулукском, Бугурусланском, Сорочинском, Курманаевском районах (от 25 до 41 % от общего числа родившихся). Из 24 268 браков, заключенных в 1980 г., обряд венчания в церкви совершили только 193 пары. Умерло в 1980 г. 20 971 человек, из них отпето очно было 711 человек, заочно – 12 108 умерших.

Вплоть до начала «Перестройки» эти показатели находились примерно на одном уровне. В 1981 г. обряд крещения составил 11,8 % к числу родившихся детей (4635 чел.). Из них – 274 школьника. Обрядов венчания в 1981 г. было совершено 213. Заочно отпето было 12839 умерших. Очное отпевание составляло порядка 3-4 % к числу умерших.

В 1982 г. во всех 12 православных церквях и молитвенных домах области было совершено 4925 обрядов крещения, 262 венчания и 14047 отпеваний. Этот показатель являлся достаточно стабильным. Ежегодно в области крестился каждый 7-8 родившийся ребенок и отпевание проводилось по каждому второму умершему.

В 1985 г. были крещены 9,5 % родившихся детей, а в 1986 г. – 8,8%.

В отдельных территориях процент обрядности был гораздо выше средних показателей. Например, в 1982 г. показатели крещения в г.Бузулуке составили 43,1 %, в г.Сорочинске – 36,2 %, в г.Медногорске – 26,8 %, в Бузулукском районе – 37,4%, в Бугурусланском – 25,3 %, в Сорочинском – 25,2 %. Даже в некоторых из тех районов, где не было действующих православных церквей процент крещения был достаточ-

но высоким, например, в Курманаевском районе – 15,3 %, в Северном – 15,2 %, Кувандыкском – 15,0 %, в Тоцком – 13,2 %⁸.

Нарушение законодательства о культах на местах по-прежнему было повседневным явлением. Местные органы по-своему трактовали действующее законодательство. Так, например, в 1982 г. в городах Абдулино, Бузулук, Бугуруслан, Новотроицк и в Бугурусланском районе и многих других территориях местные органы требовали от исполнительных органов православных обществ предоставление полных списков лиц, совершавших церковные обряды. Впоследствии с этими лицами проводилась разъяснительно-воспитательная работа, принимались меры общественного воздействия, принимались меры по месту работы⁹. В местных СМИ частым явлением было публикация материалов, откровенно оскорбляющих религиозные чувства верующих. Так, в газете «Южный Урал» от 5 декабря 1982 г. религия объявлялась «...белибердой, выдуманной религиозными мракобесами». В районной газете «Призыв» от 16 апреля 1983 г. религия характеризуется как «...мощный и всепоглощающий спрут, который и в наши дни ослабевшими щупальцами пытается тянуться к душам людей». Факты, связанные с проявлениями религиозности граждан, зачастую приводились тенденциозно и без должной проверки. Например, из газеты «Вперед к коммунизму» за 16 июня 1983 г. читатели могли узнать, что в Оренбургской области известны случаи, когда верующие, находясь под действием религиозного гипноза, сжигали собственных детей и самих себя. Газета «Комсомольское племя» 26 января 1982 г. конкретно указывала на служителя культа – отца Григория, который якобы является реальными противниками советского образа жизни и, в частности, комсомольских активистов. Газета «Южный Урал», в номере от 5 декабря 1982 г. утверждала о наличии в СССР учета верующих.

Несколько возросли в этот период ежегодные доходы религиозных объединений. Совокупный доход всех православных церквей и молитвенных домов Оренбургской области составил в 1979 г. 2 млн. 21 тыс. 300 рублей. В 1980 г. этот показатель равнялся 2 млн. 133 тыс. 500 рублей, в 1981 г. – 2124,8 тыс. руб., в 1982 г. – 2086,7 тыс. руб. В основном это были доходы от продажи свечей, исполнения обрядов, предметов культа, религиозной литературы.

В фонд мира и общества охраны памятников истории и культуры в 1980 г. от епархиального управления было внесено 120 тыс. рублей¹⁰.

Начиная с 1987 г. начинается заметный рост религиозной обрядности. В этом году было крещено 15,6 % новорожденных. В 1988 г. – уже около 25-30 % к общему числу родившихся детей. Районами повышенной религиозности в этот период являлись опять же города Бузулук, Сорочинск и Бугуруслан, где крестилось от 30 до 78 % родившихся детей. В 1988 г. более 50 % умерших в области заочно отпевались в церкви.

В конце 1992 г. в области насчитывалось уже 64 религиозные организации РПЦ. Соответственно значительно увеличилось и количество проводимых церковных обрядов. Обряд венчания в 1992 г. совершили 3,1 тыс. человек (в 1991 г. – 2,5 тыс. чел.). Очных и заочных отпеваний в 1991 г. было около 17 тыс. В 1992 г. – несколько меньше – 15660. В 1991 г. в области крестилось 38051 человек (124,1 % к числу родившихся). В 1992 г. крещено было 35110 человек (115,3 % к числу родившихся детей). Эти данные свидетельствуют о том, что в это время крестились очень многие взрослые.

Но, несмотря на рост численности православных религиозных объединений, по-прежнему остро стояла проблема с кадрами священнослужителей. Так, в 1992 г. в 34 из 64 приходов не было постоянных священников.

В настоящее время основным источником информации об уровне религиозности населения являются данные социологических исследований. Однако, как нам представляется, гораздо более точными с точки зрения выявления степени религиозности населения являются именно данные о совершаемых религиозных обрядах, а также о численности верующих, посещающих храмы в дни религиозных праздников и в будние дни. Приведенные данные наглядно демонстрируют динамику религиозности населения Оренбургской области в 1960-е – начале 1990 годов.

Примечания:

¹ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Дело б/н. «Переписка за 1962 г.». Л.2-3.

² Там же. 1967 г. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религий и др. организациями. Информационный отчет уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по Оренбургской области за 1966 год. Л.8-10.

³ Там же. Дело за 1970 г. Секретная переписка с Советом по делам религий. Л.154.

⁴ Там же. Дело за 1970 г. Л.132.

⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 269. Л. 27.

⁶ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1974 г. Д. б/н. О работе исполкомов местных Советов Орен-

бургской области по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах. Л. б/н.

⁷ Там же. 1977 г. Д. б/н. Постановление областного Координационного Совета по контролю за выполнением законодательства о религиозных культурах и новым обрядам «О работе комиссий содействия за выполнением законодательства о культурах в 1976 г.». Л. б/н.

⁸ Там же. 1983 г. Д. б/н. Справка о состоянии религиозной обстановки в Оренбургской области и задачах по улучшению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах (по итогам 1982 г. и 9 месяцев 1983 г.). Л.2-4.

⁹ Там же. 1983 г. Д. б/н. Докладная записка «О результатах командировки в Оренбургскую область» старшего инспектора Совета М.И. Одинцова. Л. 5.

¹⁰ Там же. 1981 г. Д. б/н. Справка о состоянии религиозной обстановки в Оренбургской области и задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах (по итогам 1980 г.) в духе современных требований коммунистической партии и Советского государства. Л.5-6.

Стибнева О. Н. (Оренбург)

**«РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ БУКВАРЬ»
ДЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Ценным источником для изучения процесса обучения, духовно-нравственного воспитания и организации учебно-просветительной работы в церковно-приходских школах Оренбургской епархии является «Русско-славянский букварь» Т.Г. Лубенца (5- издание).

Букварь сохранился в документах архивного фонда Оренбургской духовной консистории в «Деле по обвинению священника села Михайловского (Шарлык) П. Ильинского в недобросовестном отношении к школьному делу» за 17 февраля 1898 – 4 августа 1900 годы. В описи № 3 обозначен только заголовок, без пометок или записи о содержании букваря.

В архивном материале содержится донесение бывшего штатного дьякона села Шарлык Иоанна Докукина Его Преосвященству, «что с самого приезда его в село местный священник Павел Ильинский, объявив неудовольствие свое по поводу этого приезда, стал всячески принимать меры к уничтожению в своем приходе штатной дьяконской вакансии»¹.

Согласно документам, священника П. Ильинского обвиняли в умышленном притеснении дьякона. Например, кроме учительских

занятий в церковно-приходской школе, в обязанности И. Докукина входило ведение метрических книг и «неопустительное ежедневное служение в церкви утрени и литургии»².

Заведующий местными школами П. Ильинский недобросовестно относился к организации учебного процесса. В документе сказано: «1) с сентября по 1 ноября школа грамоты лишена всякой возможности к выполнению требуемых условий, как то: при начатии занятий с 15 сентября при 65 и более учащихся, было только три парты, поэтому ученики должны были или сидеть на полу или стоять; 2) не принимались меры к своевременному заготовлению учебников, пособий и разных принадлежностей для школы; на 35 учеников младшего отделения было только 15 учебников; 3) снял для школы совсем негодное помещение как по ветхости, так и по расположению комнат. Главное неудобство заключалось в том, что за перегородкой идут всевозможные шумные и соблазнительные для учащихся разговоры и увеселения, сопровождающиеся музыкой, пляской, криком, шумом и безобразной выпивкой»³.

На прошении И. Докукина от 16 февраля 1898 года за № 955 читаем резолюцию Преосвященного Владимира, епископа Оренбургского и Уральского: «В консисторию. Трудно было бы поверить, если бы не подтверждение земского начальника. Бедные дети, несчастно церковно-просветительское дело, когда волки-корыстолюбцы, прикрываясь громкими фразами, губят ниву Божию. Поручаю соседнему о. Благочинному проверить на месте правдивость жалобы о. дьякона Докукина и донести мне без замедления»⁴.

Кроме того, оренбургский уездный наблюдатель церковных школ священник Михаил Филологов после распоряжения Его Преосвященства рекомендовал ему для Шарлыкской второклассной школы священника Кумакской станицы Виталия Лепоринского.

По указанному факту проводилась тщательная проверка. В протоколе заседания Оренбургской духовной консистории от 17 сентября 1899 года записано: «... прочие недостатки в школе происходили только отчасти по вине священника Ильинского, а потому, принимая во внимание, что в настоящее время священник Ильинский переведен в другой приход, помещение для школы построено новое, Консистория полагала бы: настоящее дело дальнейшим производством прекратить, внушив священнику Ильинскому впредь относиться к школьному делу с полным тщанием и любовью, по примеру Спасителя, особенно любившего детей, и взыскав с него, Ильинского, в пользу

Благочинного Граммакова следственные издержки в сумме 12 рублей 60 копеек»⁵.

В протоколе дознания, составленного священником Граммаковым, приводятся следующие сведения: «При осмотре школьного помещения, я попросил учеников младшего отделения показать учебники, тетради и другие принадлежности, и они достали новенькие буквари Лубенца, которые были выданы им в январе 1898 года». До этого, по словам священника «большая часть из них была разодрана и растеряна»⁶.

Только благодаря архивным материалам, засвидетельствовавшим спор между священнослужителями села Шарлык Оренбургской губернии в 1898 году, сегодня мы имеем возможность познакомиться с дошедшим до нас в ветхом состоянии «Русско-славянским букварем» Т.Г. Лубенца (5-е издание).

Тимофей Григорьевич Лубенец (1855-1936) – украинский педагог и деятель народного образования. После окончания Черниговской земской учительской семинарии в 1873 году работал народным учителем. В 1889-1913 годах инспектор, затем директор народных училищ Киевского учебного округа.

Букварь издан типографским способом, объем составляет 40 страниц и 12 страниц приложений. На бледно-розовой обложке учебного издания указано: «Определением Училищного Совета при Св. Синоде от 10/12 мая 1888 года № 59, утвержд. Г. Обер-Прокурором Св. Синода, допущен к употреблению в качестве учебника в тех церковно-приходских школах, в коих русская грамота преподается прежде славянской».

Первая страница учебника представлена иллюстрацией «Благословение детей», на которой изображен Христос, дающий благословение детям на учение. Далее в букваре полностью отсутствуют первые пять страниц. На странице № 6 сохранилась только часть текста с различными вариантами написания слова «О С А». На следующей странице читаем: «СО-ЛО-МА. СА-МО-ВА-РЫ». В строчку более мелким шрифтом записаны слова: «Солома. Ворона. Зараза. Засуха. Хорошо. Солоно. Сурово. Олово. Узоры. Вороны. Шалуны. Морозы. Волосы. Самовары. Мухоморы», а также приведены следующие предложения: «У Романа рана. Мама вымыла рану, вынула занозу, а Маша рану замазала. Роману хорошо»⁷.

Указанные слова и предложения, предназначенные для обучения школьников письму, позволяют современникам детально проана-

лизировать языковые и словарные изменения в русской речи на протяжении нескольких столетий.

Хочется отметить, что автор учебника Тимофей Григорьевич Лубенец, являлся последователем известного русского педагога К.Д. Ушинского. Он считал, что начинать обучение грамоте надо не с чтения, а с письма. Метод письма-чтения был наиболее распространен в русских школах на рубеже XIX-XX веков. Обучение начиналось с занятий, подготавливающих к изучению букв. Подобные занятия были устными и письменными. Предварительные устные звуковые упражнения имели целью научить раскладывать слова на слоги, а слоги на звуки, и обратно – сливать звуки в слоги, а слоги в слова.

Алфавит букваря содержит 36 букв: 12 гласных, 21 согласных и 3 полугласные (й, ъ, ь)⁸. Далее учащиеся должны были учиться составлять ударения в словах, знакомились со знаками препинания: запятая, точка с запятой, двоеточие, точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, тире, кавычки, скобки.

Букварь 1888 года предназначался не только для обучения грамотности, но и отражал многие стороны духовной жизни русского народа. Для составления букваря Т.Г. Лубенец использовал поучительные русские пословицы и поговорки. Например, *«Где есть добрые люди, там и правда будет. А где кривда будет, там добра не будет»*⁹.

*«Петр Петров, по прозванью Перов, поймал птицу, пугалицу; понес по рынку, просил полтинку, подали пятак, он и продал так»*¹⁰.

Далее следуют статьи для чтения. Наряду с «Краткими нравочениями», «Заповедями (из Жития Святого), «П о у ч е н и я м и», размещенных на страницах учебника в данном разделе букваря содержатся отрывки из были «Бедная птичка» Г.А. Державина, стихотворения «Метель» А.С. Пушкина, сказки «Мальчик с пальчик» В.А. Жуковского, отрывки из произведений «Пожар у Овсянникова» И.С. Тургенева и «После дождя» А.Н. Толстого, басни «Чиж и голубь» И.А. Крылова и другие рассказы, гимны, песни.

Познакомимся с анекдотом «Царский внук».

«Император Николай Павлович посетил Дворянский полк. На фланге стоял кадет головой выше государя. Государь обратил на него внимание.

- *Как твоя фамилия? – спросил он.*
- *Романов, Ваше Величество.*
- *Ты родственник мне? – пошутил государь.*
- *Точно так, Ваше Величество, – отвечал без запинки молодец-*

кадет.

- А в какой степени? – спросил государь, пристально посмотрев на кадета.

- Ваше Величество – отец России, а я сын ея, - отвечал находчивый кадет.

И государь изволил милостиво расцеловать своего находчивого внука»¹¹.

Большой интерес представляет рассказ (рассуждение) «За что я люблю свою мать», который с ранних лет вызывает у учащихся любовь и уважение к своей матери, показывает трудности крестьянской жизни. Читаем: *«Когда я был еще маленьким, мама меня кормила. Как только я, бывало, заболел, то плачу ночью и не даю матери спать. Мать меня постоянно нянчила и забавляла. В летние жары, когда созревали хлеба, носила она меня и мою люльку в поле, как ей там ни тяжело было. Маленьким не мог я ни ходить, ни стоять, не мог сам для себя ничего сделать и непременно умер бы, если бы мать не заботилась обо мне.*

Побьет ли, бывало, меня кто из моих товарищей на улице, сам ли я ушибусь и плачу, то скорей бегу к матери: мать меня утешит и успокоит. Или приснится мне ночью что-нибудь страшное, я пробужусь, испугаюсь и громко заплачу: мать перекрестит меня, погладит по головке и скажет: «Спи, я здесь!», и я успокоюсь.

Мать моет меня, чешет, учит молиться Богу. Мать стряпает, прядет лен, коноплю, шьет рубахи и моет их. Встает она раньше всех и ложится спать позже всех. За все это я люблю свою маму»¹².

Украинский методист Т.Г. Лубенец в «Русско-славянском букваре» (1888 г.) также помещает раздел «Церковно-славянская азбука», в котором печатает алфавит из 29 букв, «сходных по начертанию с русскими» с изображением Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Этот раздел продолжается славянскими титл-словосокращениями, поучительными изречениями из Священного Писания.

Публикация на страницах букваря текстов религиозных канон и примеров служит духовно-нравственному воспитанию начинающему обучаться чтению, автор знакомит школьников с заповедями и краткими православными молитвами.

В приложениях даны различные комбинации линий, письменных элементов букв, цифр и рукописный алфавит.

Таким образом, букварь, утвержденный к изданию в год торжества 900-летия крещения Руси и периода усиления преподава-

ния Закона Божия (1830 - 1917 года) отвечал не только государственным потребностям, но и являлся основой духовно-нравственного воспитания многих поколений.

Примечания:

¹ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5422. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ Там же Л. 48 об.

⁴ Там же Л. 5.

⁵ Там же. Л. 50 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 27, 31.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же с. 9

⁹ Там же с. 25

¹⁰ Там же с. 20

¹¹ Там же с. 23

¹² Там же с. 24

Моисеева С. А. (Магнитогорск)

**ОСЕННИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ СЁЛ
БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИЙ ЛАБОРАТОРИИ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГУ)**

Значительным влиянием молодежной культуры в местной традиции отмечены следующие осенние даты календаря: Иван Постный – 29.08 (11.09); Семенов день – 01.09 (14.09); Покров – 01.10 (14.10); Кузьма и Демьян – 01.11 (14.11); Михайлов день – 08.11 (21.11).

Семенов день открывает сезон осенних посиделок молодежи. Далее развитие любовно-брачные мотивы получают в обычаях Дня Кузьмы и Демьяна. В Ломовке и Тирляне этот день называли Кузьминки. «Кузьминки отмечались 1 ноября – это у нас был девичий праздник. Девки наряжались, приходили парни с гармошкой» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)¹. «На Кузьму-Демьяна квас делали, квасом этим угощали. У меня отец рассказывал: девки пироги пекут, на печь ставят, а мы лазим. Кузьму называли девичьим праздником» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)². «Мать рассказывала, что они собирали вечера на Кузьму и Демьяна. Собирались обязательно в бане.

Квасу наворюют и вот так приговаривают: «Кузьма-Демьян, Кузьма-Демьян впереди-впереди». Молодежь собирали и пекли курник, пирог с мясом. Это еще матери наши были» (Благова А.А., 1915 г.р., Тирлян)³. В Узяне этот день известен как «Кузьмишши». «На Кузьмишши девчата постряпають. Артелью собирались. Квас варили. Пирог пекли, делали пельмени. Кто че. Пели, плясали» (Савельева А.П., 1930 г.р., Узян)⁴. В Каге, Верхнем и Нижнем Авзяне праздник Кузьмы и Демьяна называют Кузьмишки. «На Кузьмишки раньше девки складывались и делали пельмени, ребят приглашали. Пели, играли» (Артемьева А.В., 1920 г.р.)⁵. «К Кузьмишкам скотину начинали забивать. Складчины были обязательно – девки пельмени делали: кто мясо принесет, кто мучки» (Бармина К.А., 1934 г.р.)⁶. В Тирляне «на Кузьму пели про кузницу: Во кузнице молодые кузнецы, 2 р.// А дальше мама у нас пела, с картинками:

Проел Дуне сарафан, сарафан,
Над самой над «дырой».

Эту песню на Кузьму пели, 14 ноября, на Кузьму-сопливого» (Сорокина В.М., 1912 г.р., Тирлян)⁷. В тексте песни отражены два мотива, один из которых связан с мифологическими представлениями о кузнецах, кующих свадебку, финал песни связан с эротической темой, символизирующей брачный возраст девушки, готовой, «созревшей» к сексуальным отношениям. В казачьих селах южноуральского региона эта песня исполнялась после брачной ночи на второй день свадьбы. ««Во кузнице» всю жизнь поют. Особенно много пели на блинах. Встают женщины на лавочки и поют, прихлопывают. «Во кузнице»-та на блинах потому и поют, раз «дыру» ломают» (Долганова А.П., 1920 г.р., Кизильский р-он)⁸.

Следующий праздник, который был отмечен молодежным влиянием, - это Михайлов день. «Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под особки свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы приготовить курники, пироги с мясом. Рассаживались по лавкам, вышивали и пели песни. Позже приходили парни и тоже садились на лавки» (Щельгина М.Ф., 1903 г.р., Ломовка)⁹. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели. Плясали под гармошку. Частушки пели, песни про любовь обманную пели, ну и другие» (Штырляева А.А., 1924 г.р., Ломовка)¹⁰. «Михайлов день 8 ноября. Девушки тоже «ссыпались», собирались все вместе. На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели,

плясали. В этот день было много «глядельщиков» – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили. Потом молодежь оставалась ночевать» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)¹¹. Как видим, калинники, первые пельмени, пироги с мясом (курники) проходят как ритуальное угощение в кругу молодежи.

В исследуемой локальной зоне было зафиксировано несколько терминов, обозначающих осенние молодежные посиделки. «Ходили в посиденку», «обязательно засиживаемся на посиденках», «посиделки у нас были». Посиделка/посиденка, таким образом, общепринятый, известный информантам всех исследуемых сел термин, получивший название по главному занятию собравшихся. «Девками по вечерам мы ходили посидеть за маргалушкой ко всем подружкам по очереди» (Логонова А.В., 1929 г.р., Кага)¹².

Наряду с термином «посиделка» в отдельных селах региона бытовал термин «особка». «Посиделки были, особой избу называли. Так и говорили: «Пойдем в особку». Особа – дом, где одиночка есть, ей на салазках дров привезут, затопят и сидят там прядут» (Чертыхина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)¹³. «В особах парни присматривались, кто как вяжет, не смеется ли лишнего. Штук пять-шесть девчонок сидели в избе у какой одиночки» (Осокина А.П., 1924 г.р., Узьян)¹⁴. «Особки были. Это раньше девки сидели, где одна женщина жила, вдова. Дров беремья унесут туда и сидят там» (Осипова М.В., 1928 г.р., Кага)¹⁵. Как видим, «особкой» в регионе называли дом одиночки, вдовы, то есть «дом особый», поскольку в нем жила женщина, социальный статус которой в традиционной культуре оценивался двойственно: с одной стороны как социально ущербный, а с другой – ритуально-чистый. Все это способствовало тому, что женщина, став вдовой, получала новые для нее магические возможности и наделялась особыми ритуальными функциями, что и отразилось в названии дома, где она жила. Таким образом, существенным отличаем посиделок, которые устраивались в любом доме участвовавших в посиделке девушек, особка первоначально организовывалась только в доме вдовы. Но уже к середине XX века термины «посиделка» и «особка» стали подменять друг друга. «Посиделки были, особой избу называли. Ребята к девкам придут посиденничать» (Оглоблина Т.В., 1930 г.р., Тирлян)¹⁶. «В особках по заданию матери девки пряли, парни приходили, плясали. Вот и посиденничали» (Рассказова Е.Н., 1931 г.р., Узьян)¹⁷. Так, всякая изба, где проходили посиделки, в 50-е годы XX столетия называлась особкой, соответственно, посиделка и особка стали составлять единый

семантический ряд и свободно взаимозаменялись в речи информантов. Кроме того, было еще одно существенное различие этих двух форм организации молодого поведения – это возрастной состав участников. На посиделки девушку в регионе начинали отпускать с 11-12 лет, на которую не допускались парни, то есть это были рабочие посиделки младшей девичьей группы. Посиделки средней девичьей группы предусматривали участие парней и, соответственно, имели двухчастную композицию: работа – веселье. «На посиделки ходили, работали там, лет с 16-17 парни к нам ходили. Ребята придут – пляска начинается» (Бардина Е.Ф., 1919 г.р., Инзер)¹⁸. В особку девку в регионе начинали отпускать лишь с достижением ею совершеннолетия. «На посиделки ходили лет с 13, а с 15 к девкам парни на посиделки шли, их домой начинаешь отправлять – они ноцевать просятся, а на ноцевки-та лет в 17 можно, как в особку пойдешь» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., Кага)¹⁹. Таким образом, как правило, особка заканчивалась ноцевкой и, соответственно, состояла из трех частей: работа – веселье – покой. «На ноцевки ходили, особками называли, это уж когда побольше становились, лет в 16-17, а кто и в 18 лет. Парни приходили, посидеть, а которые дык пондравятся – ноцевать останутся» (Белова Р.Г., 1925 г.р., Тирлян)²⁰.

Девушки, таким образом, в изучаемой этнолокальной зоне постепенно посредством игры, проходящей в форме рабочей посиделки, затем в форме посиделки средней девичьей группы и, наконец, особки/ночевки вовлекались в атмосферу предстоящей взрослой жизни, которой было присуще работу/будни чередовать с отдыхом/праздником и делать это совместно с мужем в одном доме.

Термин «ссыпка» широко был распространен в трех селах региона: Ломовке, Узяне, Тирляне. «Кузьминки отмечались 1 ноября. Это у нас был девичий праздник. Девки наряжались, приходили парни с гармошкой, и девушки пели, плясали. Это называлось «ссыпались», сходились, значит. На ссыпках собирались все вместе, ночевали с кавалерами без дозволения лишнего» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)²¹. «Вот у нас раньше была Кузьма. Придет этот 14 ноябрь, вот девчонки ссыпаются в ссыпки» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., Тирлян)²². Заметим, что слово «ссыпка» хорошо известно было в XIX в. крестьянам Вятского уезда. «Между крестьянами Вятского уезда есть особые собрания, каких, кажется, не существует не только в других великороссийских губерниях, но и по Вятской губернии. Эти собрания называются ссыпки. Начинаются они с осени и продолжаются всю

зимую поочередно до святой недели и даже до Троицына дня. Ссыпки состояли в следующем: крестьяне одной деревни, а иногда и соседних, сносят в один или несколько домов, по условленной мерке, солоду, муки и хмелю, из чего, по количеству доставленного, варят пиво. Кроме этого приносят вино и другие съестные припасы.... Старики и солидные люди на этих ссыпках ведут речь о старине, о своих житейских делах, а молодежь проводит время за сказками, песнями и частично за картами»²³. В.И. Чичеров отмечает, что ссыпки – это «игрище, устраиваемое маломощными крестьянскими семьями, на которые может приходиться всякий, кто бы ни вздумал»²⁴. В исследуемой же локальной зоне к середине XX века ссыпками называли исключительно молодежные сборища. Как видим, многие ритуальные функции взрослого крестьянского социума аккумулировались в поведенческих моделях молодежных социовозрастных коллективов. Таким образом, ссыпки в русских селах Башкирии – это праздничные собрания молодежи с обязательным угощением пришедших парней. «Девчата собирались в компанию три, пять человек и снимали дом. Приготовим угощение: пироги с мясом напечём, огурчики, помидорчики натащим. Ссыпки называли. Ждём парней» (Алифанова А.П., 1929 г.р., Узян)²⁵. В Узяне, кроме курников на день Кузьмы и Демьяна, пекли калинники к Ивану Постному, по предположению, престольному празднику для Узянцев. «Иван Постный 11 сентября. Это единственный праздник, на который Авзян приходил в Узян. На этот праздник пекли калинники – пироги с калиной. Калинник пекли из ржаной муки, тесто перемешивали с калиной. Пироги пекли несколько дней. Песни пели: «Ой, да ты калинушка-размалинушка, ты не стой, не стой на горе крутой» (Колесникова Е.П., 1915 г.р., Узян)²⁶. Обратим внимание, что в этот день (Иван Постный) собственно приготовление калинников для ссыпок ритуально маркировалось взрослыми женщинами, а девушкам отводилась лишь роль посредника: они приносили приготовленный матерью или бабушкой пирог для угощения группы парней. «На Ивана Постного все больше калинники пекли. Это все бабушки делали. А девки этими калинниками парней угощали (Габова Е.И., 1909 г.р., Узян)²⁷. Взрослый коллектив общины, таким образом, выполнял в данном случае функцию так называемого наставничества. В других селах изучаемого региона на Кузьмишки и Михайлов день девичья группа сама занималась приготовлением пирогов и пельменей. «Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под особки свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы

приготовить курники, пироги с мясом» (Щелыгина М.Ф., 1903 г.р., Ломовка)²⁸. «На Кузьмишки пельмени стряпали. Приглашали тех, с кем дружишь» (Королева Т.Д., 1930 г.р., Кага)²⁹. Но и в этих селах взрослые проявляли интерес к молодежным ссыпкам, признавая или порицая те или иные формы поведения девушек и парней. «На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели, плясали. В этот день было много «глядельщиков» – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили. Потом молодежь оставалась ночевать» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)³⁰. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели» (Штырляева А.А., 1924 г.р., Ломовка)³¹. Таким образом, в Ломовке в осенний период проходили так называемые выставки невест, и, возможно, они являлись рудиментом рассыпавшегося ритуала «надевания паневы/скакания в паневу», символизировавшего переход девушки из средневозрастной группы в группу совершеннолетних. Особый интерес в этой связи представляет замечание Д.К. Зеленина о таком обряде в одноименном селе Ломовка Богородицкого уезда Тульской губернии, где девки, достигшие 16-летнего возраста, должны были «становиться на лавку и ходить из одного угла в другой». Ученый рассматривает этот ритуал в контексте «обрядовых празднеств совершеннолетия девицы»³².

Мотив такого перехода прочитывается в широко распространенной во всех селах региона игре «Дрема». Нами зафиксировано несколько текстов этой игры: в Ломовке, Тирляне и Авзяне. Все эти тексты являются короткими, которые сводятся к сообщению о дремоте, приказу проснуться и выбрать себе пару. По наблюдениям Т.А. Бернштам, такой вариант характерен для вятской, северной, поволжской и сибирской традиций³³. Заметим, что все наши тексты осложнены мотивом «плетения»: «Сидит Дремушка на стульчике, / Плетет Дремушка шалковый поясок...». Плетение же является одним из видов женского творения наряду с ткачеством, прядением, шитьем, что являлось чисто женскими функциями, к которым девочку приучали с раннего возраста и по качеству выполнения этих видов деятельности судили о готовности девушки к вступлению в брак. Не случайно в регионе до середины XX в. в свадебном обряде бытовала корилка на невесту:

Мы взяли невесту
Не ткаху, не пряху
Такую негодливую...

В Авзяне в «Дрему» играли «на посиденках» осенью и зимой; в Ломовке - на Михайлов день; в Тирляне «на Кузьму гуляли, Дремушку на стульчик сажали, да пели яму...» (Королева М.Ф., 1916 г.р., Тирлян)³⁴. Традиционно праздник «Кузьмы и Демьяна» открывал осенне-зимний период молодежной игры, которая проходила в форме «посиденок», в отдельных сёлах «особок», на которых девушки пряли, плели, вязали, вышивали и устраивали совместные с парнями «ночевки», позволявшие участникам игры имитировать семейные отношения, готовиться к реальным брачным отношениям. Игра «Дрема» - символический этап названного перехода, который позволяет выбрать себе будущую пару в начале только для имитации семейной жизни в период «посиденок», поскольку цель указанной игры состоит в выборе себе пары:

Плетет Дремушка шалковый поясок,
Не столь плетет, сколь времечко ведет.
Ни пора ли Дремушке со стульчика слезать,
Ни пора ли Дреме красну девку выбирать.³⁵

Состояние сна/дремоты метафорически сопоставимо со смертью и, соответственно, в фольклоре символизирует переход, в данном случае в другую социовозрастную группу совершеннолетних, готовых к вступлению в брак молодых людей.

Окончательное же закрепление любовной пары происходило во время ночевки. «А парни в карты наиграются, а когда их домой начнешь отправлять, они ночевать просятся. Вот, примерно, ты меня приметил, ты со мной хочешь ночевать и товарища подсылаешь: «Поди к Таньке, скажи, что я буду с ней ночевать». Подумаешь, подумаешь, возьмешь да оставишь ночевать. А ночевали на дерюге – это половики, сшитые в три ряда, хлопичные. Одну дерюгу на пол подстелешь, а другой оденешься. По шесть человек: три парня и три девки. Спать ложишься оденши: кофта с рукавами, штаны не носили, юбка длинная, а парень в рубашке, в брюках обязательно, такого охальства не было, была честная любовь. Даже не целовались, если только жалелись. Если парень задумает поцеловать, он такую пощечину получит, чтоб знал свое место. Дружили по три-четыре года» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., Кага)³⁶.

В молодежной культуре существовали и знаки разрыва отношений. «Если парень попросится на ношевку, а его не оставят – знащит, щайник повесили. А если парень придет на ношевку, поляжить 15-20 минут и уйдет – знащит, щугунок повесил. Или девка так же. Так спо-

кон веков шло. Били девку иногда. Это када бывает долго дружить, а потом с другим – ей и попадет на шай, на сахар» (Сухов Н.П., 1929 г.р., Кага)³⁷. «Ходили парни табуном, оставались ночевать. На общей постели парень с девкой. Если девка не останется, значит, она ему щайник повесила. Если парень или девка пришли и ушли, то шугунку повесили» (Артемьева А.В., 1920 г.р., Кага)³⁸. «Раньше ведь нощевали. Если «баловать» парни нацинали – уходи. Если девушка не пришла сама, по башке придётся; не пришла она – набуздырить её парень. А если он не пришёл – «лопатку затесал» (Осокина А.П., 1924 г.р., Узян)³⁹.

В кругу парней часто случались драки из-за девушек. Например, в Ломовке информанты отмечали, что «сухановские дрались с тобольскими за девок своих».

Распространенной формой межполового общения в кругу молодежи в посиделочный период являлось взаимное подшучивание, своеобразный поединок между партиями девушек и парней. Диалог партий посредством шуток организовывался как на вербальном, так и на акциональном уровнях. Акциональный код в данном случае был представлен нарушением этикетных форм межполового общения молодежи: «Кто не нужен, тому девки балуют. В валенок ему нассуть, сажей вымажут» (Артемьева А.В., 1920 г.р., Кага)⁴⁰. «Я решила подшутить. Корова наложила, а я взяла это говно замерзшее и спрятала под полотенце. Сказала гостям своим, что приготовила праздничный пирог, а они открыли полотенце и увидели там это. Все так смеялись» (Скворцова З.Г., 1932 г.р., Ломовка)⁴¹.

Парни, стараясь навредить девушкам, прятали испеченные ими пироги, иногда надламывали их. И.А. Морозов такого рода розыгрыши-подшучивания относит к развлечениям испытательного типа и ставит их в ряд с церемониями, связанными с оформлением нового статуса юношей и девушек, которые готовились вступить в брак⁴².

Вербально шутка оформлялась посредством текстов частушек, исполнявшихся, в основном, девушками в адрес того или иного молодого человека, то есть такие частушки зачастую имели адрес или намек на возможный адрес и исполнялись конкретному участнику посиделки. В таких текстах называлось или имя, кому была предназначена шутка, или указывался род занятий этого человека: гармонист, шофер, тракторист, пастух и т.д. Брачно-эротический мотив был доминирующим в таких шутках.

Таким образом, осень для молодежного коллектива крестьянского социума являлась временем формирования будущих брачных

пар. Основной же формой жизни молодежи в этот период была посиделка (особка, ссыпка, ночевка), в рамках которой посредством разнообразных игровых элементов, часто сопровождающихся песенными текстами, происходило чувственное сближение

Примечания:

¹ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 18.

Здесь и далее в цитатах сохранены особенности речи информантов

² Там же, с. 19

³ Там же, с. 21

⁴ Там же, с. 13

⁵ Там же, с. 14

⁶ Там же, с. 21

⁷ Там же, с. 20

⁸ Архив лаборатории народной культуры (АЛНК), экспедиция (эк.) № 15, 1999 г.

⁹ Там же, с. 22-23

¹⁰ Там же, с. 24

¹¹ Там же, с. 18

¹² Там же, с. 20-21

¹³ Там же, с. 19

¹⁴ Там же, с. 15

¹⁵ Там же, с. 27

¹⁶ Там же, с. 26

¹⁷ Там же, с. 13

¹⁸ АЛНК, эк. № 19, 1999 г.

¹⁹ АЛНК, эк. № 13 А, 1998 г.

²⁰ АЛНК, эк. № 17, 1999 г.

²¹ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 18

²² Там же, с. 19

²³ Заметки о Вятском крае / Ив. Савинов // Вестник императорского географического общества. – Спб.: ?б.и.], 1858. – Ч. 24.

²⁴ Чичеров, В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX в. / В. И. Чичеров – М.: Изд-во академии наук СССР, 1957. – С. 180

²⁵ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 27

²⁶ Там же, с. 13

²⁷ Там же, с. 14

²⁸ Там же, с. 22

²⁹ Там же, с. 24

³⁰ Там же, с. 18

³¹ Там же, с. 24

³² Зеленин, Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских / Д. К. Зеленин // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. – М. : Индрик, 1994. – С. 185

³³ Бернштам, Т. А. Реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия / Т. А. Бернштам // СЭ. – 1986. – № 6. – С. 24

³⁴ Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С. 22

³⁵ Там же, с. 19

³⁶ Там же, с. 16

³⁷ Там же, с. 17

³⁸ Там же, с. 14

³⁹ Там же, с. 15

⁴⁰ Там же, с. 14

⁴¹ АЛНК, эк. № 8, 1997 г.

⁴² Морозов, И. А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы/женильбы» / И. А. Морозов. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.

Ким Г. П. (Оренбург)

«ДОМОСТРОЙ» КАК ОБРАЗЕЦ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVI ВЕКА

Культура любого народа может быть определена как важнейший фактор творческого жизнеустроения, как средство творческой самореализации всего социума. Каждый исторический период обязательно характеризуется духовным памятником, отражающим наиболее устойчивые и авторитетные национальные традиции, которые связывали прошлое с настоящим. Невольно приходят на память слова Л.Н. Гумилева о том, что народ гибнет не тогда, когда уничтожают представителей этого народа, а тогда, когда разрушается стереотип поведения, мышления, восприятия, по большому счету – память.

Если обратиться к «Домострою» как показательному примеру жизнеустройства русского общества XVI века, то никак не обойтись без хотя бы самого общего обзора этого времени, когда окончательно складывается из множества разрозненных княжеств мощное государственное образование, объединенное вокруг Москвы.

Параллельно этому политическому процессу идет формирование новых идеологических основ русской государственности, когда решалась задача собирания воедино не только земель, но и разроз-

ненных культурных ценностей, развития национальной архитектуры, живописи, книгопечатания, обобщения общественных устоев.

Культурные основы русского средневековья, подобно государственным, подверглись жесткой централизации: местное летописание сменилось единым 12-томным сводом церковной и отчасти светской литературы, определившим круг чтения русского человека. «Великие Минеи Четии», составленные под руководством новгородского архиепископа, впоследствии митрополита всея Руси Макария, были разделены по месяцам, т.к. в состав каждого тома входили разнообразные источники, в первую очередь жития святых, память которых отмечалась¹

«Домострой»² в такой системе письменных памятников XVI столетия предлагал систему норм внутренней, домашней жизни. Безусловно, как и другие памятники этого времени, он сложился на основе более ранней литературной традиции, например, «Поучения Владимира Мономаха».

«Домострой» определяет свою сущность уже названием – строй дома, т.е. внутреннее, домашнее устройство. Однако примерно в это же время термин «домостроительство» встречается в богословских текстах, обозначая и нормы семейной жизни, и сложное понятие Божественного Домостроительства.

Структурно «Домострой» состоит из трех частей:

- О поклонении церкви и царской власти
- О «мирском строении» – об отношениях внутри семьи
- О «домовном строении» – о хозяйстве

Казалось бы – всё предельно просто и ясно как в содержательном, так и в композиционном планах. Но только ли узкими рамками дома замкнут «Домострой»? Что стоит за сквозной аналогией между домом – отдельной семьей и государством? Так ли просты по своему значению самые обыденные слова текста памятника?

Что, например, обозначал глагол «строить»? Строить можно дом, быт, саму жизнь, но также устраивать, созидать, крепить государство. Семейная общность в таком смысловом поле становилась своеобразным государством в государстве, а система жизненного ее устройства – основой устройства государственного.

Глава любой семьи являлся в доме господином или государем, на него же приходилась и основная ответственность за себя и домашних перед Богом, государством и людьми. Его место за столом – самое почетное, в Красном углу. Глава государства сидел на троне в

Красном углу Грановитой палаты. Это обстоятельство не было случайным совпадением, оно соответствовало фундаментальным основам времени, выросшим из традиций патриархально-родового строя.

Подобно тому, как главу государства окружали самые знатные, родовитые, мудрые бояре, жениха и невесту на свадьбе, независимо от их социального статуса и достатка именовали князем и княгиней, а дружку и подружку – боярами. В исследовании И.Е.Забелина³ подобная традиция древних семейных обрядов подтверждала их значимость в общественном и государственном устройстве.

Безусловно, «Домострой» идеализировал патриархально-общинные отношения, сложившиеся еще до возникновения многоступенчатой структуры государственной власти в стране. Но подобная направленность памятника была не чуждой, привнесенной извне традицией, она подтверждала исторически складывающуюся основу русской государственности.

Идея подобия малого большому: *Дом – Государство* – не становилась слепо копируемой формой. На вполне доступных пониманию обычного человека житейских примерах показывалось, как благополучие, достаток, крепость дома, отношений между домочадцами зависят от всех членов семьи, но в большей степени от хозяина, отца семейства, ее главы. Пространные перечисления припасов, хозяйственного инвентаря, предметов обихода, одежды, описания внутреннего устройства дома, порядков в нем не кажутся стилистическим излишеством, наоборот, становятся подтверждением незыблемости принципов жизнеустройства.

«Домострой» не нацелен на проведение качественных различий между большим и малым, между бедностью и богатством. Главным становится выявление универсальных и неизменных черт, способствующих сложению традиции.

Каждый дом – это завершенная система частного в общем, государства в государстве, микрокосмоса в макрокосмосе. Взаимодействие отдельных таких систем показывает своеобразную трактовку проблемы добрососедства, индивидуального в общинном, отличном от современного понимания толерантности. Но не следует забывать о том, что домостроевская система закрепляла традиции и реальную практику государственного устройства XVI – XVII веков.

Примечания:

¹ История русской литературы X-XVII веков /под ред. Д.С. Лихачева. М.,

Просвещение, 1980. - С.287-294.

² Домострой. Русский семейный устав. М.: Эксмо, 2005.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Государев двор или дворец. М., 1990. Кн. I.

Кокшаров А. Д. (Оренбург)

ВЕРНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ КАЧЕСТВ РУССКОЙ АРМИИ И НАРОДА

В.И. Даль определил верность как полную преданность, правдивость, твёрдость в слове, стойкость в деле. Сразу оговоримся – разумеется, указанное качество свойственно не только славянам, а и наиболее достойным представителям всех народов без исключения.

Поразительный пример единодушия в отношении нарушителя верности Родине читаем в воспоминаниях генерал-лейтенанта, храброго гусара, партизана, военного историка и теоретика партизанской войны, поэта Дениса Васильевича Давыдова: «В то время как проводили их мимо меня, один из пленных показался Бекетову, что имеет черты лица русского, а не француза. Мы остановили его и спросили, какой нации? Он пал на колени и признался, что он бывший Фанагорийского гренадерского полка гренадер и что уже три года служит во французской службе унтер-офицером. «Как – мы все с ужасом возразили ему. – Ты – русский, и проливаешь кровь своих братьев!» – «Виноват!» – было ответом его. – Умилосердитесь, помилуйте!» Я послал несколько гусаров собрать всех жителей, старых и молодых, баб и детей, из окружных деревень, и свести их к Спасскому. Когда все собрались, я рассказал как всей партии моей, так и крестьянам, о поступке сего изменника, потом спросил их: находят ли они виновным его? Все единогласно сказали, что он виноват. Тогда я спросил их, какое наказание они определяют ему? Несколько человек сказали – засечь до смерти, человек десять – повесить, некоторые – расстрелять, словом все определили смертную казнь. Я велел придвинуться с ружьями и завязать глаза преступнику. Он успел сказать: «Господи, прости моё согрешение!» Гусары выстрелили, и злодей пал мёртвым»¹.

Обращают внимание на себя несколько моментов – категоричность запрета служить врагу и убивать своих. Никого не интересует, суров ли был командир в Фанагорийском полку, или сколько платили предателю во французской армии, и т.п. Тот, кто действует против

своего народа, вызывает ужас. Что бы сказали русские крестьяне о тех людях, каковые в XXI веке считают достаточным оправданием любых своих деяний жадность – «ничего личного, только бизнес»? Другой важный момент – за мгновение до смерти закоренелый злодей делает самое, по его мнению, главное – просит прощения у Бога, то есть понимает греховность своего поведения, вспоминает, что у него есть бессмертная душа.

Насколько «конструктивна», эффективна, «полезна» верность своей Родине, народу? Полчища Наполеона, собранные почти со всех стран Европы, с первых шагов на русской земле проявившие себя как осквернители храмов, могил, святынь, безжалостные грабители, насильники, были истреблены, а остатки «международного контингента» вышвырнуты из России. Более того, народы Европы, порабождённые Наполеоном, были освобождены от притязавшего на мировое господство правителя. Успехи верных Родине более чем впечатляющие.

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. одержана в том числе и по причине наличия у лучшей части народа важнейшего духовного качества – верности. Родина победила именно трудами и подвигами верных. В случае поражения СССР в войне значительная часть населения подлежала уничтожению, а оставшаяся часть народов нашей страны имела право на существование, по мнению А. Гитлера, только в случае, если была полезна для экономики Германии. О подвигах наших славных предков написаны целые библиотеки книг. Так и должно быть. Однако хочется обратить внимание на сильнейшее морально-психологическое давление, оказывавшееся средствами пропаганды Третьего Рейха на защитников Родины.

21 февраля 2003 г. в Оренбурге прошла Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Народы Южного Урала на страже Родины». Для всех присутствующих была развёрнута замечательная выставка (небольшой передвижной музей) оружия, предметов снаряжения, быта, боеприпасов, собранных на местах сражений в Ленинградской и Новгородской областях. Экспозиция очень информативная – развёрнутые и глубокие комментарии устроителей и сильнейшее эмоциональное воздействие – можно руками потрогать предметы с места боёв. Устроителями выставки были супруги Ельчаниновы – командир поискового отряда «Патриот» г. Оренбурга, учитель физкультуры средней школы № 32 Сергей Иванович и пресс-секретарь управления молодёжной политики спорта и туризма Оренбургской области Наталья Анатольевна.

Кроме рассказа об экспонатах выставки С.И. и Н.А. Ельчаниновы прочли доклад об истории поискового движения в Оренбурге и показали фрагмент документального фильма, снятого во время разыскания останков павших воинов на месте боя – момент извлечения из земли солдатского медальона не оставил равнодушными ни студентов, ни историков-профессоров. Руководители оренбургских поисковиков любезно позволили сканировать весьма поучительный текст – листы книжечки, извлечённой на месте боёв из агитационного боеприпаса периода 1942–1944 гг.

«Свёрнутая в рулон литература помещается в двух или трёх металлических контейнерах. Отличительная особенность агитационных снарядов в том, что вышибной заряд у них располагается в головной части, и литература выбрасывается назад через хвостовую часть корпуса снаряда. Покинув снаряд, рулон разворачивается, и литература разлетается на широкой площади»².

Перед нами книжечка небольшого формата, отпечатанная с высоким (для своего времени) полиграфическим качеством. Фотографии и большая часть текста чёрно-белые, часть заголовков и полей между фотографиями – красные. Обложка: «Для них война кончилась». Последняя страница – пятеро весело смеющихся коротко стриженных людей в гимнастёрках без знаков различия и надпись: «Дружным смехом ответили они на вопрос – не хотите ли снова вернуться в сталинский рай». Смысл надписи понятен – германское руководство, для которого наша Родина – это добыча, а население подлежит радикальному «сокращению» (истреблению) убеждает защитников сдаться. Вопрос – чем руководствуются «эксперты» по отечественной истории, которые в XXI веке с важностью иронизируют по поводу «сталинского рая»? Эксперты XXI века, видимо, жаждут укрепления России (как этого «желали» и агитаторы Гитлера). Ниже счастливых «антисталинистов» пропуск с типографски воспроизведенными печатями (имперский орёл со свастикой в когтях): «Пропуск действителен для неограниченного числа командиров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону Германских Вооруженных Сил, их союзников Русской Освободительной Армии и украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских освободительных отрядов».

Фотографии и подписи к ним образуют несколько комплексов. 1. О сдаче в плен: «Сопrotивление бессмысленно», «Не хотят больше драться за Сталина», «Довольно крови», «Пропуск «путёвка в

жизнь» и счастливое (и благообразное) лицо «предъявителя», «Смерть осталась позади». Действительно – лозунги трудно оспорить, если забыть о долге перед Родиной и своим народом.

Потенциального перебежчика уверяют: предай, у беги от войны, и ничего не изменится. На фото три добротные избы, на переднем плане – деревянные тележные колёса, вольно стоящие группами люди в военной форме. Все привычно, спокойно – предай и присоединяйся к этой идиллии.

2. Удовлетворение насущных потребностей: «В лагере своя хлебопекарня», «Это на троих», «Обед здесь не сталинский – суп густой, котелок полный», «Сегодня обед будет вкусный», «Хлеб хорош, а с маслом ещё лучше» – вполне в духе общества потребления – немцы предлагают более качественный сервис – дело за потребителем – «Это ваш выбор» – предай, и высококачественные товары и услуги твои. Необходима мелочь – предай.

3. Медобслуживание: «Они скоро будут здоровы», «Немного больно – потерпите...», «Немецкие врачи – лучшие во всем мире» – как это умирительно – качественная медпомощь, хотя и платная. Ну так что с того – качество прежде всего – вы этого достойны. Плата по силам каждому (?) – предай Родину, и немецкие врачи помогут.

4. Следующая группа снимков «Встреча с родными»: пропагандисты Германии буквально под кожу лезут: «Сейчас самое большое счастье – встретить своего отца, мужа, брата живым и здоровым» (напечатано красным шрифтом). Кто может поспорить? Только одна оговорка: нельзя получить это счастье, не предавая Родину, товарищей по оружию.

Подписи к трогательным фотографиям: «Разговор наедине», «После долгой разлуки есть о чём рассказать», «Шумят сосны, поют птицы», «Как хорошо вдвоем с тобой...», «Не надеялись снова увидеться», «Письмо домой: жив, здоров, чего и вам желаю...», «Вот уж не надеялся попить домашнего молока». Совсем как в современной рекламе – пытаются прицепить к бесспорно дорогим каждому человеку вещам своё: во время войны «предай», а в наше время – «купи».

У немцев для перебежчиков есть всё, что привычно на Родине, только лучшего качества: духовой оркестр (на заднем плане сидят слушатели) «Здесь веселее, чем у большевиков». На фоне домов и толпы зрителей на стол взобрался физкультурник в трусах и демонстрирует мощь и красоту своего тела (как в .XXI веке – хлеба и примитивных зрелищ – кого выбирают «мистера (или герра?) лагерь 1942») на пе-

реднем плане – аккомпаниатор в пилотке с баяном и подпись: «Выступление атлета – «вот это так мускулы». Еще снимок – три серьезных молодых человека с газетой (видно название – «Заря»). Держащий в руках газету в пилотке – на всех агитационных фотографиях непременно пилотка без звездочки, чтобы не перепутали – перед нами «счастливчики», прекратившие выполнять долг по защите Родины. И подпись: «В этой газете нет сталинской брехни» – видимо, только чистая гитлеровская правда. Когда пропагандист идеи сдачи Родины захватчикам говорит о лживости советских газет, понятно – он подрыывает дух, способность сопротивляться. Когда о советской прессе военных лет говорит с пренебрежением досужий «эксперт-историк», то этим самым знаток укрепляет дух народа России, уважение к истории и т.п.? Таким образом – инсинуации в устах врага служат врагу, а повторяемые «экспертами» – Родине! Удивительное открытие, достойное, возможно, Нобелевской премии.

5. Группа снимков о труде после сдачи в плен. Два человека (на головах фуражка и пилотка) работают в комнате за столами (похоже, художники-оформители), и подпись: «Это лучше, чем лежать в окопе» («Уважаемый потребитель материальных благ – Вы выбираете лучшее, Вас не проведёшь» - сказали бы в рекламе XXI в.)

Подпись: «Своей работой поможешь победить большевиков. Победа над большевиками – освобождение русского народа» (Коротко и ясно – только следует добавить, что в этом случае Родина в виде добычи переходит победителям – об их целях смотри выше). Еще подписи: «Любишь покурить, люби и потрудиться», «Работа кипит», «Фундамент для дома. Фундамент для будущего».

Группа людей в пилотках (и без) косит – подпись: «Хлеб для всех вот лозунг новой жизни». Человек в пилотке, надетой поперёк головы, сосредоточенно красит кистью: «Маляр сменил винтовку на кисть» (И передал Родину, жену и детей в распоряжение захватчиков – уж они позаботятся, как сочтут нужным). Три человека в пилотках у металлорежущего станка сосредоточенно смотрят на измеряемую штангенциркулем деталь: «Приятно снова взяться за привычную работу» (с этим не поспоришь, а если работа нужна Третьему Рейху, качественная и квалифицированная, то может быть и денег хорошо заплатят). Только одно нехорошо – решать, сколько миллионов заморить голодом, чему учить детей предстоит захватчикам. С такими терзающими совесть обстоятельствами отказывающийся защищать Отечество может справиться только одним способом – погрузиться в по-

требление благ лично собою (о родне лучше не помнить, вдруг новые хозяева Родины решили их «сократить»). Меры по материальному поощрению тех, кого оставят работать на Рейх, Гитлер предусмотрел заранее – продажа товаров со складов (т.е. заманчивые предметы потребления планировалось производить не на территории бывшей России, а завозить...).

Таким образом, приведенные примеры говорят о том, что верность действительно одно из главных духовных качеств русского и других народов России. Наличие верности у лучших людей позволяло отстаивать независимость России и существование народа.

Серьёзному испытанию верность подвергалась во все времена, когда к нарушению её подталкивал соблазн получения материальных благ. Не все этому мощному давлению сумели противостоять. Пример – изощёренное изделие пропагандистов Гитлера. Тем больше чести нашим славным предкам, из века в век не продававшимся ни за полный котелок густого супа, ни за солидное жалование во вражеской армии, ни даже за возможность заниматься любимой работой. «Примерим» эти соблазны на себя – устоять нелегко, но по-другому нельзя.

Примечания:

¹ Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 г. / Письма русского офицера / ред. коллегия: О. Елисева, Т. Евсеева. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель. – 2012. – 416 с. – С. 183.

² Латухин А. Н. Современная артиллерия. – М.: Воениздат, 1970. – 320 с. – С. 143.

Тюняев А. А. (Москва)

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ: МАРШРУТЫ ДВИЖЕНИЯ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ, ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Новые данные о народах и территориях заставляют вносить необходимые коррективы в «сложившуюся» историю того или иного региона. Накопилось много свидетельств, указывающих на то, что Южный Урал в железном веке являлся отнюдь не захолустьем античного мира, о котором не знали писатели древности. Южный Урал располагался на самом оживлённом торговом пути, связавшем Европу с Азией.

Северный торговый путь эпохи бронзы – железного века

Миграции древнего населения по средней и северной части Евразийского континента происходили на основе системы торговых путей. Движение отдельных видов товаров по этим путям исследовано многими учёными. Например, «янтарный» путь описан М. Гимбутас¹. По её данным, по этому пути в бронзовом веке товары перемещались с территории Руси до Великобритании на западе и до Урала – на востоке. И далее двумя направлениями – через горы Среднего Урала и через территории Южного Урала – «янтарный» путь уходил дальше в восточном направлении².

Изучением распространения древнего текстиля занимались Е.И. Лубо-Лесниченко, Т.Н. Глушкова и др. Находки археологического шёлка в северной части Евразии зафиксированы как минимум за три века до начала функционирования так называемого Великого шёлкового пути. Например, в Баварии (6 – 5 вв. до н.э.), в Македонии (первая половина 4-го в. до н.э.), в районе Кёльна (4 в. до н.э.), в районе Афин (5 в. до н.э.)³, а также «в скифских курганах Алтая 6 – 5 вв. до н.э.»⁴. Движение шёлка в первой половине железного века происходило через земли Южного Урала по тем же самым древним маршрутам, по которым в бронзе двигался янтарь.

Ещё одним знаковым товаром, ярко маркирующим торговые отношения в северных районах Евразии, являются так называемые «ханьские зеркала», обнаруженные в южных и восточных районах Руси^{5, 6}: у хутора Виноградный (на Нижнем Дону), на Кубани (у станции Казанской), у села Старая Полтавка (в Нижнем Поволжье); в селе Кондинское (в Курганской области). Аналогичное «зеркало» обнаружено в кургане 27 могильника Кайрагач (в Западной Фергане)⁷. Начальный период датировки «зеркал» относят к 3 – 2-му векам до н.э. В это же время «зеркала» появляются в Зауралье.

Появление «зеркал» обычно связывают с миграциями хунну в западном направлении, и в археологическом плане их соотносят с населением саргатской культуры (Зауралье). Однако никаких хунну не зафиксировано в других, более обширных территориях, где обнаружены находки «зеркал», кроме этого, как народ в генетическом плане хунну не определены.

К тому же, в 2007 году, при проведении раскопок на Кичигинских курганах челябинскими археологами С. Г. Боталовым и А. Д. Таировым были обнаружены уникальные материалы сарматской культуры, относящиеся к первой половине 4 века до н.э. В двух мужских

погребениях находились воины-всадники с колчанами, длинными железными мечами, у одного из мужчин лежал в ногах наконечник копья. В трёх женских погребениях – сарматские жрицы разного возраста. У двух в ногах находились колчаны со стрелами и украшения: гривны, браслеты, бусы.

Рис. 1. Русские женщины (слева направо): сарматская жрица 50-ти лет (Челябинск, 4 в. до н.э.; реконструкция А. И. Нечвалоды); жительница Аркаима (Челябинск, 3 тыс. до н.э.⁸); жительница Сунгиря (Владимир, 24 тыс. до н.э.).

В третьем погребении была захоронена представительница знатного сарматского рода. Её сопровождали золотая гривна, многовитковые золотые браслеты, кольца и височные подвески, бусы из сердолика и полосчатого агата, небольшой бронзовый котелок с ручкой и носиком-сливом, бронзовое зеркало и 667 наконечников стрел.

Генетические особенности древних уральцев

На предмет этнической идентификации проведены генетические исследования Y-хромосомы ископаемых остатков народов, живших в полосе действия обозначенного выше Северного торгового пути – от Германии до Алтая. Так анализ «германских» остатков показыва-

ет следующее. Образцы из местечка Eulau, относящиеся к культуре шнуровой керамики (ок. 2600 лет до н.э.), оказались тремя родственниками и владельцами гаплогруппы R1a1⁹. Более поздние образцы из Лиштенштейнской пещеры (1000 – 700 лет до н.э.) показали: I2b – 12 человек, R1a1 – 2 человека, R1b1b2 – 1 человек¹⁰.

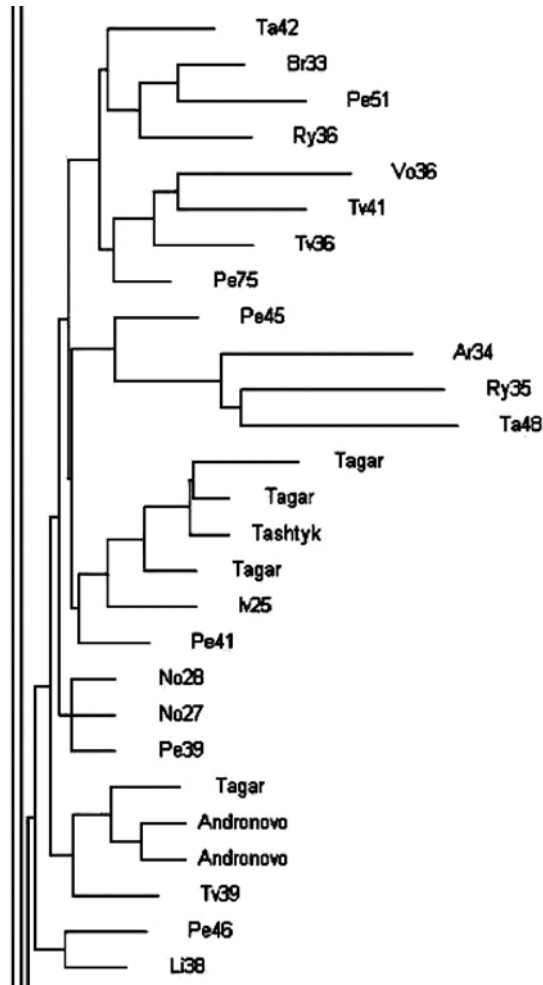

Рис. 2. Фрагмент 17-маркерного дерева гаплотипов гаплогруппы R1a1 этнических русских по двенадцати областям Российской Федерации, построено по данным¹¹. Этот фрагмент включает пять ископаемых гаплотипов андроновской, тагарской и таштыкской археологических культур. Двухбуквенные индексы соответствуют следующим областям РФ: Ar – Архангельск, Br – Брянск, Iv – Иваново, Li – Липецк, No – Новгород, Pe – Пенза, Ry – Рязань, Ta – Тамбов, Tv – Тверь, Vo – Вологда.

На восточном рубеже торгового пути есть аналогичные находки. Например, в Красноярском крае исследованы образцы людей, относящихся к андроновской культуре (1800 – 1400 лет до н.э.). Анализ показал у девяти из десяти человек наличие гаплогруппы R1a1¹². Тот же исследователь приводит данные по носителям тагарской культуры (800 лет до н.э. – 100 год) – R1a1 и по носителям таштыкской культуры (100 – 500 гг.) – R1a1.

На рис. 2 представлено дерево гаплотипов, демонстрирующее генетические связи, установленные по Y-хромосоме среди ископаемых образцов и современного населения Центральной России. Мы видим, везде, где проходил Северный торговый путь, обнаружены ископаемые останки рода R1a1 – в северном Казахстане, на Южном Урале, в Киргизии, в Красноярском крае и др. Причём, генетическая близость древнего и современного населения поразительна. В частности, андроновцы и тагарцы находятся в одном кластере с современными жителями Твери (нижняя часть «дерева»), тагарцы и таштыкцы родственны жителям Иваново и Пензы (средняя часть «дерева»). Оба этих кластера родственны всему остальному населению Центральной России.

Именно носители гаплогруппы R1a1 около 1,6 тыс. до н.э. сформировали на Южном Урале синташтинскую культуру, к которой относится и Аркаим. По этой причине по антропологическому облику жительница Аркаима соответствует современному русскому населению. По торговому пути через Южный Урал население бронзового века перемещалось из центра Русской равнины в Северную Индию¹³, где высшие касты и сегодня до 72 процентов являются обладателями гаплогруппы R1a1¹⁴. В Центральной России – от 60 до 80 процентов носителей R1a1. В исконно русских деревнях – больше.

Скифский вопрос

На основании генетических исследований следует сделать предположение или даже вывод – о том, что население, проживавшее вдоль Северного торгового пути, и в бронзовом, и в железном веке состояло из прямых генетических предков современного русского населения Центральных областей Русской равнины. Других генетических данных, оспаривающих это утверждение, пока не имеется. Поэтому скифское население следует соотносить с предками русских, как это делал академик Б.А. Рыбаков для скифов-пахарей.

Эти скифы – русы – носители R1a1 в раннем железном веке в восточном направлении были распространены не только на Южном

Урале, но и в Южной Сибири, на Алтае (тагарская и пазырыкская культуры), в других частях Сибири и на Дальнем Востоке; на территории Средней Азии и Казахстана (с 7 – 6 вв. до н.э.); в Бактрии, Согде, Хорезме¹⁵.

В этой связи ещё одним товаром, которым через Южный Урал осуществлялась торговля между Русью и Востоком, являлись монеты. Много парфянских монет, особенно 1-половины 1 в. н.э. найдено на Волге, на Кавказе, в Восточном Туркестане и в других местах. В Измайловском лесу в Москве известны находки серебряных монет парфянского царя Арсака II (123 год до нашей эры)¹⁶.

Появление монголоидного элемента на Южном Урале

Практически до конца железного века население Южного Урала, включённое в обширное общерусское пространство, было генетически и антропологически однородным. Только, начиная «с первых веков н.э., в степной полосе между Уралом и Енисеем формируется в процессе смешения монголоидов и европеоидов южно-сибирская раса»¹⁷. Монголоиды пришли в эти области из Юго-Восточной Азии, по тому же торговому пути. Как образец монголизации – судьба тохаров. Первоначально тохары жили на Руси¹⁸, были носителями R1a1 (сделаны анализы мумий из Таримской котловины) и только в 9 – 10 вв. они были «ассимилированы тюрками»¹⁹, то есть подверглись ассимилирующей метисации с монголоидами из Южного Китая.

До того, как сами китайцы стали проникать на запад, (по словам китайского историка Сыма Цяня) в Западный край отправлялось по пять-десять посольств в год²⁰. Эти политические события способствовали насыщению Средней Азии китайскими товарами, начиная с конца 2-го в. до н.э.²¹. Археологические находки 2 – 3-го вв. н.э. шёлковых тканей зафиксированы в Кампыртепе – городище при переправе через Амударью. Исследователь шёлкового пути Е. И. Лубо-Лесниченко делает заключение, что на раннем этапе связей Востока с Западом северный путь имел более важное значение, чем южный. Активное его функционирование он относит уже к 1-му в. до н.э.²². К этому же времени относит начало действия северного направления Великого шёлкового пути Н. Е. Берлизов. И этим же временем датируется первая волна китайских товаров, выявленная в памятниках Азиатской и Европейской Сарматий. Н. Е. Берлизов допускает появления китайских купцов до н.э. в Северном Причерноморье²³.

Шёлковый путь вёл из Сиани через Ланьчжоу в Дуньхуан, где раздваивался. Северная дорога²⁴ проходила через Турфан, далее пересекала Памир и шла в Фергану²⁵ и «казахские» и южно-уральские степи, занятые в то время потомками древнерусского героя Богумира (R1a1). Эта дорога огибала сверху «Казахстан» и, минуя Южный Урал, продолжалась в землях Древней Руси, откуда попадала в Киев и в Скандинавию. Надо отметить, ни Страбон, ни Птолемей ещё не знали Китая.

В 138 до н.э. древнекитайский чиновник Чжан Цянь начал вести переговоры с тохарами на предмет союзничества. Он стал первым китайцем, который побывал в Средней Азии – в Согдиане и Бактрии (на территориях, занятых древнерусскими родами Богумира). В 123 – 119 до н.э. китайские-синитические войска отвоевали большой участок Великого шёлкового пути. После путешествия Чжан Цяня через Восточный Туркестан и Фергану к тохарам в Бактрию, в «Китае» стало употребляться новое географическое понятие – «Западный край», а по этому маршруту устремились торговцы, послы и караваны.

Древние войны на Южном Урале

Южно-уральские степи в древности являлись важными военными рубежами для Русского государства. В 1-м тыс. н.э. вслед за торговцами из Древнейшей Руси и сопредельных территорий, ходивших в земли семитов за экзотическими товарами, вместе с торговцами из этих земель приходили и народы этих земель. Сначала – небольшие группы разведчиков, а потом, как в случае с Чжан Цянем, – и целые армии. В частности, этим путём полулегендарный Зороастр направил финно-угорские выселки к Балтийскому морю, в результате которых в Прибалтике появилась монголоидная компонента (гаплогруппа N в составе финнов, эстов, саамов и др.).

О древних войнах есть немало свидетельств. Одно из наиболее важных сохранилось в работе казахского исследователя Чокана Валиханова. В 19-м веке он сообщал, что в древней восточной летописи «Джами-ат-Таварих» есть запись такого содержания: *«Сам (Сим – авт.), сын праведного библейского Ноя и легендарный родоначальник арабов, на берегах Волги смерть свою нашел. Имя его было увековечено в названии реки Самара. Здесь же он и захоронен».*

Этим же путём, то есть через Южный Урал в начале 1-го тыс. н.э. на территорию русского Поволжья с востока начали приходиться метисы европеоидов с монголоидами – татары, башкиры и т.п. Поэто-

му антропологический состав башкир представляет собой смешение европеоидных и монголоидных признаков, из них пять основных. Выделяют пять основных антропологических типов: понтийский, сублапоноидный, светлый европеоидный, южносибирский, памиро-ферганский. Наиболее древними расовыми типами башкир считаются светлый европеоидный, понтийский и субуральский, а наиболее поздним (с 9 – 12 вв.) – южносибирский. Все расовые типы связаны с пролегающим «через башкир» участком торгового пути. Распределение по Y-хромосоме у башкир – гаплогруппы R1b (до 86%) другие – R1a (русская) и N (монголоидная).

Вторыми осели на Казанских землях татары. Напомним, впервые этноним «татары» появился среди тюркских племён, кочевавших в 6 – 9 веках к юго-востоку от Байкала. Это самый северо-западный участок Северного торгового пути. Только к 12 – 13 векам татары появились в русских землях Поволжья. Татары – результат смешения монголоидов с русским населением. У татар выявлено наличие четырёх основных антропологических типов – понтийского (33,5%), светлого европеоидного (27,5%), сублапоноидного (24,5%), монголоидного (14,5%)²⁶.

Таким образом, военное вторжение на Русь через южно-уральские степи не ослабевало, начиная с рубежа эр и заканчивая развитым средневековьем. И следы той затяжной войны мы находим в оборонительных сооружениях древности. Так, по сенатскому указу от 14 февраля 1731 г. началась постройка новой Закамской линии – «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим рекам до реки Ик»²⁷.

Но была ещё и старая Закамская линия, вопрос о судьбе её укреплений решался в декабре 1737 г. на «генеральном совете», собранном в Самаре начальником Оренбургской экспедиции В.Н. Татищевым. Если новая Закамская линия было построена протяжённостью всего 222 версты (273 км), то старая – Заволжский вал и сегодня имеет длину около 2300 км. Его высота достигает 5 метров, а ширина насыпи у основания местами доходит до 70 метров. Заволжский вал уходит в горы Среднего Урала, полностью прикрывая Русь от вторжения с востока. Вдоль Вала сохранились топонимы (например, село Валы), древние городища, множество крепостей (только крупных насчитывают около 38 – 40).

Заволжский вал как линия обороны стал определяющим препятствием длядвигающихся на Русь монголов. Области, расположен-

ные в верхней части Вала стали местом первого оседания татар на русских землях. Области к востоку от Вала были заняты башкирами. Первые сформировались из тех переселенцев, которые не преодолели Заволжский вал и в силу этого меньше смешались с русским населением.

Выводы

Южный Урал в железном веке был населён европеоидным народом. Генетические исследования позволяют предположить, что это были носители гаплогруппы R1a1. Причём, той её части, которая напрямую родственна современному населению Центральной России. Аналогичная генетика была распространена в железном веке (и даже в бронзе) в обширной полосе от Германии на западе до Алтая и Западного Китая – на востоке.

В железном веке Южный Урал располагался посредине территорий носителей R1a1, а все эти территории связывала обширная сеть Северных торговых путей. И в системе этих путей южно-уральский регион занимал выгодной срединное положение.

Лишь во второй половине железного века на территорию Руси через земли Южного Урала стали проникать монголоидные элементы, которые до этого были «запечатаны» в Китае. Для того, чтобы остановить монголоидную экспансию, в железном веке возвели колоссальное фортификационное сооружение – Заволжский вал. Он выполнял своё военное назначение даже в средние века.

Из пришлого монголоидного и местного европеоидного элементов сложились южно-уральские и поволжские народы.

Примечания:

¹ Гимбутас, М., Балты. Люди янтарного моря. – М., 2004.

² Тюняев А.А., Тюркский северо-западный этап Северного торгового пути (по комплексным данным археологии, антропологии и генетики) // Материалы конференции «Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири». Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. – Казахстан, 14 декабря 2012.

³ Лубо-Лесниченко Е.И., Китай на шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). Автореф. дис. докт. ист. наук. - Л., 1989. – С. 10 - 11.

⁴ Глушкова Т.Н., Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири. Автореферат, 2004.

⁵ Гугуев В., Равич И., Трейстер М., Ханьские зеркала и их реплики на территории Юго-Восточной Европы // Бюллетень музея металла. Вып. 16 (на английском языке). Япония, 1991.

⁶ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. - С. 351 – 391.

⁷ Литвинский Б.А., Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 102 – 104 (табл. 25-1).

⁸ Новые данные удревяют культуру Аркаима до 3 тыс. до н.э.

⁹ Haak, W., Brandt, G., de Jong, H.N., Meyer, C., Ganslmeier, R., Heyd, V., Hawkesworth, C., Pike, A.W.G., Meller, H., and Alt, K.W. (2008). Ancient DNA, strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the later Stone Age. Proc. Natl. Acad. Sci. US 105, 18226 – 18231.

¹⁰ Schilz, F. Molekulargenetische Verwandtschaftsanalysen am prahistorischen Skelettkollektiv der Lichtensteinhöhle. Dissertation. Gottingen, 2006. - 252 pp.

¹¹ Roewer L., Willuweit S., Kruger C., Nagy M., Rychkov S., Morozowa I., Naumova O., Schneider Y., Zhukova O., Stoneking M., Nasidze I., Analysis of Y chromosome STR haplotypes in the European part of Russia reveals high diversities but non-significant genetic distances between populations // Int. J. Legal Medicine, 2008.

¹² Keyser, C., Bouakaze, C., Crubezy, E., Nikolaev, V.G., Montagnon, D., Reis, T., and Ludes, B. (2009). Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Hum. Genet., published online 16 May 2009. - 16 pp.

¹³ Клёсов и А. А. Тюняев Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). – Бостон – М.: Белье Альвы, 2011.

¹⁴ Sharma, S., Rai, E., Sharma, P., Jena, M., Singh, S., Darvishi, K., Bhat, A.K., Bhanwer, A.J.S., Tiwari, P.K., Bamezai, R.N.K. The Indian origin of paternal haplogroup R1a1* substantiates the autochthonous origin of Brahmins and the caste system // J. Human Genetics, 2009. – pp. 47 – 55.

¹⁵ Тюняев А.А., Тюркский северо-западный этап Северного торгового пути (по комплексным данным археологии, антропологии и генетики) // Сб. материалов конференции «Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири» Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 14 декабря 2012. С. 271 – 276.

¹⁶ Векслер А.Г., Мельникова А.С., Московские клады. - М., 1988.

¹⁷ Чебоксаров Н.Н., ст. Расы, БСЭ.

¹⁸ Ст. Тохары, БСЭ.

¹⁹ Королев А.А., ст. Тохарские языки, БСЭ.

²⁰ Боровкова Л.А., Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э. М.: Наука, 1989. – С. 21.

²¹ Туркестан, Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. - С. 377.

²² Туркестан, Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. - С. 371.

²³ Берлизов Н.Е., Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. - Новочеркасск, 1992. - С. 29 – 35.

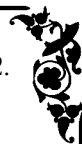
²⁴ Южная дорога шла мимо озера Лобнор по южной окраине пустыни Такла-Макан через Яркенд и Памир (в южной части) вела в Бактрию, а оттуда – в Парфию, Индию и на Ближний Восток.

²⁵ Фергана – букв. русск. Перуна (земля Перуна), или русск. Перегина (ложбина, перегиб).

²⁶ Трофимова Т.А., Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антрополо-

гии // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С. 30 – 34.

²⁷ Вестник императорского Русского географического общества, 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 6. – С. 63.

Тарасова Л. В. (Оренбург)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДВОРЬЯ КАК ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современной научной литературе и политической практике вопрос об идентичности российского общества стал центральным. Это не случайно, так как на протяжении двадцати лет российское общество не может выработать общенациональной идеологии, сформировать самосознание, преодолеть социокультурный раскол. Таким образом, в очередной раз подтверждается важность кризиса в этом вопросе, а также пути его преодоления.

Этническая идентичность предполагает наличие определенной ментальной установки, осознание принадлежности к социокультурному образованию и определенной политической единице. Следовательно, одним из таких путей в нашей области, стали национальные подворья в культурном комплексе «Национальная деревня» как своеобразный центр и хранилище традиционных ценностей.

Формирование самой идентичности предполагает такое единение традиций, обычаев, норм и ценностных установок, когда субъект не отделяет себя от этноса (народа, группы), воспринимая их как имеющих отношение не к нему лично, а к определенному «мы». В рамках же конструктивизма этническая идентичность рассматривается как процесс и результат социокультурного конструирования реальности, самосознания. Границы этого отношения некоторого этнического образования к субъекту обозначены языком, культурными традициями, пространством, историческими знаниями об ее происхождении, развитии и отличных особенностях.

При этом этническая реальность – есть пространство, обладающее набором «свойств», воспринимающихся как привычное, обыденное. Такие «свойства» выражаются в различных национальных чертах, присущих той или иной народности. Это может быть орнаментальный рисунок у тюркских народов, элементы традиционной одеж-

ды у финно-угров или быт у славян, а также нормы морали, духовные ценности и, конечно же, фольклор.

В Оренбуржье оплотом этнического конструирования и сохранения многообразия национальных ориентиров является уникальный культурный комплекс «Национальная деревня». Основная цель данного образования выражается, прежде всего, в бережном nasledовании истории, культуры, передаче их молодому поколению, внедрении элементов национального самосознания в повседневный опыт.

Процесс социокультурного конструирования этнической идентичности не всегда становится объектом самопознания, он необязательно осознается отдельным индивидом, в результате чего этническая идентичность воспринимается как данная, статичная, определенная заранее. Это объясняется целым рядом факторов:

- во-первых, тем, что этническая идентичность имеет историческую протяженность, ее истоки не видны конкретному человеку, она воспринимается как «само собой разумеющееся»;
- во-вторых, субъект формируется в условиях определенной культуры и этнической группы, принимает как комплекс собственных желаний и привычек, имеющих «естественный характер»;
- в-третьих, этничность конструируется на уровне общественного сознания и лишь впоследствии принимаются индивидом.

Формальное отнесение людей к той или иной этнической идентичности вынуждает их следовать нормативным практикам той или иной этнической группы, что помогает определить самоидентификацию людей и добровольно следовать ее нормам, поддерживать ее границы. Безусловно, этническая идентичность существует не только на уровне нашего сознания, она обуславливает наше поведение, взаимодействие с другими людьми и наш опыт. Пока старшее поколение создает ту или иную традицию, поколение потомков осознает его как нечто искусственно конструируемое. Но в процессе передачи этого опыта новому поколению, «прозрачность» теряется, обретается статус реальности. Помимо этого, традиции, обычаи, мировоззрение включают в себя роли и статусы, систему санкций, социального контроля для поддержания норм, порядка, образцов поведения, законов, осуществляющие деятельность по удовлетворению различных потребностей.

В последнее время главная особенность этнической идентичности состоит в том, что новое поколение обретает тот или иной

институт (сознание, мораль, систему ценностей) «из вторых рук», и, значит, первоначальный его смысл и функциональность остаются скрыты. Поэтому молодое поколение может легко отказаться от привычных социокультурных смыслов, отвергнуть предшествующую модель – а вместе с ней ценности, законы, установки. Для их сохранения необходима устойчивая интерпретация смыслов культуры и функциональности ее установлений. В нашем регионе такой формой сохранности стали национальные подворья, где наследуется материальная культура, и проводятся работы по возрождению духовной культуры различных народов, населяющих нашу область.

Процесс социокультурного конструирования этнической идентичности предполагает сознание унифицированной модели поведения людей, причем она должна восприниматься как естественная – по мере этого этнос выходит на качественно новый, более высокий уровень развития, где постоянен наплыв заимствований и нововведений; где существует печать и письменность, следовательно, большое количество текстов культуры, ставящих под сомнение опыт «отцов»; где многообразны связи между людьми и группами.

В самих подворьях «Национальной деревни» для сохранения и поддержания культурного наследия тех или иных народностей, населяющих нашу область, собраны в различных районах Оренбуржья и за его пределами: предметы быта, музыкальные инструменты, разнообразное орудия труда, а также культовые, обрядовые и предметы, имеющие религиозную ценность. Все это размещено таким образом, что люди могут легко представить себе обстановку повседневного быта народов. Но это касается лишь материальной культуры.

Духовную же культуру необходимо возрождать и поддерживать самостоятельно, таким образом, чтобы она стала неотъемлемой составляющей поведения, только в этом случае возможно сохранить культурное наследие этноса. Поскольку в нынешнее время стираются различия между народами, особенно соседствующими, становятся незначительными отличительные черты, то национальные подворья призваны способствовать возрождению и сохранению множества традиций, быть опорой в этом важном деле, так как не имеющий своей традиционной культуры, истории народ не может считаться полноценным и на равных существовать с другими этносами.

ФЭН-ШУЙ ПО-СЛАВЯНСКИ

С недавнего времени у жителей нашей страны стало очень популярно обустраивать дом по законам фэн-шуй. Что же означают эти загадочные слова?

Фэн-шуй как учение о гармонии человека с природой появилось, судя по археологическим данным, около 6 тыс. лет назад. Сейчас это наука, которая «изучает принципы гармонии пространства, космические течения энергий, их влияние на человека, на его здоровье, его удачу. В основе фэн-шуй лежит учение о жизненной энергии Ци, которая пронизывает все вокруг и которая может помочь, а может и навредить»¹. В различных странах эта энергия имеет разные названия. Например, в Индии её называют праной.

Фэн-шуй может помочь в таких задачах, как организация личного пространства, проектирование дома, обустройство квартиры, выбор наиболее благоприятного времени для свадьбы, переезда в новую квартиру или офис, а также устройства на новую работу².

Так или иначе, все мы сталкивались с этим восточным искусством. Но ведь наши предки-славяне также использовали для строительства домов, оборудования и украшения жилья древние традиционные правила, действующие по тому же принципу и преследующие те же цели, что и фэн-шуй. Но они разрабатывались, учитывая наши образ жизни, природу, культурную среду.

Представляется целесообразным начать рассмотрение фэн-шуй по-славянски с дома – своеобразного культурного символа каждого народа. «В традиционном обществе жилище – один из ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере были соотносены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразное значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище – квинтэссенция освоенного человеком мира»³.

Изба представляла собой модель мира. «Дом отделил человека от космоса, вырос между ними и в связи с этим приобрёл черты медиационного комплекса. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает

человека с внешним миром, являясь в определённом смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека». В нём сосуществует человек и вселенная. Именно поэтому столь обычны перекодировки между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома. Следуя логике этой схемы, дом может быть «развёрнут» в мир и «свёрнут» в человека, если при этом не будут нарушены правила соответствий. Показательно, что в архаических текстах космологического содержания создание дома относится к последним этапам творения мира, эго оплотнения, придания ему устойчивой структуры»⁴.

С домом наши предки связывали большое количество обрядов и ритуалов, положительных и отрицательных примет. Начинались они ещё с выбора места постройки дома. А. К. Байбуурин выделяет несколько символов, которые иллюстрирует славянское жилище как символ культуры в контексте ритуально-мифологических представлений наших пращуров:

- 1) реализация картины мира;
- 2) часть ритуального пространства;
- 3) основной объект ритуала⁵.

Следует также задуматься, почему славянское жилище называется именно изба? «В относительно недавнем историческом прошлом «избой» всегда называлось жилище, расположенное в сельской местности будь то село, деревня, хутор, слобода и другие населенные пункты. Слово «изба» и его варианты: ыстьба, истьба, истба, истобька, истопка, истебка – были известны ещё в Древней Руси для обозначения жилого помещения. Крестьянский дом (изба) в массовом сознании имеет несколько значений: крестьянский дом вообще, со всеми надворными постройками, хозяйственными помещениями; жилая часть дома; только отапливаемое печью помещение. Принято считать, что они происходят от глагола «истопить»⁶. У украинцев и белорусов распространено название хата, которое появилось от древненемецкого слова, имеющего современную форму «haz» - дом⁷.

Следовательно, изба выступает своеобразным центром Вселенной древних славян, делит окружающей человека мир на две части: чужое пространство и домашнее.

Славяне очень большое внимание уделяли выбору места и времени начала постройки нового дома, материалу для его строительства. Так, Т. Ильинич пишет: «Прежде всего, выбор места был неслучаен. Русская деревня, как правило, очень живописно расположена. Ста-

вилось поселение на берегу реки, озера, на возвышенности при ключах. Место хорошо продувалось и омывалось энергетическими потоками воздуха и воды.

При постройке жилья крестьянин придавал ему ориентацию по сторонам света. Он ставил избу там, где лучи солнца давали больше тепла и света, где из окон, с площадки крыльца, с территории двора открывался наиболее широкий вид на обрабатываемые им угодья, где был хороший подход и подъезд к дому. Например, в Нижегородской губернии дома старались ориентировать на юг, «на солнышко»; если это было невозможно, то «лицом» к востоку или юго-западу. Дома однорядных поселений ориентированы только на юг. Естественная нехватка мест на солнечной стороне при росте поселения приводила к возникновению второго ряда домов, с фасадами, обращенными на север. На ровной и сухой площадке он строил овин и гумно, «на глазах» – перед домом ставил амбар. На вершину холма поднимал ветряную мельницу, внизу у воды, сооружал баню»⁸.

Категорически запрещено было строить жилое здание на месте бани, ведь баня – это неосвящённое место, в котором отсутствуют иконы. Под запретом также были дороги и кладбища. Белорусы считали несчастливой спорную землю. Благоприятной же считалась местность, которую выбирал для своего отдыха рогатый скот – ведь у животных чутьё гораздо лучше, чем у человека⁹. На Украине с этой целью выпускали побродить крупный рогатый скот и ждали, где корова ляжет. Там и строили¹⁰.

Сейчас мы не всегда имеем возможность так же тщательно, как наши предки, следить за выбором места жительства: более ценным представляется расположение дома относительно места работы или учёбы и его цена. Также чтобы узнать, что раньше находилось на месте предполагаемой покупки, нужно обратиться к исторической литературе, которая не всегда имеется. Или же у человека отсутствует желание этим заниматься.

Основным материалом для сооружения жилища восточные славяне использовали почти не употребляемое сейчас для этой цели дерево. Запрещались для строительства разнообразные священные деревья, нередко объединённые в целые рощи, так называемые «проклятые» деревья: к примеру, к таковым в Тверской и Харьковской губерниях относили сосну и ель, а русские крестьяне Вологодской губернии считали опасным рубить липу. Также запрет распространялся на вырубку старого и молодого, сухого

строительного леса, использование в строительстве деревьев, выращенных человеком¹¹.

Различные требования были связаны с временем начала строительства. Например, на Украине тяжелыми для начала постройки избы считались понедельник, среда и пятница. А тот, кто начнёт новое дело в субботу, будет его делать только в этот день недели¹².

«Здесь уместно будет напомнить, что православие имеет языческие корни, которые христианство не уничтожило. Язычество христианина отражает реальность его бытия среди живой природы, которую он воспринимал как одухотворенную, то есть проявляющуюся как равный ему субъект. Предки наши – славяне, как правило, облакали знания в мифологические метафоры, пословицы, поговорки, приметы. От этого нисколько не снижалась ценность накопленного ими знания, сегодня забытого и мало используемого. Мы склонны скорее обратиться к современному дизайнеру, опирающемуся на опять-таки на традиционное, но китайское фен-шуй, чем использовать опыт собственных предков.

Осколки картины мира древних славян сохранились у русских практически до конца XIX века»¹³. Перед началом строительства было положено принести жертву. На месте будущего дома сажали берёзу или рябину – символы мирового древа, центра мира. Особое значение придавали закладке первого венца: он делил все пространство на домашнее и не домашнее, на внутреннее и внешнее. Окно считалось проходом в мир мёртвых. Через него выносили из избы некрещёных мертвецов. Окна – это некая своеобразная связь с окружающей природой. Олицетворение жизни, тепла, лета в славянских традициях – это восток и юг. Поэтому наши предки стремились строить свои дома так, чтобы окна комнат выходили на юго-восток. А кухня, кладовые и остальные помещения, а также вход в дом были с северной или западной стороны¹⁴. После окончания строительства был пир горой, в котором участвовали все строители.

При переезде в новый дом важны первые предметы, которые в него вносят. Наши предки заносили в первую очередь огонь в виде горшка с углями, икону, хлеб и соль, миску с кашей или тестом. Эти вещи символизировали богатство, плодородие, изобилие и несли идею освоения нового пространства. Языческое и христианское мировоззрение плотно сплелось в сознании славян. «До наших дней даже в городах сохранился обычай впускать вперед себя кошку. В деревнях традиционно кроме кошки дом “обживали” оставленные на ночь пе-

тух и курица. По народным повериям, дом всегда строился «на чью-либо голову»: это означало возможную смерть одного из домочадцев. Поэтому дом заселялся в определенной последовательности, причём сначала животными, потом людьми.

Переходу на новое жительство предшествовали обряды, связанные с “переселением” домового. Домового в деревнях до нашего времени почитают как хозяина жилища, и, заселяясь в новый дом, спрашивают у него позволения:

«Хозяин домовый, пусти нас пожить» или:

«Хозяин и хозяйюшка,
Будьте вместе с нами,
Дайте жизни хорошей.
Нам не ночь ночевать,
А век вековать»¹⁵.

«Хозяйюшкой» в данном случае является жена домового, Кикимора. Домовой же – это хозяин и покровитель дома, связанный с родовым предком семьи¹⁶.

Наши предки придавали важное сакральное значение строительству дома, своеобразному творению мира, в котором переплелись языческие и христианские традиции. Сейчас же при выборе места жительства мы ориентируемся только на явно видные и чисто практические качества участка.

Границей, отделяющей дом от внешнего мира, является порог. С древних языческих времен он считался славянами местом проживания родовых духов вследствие того, что в языческие времена под ним хоронили после сожжения прах предков. Видимо, с этим поверьем связан запрет на разговоры с гостем через порог, передачу через него каких-либо вещей - ведь духов может быть опасно лишний раз беспокоить. На входной двери или прямо над ней вешают или рисуют подкову или христианский крест – символы защиты дома от неблагоприятной энергии и привлечения в него счастья. В данном ритуале снова наглядно прослеживается соседство в народном сознании языческих и христианских традиций¹⁷. Такие декоративные подковки, букетики сушёных травок и сейчас вешают над дверью – для красоты.

Традиционно изба представляет собой квадрат, прямоугольник. Над ним расположена двускатная крыша. «Попробуем прочесть это в системе фен-шуй. По стихиям – это земля, обогреваемая огнем. То есть энергетически дом являлся как бы продолжением стихии Земля, но чтобы она не была размыва стихией воды, льющей

сверху, крыша – огонь защищала и согревала. Огонь соединял пространство дома с Огнем небесным, Солнцем, Светом Звезд и Луны. По двускатной крыше энергия стекает на дом, омывая его. Для сравнения: наши сегодняшние дома-коробки лишены вертикали, которая бы способствовала как антенна, соединению с энергией Космоса. Это напрямую связано с самочувствием человека, живущего в таком доме и среди такой плоской архитектуры. В архитектуре Нижнего Новгорода, например, последних 10 лет стараются сделать башню, шпиль, высокую, устремленную к небу крышу, причем, как у жилых домов, так и у административных. Это интуитивное стремление компенсации за долгий период своеобразного серого застоя во внешнем убранстве и самочувствии. Что мы можем вспомнить из «архитектурных стилей» советского периода? «Сталинки», «хрущевки», панельное строительство. Как их внешний вид, так и внутреннее убранство нельзя назвать комфортным для человека»¹⁸, - пишет Т. Ильинич.

Если же рассматривать славянское жилище с точки зрения энергетических зон по фэн-шую, оно было идеально приспособлено для жизни.

Кухня для наших предков – комната с печью – была местом, где они проводили большую часть своего времени, готовя еду для многочисленных домочадцев и занимаясь делами по хозяйству. Да и в наше время жизнь всего дома вертится вокруг кухни. Славяне верили, что тут за печкой живёт домовая.

Главное место в кухне занимала печь. Газовая плита или электрическая плитка и сейчас играет важную роль в приготовлении пищи. Печь раньше выступала домашним алтарём. «Печь – место, возле которого происходят различные ритуалы. Например, если в дом пришла нарядно одетая женщина и почти без слов подходит к печи и греет у огня руки, значит – сваха, пришла сватать.

А человек, переночевавший на печи, становится «своим».

Дело здесь не в печи как таковой, а в огне. Из всех стихий, огонь – самая почитаемая. Ни один из языческих праздников не обходился без возжигания ритуальных костров. Затем огонь переключался в православный храм: огоньки лампад, зажженные с молитвой свечи. В традиционной культуре русских помещение, не имеющее печи, считалось не жилым»¹⁹. Передний угол с божницей и столом под ней (красный угол) считался чистой, парадной половиной избы, пространство около двери и печи – печной угол, середина избы – рабочим местом.

Таким образом, в избе было как бы два сакральных центра, расположенных по диагонали: центр христианский и центр языческий²⁰.

У каждого члена семьи в доме было свое пространство. Место хозяйки- матери семейства – у печи, поэтому оно так и называлось – «бабий кут». Место хозяина – отца – у самого входа, ведь он является стражем, защитником. Старики часто полеживали на печи – теплое, комфортное место. Дети перемещались по всей избе, или сидели на полатах – настиле, поднятом на уровень печи, где им во время длинной русской зимы не страшны были сквозняки. Малыш качался в зыбке, прикрепленной к концу шеста, который крепился к потолку через кольцо, укрепленное в нем. Это давало возможность матери перемещать зыбку в любой конец избы, не отрываясь от работы²¹.

Каждый член семьи знал своё место и за столом. Хозяин дома во время семейной трапезы сидел во главе - под образами. Дети соблюдали строгую иерархию. Старший сын располагался по правую руку от отца, то второй сын – по левую, третий – рядом со старшим братом. Детей, не достигших брачного возраста, сажали на лавку, идущую от переднего угла по фасаду дома. Женщины раньше ели отдельно, сидя на приставных скамейках или табуретках. Нарушать раз заведённый порядок в доме не полагалось²².

Одним из главных домашних оберегов на Руси считались вышитые льняные полотенца. Символ жизни, залог здоровья обитателей дома, линия судьбы – вот что обозначали вышитые рушники и салфетки, и ими украшали все комнаты в доме, что сейчас делается крайне редко.

Наши предки огромное значение придавали растениям: они были и лекарями, и кормильцами-поильцами, и оберегами. Для защиты дома от сглаза и злых намерений, у входа в дом высаживали можжевельник, папоротник, лилии, ноготки, календулу. С той же целью нужно класть под коврик на пороге крапиву. В квартире защитную функцию выполняют столетник, герани, фиалки. Они также притягивают положительную энергетику.

«Дома и стены лечат», – говорит поговорка. Каждая вещь в доме должна служить для конкретного дела. Ненужные, бессмысленные предметы в доме создают хаос и беспорядок. Вот от них-то и надо систематически избавляться, и лучше всего, по обычаю, это делать перед Рождеством и накануне Пасхи.

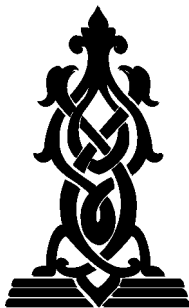
Обращение к народным славянским традициям, связь с истоками добавит в жизнь спокойствия, чувство единения с предками.

Следование исторической памяти своего народа очень важно и в современном поликультурном обществе.

Примечания:

- ¹ ФЭН ШУЙ Аудит в Екатеринбург [Режим доступа]: <http://www.fangshui-audit.com/>
- ² Там же.
- ³ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983.- С. 3
- ⁴ Байбурин А. К. Указ.раб. - С. 11.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Саврасов А. С. «Русская изба» - в музее «Истории села» [Режим доступа]: <http://patriotvrn.ru/metodicheskaya-kopilka/920-lrusskaya-izbar-v-muzee-listorii-selar>
- ⁷ Словopedia. Этимологический русскоязычный словарь Фасмера. [Режим доступа]: <http://www.slovopedia.com/22/213/1644595.html>
- ⁸ Ильинич Т. Русское фен-шуй или о том, как наши предки обустроивали свое жилье, чтобы жить в нем счастливо и в достатке Открытый текст (Нижегородское отделение Российского общества историков – архивистов) [Режим доступа]: <http://www.opentextnn.ru/space/?id=368>
- ⁹ Ильинич Т. Указ.раб
- ¹⁰ Байбурин А. К. Указ.раб.- С. 37-38.
- ¹¹ Там же..
- ¹² Там же. С. 47-48.
- ¹³ Остапенко-Меленевская Е. Существует ли фэн-шуй по-славянски? [Режим доступа]: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/p-24616/>
- ¹⁴ Ильинич Т. Указ.раб.
- ¹⁵ Левкиевская Е. Е. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т. 2. М., 1999, с. 120-124.
- ¹⁶ Остапенко-Меленевская Е. Указ.раб.
- ¹⁷ Ильинич Т. Указ.раб.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Саврасов А. С. Указ.раб.
- ²⁰ Ильинич Т. Указ.раб.
- ²¹ Саврасов А. С. Указ.раб.
- ²² Остапенко-Меленевская Е. Указ.раб.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Екатерина Павловна – преподаватель ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище» (г.Оренбург)

Аргунеев Эдуард Петрович – студент 1 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Арискина Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики, риторики и культуры речи, ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г.Саранск)

Баймуратова Ульяна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Белякова Антонина Сергеевна – студентка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь)

Большакова Татьяна Леонидовна – член союза журналистов России, почетный работник среднего профессионального образования РФ (г.Оренбург)

Васильева Римма Иннокентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г.Якутск)

Волкова Тамара Николаевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Шуйского филиала Ивановского государственного университета (г.Шуя)

Высоцкая Екатерина Валерьевна – магистрант кафедры общего и

русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

Гальцова Евгения Сергеевна – заместитель директора Научной библиотеки РГУ имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Данилова Юлия Николаевна – студентка 401 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Дубцова Евгения Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Захаров Максим Алексеевич – студент группы 11 И(б)ИКМ факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Зуев Дмитрий Дмитриевич – студент 1 курса отделения 2 высшего образования Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Иванова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Ильина Лариса Евгеньевна – доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Исаева Милена – ученица 11 класса НОУ «Епархиальная православная гимназия во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского» (г. Оренбург)

Кажан Оксана Валерьевна – ученица 10 класса ГБУ ОШИ «Губернаторский многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей Оренбуржья» (г.Оренбург)

Караева Людмила Валерьевна – студентка 3 курса библиотечного факультета Оренбургского государственного института искусств (г.Оренбург)

Ким Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Кирякмасова Александра Александровна – студентка группы 11 И(б)ИКМ факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, младший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Косых Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, кандидат кафедры общего и русского языкознания, эксперт Международной ассоциации науки и высшего образования (г. Барнаул)

Косых Елена Семеновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак)

Куда Ольга Викторовна – студентка 3 курса библиотечного факультета Оренбургского государственного института искусств (г.Оренбург)

Лунева Елена Владимировна – студентка 401 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Макаров Денис Владимирович – доктор культурологии, профессор кафедры философии культурологии Ульяновского государственного педагогического университета (г. Ульяновск)

Марченко Евгения Александровна – студентка 3 курса филологического факультета Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

Маслий Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина г. Харьков)

Матвиевская Галина Павловна – доктор физико-математических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Мишучкова Анна Владимировна – аспирант кафедры Российской истории (г. Оренбург)

Мозгина Екатерина Геннадьевна - студентка 401 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Моисеева Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (г. Магнитогорск)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Нестеров Александр Климентьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Панина Татьяна Сергеевна – директор ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г.Оренбург)

Панов Петр Владимирович – иерей, проректор по воспитательной работе Оренбургской Духовной Семинарии (г.Оренбург)

Попова Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Попова Екатерина Алексеевна – студентка 102 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Попова Ксения Юрьевна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области», соискатель кафедры всеобщей истории, методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Попова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Миасский филиал ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» (г. Миасс)

Прима Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (г.Краснодар)

Прокофьева Алла Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Прончатова Елена Георгиевна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Проскурякова Ксения Евгеньевна – студентка 401 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Рзянин Николай Александрович – студент 2-го курса магистратуры по кафедре истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва)

Ражникова Виктория Дмитриевна – студентка 202 гр. филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Сабитова Регина Рифкатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональной коммуникации факультета международных образовательных программ Казанского национального исследовательского технологического университета (г.Казань)

Сгибнева Ольга Николаевна – начальник отдела информации и публикации документов ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» (г.Оренбург)

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Сивцова Нина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВПО Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск)

Смирнова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей (г.Оренбург)

Соколов Александр Игоревич – студент 5 курса Оренбургского филиала ПГУТИ (г.Оренбург)

Тарасенко Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Тарасова Любовь Викторовна – студентка группы 11 И(б)ИКМ факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Татусь Вадим Николаевич – проректор по учебной работе Оренбургской духовной семинарии, настоятель храма святой мученицы Татианы при Оренбургском государственном университете (г.Оренбург)

Тюняев Андрей Александрович – академик РАН, научный сотрудник ВЦ им. А.А. Дородницына РАН, (г.Москва)

Фролов Дмитрий Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики, риторики и культуры речи, ФГБОУ ВПО Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск)

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Хасенова Елена Викторовна – преподаватель ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище», магистр кафедры педагогики высшей школы (г.Оренбург)

Черенкова Юлия Владимировна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Шубкин Валерий Михайлович – соискатель кафедры истории Отечества Православного Свято–Тихоновского гуманитарного университета. Инспектор и учитель Закона Божия в Православной гимназии им. св. прав. Иоанна Кронштадтского (г. Оренбург)

Щербакова Ольга Викторовна – преподаватель ФГКОУ «Оренбургское президентское кадетское училище» (г.Оренбург)

Юдина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Оренбургского государственного института менеджмента (г.Оренбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Кулагин Д. В.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 4

Бекасова Е. Н.

«Правдивые сказания» о крещении Руси (к 900-летию создания
«Повести временных лет») 6

Злобин Ю. П.

Принцип веротерпимости Екатерины II. Его проводники в национальных окраинах Российской империи 14

Татусь В. Н.

История Оренбургской духовной семинарии:
прошлое и настоящее 28

Панина Т. С.

Поселения, жилища и хозяйственные постройки украинских переселенцев 36

Первая секция

Русский язык в координатах кирилло-мефодиевский традиций письменности

Юдина Т. А.

Концепт «Оренбург» как связующий элемент
Оренбургского текста 46

Попова Л. В.

«Душегубец» в русском юридическом языке XVII века: семантика и прагматика 54

Прима А. М.

Архетипический образ матери в волшебной сказке 62

Иванова Л. В.

Поэтические строки о «зелёных друзьях» Оренбуржья 68

Арискина О. Л.

Ценностное отношение к языкам, православию и народам
как главная характеристика языковой личности В. Н. Татищева ... 79

Сивцова Н. В.

Функции периферийных онимов в лирике Расула Гамзатова 83

Косых Е. А., Марченко Е. А.

Церковная лексика в берестяных грамотах 87

Фролов Д. В.

Реализация системы претеритов и двойственного числа
в старообрядческом рукописном лицевом «Житии преподобного
Василия Нового» XVIII в. 96

Сабитова Р. Р.

Употребление форм времени в «несобственных» функциях
и его изучение на занятиях по русскому языку как иностранному
(базовый уровень) 104

Гальцова Е. С.

Роль философско-педагогического наследия отечественных
ученых второй половины XIX – начала XX вв. в решении
современных задач воспитания 109

Аргунеев Э. П.

Христианская лексика и ее освоение в чувашском языке 118

Белякова А. С.

Литературная норма на материале Сильвестровского списка
«Сказания о Борисе и Глебе» 124

Вторая секция

«Славянская духовность в культурных контекстах»

Матвиевская Г. П.

История библиотечного дела в Оренбурге 134

Прокофьева А. Г.

Быт, нравы и культура уральских казаков в очерках
В.Г. Короленко «У казаков» 141

Панов П. В.

Трансформация семейных (гендерных) отношений в условиях
современной социокультурной ситуации 146

Нестеров А. К.

О феномене христианского искусства 152

Баймуратова У. С.

Образ церкви в романе В. Бахревского «Святейший
патриарх Тихон» 160

Большакова Т. Л.

Вторые Международные Шевченковские чтения: практика
реализации и перспективы развития 170

Маслий Е. В.

Юродивый и юродствующий в художественном пространстве
культуры 174

Ханаш С. А.

Евразийский контекст славянской этничности русских 182

Дубцова Е. К.

Локусы традиционной русской культуры на полотнах
оренбургских художников 186

Тарасенко Е. Н.

Религиозные мотивы в современной российской драматургии 192

Прончатова Е. Г.

Концепт «будущее» в лексической структуре рекламных
текстов города Оренбурга 198

Черенкова Ю. В.

Православные мотивы в представлении образа Руси/России
русскими поэтами XX века 203

Соколов А. И.

Фронт и тыл в произведениях художников Оренбуржья 206

Куда О. В., Караева Л. В.

Современные подходы к иллюстрированию «Капитанской дочки»
А.С. Пушкина 211

Зуев Д. Д.

Литература в эпоху потребления: за границами эстетики 215

Третья секция

Православные традиции в русской культуре: филологический аспект

Макаров Д. В.

Царство небесное и революционная утопия в рассказах
Е.И. Замятина 1918-1922 годов 221

Ильина Л. Е., Исаева М.

Концепт «Молитва» в православной культуре России 227

Высоцкая Е. В.

Речевая компетенция элитарной языковой личности
(на материале писем А.И. Солженицына) 238

Захаров М. А.

Праздник в городской культуре: история и современность 244

Четвертая секция

Культурно-просветительская деятельность в образовательном процессе

Попова В. И.

Культурно-просветительская практика подготовки бакалавра и
магистра и школьника 250

Волкова Т. Н.

Образы православной культуры на уроках русского языка 255

Васильева Р. И.

Функционирование якутско-русского двуязычия в сфере
организованного обучения (на материале Республики
Саха (Якутия) 259

Щербакова О. В.

Гуманитаризация воспитательной среды училища 265

Хасенова Е. В.

Нравственная культура воспитанника как психолого-
педагогическая проблема 271

Александрова Е. П.

Духовно-нравственная составляющая внеучебной деятельности
воспитанника 277

Ражникова В. Д.

К проблеме лингвокультуроведческого анализа текста 283

Проскурякова К. Е.

Язык и культура в «Областном словаре Б.А. Моисеева» 288

Данилова Ю. Н.

Проект для старшеклассников «На путях к духовным
источникам» 291

Лунева Е. В.

Занятие-событие в духовно-нравственном воспитании
школьника 297

Мозгина Е. Г.

Христианская ментальность русского языкового сознания 302

Попова Е. А.

Язык и культура во внеурочной работе со школьниками 306

Пятая секция

История славянского населения, Оренбургской епархии
Русской православной церкви и старообрядчества
на Южном Урале в XVIII – XX вв.

Смирнова О. А.

Формирование исторической памяти в системе национально-культурной идентификации этноса 312

Семёнов В. Г.

Видные исследователи Оренбургского края – офицеры
Оренбургского казачьего войска 318

Мишучков А. А., Кажан О. В.

История священства Спасского храма как пример духовно-нравственного служения обществу 324

Рзянин Н.А.

Храм Оренбургского Успенского женского общежительного
монастыря, богослужение и жизнь прихода 332

Косых Е. С.

Святые и святыни Уфимской епархии 340

Мишучков А. А., Мишучкова А. В.

Вклад Оренбургской епархии Русской Православной Церкви
в победу в Великой Отечественной войне и преемственность
созидательных традиций в рамках решений Епархиального
съезда духовенства и мирян Чкаловской епархии 1947 г. 351

Шубкин В. М.

Работа Оренбургской епархиальной свечной мастерской в период
хроцевских гонений в 1958-1964 годах 361

Попова К. Ю.

Православное духовенство Южного Урала в 60 – 80-е гг.
XX века 371

Моргунов К.А.

Религиозная обрядность в православных храмах Оренбургской области во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов 376

Сгибнева О. Н.

«Русско-славянский букварь» для церковно-приходских школ как исторический источник: особенности научного использования 385

Моисеева С. А.

Осенние молодежные развлечения в традиционной культуре русских сел Белорецкого района Башкортостана (на материале экспедиций лабораторий народной культуры МАГУ) 390

Ким Г. П.

«Домострой» как образец жизнеустройства русского общества XVI века 399

Кокшаров А. Д.

Верность как одно из главных духовных качеств русской армии и народа 402

Тюняев А. А.

Русское население на Южном Урале в железном веке: маршруты движения, генетические маркеры, торговые отношения 407

Тарасова Л. В.

Национальное подворье как форма конструирования этнической идентичности 417

Кирякмасова А. А.

Фэн-шуй по-славянски 420

Сведения об авторах 428

Научное издание

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯН В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

*Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 1150-летию славянской
письменности и Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье*

ISBN 978-5-4417-0343-7

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 27,625. Тираж 500 (1-й завод 200). Заказ 324.

Подписано в печать 27.12.2013 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26